

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения
2022
Том 22
Выпуск 1

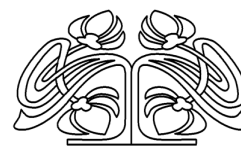
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Рабинович Я. Н.** Никифор Михайлович Кошелев: страницы биографии 4
- Герман А. А.** Несостоявшееся возвращение: немцы в Поволжье. 1955–2010 годы 13
- Филимонов А. В.** Переселение рабочей силы из Псковской области на Амур (1961–1967 годы) 22
- Синицын Ф. Л.** Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) 29

Всеобщая история

- Котлукова Д. А.** Леди Гонория Лайл: пределы власти раннетюдоровской аристократии 40
- Третьякова М. В.** Проект о медалях Франческо Альгаротти 50
- Киясов С. Е.** Век Просвещения и трансформация масонства в Англии 57
- Власов А. Д.** Образы военачальников второй половины XIX в. в трудах А. Форбса: некоторые аспекты становления британской военной журналистики 65
- Креленко Д. М.** Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения 71

Международные отношения

- Нухаилави А. В. Х.** Предпосылки и причины возникновения военно-политического блока на Среднем Востоке в середине 1950-х годов 82
- Тимофеева Ю. А.** Президентская дипломатия в Бразилии: достижения и просчеты 91
- Шамардин В. В.** Особенности процесса принятия решений в США по вопросу Транстихоокеанского партнерства (2010–2012 годы) 99

Региональная история и краеведение

- Смирнов Ю. Н.** Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича 104
- Халидова О. Б.** «Безбожное лихолетье»: к вопросу об антицерковной политике советского государства (1917–1920-е годы) (сценарий Дагестана) 111
- Касович А. С.** Практика издания в Саратовской губернии в 1920-е гг. литературы для высшей школы 117
- Галинская О. Ю.** Решение жилищного вопроса общественными управлениями Костромы и Ярославля в условиях борьбы с эпидемическими заболеваниями в конце XIX – начале XX века 126

Критика и библиография

Представляем книгу

- Артамонова Л. М.** Руководители местных органов власти в центральной России от областной реформы Петра I до административных преобразований Екатерины II: опыт local history 135

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.22.

Подписано в свет 01.03.22.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 70 экз. Заказ 7-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurlhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: iiimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Rabinovich Ya. N.** Nikifor Mikhailovich Koshelev: The pages of biography 4
German A. A. Failed return: Germans in the Volga region. 1955–2010 13
Filimonov A. V. Relocation of the workforce from the Pskov region to the Amur (1961–1967) 22
Sinityn F. L. The Concept of ‘Developed Socialism’ as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982) 29

World History

- Kotlukova D. A.** Lady Honor Lisle: The power limits of an Early Tudor Noblewoman 40
Tretyakova M. V. Project about medals by Francesco Algarotti 50
Kiyasov S. E. The Age of Enlightenment and the transformation of freemasonry in England 57
Vlasov A. D. Military leaders’ images of the second half of the XIXth century in the works of A. Forbes: Some aspects of the British military journalism formation 65
Krelenko D. M. Francoist Spain in the context of the Second World War: Deeds and intentions 71

International Relations

- Nukhailawi A. W. H.** Preconditions and reasons for the emergence of a military-political bloc in the Middle East in the mid-1950s 82
Timofeeva Yu. A. Presidential diplomacy in Brazil: Achievements and drawbacks 91
Shamardin V. V. Features of the decision-making process in the United States on the Trans-Pacific Partnership (2010–2012) 99

Regional History and Local Studies

- Smirnov Yu. N.** Saratov Trans-Volga Region in “a Guide” for Grand Duke Konstantin Nikolaevich 104
Khalidova O. B. “Godless hard times”: On the issue of the anti-church policy of the Soviet state (1917–1920) (scenario of Dagestan) 111
Kasovich A. S. The practice of publishing in the Saratov province in the 1920s literature for high school 117
Galinskaya O. Yu. The solution of the housing issue by the public administrations of Kostroma and Yaroslavl in the fight against epidemic diseases in the late XIX – early XX centuries 126

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Artamonova L. M.** Heads of local authorities in central Russia from the regional reform of Peter I to the administrative transformations of Catherine II: “Local history” opus 135

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

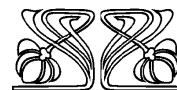
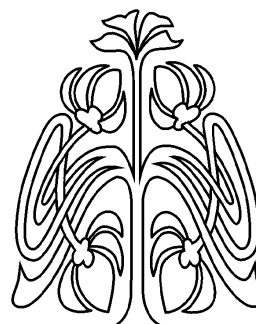
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

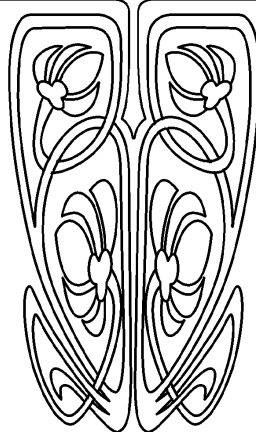
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–12

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–12

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-4-12>

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929Кошелев

Никифор Михайлович Кошелев: страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Аннотация. В статье впервые представлен жизненный путь рязанского помещика Никифора Михайловича Кошелева, чья служба в 1620-е гг. была тесно связана с Саратовом. Назначенный стрелецким головой в левобережный Саратов, он отличился во многих боях против воровских казаков и татар, за что дважды был награжден правительством Михаила Романова. Прослеживается его дальнейшая служба во время посольства в Данию вместе с Василием Гавриловичем Коробыным. После возвращения из Дании Никифор Кошелев становится московским дворянином, ему доверяют выполнение ответственных поручений, он руководит строительством укреплений в Москве, командует одним из полков на южной границе.

Ключевые слова: Дания, посольство, стрелецкий голова, боярские списки, Саратов, В. В. Руммель, полковой воевода, Рязанский разряд

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Никифор Михайлович Кошелев: страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 4–12. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-4-12>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Nikifor Mikhailovich Koshelev: The pages of biography

Ya. N. Rabinovich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

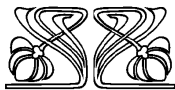
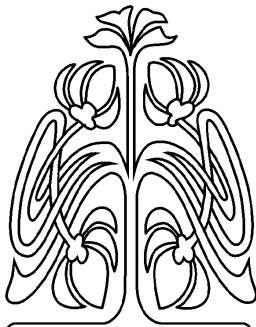
Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>

Abstract. For the first time, the article presents the life of the Ryazan landowner Nikifor Mikhailovich Koshelev, whose service in the 1620s was closely associated with Saratov. Having been appointed commander of the streletsky order in the left-bank Saratov (streletsky head), he distinguished himself in many battles against thieves Cossacks and Tatars, for which he was twice awarded by the government of Mikhail Romanov. His further service has been traced during the embassy to Denmark together with Vasily Gavrilovich Korobyin. After returning from Denmark, Nikifor Koshelev became a Moscow nobleman, he was entrusted with the execution of important assignments.

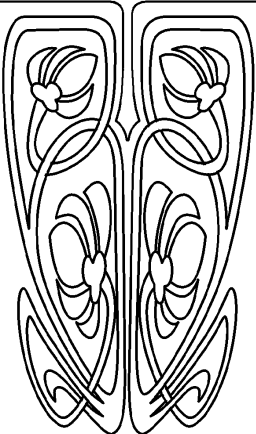
Keywords: Denmark, embassy, streletsky head, boyar lists, Saratov, V. V. Rummel, regimental voivode, Ryazan rank

For citation: Rabinovich Ya. N. Nikifor Mikhailovich Koshelev: The pages of biography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 4–12 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-4-12>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Впервые о службе стрелецкого головы Никифора Михайловича Кошелева в Саратове упомянул А. А. Герасимов в 1913 г., когда составлял свой список саратовских и царицынских воевод: «*На Саратове воевода Григорий Орлов, голова у стрельцов Микифор Кошелев*»¹. К тому времени А. А. Герасимову были известны дополнения к Дворцовым разрядам, в которых указаны подвиги Никифора Кошелева во время его службы в Саратове. Данный источник был опубликован И. Е. Забелиным еще в 1882 г.², однако саратовским краеведам долгое время он не был известен, поэтому в многочисленных публикациях, посвященных 300-летию Саратова в конце 1880 – начале 1890-х гг. (в трудах А. И. Шахматова³, Ф. Ф. Чекалина⁴, в Саратовской летописи⁵ и др.) о подвигах Н. М. Кошелева ничего не было сказано.

В т. 1 Книг разрядных, где приводятся имена воевод Саратова и состав гарнизона города в 1620-е гг. при воеводах Ф. И. Чемоданове и Г. Н. Орлове, не указано, что Никифор Кошелев был стрелецким головой на Саратове (вообще его имени мы здесь не найдем)⁶. До Н. М. Кошелева был известен на Саратове стрелецкий голова Семен Иванович Болтин (он отмечен в Дворцовых разрядах)⁷, который служил в этом городе с воеводой кн. Е. Ф. Мышецким в 1620–1623 гг., а возможно, и еще раньше, вместе с первым воеводой левобережного Саратова кн. Ф. Т. Черново-Оболенским. Именно Семена Болтина сменил в Саратове Никифор Кошелев.

О предках Никифора Кошелева говорить очень сложно. Генеалогия рода (или родов) Кошелевых чрезвычайно запутана. В. В. Руммель писал, что существует два рода этого имени различного происхождения. Родоначальник первого рода некий Аршер Кошелев «*выехал будто бы из Польши в Россию при великом князе Василье Ивановиче и получил поместья в Рязани, Козельске и Белеве*»⁸. Выезд этого Аршера Кошелева, судя по данной записи, произошел в первой трети XVI в. Второй род, более древний, ведет свое начало еще с конца XV в. от некоего Василия Кошелева. Если потомки первого рода – это в основном козельские, белевские и перемышльские служилые люди, то потомки Василия Кошелева – это рязанские служилые люди. От этого рязанского рода Кошелевых отделились четыре ветви, ведущие свое начало от живших в конце XVI в. неких Гаврилы, Никиты, Дмитрия и Ивана Кошелевых, родственную связь между которыми В. В. Руммель так и не смог отыскать. Следует также подчеркнуть, что род Василия Кошелева, как отмечал В. В. Руммель, «*употребляет тот же герб, как и потомство Аршера Кошелева*»⁹. Это наводит на мысль, что оба этих рода одного происхождения.

Если учесть, что в некоторых ветвях рязанских Кошелевых В. В. Руммель указал еще ряд представителей, родственные связи между

которыми не выявлены, а также наличие еще около 20 Кошелевых, не вошедших ни в одну из этих росписей, то станет понятно, что генеалогия Кошелевых нуждается в дополнительном исследовании.

Среди Кошелевых, не вошедших ни в одну из родословных росписей, был шут Лжедмитрия II Петр Кошелев, бежавший с ним в Калугу, свидетель убийства самозванца¹⁰. Также стоит упомянуть не вошедшего ни в одну из росписей некоего Михаила Кошелева, который был стрелецким головой на Михайлове в 1598 г.¹¹ В Писцовых книгах Рязанского края упоминается Михаил Борисович Кошелев, указанный как казачий голова из Михайлова¹². В данном случае стрелецкий голова на Михайлове Михаил Кошелев и казачий голова Михаил Борисович Кошелев – это одно и то же лицо, так как в степных городках должность полностью именовалась «стрелецкий и казачий голова», а приказы обычно состояли из пары сотен стрельцов и 2–3 сотен казаков городской службы.

Отметим некоторых Кошелевых и не только рязанских, известных в Смутное время и при Михаиле Романове в первой половине XVII в. В 1603–1604 гг. упоминается в боярских списках дворянин из Лихвина Петр Семенов Кошелев с окладом в 450 четей, который в эти годы служил в Козельске осадным головой¹³. Среди козельских, белевских и воротынских Кошелевых известен, например, выборный дворянин из Козельска в 1626–1629 гг. Иван Семенов Кошелев¹⁴. Есть сведения, согласно которым он в 1629–1646 гг. имел владения также и на Рязани (в Старорязанском стане). О нем и его детях много фактов привел В. В. Руммель¹⁵. Четвертьчиками Костромской чети был Семен Михайлов Кошелев из Белева, его оклад в 1614 г. составил 14 руб.¹⁶ В Смутное время отличились также Гаврила Михайлов Кошелев из Белева (видимо, родной брат белевского Семёна Кошелева¹⁷ и Тимофей Васильев Кошелев из Козельска («козлитин»)¹⁸. Брат этого Тимофея Кошелева Семен Васильев Кошелев убит в Козельске в 1608 г.¹⁹ Известен также Кузьма Яковлев Кошелев из Воротынска, четвертьчик Галицкой чети²⁰.

Среди рязанских Кошелевых известны в эти годы четвертьчик Костромской чети Дементий Назарьев Кошелев²¹, а также четвертьчики Галицкой чети Григорий Степанов и Иван Дмитриев Кошелевы²².

Четвертьчиками Костромской чети были в Смутное время жильцы Алексей и Иван Борисовичи Кошелевы²³. Кошелевы служили в те годы также в Михайлове, Торопце и других городах.

Что касается героя этого очерка, то В. В. Руммель привел весьма ценные сведения о некоем Никифоре Михайловиче Кошелеве, который не вошел ни в одну из родословных росписей Кошелевых: «*Никифор Михайлович, дворянин московский (1629–1640); при посольстве в Данию*

(1631–1632); на службе в Москве (1633); воевода в передовом полку в Михайлове (1636); был при встрече персидского посла (5 февраля 1639)²⁴.

Становится очевидно, что В. В. Руммель ничего не писал о рязанском происхождении Н. М. Кошелева и о его службе в Саратове в качестве стрелецкого головы. Видимо, В. В. Руммель не располагал сведениями о награждении Н. М. Кошелева за Саратовскую службу, опубликованными И. Е. Забелиным. В свою очередь, А. А. Герасимов не обратил внимания на важные страницы биографии Никифора Кошелева, приведенные В. В. Руммелем, хотя постоянно ссылался на его труд. Вероятно, он считал, что эти сведения не имеют отношения к саратовскому стрелецкому голове.

В опубликованной Г. Н. Анпиловым Рязанской писцовой приправочной книге конца XVI в. говорится о вдове Настасье Михайловой жене Кошелева. Книга составлена в 1594–1597 гг., в то время эта Настасья была уже вдовой, поэтому она не могла быть женой стрелецкого (казачьего) головы из Михайлова Михаила Кошелева, который был к тому времени еще жив. У этой вдовы Настасьи указаны дети – Петр, Иван и Никифор: «За вдовою за Настасьею за Михайловою женою Кошелева мужа ее поместье да за ее детьми, за Петром да за Иваном да за Никифором, отца их поместье...». Судя по всему, этот Никифор Михайлович Кошелев был младшим братом. Далее в источнике приводятся следующие названия деревень, пустошей и т. д. – бывших поместий Михаила Кошелева, которые теперь закреплены за вдовой и ее детьми: Зименка, Моршанкино, Пески, Гореносовский овраг, Клещево, Подрамень – все в Перевицком стане Рязанского уезда. Старший брат Петр к моменту составления этой книги уже начал службу: «А в окладном списке написано Петр с отцова поместья с меньшей братьею 350 чети»²⁵. Пройдет почти 50 лет, и герой очерка Никифор Михайлович Кошелев в своей челобитной на царское имя будет упоминать именно эти названия деревень, которые являлись его «старинными» поместьями²⁶. Так что имена матери и старших братьев Никифора Кошелева удалось выяснить, однако отчество отца так и осталось неизвестным.

Сведений о Никифоре Михайловиче Кошелеве до начала его Саратовской службы к настоящему времени обнаружено очень мало. Известно, что он был служилым по отчеству из Рязани и четвертчиком Устюжской чети. В 7127 (1618/19) г. его оклад составлял 21 руб., он указан как «резанец Микифор Михайлов сын Кошелев», следовательно, в то время был рязанским помещиком, видимо, служил по выбору (выборный дворянин из Рязани)²⁷.

Судя по довольно значительному денежному четвертному окладу для лиц, не относящихся к московским чинам (21 руб.), Н. М. Кошелев

принимал активное участие в событиях завершающего периода Смуты при Михаиле Романове, будучи к тому времени уже опытным воином.

Н. М. Кошелев участвовал в осаде Смоленска русскими войсками в 1614–1615 гг. Видимо, он прибыл под Смоленск не с войском кн. Д. М. Черкасского осенью 1613 г., а позже, когда в июле 1614 г. Владимир Вешняков привел подкрепление для осадной армии под Смоленск. До этого Н. М. Кошелев, как и многие рязанцы, участвовал в 1613 г. в боях с атаманом Заруцким. Никифор Кошелев был на смотре под Смоленском 11 ноября 1614 г. Он поручился по службе и в деньгах за своего сослуживца Алексея Тимофеева Борзецова, который также прибыл под Смоленск в это время и был потом отпущен к Москве в феврале 1615 г. по грамоте. После того, как Н. М. Кошелев и другие соратники поручились за Алексея Борзецова, ему было выдано жалование 25 руб. Отметим, что руку приложил (т. е. расписался за Борзецова) Иван Грязев, вместе с которым позже придется неоднократно служить Никифору Кошелеву²⁸.

В Расходной книге Устюжской чети 7128 (1619/20) г. Н. М. Кошелев указан как «резанец Микифор Михайлов сын Кошелев» (а не Кошелев) с таким же окладом в 21 руб., как и в предыдущем году²⁹.

В рязанской десятне служилых людей 1621/22 г., Н. М. Кошелев записан с поместным окладом 650 чети и денежным окладом попрежнему 21 руб. Сведения об этой рязанской десятне служилых людей приведены в Боярской книге 1639 г., в которой отмечены все дальнейшие продвижения по службе и придачи к окладу Н. М. Кошелева, начиная с 1621 г.: «Микифор Михайлов сын Кошелев. В резанской десятне 130-го году помесной оклад шестьсот пятьдесят чети, денег дватцать один рубль»³⁰.

Пока не удалось установить, с какого года «резанец Микифор Кошелев» начал служить в Саратове и сменил в этом городе стрелецкого голову Семена Ивановича Болтина. Н. М. Кошелев мог прибыть в Саратов при воеводе Григории Никитиче Орлове в 1626 г., а мог быть здесь еще раньше – при воеводе Федоре Ивановиче Чемаданове в 1624 г., что более вероятно.

А. А. Герасимов, сопоставив сведения о пребывании в Саратове воеводы Г. Н. Орлова и время награждения за Саратовскую службу стрелецкого головы Н. М. Кошелева, правильно указал, что первым помощником саратовского воеводы Григория Орлова был стрелецкий голова Никифор Кошелев. А. А. Герасимов писал: «В бытность саратовским воеводой Г. Н. Орлов отличился в походе на татар, за что был пожалован государем. Его сослуживец, стрелецкий голова Никифор Михайлович Кошелев тоже был пожалован за удачный поход на воровских казаков в 1629 г.»³¹.

В другом исследовании А. А. Гераклитова сказано, что воевода Г. Н. Орлов дважды отличился в борьбе с татарами: «Григорий Никитич Орлов, бывший на Саратове воеводою с 1626 по 1630 г., жалуется от государя за то, что татар побил. В другой раз он приводит из похода несколько пленных мурз, которые потом были сосланы в Вологду и там приняли православие»³². Возможно, что речь идет о походе саратовских служилых людей в июне 1628 г., когда были захвачены два знатных ногайских мурз и 44 рядовых ногайцев. За этот поход был награжден помощник Г. Н. Орлова Никифор Кошелев, хотя А. А. Гераклитов ничего не писал о борьбе Н. М. Кошелева с татарами и о награде ему за эту победу. Источник, из которого взяты сведения о ссылке в Вологду пленных мурз и принятии ими там православия, пока не обнаружен.

Возможно, что запись о походе Никифора Кошелева против ногайцев и о его первом награждении выпала из поля зрения А. А. Гераклитова, поэтому стоит привести ее полностью. Эта запись сделана 7 сентября 1628 г., когда Н. М. Кошелев находился в Саратове:

«Сентября в 7 день, по Государеву (титлу) указу, по памяти за приписью дьяка Ивана Болотникова, в приказ Казанского дворца, к боярину ко князю Дмитрею Мамстрюковичу Черкасскому да к дьяком к Ивану Болотникову да к Ивану Грязеву,

10 арш. камки куфтеру лазоревого, по 30 по 5 алт. аршин;

а из Казанского дворца послати та камка, Государева жалованья, на Саратов, Саратовскому голове стрелецкому Микифору Кошелеву, за службу,

что он Микифор в прошлом во 136 году в июне послан был с Саратова, а с ним Саратовские ратные люди, дети боярские и сотники стрелецкие, и стрельцы, и казаки, на Крымскую сторону, в степь, за Нагайскими людьми

и шедши, они, Нагайских татар в степи, побили, и взяли в языках, и привели на Саратов Нагайских дву мурз да сорок четыре человека татар»³³.

Видим, что данные события происходили в июне 1628 г. В июле – августе 1628 г. донесение об этой победе было получено в Москве, и уже 7 сентября было принято решение награждать Никифора Кошелева и отправить эту награду (10 аршин камки) в Саратов для вручения Н. М. Кошелеву, который по-прежнему оставался в этом городе. Общая цена этой камки составляла 350 алтын, или 10,5 руб., что примерно соответствовало годовому жалованию стрелецких сотников. Судя по данной записи, против татар был послан большой отряд, куда входили не только саратовские стрельцы, но и дети боярские, а также служилые казаки. Бой с татарами произошел в степи на правобережье Волги

(на Крымской стороне), видимо, в районе Медведицы, победа была полной, судя по взятым пленным (2 мурзы и 44 рядовых ногайцев).

Все же не исключена возможность и открытого нападения ногайцев на Саратов в это время, в ходе которого крепость сильно пострадала в результате пожара. Позже, уже в 1642 г., Н. М. Кошелев писал в челобитной царю о том, что у него была ввозная грамота на поместье в Перевицком стане Рязанского уезда. Эту грамоту он взял с собой, когда отправился на службу в Саратов, «и как де он Микифор был на нашей службе на Саратове у стрельцов головою и в те годы де город Саратов горел и та де наша грамота у него в тот пожар сгорела»³⁴.

Следующая запись о награждении Никифора Кошелева была сделана через год, 16 августа 1629 г. В ней уже не говорится, что камку следует послать на Саратов, из чего можно сделать вывод, что награждение вполне могло произойти уже в Москве, и саратовская служба для Никифора Кошелева к тому времени закончилась. Именно эту запись кратко привел А. А. Гераклитов, а после него – Т. М. Акимов и А. М. Ардабацкая³⁵. Приведем эту запись полностью:

«Августа в 16 день, по Государеву (т.) указу, по памяти за приписью дьяка Ивана Грязева, Государева жалованья Микифору Михайлову сыну Кошелеву:

10 арш. камки куфтеру черленого, по рублю арш.;

4 арш. сукна лундышу вишневого, по рублю по 6 алт. по 4 денги аршин;

а пожаловал Государь его за казачью Волскую службу, нынешнего 137 году,

что, будучи он на Саратове у стрельцов в головах, посылан был с Саратова на Волгу, на воровских казаков,

и в той посылке, сшед на Волге, воровских казаков побил наголову, и языков, взяв, на Саратов привел»³⁶.

Камка – это двусторонняя шелковая, часто однотонная, ткань с тканым узором. Т. М. Акимов и А. М. Ардабацкая указали неверную цену данной награды «ценой 12 рублей 20 коп.»³⁷. Если только камка, то цена ее – 10 руб., если только сукно, то цена – 4 руб. 80 коп., а если вместе, то 14 руб. 80 коп.

Кроме разового награждения, Н. М. Кошелеву вскоре последовали придачи к поместному и денежному окладам. До начала Саратовской службы в 1621/22 г. Н. М. Кошелев имел поместный оклад 650 чети, а денежный – 21 руб. Теперь за Саратовскую службу он получил придачу к поместному окладу 150 чети, а к денежному – 18 руб. Таким образом, к началу 1630 г. он имел уже поместный оклад 800 чети, а денежный – 39 руб. Это можно видеть в Боярской книге 1639 г.: «Да по памяти ис Казанского приказу за саратовскую службу 136-го и 137-го году при-

дано сто пятьдесят чети, денег осьмнатцать рублев»³⁸.

Кроме борьбы с ногайцами и воровскими казаками, стрельцам Никифора Кошелева приходилось сопровождать различные посольские караваны из Саратова до Самары (по пути в Москву) и до Царицына (по пути в Астрахань). В основном это были русские и персидские посольства, причем, часто в роли шахских посланников выступали персидские купцы. Дабы избежать международных скандалов стрельцкому голове Никифору Кошелеву приходилось охранять их с особой тщательностью от нападений воровских казаков, которые стремились поживиться богатыми товарами.

Среди русских послов отметим посольства Василия Коробьина, возвращавшегося из Персии в 1624 г., князя Григория Тюфякина и Григория Феофилаطفеева (1625 г. – отправка в Персию и 1627 г. – возвращение в Москву), а также Андрея Плещеева и Никифора Талызина (1628/29 г. – отправка, а возвращение произошло уже после окончания службы Н. М. Кошелева в Саратове). Персидских послов (купчин) было больше. Среди них можно указать Урусун (Русан)-бека и Мурат-бека, которые приехали в Москву вместе с посольством В. Г. Коробьина, а возвращались в Персию с посольством кн. Г. В. Тюфякина. В 1627–29 гг. приезжали от шаха Аббаса купчины Али Хан-бек, Молда (Мулла) Рахмет-бек и Мамет Салих вместе с кумызскими посланниками. В те же годы были в Москве послы шаха Магмет Али-бек (Магмет Сали-бек, Мухаммед Али-бек) и купчины Ага Асан, Мир-Махмут и Рут³⁹. Сведений о жалобах послов и купчин на разбой казаков в зонах ответственности саратовских воевод (от Самары до Царицына) в источниках не обнаружено. Видимо стрельцы Никифора Кошелева службу несли достойно, о чем свидетельствует награждение стрельцкого головы в Москве.

В 1629 г. Саратовская служба для Н. М. Кошелева закончилась. Трудно сказать, кто стал вместо него стрельцким головой на Саратове.

О том, чем занимался Н. М. Кошелев после приезда из Саратова в Рязань и в Москву, свидетельствует скупая запись в Боярской книге: «Микифор Михайлов сын Кошелев. ... Да в 141-м году за датцкую за посолскую службу придано пятьдесят чети, денег десять рублев»⁴⁰.

7141-й год начинался 1 сентября 1632 г. и заканчивался 31 августа 1633 г. Именно в этот период состоялось очередное награждение Н. М. Кошелева за датскую посольскую службу. Эта служба просходила в период между 1630 и 1632 гг. О том, что Н. М. Кошелев состоял при посольстве в Данию в 1631–1632 гг., упоминал еще В. В. Руммель⁴¹. Видимо, Никифор Кошелев, хоть и не был официальным членом посольства, но входил в состав посольской свиты,

был одним из дворян при посольстве. Он не просто сопровождал русских дипломатов в Данию, но и обеспечивал как опытный воин и стрельцкий голова охрану русского посольства по пути следования из Москвы в Копенгаген.

В этот период известно только одно русское посольство в Данию, которое возглавлял Василий Гаврилович Коробьин, биографии которого автор этих строк посвятил отдельную монографию⁴².

В конце декабря 1631 г. в Данию было отправлено московское посольство, в состав которого входили «дворянин и наместник муромский Василий Гаврилович Коробьин, дворянин и наместник елатомский Иван Иванович Баклановский и дьяк Иван Кириллов сын Грязев»⁴³. Обратим внимание на то обстоятельство, что Иван Грязев – это тот самый дьяк, который в сентябре 1628 г. и в августе 1629 г. составил документы о награждении Никифора Кошелева за Саратовскую службу, а также находился с ним ранее, еще во время боев под Смоленском в 1615 г. Известно, что Василий Коробьин, возвращаясь осенью 1624 г. из Персии, останавливался в Саратове, а местный воевода Федор Иванович Чемоданов отправил в качестве сопровождения каравана саратовских стрельцов. Если к тому времени Никифор Кошелев уже сменил в Саратове Семена Болтина, то именно он обеспечивал охрану этого каравана до Самары. Учтем также, что и Кошелев и Коробьин были рязанскими помещиками, их земельные владения находились рядом (у Кошелева – Дягилево, у Коробьинных – Рыбное)⁴⁴. Рядом находились поместья дьяка Ивана Грязева⁴⁵. Так что знакомство Василия Коробьина и Ивана Грязева с Никифором Кошелевым было давним, и руководители посольства (Коробьин и Грязев) хорошо знали, кого они берут с собой в дальний и опасный путь.

Отправке этого посольства предшествовали следующие обстоятельства. С 1630 г. ухудшились отношения России с Данией. К этому времени закончился датский период Тридцатилетней войны. Дания, потерпев поражение от католиков, вышла из войны, начался шведский период войны. Россия отказала Дании в льготной торговле хлебом, во внешней политике Россия переориентировалась на Швецию, надеясь в союзе с королем Густавом Адольфом продолжить борьбу против Польши за возвращение Смоленска. В Москве опасались, как бы заключение мирного договора с Данией не повредило дружественным отношениям со Швецией, учитывая постоянные войны между этими странами. «Веряющая грамота» была составлена в Москве 18 декабря 1631 г. В одной из разрядных записей отмечено, что послы во главе с Василием Коробьинным «с Москвы отпущены во 140-м году зимним путем с рождества Христова», т. е. уже в конце декабря 1641 г. они выехали из столицы⁴⁶.

Послы находились в Дании с 21 апреля по 12 июля 1632 г. На переговорах Василий Коробьин заявил, что русские послы присланы царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом, чтобы договориться «о докончании» с королем Христианом IV. Царь «желал бы включить в это докончание и короля шведского Густава Адольфа, ставшего его другом». В ответ королевские советники сказали, что «их король и без того в такой высокой дружбе с Густавом Адольфом, что выше быть нельзя»⁴⁷. При решении вопроса о заключении мирного союзного договора «о вечном окончании» король не согласился, чтобы его имя было поставлено после имени царя Михаила. В итоге послы во главе с В. Г. Коробьиным «были отпущены только с любительными грамотами, не сделав ничего»⁴⁸. Фактически этого и добивалось московское правительство. Задача была выполнена. Посольство вернулось из Дании уже к осени 1632 г. Василию Коробьину не удалось подтвердить и продлить «вечный» мирный договор между Россией и Данией, однако русские дипломаты сумели обеспечить нейтралитет Дании во время Смоленской войны⁴⁹.

Сразу же после возвращения домой все члены посольства получили повышение по службе. Василий Коробьин стал окольничим, занимал видное место в Боярской думе и в правительстве. В Дворцовых разрядах записано, что «октября в 1 день (1632 г.) на Покров пресвятыя Богородицы ... за тое службу (за посольство в Данию. – Я. Р.) пожаловал Государь из дворян в окольничие Василья Гавриловича Коробьина; а окольничество сказывал думной разрядной дьяк Иван Гаврениев»⁵⁰. Одновременно В. Г. Коробьин был назначен начальником (судьей) Поместного приказа.

Не был обойден вниманием и Никифор Кошелев. Он, во-первых, получил придачу к поместному и денежному окладам, которые теперь стали составлять соответственно 850 чети и 49 руб. Во-вторых, как об этом свидетельствует боярский список 1632/33 г., уже 22 ноября 1632 г. он «из резанцев» был включен в список московских дворян⁵¹. Следует отметить неточность у В. В. Руммеля, который считал, что Н. М. Кошелев стал московским дворянином еще в 1629 г. Такую дату исследователь привел, видимо, опираясь на указатель к боярским книгам, составленный П. И. Ивановым, в котором Никифор Кошелев впервые отмечен московским дворянином в Боярской книге 7137 (1628/29) г. Однако в этой боярской книге записывались все последующие назначения на должность вплоть до составления следующей боярской книги в 7144 г., в которой Н. М. Кошелев также указан московским дворянином⁵².

Став московским дворянином, Н. М. Кошелев выполнял различные служебные обязанности, как и другие представители Государева

двора. В. В. Руммель указал, что Н. М. Кошелев «на службе в Москве (1633)»⁵³. Эта фраза нуждается в пояснении. Летом 1633 г. в самый разгар борьбы за Смоленск крымские татары совершили нападение крупными силами на южные окраины страны. Они прорвались даже к самой реке Оке впервые со времен Смуты. Поэтому были приняты срочные меры для защиты столицы. В Дворцовых разрядах подробно перечисляются все воеводы, состав их отрядов и зоны ответственности: «Того же месяца июля в 24 день указал государь быть для приходу крымских людей, на Москве бояром и воеводам... За Язуою полковые воеводы: боярин и воеводы князь Дмитрий Михайлович Пожарской да Василей Иванов сын Толстой-Шарп да дьяк Григорей Волков»⁵⁴. С боярином кн. Д. М. Пожарским указаны головы с сотнями (перечисляются головы у стольников, дворян, патриарших стольников и жильцов). Среди голов у дворян записаны Сава Александров сын Языков и Никифор Михайлов сын Кошелев. Видим, только что ставший московским дворянином Н. М. Кошелев уже начал командовать отрядом, состоявшим из московских дворян – так высоко правительство оценивало боевые качества этого служилого человека.

С апреля по ноябрь 1636 г. Н. М. Кошелев участвовал в обороне южной границы от нападения крымцев и ногайцев. Ежегодно в это время в так называемые Украинный и Рязанский разряды направлялись воеводы по полкам. Большой полк находился в Туле, Передовой – на Дедилове, Сторожевой – на Крапивне, Прибылой – в Мценске. Полки Рязанского разряда базировались в Переяславле-Рязанском, Пронске и Михайлове⁵⁵. В наказах воеводам предусматривались различные варианты боевых действий, в зависимости от того, где ожидается нападение татар. Либо воеводы Рязанского разряда шли на помощь воеводам Украинного разряда, либо – наоборот. Сходными воеводами в полк на Михайлове были записаны Петр Загряжский и Никифор Кошелев⁵⁶. Началом службы им было определено Вербное воскресенье (10 апреля). В их подчинении было следующее количество служилых людей: у Никифора Кошелева – 14 рязанцев «Пехлетцкого стану» и 377 кадомских татар, «обоего с Микифором Кошелевым 391 ч.»⁵⁷. У первого воеводы Петра Загряжского было в подчинении больше людей – 840 детей боярских, мурз и татар. На Михайлове также находились осадные люди (152 стрельца, 307 казаков, 70 черкас, которыми командовали 2 головы и 6 сотников; 31 пушкарей и затинщиков, 14 кузнецов, сторожей, плотников и воротников). Они также подчинялись Загряжскому и Кошелеву. Крайним сроком прибытия детей боярских был определен Егорьев день (23 апреля), а татар – Николин день вешний (9 мая). В наказе воеводам Передового полка на Дедилове кн. И. П. Засекину и С. А. Языкову говорилось, что в случае вражеского нападения

к ним в сход должны идти также и воеводы из Михайлова – Загряжский и Кошелев⁵⁸. Неоднократно совместная служба сталкивает Савелия Языкова и Никифора Кошелева, начиная с осады Смоленска в 1614 г.

К осени обычно первые воеводы и часть служилых людей отпускались домой, и всеми войсками командовали вторые («меньшие») воеводы. Теперь в сентябре 1636 г. в подчинении Никифора Кошелева на Михайлове было детей боярских «Резанцев Кобыльского стану 186 ч., Заосетринского стану 38 ч., Пехлетцкого стану 14 ч., с 2 головами да с 6 сотники 152 ч. стрельцов, 307 ч. казаков 70 ч. черкас...»⁵⁹. Так продолжалось еще 3 месяца. 25 ноября 1636 г. царь распорядился из украинного рязанского разряда отпустить к Москве меньших воевод, а ратных людей распустить по домам с 1 декабря. С Михайлова велено было отпустить Никифора Кошелева⁶⁰. К декабрю опасность татарских набегов уменьшилась, крупных нападений не ожидалось, поэтому служилые люди отпускались по домам до следующей весны.

Через год Никифор Кошелев, как и большинство московских дворян, был отправлен на Тулу. После того, как донские казаки взяли турецкую крепость Азов, угроза войны с Османской империей стала вполне реальной, поэтому все чины государева двора были разделены по половинам, одна часть находилась на Туле. В Подлинном боярском списке 1637/38 г. напротив фамилии Н. М. Кошелева видна запись «на Туле»⁶¹. В конце 1638 г. он вернулся в Москву и 5 февраля 1639 г. участвовал во встрече персидского посла за Яузой по Владимирской дороге. Этот посол шел из Персии вместе с голштинскими послами (подробно возвращение голштинцев описано у Адама Олеария). Среди встречавших дворян записан Никифор Михайлович Кошелев⁶².

Однако долго отдыхать в Москве Н. М. Кошелеву не пришлось. Уже весной 1639 г. он вновь был отправлен на Тулу для защиты южных рубежей страны. Это отражено в новом Боярском списке 1638/39 г.⁶³

Последние сведения о Н. М. Кошелеве относятся к 1642 г. 10 марта 1642 г. ему была дана ввозная грамота на ряд поместий в Рязанском уезде. К тому времени его поместный оклад составлял 850 чети. Эти поместья находились в Перевицком стане (350 чети), кроме того, ему с 1633 г. принадлежали поместья его брата Ивана в том же стане (144 чети)⁶⁴.

Других сведений о Н. М. Кошелеве пока не обнаружено. В Боярском списке 1643/44 г. его имени уже нет. Но это не значит, что он к тому времени уже умер. Вполне возможно, что Н. М. Кошелев по болезни или по другим причинам был выписан из московского списка и обратно зачислен в рязанцы, его имя снова включили в рязанскую десятню. Обычно перевод из московского списка в родовую считался

понижением в чине, однако были случаи, когда представители Государева двора сами писали челобитные с просьбой об отставке из царедворцев. Как бы там ни было, но в разборной рязанской десятне 1648 г. Н. М. Кошелев указан среди выборных рязанских дворян с пометой «умер»⁶⁵. Видимо, его кончина произошла в 1646–47 гг.

Имя Никифор в роду Кошелевых очень редкое, оно в XVII в. больше нигде не встречается ни в одной из 4-х ветвей, отмеченных В.В. Румелем. Этот исследователь писал, что к первой ветви Кошелевых, идущей от Гавриила Кошелева, принадлежали Иван и Савва Никифоровичи. Иван Никифорович указан как московский жилец в 1639 г. и помещик Перевицкого стана Рязанского уезда в это же время, а Савва Никифорович – как рязанский помещик Окологородного стана (1648 г.), у которого был сын Гавриил Саввич и внуки – Григорий, Андрей, Алексей Гавриловичи, жившие в конце XVII в.⁶⁶ Не исключено, что Иван и Савва Никифоровичи были детьми Н. М. Кошелева.

Таким образом, проследив жизненный путь Никифора Кошелева, мы видим, как рядовой рязанский служилый человек по отечеству благодаря своим незаурядным воинским способностям сумел выбиться в ряды столичного дворянства. Перед нами встает образ воина, который сражается с поляками под Смоленском, воюет с татарами и воровскими казаками под Саратовом, охраняет русское посольство в Данию, командует одним из полков на южной границе.

Примечания

- ¹ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 65.
- ² Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова, собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. Ч. 1. М.: Изд. Импер. Моск. О-ва Истории и Древн. Российских при Моск. ун-те, 1882. С. 533, 534, 598, 599.
- ³ См.: Шахматов А. И. Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891. 236 с.
- ⁴ См.: Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. 84 с.
- ⁵ См.: Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 19–104.
- ⁶ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб., 1853. Т. 1. (1614–1627). Стб. 1143, 1250.
- ⁷ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м Отделением собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 523.

- ⁸ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий : в 2 т. СПб., 1886. Т. 1 (А–Л). С. 424.
- ⁹ Там же. С. 432.
- ¹⁰ Там же. С. 438.
- ¹¹ Список стрелецких голов и сотников // Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг. XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : АН СССР, 1950. С. 218.
- ¹² Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под ред. В. Н. Сторожева : в 3 вып. Рязань, 1904. Вып. 3. С. 794.
- ¹³ Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004. С. 280, 412.
- ¹⁴ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. С. 125, 322.
- ¹⁵ См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 425.
- ¹⁶ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ : в 39 т. СПб., 1894. Т. 15. С. 84.
- ¹⁷ Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. С. 439.
- ¹⁸ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. Кн. 1 : Приходно-расходные книги московских приказов // РИБ : в 39 т. М., 1912. Т. 28. Стб. 492.
- ¹⁹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 425.
- ²⁰ Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Четвертчики Смутного времени. 1604–1617 гг. Вып. 9 : Смутное время Московского государства / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 178.
- ²¹ Кормленная книга Костромской чети... С. 147.
- ²² Кормленная книга Галицкой Четверти... С. 65, 75, 117,
- ²³ Кормленная книга Костромской чети... С. 152, 170.
- ²⁴ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 439.
- ²⁵ Анпилогов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI в. М. : Издательство Московского университета, 1982. С. 34.
- ²⁶ Ввозная грамота Никифору Михайлову сыну Кошелеву 1642 г. – новый документ в коллекции РИАМЗ / вступ. ст., публ. и коммент. Е. В. Шапиловой // Открытое хранение : научно-информационный альманах. Рязань : Издательство Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (РИАМЗ), 2012. № 1. С. 44–45 (далее – Шапилова Е. В. Ввозная грамота Никифору Михайлову сыну Кошелеву).
- ²⁷ Расходная книга Устюжской чети 127 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. Т. 28. Стб. 714.
- ²⁸ Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 428.
- ²⁹ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М. : Наука, 1983. С. 154.
- ³⁰ Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступ. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Издательский центр Института российской истории РАН, 1999. С. 150.
- ³¹ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 65.
- ³² Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. С. 214.
- ³³ Дополнения к Дворцовым разрядам... Стб. 533, 534.
- ³⁴ Шапилова Е. В. Ввозная грамота Никифору Михайлову сыну Кошелеву. С. 45.
- ³⁵ См.: Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII век). Саратов : Саратовское ОГИЗ, 1940. С. 13.
- ³⁶ Дополнения к Дворцовым разрядам... Стб. 598–599
- ³⁷ См.: Акимова Т. М., Ардабацкая А. М. Указ. соч. С. 13.
- ³⁸ Боярская книга 1639 г. С. 150.
- ³⁹ См.: Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1616–1641 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 102–109.
- ⁴⁰ Боярская книга 1639 г. С. 150.
- ⁴¹ См.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 439.
- ⁴² См.: Рабинович Я. Н. Братья Коробьины на службе России (1603–1639) / под ред. С. А. Мезина. Саратов : ИЦ «Наука», 2014. 108 с.
- ⁴³ Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы к истории древней России, хранящиеся в Копенгагене (1326–1690) // ЧОИДР. 1883. Кн. 1. С. 203–205.
- ⁴⁴ Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / под ред. В. Н. Сторожева. Т. 1, вып. 2. Рязань, 1900. С. 635.
- ⁴⁵ Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков / подг. к изд. А. И. Цепков : в 4 т. Рязань : Александрия, 2005. Т. 1. С. 24, 589–591.
- ⁴⁶ Разрядная книга 1550–1636 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 кн. М. : Институт истории СССР АН СССР, 1976. Кн. 2, вып. 2. С. 364.
- ⁴⁷ Щербачев Ю. Н. Указ. соч. С. 206–207.
- ⁴⁸ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год) : в 4 ч. Часть первая (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания). М., 1894. С. 218.
- ⁴⁹ Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. М. : Советская энциклопедия, 1965. Т. 7 (Каракеев-Кошакер). Стб. 969–970.
- ⁵⁰ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 294.
- ⁵¹ «Подлинный» боярский список 1632/1633 г. // «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов : сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М. : Древлехранилище, 2015. С. 526.
- ⁵² Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. С. 211.
- ⁵³ Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч. С. 439.
- ⁵⁴ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 335–336.

- ⁵⁵ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 835, 836.
⁵⁶ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 498.
⁵⁷ Книги разрядные. Т. 2. Стб. 846, 847.
⁵⁸ Там же. Стб. 847, 883–887
⁵⁹ Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 26.
⁶⁰ Там же. С. 50–51.
⁶¹ Подлинный боярский список 1637/38 г. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. редактор А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 76.
⁶² Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 957.
⁶³ Подлинный боярский список 1638/39 г. / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2020. Вып. 6. С. 198.
⁶⁴ См.: *Шапилова Е. В.* Ввозная грамота Никифору Михайлову сыну Кошелеву... С. 44–45.
⁶⁵ *Сторожев В. Н.* Состав рязанского дворянства по десятилетиям XVII века. Рязань : Типография губернского правления, 1891. С. 2.
⁶⁶ См.: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Указ. соч. С. 434.

Поступила в редакцию 23.07.2021; одобрена после рецензирования 25.08.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 23.07.2021; approved after reviewing 25.08.2021; accepted for publication 10.11.2021

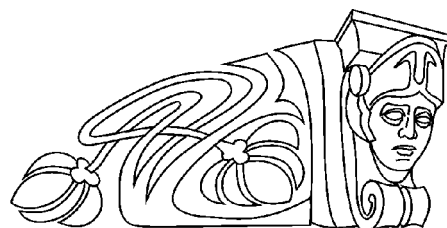

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 13–21
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 13–21
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-13-21>

Научная статья
УДК 94(=112.2)(470.44/.47)|1955/2010|

Несостоявшееся возвращение: немцы в Поволжье. 1955–2010 годы

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Аннотация. В статье исследуются попытки возвращения депортированных в 1941 г. немцев Поволжья в места их довоенного проживания. Дается периодизация этих процессов, раскрываются особенности каждого периода. Попытки переселения на Волгу из Сибири и Казахстана стали предприниматься с 1956 г. после отмены для немцев режима спецпоселения (1955 г.). До конца 1972 г. они носили нелегальный характер, переселенцы сталкивались со многими трудностями, поскольку существовал запрет на возвращение немцев в места довоенного проживания. В последующем, вплоть до конца 1980-х гг., государство не вмешивалось в эти процессы, благополучие переселенцев определялось отношением к ним местных властей. В годы перестройки непоследовательная и противоречивая политика руководства страны по реабилитации немцев способствовала возникновению сопротивления их возвращению в Поволжье. Тем временем появилась и стала развиваться альтернатива возвращению на Волгу – эмиграция в Германию. Публичное заявление Президента Б. Н. Ельцина в январе 1992 г. о том, что немецкой автономии на Волге не будет, стало переломным моментом. Начался лавинообразный выезд в Германию. Запоздалые попытки центральной и местной властей привлечь немцев в Поволжье социально-экономическими мерами дали слабый кратковременный эффект.

Ключевые слова: немцы, Поволжье, численность немцев, Всесоюзные переписи населения, депортация, возвращение немцев, компактные поселения в Поволжье, миграционные процессы

Для цитирования: Герман А. А. Несостоявшееся возвращение: немцы в Поволжье. 1955–2010 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 13–21. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-13-21>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Failed return: Germans in the Volga region. 1955–2010

A. A. German

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arkady A. German, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>

Abstract. The article examines the attempts to return the Volgagermans, deported in 1941, to their places of pre-war residence. The author gives a periodization of these processes and reveals the features of each period. Attempts to relocate to the Volga from Siberia and Kazakhstan began to be undertaken since 1956 after the abolition of the special settlement regime for the Germans (1955). Until the end of 1972, they were illegal, the settlers faced many difficulties, since there was a ban on the return of the Germans to the places of the pre-war accommodation. Subsequently, until the end of the 1980s the state did not interfere in these processes, the well-being of the settlers was determined by the attitude of the local authorities towards them. During the years of perestroika, the inconsistent and contradictory policy of the country's leadership on the rehabilitation of the Germans contributed to the emergence of resistance to their return to the Volga region. Meanwhile, an alternative to returning to the Volga appeared and emigration to Germany began. Public statement by President B. N. Yeltsin in January 1992 that there would be no German autonomy on the Volga was a turning point. An avalanche-like departure to Germany began. Belated attempts by the central and local authorities to attract the Germans to the Volga region by socio-economic measures had a weak short-term effect.

Keywords: Germans, Volga region, number of Germans, All-Union population censuses, deportation, return of Germans, compact settlements in the Volga region, migration processes

For citation: German A. A. Failed return: Germans in the Volga region. 1955–2010. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 13–21 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-13-21>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Почти вся новейшая историография российских немцев объясняет причины массового исхода российских немцев, включая и немцев Поволжья, в Германию тем, что в условиях перестройки в СССР развитие их национального самосознания вылилось в широкое движение за восстановление ликвидированной в 1941 г. АССР немцев Поволжья. Оно натолкнулось на жесткое сопротивление местного населения, проживающего в местах, откуда были выселены немцы, и местных властных структур, возглавивших это сопротивление. В результате в Саратовском Поволжье возник опасный очаг межнациональной напряженности. В таких условиях заявление президента Б. Ельцина в январе 1992 г. о том, что немецкой автономии на Волге не будет, стало своеобразной точкой невозврата, поскольку нацеленность немцев на свою республику породила массовое разочарование, привело их к выводу о бесперспективности в российских условиях сохранения своей национальной идентичности. Следствием стала массовая эмиграция немцев из России в Германию. Только к 1995 г. с территории постсоветского пространства туда переселилось свыше 300 тыс. чел. Переселение активно продолжалось и в последующие годы¹.

Наиболее значимыми в освещении проблем послевоенных миграций российских немцев как внутри СССР и постсоветского пространства, так и за рубеж, представляются работы германских историков А. Айсфельда² и В. Хердта³, совместная монография российских исследователей В. А. Бауэра и Т. С. Иларионовой⁴, а также вышедшая полтора десятка лет спустя монография одного из этих соавторов Т. С. Иларионовой⁵.

Из современных исследований следует отметить две статьи В. В. Хасина, глубоко раскрывающего внутренние механизмы развивавшегося в конце 1980 – начале 1990-х гг. межнационального противостояния в Саратовском Поволжье. В первой рассматриваются теоретические аспекты механизма сопротивления восстановлению немецкой автономии⁶, во второй – практические формы действий местной номенклатуры, не желавшей ограничения своей власти⁷. Не смог обойти вниманием проблему массового переселения российских немцев в Германию и автор настоящей статьи⁸.

В принципе, соглашаясь с положениями концепции массовой эмиграции российских немцев в Германию, следует все же отметить, что на процесс эмиграции оказали влияние и другие факторы. Он является результатом многообразия причин и обстоятельств, которые не всегда вписываются в общепринятую трактовку происходивших событий.

В 1941 г. в АССР немцев Поволжья проживало около 375 тыс. немцев. Достаточно большое количество немцев Поволжья проживало за пределами Немреспублики. По переписи 1939 г.

в Поволжье и прилегающих к нему регионах проживали 93,9 тыс. немцев, в том числе в областях: Горьковской – 4 758, Куйбышевской (включая территорию нынешней Ульяновской) – 11 101, Пензенской – 1 862, Саратовской – 42 970, Сталинградской (включая территорию нынешней Астраханской) – 23 751, Тамбовской – 3 229; в республиках: Калмыцкой – 4 150, Марийской – 247, Мордовской – 454, Татарской – 1 083, Чувашской – 322⁹.

Осенью 1941 г., как известно, все немецкое население Поволжья было депортировано в Сибирь и Казахстан, а их республика – ликвидирована. Согласно официальным данным из АССР немцев Поволжья переселили 373 529 чел., из Саратовской области – 46 706 чел., из Сталинградской области – 26 245 чел. Вывоз этих людей был произведен 188 эшелонами в установленные сроки (с 3 по 20 сентября) и без эксцессов. 73% (т. е. почти три четверти) немецкого населения было переселено в Сибирь (в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области) и лишь 27% (чуть больше четверти) – в Казахстан (в 6 областей). Стоит отметить, что в 1941 г. Омская область включала в себя современную Тюменскую область, а Новосибирская – современную Кемеровскую область.

Переселенцы, попавшие в Казахстан, были размещены в северной, восточной и юго-восточной частях Республики, т. е. в районах, сравнительно благоприятных для жизни¹⁰.

Выше речь шла о первой и главной операции по депортации основного компактного массива немцев, проживавших в АССР немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областях, осуществленной на основе Постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.¹¹

До конца 1941 г. депортации подверглись и немцы других областей и республик Поволжья и прилегающих к ним регионов (областей – Горьковской, Пензенской, Куйбышевской, Тамбовской; АССР – Марийской, Чувашской, Татарской, Мордовской, Калмыцкой). Общая численность переселенных из этих регионов немцев превышала 30 тыс. чел. Эти «микродепортации» опирались на другие руководящие документы по их организации и проведению. Так, например, в период с 3 ноября по 10 декабря были переселены в Казахстан 5 965 немцев, проживавших в Калмыкии¹². Юридическим основанием для депортации стало распоряжение СНК СССР от 2 ноября 1941 г. № 84-к «О переселении немцев из Калмыцкой АССР»¹³.

Депортированные немцы Поволжья, за 177 лет проживания на Волге сформировавшиеся в оригинальную компактную этническую группу, были рассеяны на огромной территории СССР – до 3 млн кв. км. В дальнейшем, с учетом вторичных депортаций на Крайний Север

и мобилизации в Трудовую армию, площадь их рассеяния увеличилась более чем в 3 раза, что означало конец существования немцев Поволжья как уникальной этнотерриториальной группы немецкого населения СССР. В местах депортации, «трудовой армии» и спецпоселения произошло смешение территориальных, профессиональных и социальных групп немецкого населения. Резко выросло число межнациональных браков.

Лишь в декабре 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР с российских немцев был снят режим спецпоселения, они получили свободу перемещения в пределах азиатской части СССР. Возвращаться в места довоенного проживания, в том числе и в Поволжье, им было запрещено¹⁴.

Однако отдельные немецкие семьи пытались это сделать. Некоторые попытки увенчались успехом. Такие факты были выявлены, в частности, в ходе этнографических экспедиций Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН)¹⁵, проводившихся в бывших немецких селах Поволжья в 1990-е гг. В основном данные были получены путем опроса проживавшего тогда в селах немецкого населения.

Несмотря на препятствия, уже в феврале 1956 г. первые немцы приехали в Поволжье «на разведку». Сложился своеобразный механизм переезда: сначала приезжали представители семей, чтобы ознакомиться с ситуацией, они договаривались о работе, временном жилье. Само переселение началось с конца весны 1956 г., когда стали приезжать целые семьи. К примеру, в марте 1956 г. приехал в Медведицкое (Франк) Клайн Фердинанд Егорович. Он договорился о работе, жилье и в апреле перевез всю семью. Целый месяц он с семьей жил в конторе МТС с другими возвратившимися немцами: Нусс, Юстус, Рейсих, Фус. Потом все эти семьи получили жилье. Подобных примеров было немало. Например, в Бутковке (Шваб) вновь приехавшие жили даже в амбарах. В Макаровке (Меркель) в одной комнате проживали 22 чел.¹⁶

Следует отметить, что возвращения немецких семей на родину осуществлялись на территории бывшей АССР НП, отошедшей к Сталинградской области (7 кантонов из 22) и то лишь несколько лет. С 1958 г. немцев перестают и там прописывать. На территории Саратовской области все попытки возвращения немцев жестко пресекались. Возвратившимся не давали ни работу, ни прописку. Подтверждающим примером может служить судьба А. Г. Карла, впоследствии одного из лидеров немецкого национального движения в Энгельсе.

Вернуться в Энгельс Артур Генрихович с семьей (женой – русской и двумя маленькими детьми) попытался в 1957 г. Официально он был

в «северном» отпуске (56 дней) и приехал посмотреть на покинутый в 1941 г. город. Его попытка прописаться в нем встретила жесткий отказ. Пришлось переехать в Камышин Сталинградской области. Там он нашел хорошую работу и получил прописку, однако попыток вернуться в родной город не оставлял. Возвратиться удалось лишь через несколько лет, когда в Энгельсе началось строительство крупного завода, и Артур Генрихович, обладая дефицитной специальностью сварщика, стал востребован. За его прописку в городе ходатайствовало руководство завода¹⁷.

В целом общую картину возвращения немцев в Поволжье можно представить, основываясь на результатах Всесоюзной переписи населения 1959 г. По уже упомянутым выше регионам Поволжья перепись дает данные, содержащиеся в Приложении.

Несмотря на негативное отношение властей к возвращению немцев в Саратовскую область, к 1959 г. на ее территории проживало около 3,4 тыс. немцев. Большинство из них – это те, кто вернулся на довоенную родину и родился здесь после возвращения их родителей. Численность немцев в Сталинградской области согласно переписи составляла 7,5 тыс., т. е. в два с лишним раза выше, чем в Саратовской, что подтверждает утверждения респондентов о более лояльном отношении к немцам в этом регионе. В Астраханской области, входившей в 1941 г. в Сталинградскую, в 1959 г. проживал 621 немец. Общая численность немецкого населения в трех указанных областях по переписи составляла около 11,5 тыс. чел. – 2,6% от довоенной численности немцев в этих регионах

Однако совершенно по-иному выглядят аналогичные данные по другим, исследуемым нами регионам.

В 1959 г. численность немецкого населения в них в сравнении с довоенной составляла: в Горьковской области – 14,3%; в Марийской АССР – 461%; в Чувашской АССР – 92,2%; в Татарской АССР – 131,8%; в Мордовской АССР – 50,2%; в Пензенской области – 38,4%; в Ульяновской и Куйбышевской области (вместе) – 66,0%; в Тамбовской области – 36,0%; Калмыцкой АССР – 37,2%. В целом в вышеуказанных регионах численность немецкого населения в 1959 г. составляла 59,0% от довоенного уровня, т. е. восстановилась более чем наполовину (таблица).

Причины такого, на первый взгляд, парадоксального явления разные. Главное – это колоссальная разница абсолютных величин численности немецкого населения, проживавшего до войны в АССР НП, Саратовской и Сталинградской областях (446,5 тыс.) и в остальных исследуемых нами регионах (27,2 тыс.). В 1959 г. эти величины составляли соответственно 11,5 тыс. и 16 тыс. Для того чтобы Саратовская и Сталинградская области достигли уровня численности

немцев в 59% от довоенного, на их территории должно было приехать не менее 263 тыс. немцев. Понятно, что это было неосуществимо.

В то же время достаточно быстрое восстановление довоенной численности немцев в других регионах говорит о том, что условия поселения возвращавшихся были в них намного либеральней, чем на территории, где ранее существовала АССР НП. Кроме того, данное явление подтверждает тот факт, что депортированные немцы стремились вернуться не только в свою немецкую республику, но и вообще – в довоенные места проживания, к которым за многие годы жизни «прикипели» и о которых тосковали. География возвращения была весьма обширной. Даже в Калмыкию с ее суровыми условиями жизни к 1959 г. вернулось до 40% депортированных немцев (см. таблицу). Исследованиями подтверждается и тот факт, что немало немецких семей, не получивших разрешение проживать на территории бывшей АССР НП, не возвращались домой, а находили пристанище в соседних регионах, что также влияло на рост в них численности немцев.

Наконец, необходимо учитывать, что на территории некоторых из регионов в годы войны находились объекты трудармии, где работали мобилизованные немцы. После ликвидации трудармейских формирований они в рамках режима спецпоселения, как крепостные, были прикреплены к своим предприятиям. Так, в Ульяновской области находился Волголаг НКВД, трудармейцы которого строили, а потом обслуживали железную дорогу «Свияжск – Ульяновск». В 1944 г. их насчитывалось 1765 чел. Существовала также Ульяновская отдельная исправительно-трудовая колония УНКВД по Ульяновской области. В 1945 г. там числилось 1345 немцев-мужчин. В бывшем немецком г. Бальцере (с 1942 г. – Красноармейске) дислоцировался Приволжлаг НКВД, строивший во время войны железную дорогу Саратов – Сталинград. В нем в 1944 г. насчитывалось 1738 мужчин-немцев. На станции Сухобезводное в Горьковской области дислоцировался Унжлаг НКВД. Основной профиль – лесозаготовки. На 1 июля в лагере находилось свыше 2,9 тыс. немцев – мужчин и женщин¹⁸. Большое количество немцев-трудармейцев, преимущественно женщин, работало в трудформированиях Министерства нефтяной промышленности на территории Куйбышевской и Сталинградской областей, осваивая новые месторождения¹⁹.

Понятно, что далеко не все отмеченные выше немцы-трудармейцы остались на спецпоселении в указанных регионах, так как степень их перемещения по объектам была очень высокой. Однако, очевидно, что часть из них вошла в число немцев по регионам, которое было отмечено в переписи 1959 г.

Многих возвратившихся на довоенные места жительства постигло жестокое разочарование.

За прошедшие с момента депортации немцев 15 лет сильно изменился облик сел, прежде чистых, ухоженных улиц, аккуратных домов. Эти перемены отмечали все опрошенные респонденты. Так, в Макаровке (Меркель) из 200 дворов (1941 г.) в 1956 г. осталось только 59. Половина домов во Франке была разрушена. К примеру, очень негативно подействовал вид разрушенного с. Водно-Буерачное (Штефан) на Виль Пелагею Давыдовну: грязные, разбитые улицы, разрушенные дома. Она не смогла в нем остаться жить²⁰. Подобные негативные изменения в облике бывших немецких сел стали причиной возвращения ряда семей в Сибирь и Казахстан. Их неудачный пример переезда на Волгу остудили многие другие горячие головы.

Представляют интерес показатели присутствия немецкого населения в Поволжье и прилегающих регионах по переписи 1970 г., когда запрет возвращения на Волгу для немцев еще не был снят (см. таблицу). Они фиксируют существенный рост немецкого населения в регионах их традиционного довоенного проживания и сокращение численности немцев в прилегающих регионах. Если в Волгоградской области численность немецкого населения возросла почти в 3 раза, в Саратовской области – на 12,5%, в Куйбышевской – на 14%, в Ульяновской, Астраханской областях и в Калмыцкой АССР достигло уровня довоенной численности, то в Тамбовской области – сократилась на 27,7%, Марийской АССР – на 32,6%, в Горьковской области – на 10,6%, в Мордовской АССР – на 9,2%, в Татарской АССР – на 5,3% (см. таблицу). Данный факт, по крайней мере, для первых трех регионов с отрицательными показателями прироста численности немецкого населения подтверждает сделанный ранее вывод об использовании возвращавшимися в Поволжье немцами ряда прилегающих регионов как мест временного проживания. Что касается остальных упомянутых регионов, то в них уменьшение численности немецкого населения вписывается в естественную убыль.

После 1972 г., когда запрет на возвращение немцев в районы прежнего проживания был официально снят, число возвратившихся в Поволжье немецких семей значительно возросло. Об этом свидетельствуют данные переписей 1979 и особенно 1989 гг. (см. таблицу). К 1979 г. численность немецкого населения в Поволжье и прилегающих регионах в сравнении с его численностью в 1970 г. выросла на 13% и достигла 50,5 тыс. чел. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Саратовской обл. проживало 17 тыс., на территории Волгоградской обл. – 28 тыс., на территории Куйбышевской обл. – 10,6 тыс. немцев. Всего же в Поволжье и прилегающих регионах численность немецкого населения в тот год составила 71,2 тыс. чел., увеличившись за 10 лет на 41,2% (см. таблицу).

Настоящий переселенческий бум немцев в Поволжье имел место на рубеже 1980–1990-х гг. в связи с надеждой на возрождение немецкой автономии на Волге. Однако совокупность целого ряда неблагоприятных факторов лишила поволжских немцев этой надежды.

Начавшая свою работу с октября 1991 г. совместная российско-германская комиссия пришла к общему пониманию вопроса и, декларируя возрождение государственности в *неопределённом будущем*, разработала план строительства компактных поселений в Поволжье. Решение социокультурных задач, стимулирование низовой экономической активности, переселение в создаваемые районы компактного проживания – эти критерии были исполнимыми и менее затратными.

В 1990-е гг. сложность создания немецких компактных поселений в Поволжье была связана с запутанной системой компромиссов между различными политическими силами, а также социально-экономическими реалиями того времени. В конечном итоге поселения возникли на территории бывшей АССР НП (Саратовская и Волгоградская области), а также на территории двух областей – Ульяновской, которая первая предложила немцам в 1990-м году условия для переселения, и Самарской, которая проявила взвешенную и эффективную интеграционную политику.

Согласно Указу Президента РФ от 21 февраля 1992 г. «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» в Саратовской области должен был появиться немецкий национальный район, включавший в себя части территорий Энгельсского, Марковского и Краснокутского районов. Воплощение в жизнь Указа предполагало обустройство почти тридцати населенных пунктов, однако планы были реализованы лишь в двух из них: пос. Бурный Энгельсского района и пос. Степное Марковского района²¹.

В 1992–1994 гг. для компактного размещения прибывавших в Саратовскую область переселенцев было освоено и заселено 9 поселков. Из них 7 были контейнерными. Такие «поселки» в 1992–1994 гг. появились в Кривояре (15 семей, 43 чел.), Константиновке (22 семьи, 74 чел.), Береговом (17 семей, 42 чел.), Багаевке (95 семей, 340 чел.), Интернациональном (33 семьи, 117 чел.), Логиновке (17 семей, 65 чел.), Чкалове (22 семьи, 78 чел.). Немецкое население составляло в них меньшинство. Только в двух поселках (Бурный и Степное) в Саратовской области в указанный период велось капитальное строительство для переселенцев и в этих населенных пунктах немецкое население было в абсолютном большинстве²².

Поселок Бурный, появившийся в 1983 г. как «военный совхоз № 23», уже с 1984 г. стал местом приема немецких переселенцев из Джамбульской и Чимкентской областей Казахстана. В 1992 г.

он стал единственным в области национальным немецким поселением. Из 700 проживавших там жителей более 60% семей были немецкими, а считая смешанные браки, эта цифра доходила до 80%. В 1992–1994 гг. в него приехало около 300 семей общей численностью 1200 чел.²³

Стремительное развитие поселения в 1990-х гг., строительство домов, промышленной и социальной инфраструктуры, агломерация с г. Энгельсом были прерваны ухудшением экономической ситуации, непростыми административными отношениями, падением производства и ростом безработицы, что привело к усилению эмиграции переселенцев в ФРГ. Сегодня «Бурный» давно уже не немецкий национальный поселок, в нем проживает небольшое количество немцев.

В Марковском районе, в свою очередь, в ряде поселений численность немцев в начале 1992 г. доходила до 45%. Это в первую очередь Осиновский, Звонаревский, Колоссовский и Раскатовский сельские советы. Следуя своим обещаниям, российские немцы не стали переезжать в заселенные места, а тем более претендовать на собственность его жителей.

В отдаленном степном месте Марковского района в 1992 г. для переезда советских немцев из беспокойных районов Средней Азии был возведен пос. Степное. По договоренности VDA (Verein für Deutsche Kulturbeziehungen im Ausland – Ассоциация культурных связей с немцами за рубежом, германская благотворительная организация, оказывавшая активную помощь российским немцам в 1990-е гг.) с администрацией района за счет германских инвестиций осенью 1992 г. началось строительство нового поселка для 90 семей немецких переселенцев из Средней Азии, количество которых составило 405 чел. В заволжской степи появились улицы с экзотическими названиями: Заравшанская, Ашхабадская и т. п.²⁴

Компактное немецкое поселение стало заложником экономического проектирования. Рабочие места полностью зависели от темпов строительства, а профессиональная специализация переселенцев, бывших золотоискателей, не позволяла им стать хорошими фермерами. К концу 90-х гг. переселенцы стали покидать село. В 2002 г. из 450 жителей немцев оставалось лишь 170 чел., т. е. 38%. В основе миграционного оборота лежало и то, что многие приехавшие в Поволжье немцы рассматривали новое место жительства как промежуточное звено на пути в ФРГ. Несмотря на то, что поселок возник на немецкие средства, в рамках Указа о строительстве компактных поселений он так и не получил статус немецкого национального поселения.

Из Волгоградской области для планируемой автономии должны были отойти два малонаселенных заволжских района – Старополтавский

и Палассовский. Волны недовольства из Саратовской области постепенно сформировали негативное отношение к автономии и здесь.

Решение о передаче под компактное поселение немцев полигона Капустин Яр, столь эмоционально озвученное Б. Н. Ельциным в Саратове 8 января 1992 г., стало разрабатываться с ноября 1991 г. Однако впоследствии оно было отвергнуто. После подписания Указа Президента РФ от 21 февраля 1992 г. в Волгоградской области планировалось создание немецкого национального округа на части территорий Котовского, Жирновского, Камышинского, Старополтавского и Палассовского районов. Основным местом переселения немцев стал Камышинский район. Поселки Щербатовка и Щербакровка приняли мигрантов из Средней Азии и Казахстана, а в марте 1993 г. недалеко от с. Галка возник новый одноименный контейнерный поселок. К середине 1990-х гг. в нем проживали 182 переселенца из Киргизии, что составило более 60% по отношению к местному населению. Как и в ряде других областей, основанные немцами строительные фирмы и стали основными подрядчиками. В 1994 г. поселение получил статус немецкого национального сельсовета. Как и в соседней Саратовской области, развитие новых населенных пунктов стало заложником социальных и экономических проблем. Трудоустройство жителей зависело от строительства собственных поселков. Когда инвестиционные проекты образования компактных поселений завершились, исчезли и рабочие места.

В 1990-е гг. компактные поселения возникли в пос. Усть-Грязнуха, Верхняя Добринка, Водно-Буерачный Камышинского района и Кулалинка Жирновского района. На российские и германские средства в них было сдано более 300 единиц жилья. В Волгоградской области активно реализовывалась программа организации фермерских хозяйств. Согласно постановлению правительства в 1993 г. в рамках ее реализации полагалось организовать первые 10 комплексов. В Волгоградской области близ с. Верхняя Кулалинка Камышинского района появился агрогородок, объединивший аграрно-сервисную станцию и фермерские хозяйства. В апреле 1993 г. фермеры начали первые посевные работы. В хозяйстве вместе трудились русские и немецкие семьи, приехавшие из совхоза «Буерачный». В начале 1997 г. в северных районах Волгоградской области существовало уже 87 фермерских хозяйств²⁵.

Несмотря на то, что большая часть предполагаемой республики немцев Поволжья находилась в Саратовской области, Волгоградская на момент переписи 1989 г. опережала свою соседку по количеству проживавших там немцев. Однако во второй половине 1990-х гг. интерес к решению проблем немцев в Волгоградской области постепенно стал угасать, особенно после того,

как регион не вошел в список областей по реализации новой Федеральной целевой программы в 2007 г. В 2015 г. в с. Галка проживали 30 немцев (в середине 1990-х гг. – 182)²⁶.

Самарская и Ульяновская области не были предметом интереса лидеров немецкого национального движения в 1980-е и 1990-е гг., но их включение в программы по созданию компактных поселений немцев стали результатом социально-экономической стратегии региональной власти.

В Ульяновске, где в 1989 г. проживало не более 2 тыс. немцев, энтузиазм группы людей инициировал создание первого компактного немецкого поселения. 6 апреля 1990 г. исполкомом Ульяновского областного Совета народных депутатов было принято решение «О приглашении в Ульяновскую область на постоянное место жительства советских немцев»²⁷, а 25 апреля в общесоюзной газете «Известия» было размещено объявление о приглашении до 10 тыс. советских немцев на Среднюю Волгу²⁸.

В июне 1990 г. в Ульяновскую область приехали первые переселенцы. Местом их нового жительства стало с. Богдашкино в Чердаклинском районе. Советские немцы удачно влились в хозяйственную структуру этого района, где на средства ФРГ впоследствии была возведена инфраструктура. Администрация села 26 июня 1992 г. получила официальный статус национального немецкого сельсовета, который просуществовал до 2006 г. Развитие села стало одним из направлений Федеральных целевых программ поддержки развития российских немцев²⁹.

На территории Самарской области в ее современных границах до депортации были разбросаны лишь фрагментарные поселения, в ней не предполагалось поэтапного восстановления автономной республики или появления национального района. Участие Самарской области в реализации немецкой программы было связано с его главой, активным сторонником рыночных преобразований К. А. Титовым. Для администрации области это была возможность изменить ситуацию в сельском хозяйстве региона, привлечь значительные иностранные инвестиции. Активную роль в процессе сыграл и председатель немецкого культурного центра Самарской области И. И. Беккер.

Фермерские хозяйства стали возникать в Безенчукском и Хворостянском районах, была создана необходимая хозяйственная инфраструктура. Во второй половине 90-х гг. выислито более 100 домов в пос. Соловьево, Поволжье, Макарьевка. Поселения стали частью реализации Президентских целевых программ по развитию социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев³⁰.

Недалеко от с. Макарьевка в Безенчукском районе Самарской области в 1998 г. официально появилось на карте России уникальное

Динамика численности немецкого населения в областях и республиках Поволжья и прилегающих к нему регионах (1959–2010 гг.)

№№ п/п	Регионы	По переписи 1959 г.		По переписи 1970 г.		По переписи 1979 г.		По переписи 1989 г.		По переписи 2002 г.		По переписи 2010 г.	
		Абсолют. величина	Прирост или убыль, %	Абсолют. величина	Прирост или убыль, %	Абсолют. величина	Прирост или убыль, %	Абсолют. величина	Прирост или убыль, %	Абсолют. величина	Прирост или убыль, %	Абсолют. величина	Прирост или убыль, %
1.	Горьковская – Нижегородская область	682	-10,6%	611	+9,8%	671	+40,4	942	+3,2%	1574	+67,1	1248	-20,7%
2.	Марийская АССР – Марий Эл	1 140	-32,6%	768	-31,3%	527	+3,2%	544	+3,2%	532	-2,2%	399	-25,0%
3.	Чувашская АССР – Чувашия	291	+1,7	296	+2,9%	382	-1,6%	376	+38,3%	520	+38,3%	404	-22,3%
4.	Татарская АССР – Татарстан	1 427	-5,3%	1 351	+74,0	2352	+18,0%	2775	+3,9%	2882	+3,9%	2200	-23,7%
5.	Мордовская АССР – Мордовия	228	-9,2%	207	+2,4%	212	+20,2%	255	+46,7%	374	+46,7%	276	-26,2%
6.	Пензенская область	715	+8,5%	776	-7,0%	721	+8,2%	780	+64,0%	1279	+64,0%	849	-33,6%
7.	Ульяновская область	1 151	+21,1%	1394	+14,8	1601	+14,6%	1838	+61,2%	2963	+61,2%	1872	-36,8%
8.	Куйбышевская – Самарская область	6 175	+14,0%	8 042	+25,2%	10071	+5,1%	10581	-9,6%	9569	-9,6%	6 780	-29,1%
9.	Саратовская область	3 379	+12,5%	4 803	+130,4%	11067	+54,2%	17068	-29,1%	12093	-29,1%	7579	-37,3%
10.	Сталинградская – Волгоградская область	7 473	+169,7%	20 155	+32,7%	26746	+4,7%	28008	-39,1%	17051	-39,1%	10102	-40,7%
11.	Тамбовская область	1164	-27,7%	841	-4,9%	800	-1,0%	792	+35,2%	1071	+35,2%	638	-40,4%
12.	Астраханская область	621	+34,9%	1459	+6,0%	1574	+7,0%	1685	-17,6%	1389	-17,6%	916	-34,0%
13.	Калмыцкая АССР	1 547	+36,9%	5212	+5,7%	5509	+1,4%	5586	-70,6%	1643	-70,6%	1071	-34,8%
	Всего в регионах	25993	+76,6%	45915	+13,1%	50445	+41,2%	71230	-25,7%	52940	-25,7%	34334	-35,1%

Сост. по: Материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг.

поселение Иоганесфельд, названное в честь И. И. Беккера³¹. Развитие фермерского хозяйства начиналось с нуля. В 1997 г. на выделенных 80 га вырос первый урожай. Численность населения увеличилась за 2 десятилетия с полутора десятков до 152 чел. С 2015 г. Макарьевка и Иоганесфельд были интегрированы в с. Ольгино³².

Миграционные процессы последнего десятилетия прошлого века поставили окончательную точку в идее возрождения компактного поселения немцев в Поволжье. Число немецких жителей не только не увеличивалось, но и значительно снижалось. В Саратовской области отрицательное сальдо миграций сократило немецкое население к началу нового тысячелетия с 17 до 12 тыс. чел. Планируемый массовый приезд оказался не столь широкомасштабным в отличие от массового исхода немцев на историческую Родину. В промежуток между переписями 1989 и 2002 гг. на территорию области въехало около 10 тыс. чел., в то время как навсегда покинули Саратовское Поволжье без малого 19 тыс. чел. Перепись населения 2010 г. вновь показала неутешительные результаты – немецкое население области за первую декаду нового тысячелетия снизилось почти вдвое, с 12 до 7 тыс. Ожидать увеличения этой цифры по результатам предстоящей переписи населения, скорее всего, не стоит.

Немецкое население Волгоградской области в 1989 г. превышало аналогичные показатели других регионов Поволжья. Его численность превышала 28 тыс. чел. Темпы сокращения немецкого населения стали одними из самых высоких в Поволжье. Несмотря на приток мигрантов в регион, общее количество немцев в 2002 г. сократилось более чем на 10 тыс. чел., составив 17 100 жителей. В 2010 г. в области проживали 10 102 немца, большая часть из которых была городскими жителями (см. таблицу).

Схожие процессы наблюдались и в Самарской области, хотя и не в таких масштабах, как в Волгоградской и Саратовской. В период с 1989 по 2002 г., несмотря на поддерживаемый федеральной и региональной властью переселенческий процесс, отрицательное сальдо миграций составило около тысячи человек (с 10 581 до 9 569). Относительно слабый отток населения из Самарской области был связан еще и с тем, что область, в отличие от Саратовской и Волгоградской, была одним из региональных лидеров экономического роста. Однако в новом тысячелетии между переписями 2002 г. и 2010 г. немецкое население уменьшилось уже на 3 тыс. чел. (с 9 569 до 6 780 чел.). Число немцев в районах с компактным поселением (Хворостянском и Безенчукском районах) составило в совокупности чуть более 300 чел., или около 5% немецкого населения области, что свидетельствует о незначительном влиянии переселенческих программ³³. Важно еще отметить, что львиная доля немцев,

оставшихся в регионе, представляет собой городское население.

Ульяновская область стала единственным местом, где немецкое население не только не сократилось, но и незначительно выросло. По переписи 1989 г. в ней проживало 1 838 российских немцев, а в 2010 г. их численность составила 1 872 чел. В отличие от остальных поволжских регионов максимального показателя число немцев в области достигло на рубеже тысячелетий, значительно увеличившись за 1990-е гг. По переписи 2002 г. немецких жителей в Ульяновской области насчитывалось 2 963 чел. (см. таблицу).

Основной причиной неудачи социально-экономических экспериментов по возвращению немецкого населения в Поволжье представляется их запоздалость. Предшествующие им политические решения российского руководства, жесткая антинемецкая позиция местных властей и значительной части населения дали импульс эмиграции в Германию, темпы которой стали быстро расти в связи с изменившимися условиями международных отношений: открытием границ, ростом коммуникаций, привлекательностью жизни в Германии, возможностью перестать быть национальным меньшинством с судьбой, постоянно зависящей от характера российско-германских отношений.

Примечания

¹ См.: Хердт В. Внешняя и внутренняя миграция российских немцев последнего десятилетия в зеркале статистики и в оценке политиков // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект / под ред. А. Германа, И. Плева. М.: Готика, 1998. С. 397.

² См.: Айсфельд А. Российские немцы в послевоенных советско-германских отношениях // Отечественная история. 1996. № 3. С. 115–128.

³ См.: Хердт В. Указ. соч. С. 393–406.

⁴ См.: Бауэр В. А., Иларионова Т. С. Российские немцы: право на надежду. К истории национального движения народа (1955–1993). М.: Республика, 1995. 458 с.

⁵ См.: Иларионова Т. С. Российские немцы в советско-западногерманских послевоенных отношениях, 1945–1961 гг. М.: МИРОС, 2010. 224 с.

⁶ См.: Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Теоретический аспект // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы 15-й Международной научной конференции (Маркс, 5–9 августа 2015 г.) / под ред. А. А. Германа. М.: RusDeutsch Media, 2016. С. 321–336.

⁷ См.: Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Практические формы реализации // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): материалы 16-й Международной научной конференции (Москва,

- 27–31 октября 2016 г.) / под ред. А. А. Германа. М. : РусДойч Медиа, 2017. С. 336–369.
- ⁸ См.: Герман А. А. Послевоенное общественное движение российских немцев (1954–2014) : попытка системного анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 34–40.
- ⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php (дата обращения: 01.08.2020).
- ¹⁰ Подробнее см. : Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 436–437.
- ¹¹ Там же. С. 419–428.
- ¹² См.: Оконова Л. В. Депортация немцев из Калмыцкой АССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 56.
- ¹³ О переселении немцев из Калмыцкой АССР : Распоряжение СНК № 84-кс. 02.11.1941 // Сталинские депортации. 1928–1953. Превентивные тотальные депортации и депортации отступления (1941–1943). URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1022033> (дата обращения: 04.10.2020).
- ¹⁴ О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. // История российских немцев в документах / сост. А. В. Ауман, В. Г. Чеботарева. М. : РАУ-корпорация, 1993. С. 177.
- ¹⁵ Сайт МАИИКРН. URL: <http://www.maiikrn.ru/> (дата обращения: 29.09.2021).
- ¹⁶ См.: Малова Н. А. Возвращение поволжских немцев на Волгу в конце 1950-х гг. (по материалам историко-этнографических экспедиций в Поволжье // Миграционные процессы среди российских немцев : исторический аспект... С. 360–361.
- ¹⁷ См.: Галушка В. А. Энгельсский миротворец : Артур Генрихович Карл : жизнь, политическая деятельность, роль в возрождении культуры российских немцев. М. : Готика, 2007. С. 18–23.
- ¹⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. С. 189, 360, 489.
- ¹⁹ См.: Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». М. : Готика, 1998. С. 63, 167.
- ²⁰ См.: Малова Н. А. Указ. соч. С. 361.
- ²¹ См.: Смольникова Н. В. Немцы Поволжья : современные этнополитические проблемы. М. : Готика, 1995. С. 11–12.
- ²² История немцев России / ред. А. А. Герман. М. : МаВи групп, 2020. С. 537.
- ²³ Там же. С. 539.
- ²⁴ Там же. С. 540.
- ²⁵ См.: Кутыга А. Немец по крови и русский в душе // Крестьянская жизнь. 2012. 13 февр. URL: <http://krestyane34.ru/nemec-po-krovi-i-russkii-v-dushe.html> (дата обращения: 17.07.2020).
- ²⁶ См.: Катунцева А. Почему 30 белогорских немцев не хотят уезжать в Германию // Волгоградская правда. 2015. 11 марта. URL: <https://vpravda.ru/obshchestvo/pochemu-30-belogorskih-nemcev-ne-hotyat-uezzhat-v-germaniyu-22111/> (дата обращения: 16.06.2020).
- ²⁷ Об инициативе по расселению советских немцев в Ульяновской области : Записка Г. Таразевича и Л. Шишкова А. И. Лукьянову // История российских немцев в документах. С. 317–318.
- ²⁸ О приглашении в Ульяновскую область на постоянное место жительства советских немцев : объявление // Известия. 1990. 25 апр.
- ²⁹ Вторая родина немцев // Мономах. 2009. № 3(58). URL: <http://monomax.sisadminov.net/main/view/article/856> (дата обращения: 21.06.2020).
- ³⁰ Постановление Правительства РФ от 5 марта 2008 г. № 142 «О федеральной целевой программе “Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 годы”» // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6285683/> (дата обращения: 10.07.2020).
- ³¹ Собрание Законодательства Российской Федерации от 19 июля 1999. № 29, ст. 3737. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1001999029000&docid=1939> (дата обращения: 21.07.2020).
- ³² Закон Самарской области от 25 февраля 2005 года № 44-ГД «Об образовании городских и сельских поселений в пределах муниципального района Безенчукский Самарской области, наделении их соответствующим статусом и установлении их границ» (с изм. на 30 апреля 2015 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/945011156> (дата обращения: 18.07.2020).
- ³³ Национальный состав населения Самарской области : статистический сборник. Самара : Самарстат, 2013. С. 17, 57, 79.

Поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 22–28

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 22–28

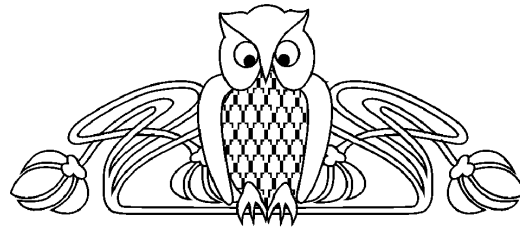
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-22-28>

Научная статья

УДК 325.111(470.25+571.61)|1961/1967|

Переселение рабочей силы из Псковской области на Амур (1961–1967 годы)

А. В. Филимонов

Псковский государственный университет, Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

Филимонов Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, kafotist@pskgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы реализации в Псковской области государственных заданий по плановому переселению рабочей силы в многоземельные районы Амурской области (1961–1967 гг.). Приводятся данные о числе переселившихся, вскрываются трудности проводимых кампаний и их последствия для одной из коренных областей России.

Ключевые слова: Псковская область, Амурская область, многоземельные колхозы, государственное задание, отбор, переселение, демография, численность населения

Для цитирования: Филимонов А. В. Переселение рабочей силы из Псковской области на Амур (1961–1967 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 22–28. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-22-28>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Relocation of the workforce from the Pskov region to the Amur (1961–1967)

A. V. Filimonov

Pskov State University, 2 Lenin Sqr., Pskov 180000, Russia

Anatoly V. Filimonov, kafotist@pskgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>

Abstract. The article deals with the problems of the implementation of state tasks in the Pskov region for the planned relocation of labor to multi-land areas of the Amur region (1961–1967). Statistical data on the number of resettled are given, the difficulties of the ongoing campaigns and their consequences for one of the indigenous regions of Russia are revealed.

Keywords: Pskov region, Amur region, multi-land collective farms, state assignment, selection, resettlement, demography, population

For citation: Filimonov A. V. Relocation of the workforce from the Pskov region to the Amur (1961–1967). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 22–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-22-28>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Одним из наиболее серьезных последствий самой кровопролитной и разрушительной в истории человечества войны – Второй мировой – были демографические изменения. СССР понес колоссальные людские потери в боевых действиях, несколько миллионов человек стали жертвами фашистского террора на временно оккупированной территории, тысячи людей были угнаны в рабство. Кроме прямых последствий войны, были и тяжелые косвенные: сокращение рождаемости, преждевременная смерть людей, получивших ранения или перенесших многие лишения, оставшихся без медицинской помощи, крова, и др.

С особой силой все это проявилось во вновь образованной (в 1944 г.) Псковской области, перенесшей из всех российских территорий самую длительную фашистскую оккупацию и являвшейся местом ожесточенных военных действий. Помимо значительных военных потерь край не «досчитался» нескольких тысяч человек и по другим причинам. Так, с территории области в 1941 г. были эвакуированы в другие районы страны свыше 35 тыс. чел., в вернулись в ходе реэвакуации в течение 1944–1948 гг. только 26 тыс.¹; в принудительном порядке гитлеровцами были вывезены более 112 тыс. чел., вернулись же в результате репатриации немногим

более 97 тыс.² Население области пополнялось демобилизованными из армии, но все же численность его была меньше двоекной. В районах Псковской области (в границах 1944 г.) в 1940 г. проживало примерно 860 тыс. чел., а к началу 1948 г. – лишь 570 тыс., или 65,7% от довоенной численности³.

Объяснялось это не только военными потерями, но и выездом части населения в другие области, превышением до 1948 г. смертности над рождаемостью (прежде всего в сельской местности), регулярными организованными наборами рабочей силы на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт, плановыми вербовками и мобилизациями на лесозаготовки, торфоразработки, восстановительные работы в города, молодежи – в ремесленные училища, школы ФЗО и др. В плановом порядке проводилось заселение вновь присоединенных к СССР территорий – Карельского перешейка⁴, Калининградской области⁵ и Южного Сахалина⁶, куда по разнарядке переселялись семьи колхозников и рыбаков. В 1950-е гг. десятки и сотни псковичей отправились на освоение целинных и залежных земель⁷, «великие стройки» в районы Поволжья, Юга, Востока и Севера страны⁸, что также способствовало уменьшению численности населения области, главным образом молодежи. Вследствие оттока молодых сил население Псковщины «старело», началось сокращение рождаемости и последующее превышение показателей смертности. Проведенная первая послевоенная перепись населения страны (1959 г.), зафиксировавшая численность и состав населения области в новых ее границах (в 1957 г. территория ее расширилась за счет включения районов упраздненной Великолукской области), показала значительное сокращение его по сравнению с довоенными годами: она составила менее 952 тыс. вместо 1,5 млн в 1939 г. При этом сельское население пока что существенно превышало городское, составляя 73% общей численности⁹.

Руководство области, хорошо понимая, что это обостряет проблему трудовых ресурсов, неоднократно ставило вопрос перед властью о прекращении мобилизаций и организованного набора рабочей силы за пределы региона, но не было услышано. Не успела область в очередной раз выполнить «государственное задание» по переселению 150 семей колхозников в Калининградскую область (1959–1960 гг.)¹⁰, как получила новую разнарядку на переселение рабочей силы, на этот раз в Амурскую область и, как оказалось, не последнюю, имевшую продолжение в течение нескольких лет и еще больше усугубившую демографическую обстановку в крае.

Совет Министров РСФСР своим постановлением от 19 ноября 1960 г. установил план переселения из Псковской области в многоземельные колхозы Амурской области 100 семей,

а Псковский облисполком в свою очередь решением от 12 декабря того же года довел его до районов области. Особого «восторга» у районного руководства, как и населения в целом, решение не вызвало: прошел месяц, и выяснилось, что ни одной семьи на переселение в области не отобрано, а срок отправки (24 февраля 1961 г.) приближался. Областной отдел переселения и организованного набора рабочей силы констатировал, что в этом деле допускаются непозволительная медлительность, «информационно-справочная и массово-разъяснительная работа среди колхозного населения, оповещение его организованы неудовлетворительно, мало проводится групповых и индивидуальных бесед, собраний, выступлений в печати и по радио»¹¹. Требовалось принимать срочные меры, в противном случае выполнение задания Правительства стояло под угрозой. И оно, похоже, в полном объеме так и не было выполнено, – и не только по причине недостаточной разъяснительной и организационной работы, – но и нежелания самих жителей области: они прекрасно понимали, что на Амур, в дальний регион, им придется уехать навсегда, и далеко не каждый решался покинуть родные места.

Уже 25 сентября 1961 г. Отделом было получено директивное письмо Главного управления переселения и организованного набора рабочей силы при Совете Министров РСФСР с очередным заданием: обеспечить переселение новых 100 семей на Амур в 1962 г. С содержанием письма был немедленно ознакомлен председатель облисполкома Я. А. Прушинский, и 4 октября последовало решение облисполкома «О плане переселения семей в совхозы Амурской области». Рекомендовалось «отбор переселенцев производить среди городского и сельского неколхозного населения, а также среди семей колхозников, рабочих совхозов, где имеется излишняя рабочая сила»¹². До районов и городов доводился план переселения: из Пскова и Великих Лук предстояло отобрать по 10 семей, такое же количество – из Псковского, Великолукского и Опочецкого районов (из каждого), Порховского и Печорского – по 8, Островского – по 7, Невельского и Новоржевского – по 5, Новоскольниковского и Себежского – по 4, Дновского, Палкинского и Локнянского – по 3 (разнарядка, таким образом, коснулась 15 городов и районов области). Требовалось сразу же развернуть среди населения разъяснительную и агитационную работу, знакомить его с условиями переселения и проживания в районах будущего вселения. Облисполком обязывал руководителей городов и районов, сельсоветов и хозяйств «оказать семьям, изъявившим желание на переселение, помощь в производстве расчетов по месту жительства, продаже построек, реализации излишков имущества и сельскохозяйственной продукции, сдаче скота и сельскохозяйственной продукции

на заготпункты»¹³, а отправку переселенцев обеспечить в течение 15–20 февраля 1962 г. Перед отправкой следовало провести их медицинское освидетельствование, организовать медицинское обслуживание в пути. Псковское и Великолукское отделения железной дороги должны были выделить необходимое количество пассажирских и товарных вагонов¹⁴.

Псковский горисполком, получив план на переселение, в свою очередь 18 октября 1961 г. принял собственное решение, рекомендовав «провести тщательный отбор рабочих и служащих, не допуская при этом формального, местного подхода, обеспечить отбор способных закрепиться в многоземельных районах и принять активное участие в развитии сельскохозяйственного производства»¹⁵. Горисполком предписывал строго руководствоваться при отборе добровольным согласием, отбирать семьи рабочих и служащих, в которых было не менее двух трудоспособных и в возрасте: мужчины – от 16 до 55 лет, женщины – 16–50 лет, признанные годными по состоянию здоровья для работы в сельском хозяйстве. Отбор предстояло провести на 10 предприятиях города (по одной семье в каждом): заводах – машиностроительном, электромашиностроительном, радиодеталей, телефонном, «Выдвиженец», льнокомбинате, шпательной фабрике, а также трестах «Псковстрой» и № 44, отделении Октябрьской железной дороги¹⁶.

Из Амурской области вскоре были получены информационные материалы с характеристикой региона, его экономики и культуры, условий жизни, и на основе их Отделом переселения был изготовлен и распечатан тиражом в 1000 экз. агитационный плакат, разосланный по районам области. Особое внимание обращалось на два района, в которые предстояло отправиться переселенцам – Мазановский и Завитинский, а также имевшиеся там совхозы. Недоработки, допущенные в предыдущем году, таким образом, были учтены, и работа по отбору семей на переселение шла теперь более успешно. Уже к 3 декабря 1961 г. поступили заявления от 65 семей – в большинстве своем от рабочих предприятий городов, поселков городского типа и райцентров и чаще всего тех, которые в недавнем прошлом трудились в сельскохозяйственном производстве. Главы семей, как правило, являлись квалифицированными рабочими, трактористами, плотниками, кузнецами, токарями, слесарями и т. п. Например, в колхозе «Память Ильича» Печорского района изъявили желание переселиться на Амур две семьи братьев Токаревых, главы которых имели специальности плотника и тракториста, а глава хозяйства в Гдовском районе Михаил Степанович Петров был по образованию агрономом. На 19 семей (из 65) материалы к этому времени были уже оформлены, и все они утверждены на переселение. Всего же в

100 семьях, которым предстояло переселиться, насчитывалось 420 чел. (в том числе 65 детей в возрасте от 5 до 10 лет и 58 – до 5 лет) (таким образом, среди переселенцев преобладала молодежь).

Путь переселенцам предстоял далекий – примерно 8500 км, и перевозка одних только людей обходилась бюджету в сумму около 10,5 тыс. руб. Немалые расходы требовались и на перевозку имущества – свыше 16 тыс. руб. Из Пскова группа переселенцев (55 семей из города и районов – Псковского, Печорского и Порховского) должна была следовать до станции Арга, от станций Остров (10 семей из Островского, Новоржевского и Опочецкого районов) и Великие Луки (35 семей из Великих Лук, и районов – Великолукского, Невельского, Себежского, Новосokolьнического и Локнянского) – до станции Завитая, а перед этим на указанные станции Псковской области их необходимо было доставить автобусами, имущество – автотранспортом, что увеличивало затраты еще на 1140 руб. Всего же переселение обходилось в сумму более 24 тыс. руб.¹⁷

В 1962 г. «государственное задание» по переселению в Амурскую область Псковская область выполнила, но за ним последовали новые. На ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев вновь говорил о необходимости быстрее осваивать районы Сибири, Дальнего Востока и Севера, а значит, предстояло опять направлять туда рабочую силу из европейской части. «Из нашей области будут проводиться переселения в Амурскую область, которая в экономике Дальнего Востока занимает видное место, – писал в связи с этим зав. отделом переселения и оргнабора рабочих Псковского облисполкома С. С. Кудрявцев. – Там много лесов, которые богаты пушным зверем. Богатой кладовой являются и недра, где немало каменного угля, железной руды, цветных металлов. В области быстрыми темпами развивается промышленность – дает каменный уголь, золото и строительные материалы. Одно из ведущих мест занимает лесная промышленность. Интенсивно развивается сельскохозяйственное производство, в области имеется 64 колхоза и 63 совхоза. Совхозы, в которые будут переселяться семьи из Псковской области, являются крупными хозяйствами...»¹⁸.

«В 1962 г. из области в Амурскую переселилось много семей, – продолжает он. – Переселенцы пишут письма знакомым, рассказывают, как устроились на новых местах. Алексей Дмитриевич Иванов, проживавший ранее в пос. Грызавино, в начале прошлого года с женой и 7 детьми переехал в совхоз «Беловежский» Амурской области, там ему выделили отдельный дом, помогли приобрести корову и поросенка. А вот А. Гвоздовский пишет, что, приехав в Амурскую область, стал работать в Ульминском совхозе Мазановского района скотником-пастухом и зарабатывает ежемесячно 150–200 руб.,

имеет хороший дом, корову, поросенка, огород. «Мы живем хорошо, – сообщает он знакомым, – приезжайте к нам на Амур, не пожалеете»¹⁹.

«В марте из Псковской области в приамурские совхозы поедут несколько десятков семей, – завершает свое повествование С. Кудрявцев. – Переселенцам предоставляются льготы: бесплатный проезд, провоз багажа до 2 т на семью, единовременное денежное пособие на главу семьи 130 руб. и по 27 руб. на каждого члена семьи, при этом 50% пособия выдается при выезде и остальные 50% – в совхозе, по месту поселения. Предоставляется кредит на строительство жилого дома и надворных построек в сумме 2 тыс. руб., на покупку коровы в 280 руб., семьи переселенцев освобождаются от уплаты сельхозналога или подоходного налога с населения по доходам от сельского хозяйства на 5 лет»²⁰.

В то время, когда писались эти строки, в Пскове была получена разрядка на переселение в Амурскую область новых 100 семей, теперь уже в начале 1963 г. Из Пскова, например, планировалось отобрать на этот раз 15 семей, – по одной с каждого предприятия (за исключением отделения железной дороги, которому необходимо было подобрать две семьи), где отбор производился уже в предыдущем году, к которым добавилось несколько новых: молокозавод, электростанция, мебельная фабрика, городской комбинат бытового обслуживания, областной автотрест. Требования к отбору, порядок выполнения задания и правила переселения оставались прежними²¹.

Отныне задания следовали ежегодно, и цифра «100 семей» становилась для области стандартной. Она была спущена Псковской области и на 1964 г., и вновь принимались решения облисполкома, а в Пскове – горисполкома. Последний 27 ноября 1963 г. довел задания до 16 предприятий, каждому из которых вновь следовало отобрать по одной семье, а некоторым (завод «Псковкирпич», отделение железной дороги и другие – по две)²².

«Ежегодно по решению правительства из центральных областей СССР проводится плановое переселение граждан в районы Севера, Дальнего Востока и Сибири, – вновь писал С. С. Кудрявцев. – Из Псковской области переселение ведется в Амурскую область. В марте 1964 г. намечается переселение из Псковской области в 6 крупных амурских совхозов. Так, совхоз «Архаринский» имеет 27 тыс. га земли, и т. д. В марте 1963 г. большая группа земляков выехала в Амурскую область. Все они получили благоустроенное жилье, приусадебные участки, имеют хороший заработок, пишут письма и приглашают земляков. Пскович Василий Васильевич Никитин, например, пишет: «Я не пожалел, что приехал на Амур. Работаю шофером, а жена – на общих работах. Дали нам, когда мы приехали,

новый дом, картофель для посадки огорода, сейчас в нашем хозяйстве корова, поросенок и птица. Живем хорошо». На переселение отбираются семьи из сельского неколхозного, а также городского населения по рекомендации горисполкомов и райисполкомов. В этих семьях должно быть не менее двух трудоспособных в возрасте: мужчины – от 16 до 55 лет, женщины – 16–50 лет, признанные медицинской комиссией годными для работы в совхозах. Переселенцам предоставляются льготы...»²³.

Государственные задания по отбору и переселению следовало выполнять неукоснительно, так как Совет Министров РСФСР своим Постановлением от 14 апреля 1964 г. «О мерах по дальнейшему улучшению организации переселения в колхозы и совхозы» обязал Советы Министров автономных республик, областные и краевые исполкомы Советов своевременно и качественно проводить эту работу²⁴.

На 1965 г. Псковская область задания на переселение в Амурскую область не получила, но это был всего лишь небольшой перерыв, потому что на следующий, 1966 г., вновь предстояло подобрать на переселение такое же количество семей – 100. Задание было оформлено распоряжением облисполкома 15 сентября 1965 г.: из Пскова необходимо было направить 10 семей, из г. Великие Луки и районов – Великолукского, Гдовского, Дновского, Новоржевского, Опочецкого, Порховского, Пыталовского, Печорского и Струго-Красненского – по 5, Псковского – 8, Островского – 7, Бежаницкого, Куньинского, Локнянского, Невельского, Новосокольнического – по 4, Пустошкинского – 2, и Себежского – 3 семьи. Задание, таким образом, касалось 20 городов и районов области, т. е. почти всех, и снова напоминалось, что отбор предстоит производить из населения городов и поселков городского типа, а также «сельского неколхозного населения, где имеется избыток рабочей силы»²⁵. Но в то время практически все сельские районы уже ощущали ее нехватку, на счету была каждая трудоспособная семья, и выезд хотя бы одной – двух семей ослаблял трудовые ресурсы псковской деревни. В середине 1960-х гг. в Псковской области, как и в ряде других (Калининской, Новгородской, Смоленской и других) уровень смертности достиг 10–11%, т. е. смертность сельского населения находилась почти на уровне рождаемости, а иногда и превосходила ее. В этих областях в связи с низкой рождаемостью и высокой смертностью сельского населения естественно-прироста по деревням практически не было или же он имел минимальное значение (в Псковской области – 0,7%, в Калининской – 1,4%), в то время как в среднем по РСФСР рождаемость еще превышала смертность в 2 и более раза²⁶. Руководство страны, похоже, не чувствовало приближающейся «демографической катастрофы» и продолжало «вычерпывать» из нечерноземных

областей, в том числе из Псковской, так необходимые им рабочие руки. Не ощущалось это и в публикации нового заведующего Псковским областным отделом переселения и оргнабора рабочих И. Зорина, который в ноябре 1965 г. писал: «Сотни наших земляков переселились в Приамурье и помогают дальневосточным земледельцам поднимать сельское хозяйство, осваивать цели проросты плодородных земель, развивать общественное животноводство. Ежегодно для устройства переселенцев государство выделяет большие средства – для новоселов строятся добротные дома, оказывается помощь в обзаведении скотом и др. Большинство псковичей, переселившихся на Дальний Восток в прошлые годы, прочно осело в хозяйствах Амурской области. Об этом говорят их письма.

Алексей Ефтихович Белявский, переселившийся в позапрошлом году из совхоза «Красное» Струго-Красненского района в совхоз «Сапроновский» Мазановского района, пишет: «Все переселенцы живут в новых домах... У нас за два года построены 22 многоквартирных дома, детские ясли, новый клуб. В личном хозяйстве у меня имеется корова, свинья, два поросенка, зарабатываю по 120 руб. в месяц, а с мая этого года работаю скотником-пастухом, зарабатываю от 120 до 260 руб. Жена – доярка, зарабатывает в месяц от 100 до 150 руб. Сын – тракторист...»²⁷.

«О трудовых делах псковичей хорошо отзывался руководство амурских совхозов и районов, о наших земляках часто пишут в областной и районных газетах, – продолжал И. Зорин. – Вот что, в частности, рассказала газета «Серп и молот» Архаринского района: «На Переселенческой улице в селе Заречном в новом двухэтажном доме с пышно разросшимся палисадником живет семья Евгения Савельевича Соловьева. Евгений Савельевич с женой Надеждой Михайловной и тремя детьми приехал в прошлом году из Бежаницкого района Псковской области. В Заречном отделении Богучанского совхоза Надежда Михайловна сначала работала заведующей фермой, с обязанностями справлялась хорошо. Эту энергичную молодую женщину односельчане избрали депутатом сельсовета. Сейчас Надежда Михайловна работает дояркой, а муж ее – скотником-пастухом дойного гурта. Заработок у него высокий, в июле, например, он получил 185 руб.»²⁸.

«В настоящее время в нашей области развернулась работа по отбору семей на переселение – строго на добровольных началах, по рекомендациям районных и городских Советов, – писал в заключение И. Зорин. – Необходимо в каждой семье иметь не менее двух трудоспособных, признанных медицинской комиссией годными для работы в сельском хозяйстве. Переселенцам предоставляются льготы...

Как правило, отправка переселенцев из Пскова производится в марте. В будущем году

псковичи поедут в совхозы Архаринского и Мазановского районов, в которых уже несколько лет трудятся наши земляки. Эти районы располагают богатейшими земельными и лесными угодьями, имеют большое количество техники, скота, хозяйства здесь электрифицированы и радиофицированы, всюду есть школы, медпункты и больницы, магазины и клубы. Но рабочих рук не хватает, поэтому трудящиеся Амурской области ждут псковичей»²⁹.

В меньшей степени ощущалась нехватка рабочих рук в городах Псковской области, тем более, что в 1960-е гг. менялось соотношение между городским и сельским населением: доля последнего неуклонно уменьшалась, а первого росла. Поэтому отбор с каждого промышленного предприятия одной-двух семей на переселение существенно на развитии производства не сказывался. В Пскове отбор на переселение в 1966 г. производился на 9 предприятиях промышленности, строительства и транспорта, как правило – по одной семье, в исключительных случаях – двух³⁰.

Работа по отбору переселенцев и оформлению необходимых материалов началась с сентября 1965 г., в результате к середине марта 1966 г. было отобрано 103 семьи с общим количеством 429 чел. Все они выехали из области, благополучно прибыли к месту назначения, за исключением одного, который в пути заболел и был помещен в больницу на ст. Тайга Западно-Сибирской железной дороги. Из 429 чел. 215 являлись трудоспособными, в числе их имелось 88 специалистов (трактористов – 38, комбайнеров – 1, шоферов – 11, строителей – 21, токарей – 6, слесарей – 10, электриков – 4 и т. д.), подавляющее большинство их имело опыта работы в сельском хозяйстве. Члены четырех семей были колхозниками, 25 семей – рабочими совхозов, 74 – рабочими предприятий³¹.

2 ноября 1966 г. Псковский облисполком в соответствии с очередным «государственным заданием» утвердил разнарядку на отбор и переселение 100 семей в 1967 г. – в 22 городах и районах области. В каждом из них предстояло отобрать от 2 до 7 семей, в Пскове – 11, в Великих Луках – 8³². В Пскове это коснулось 10 предприятий и учреждений – в основном тех же, где отбор производился и в предыдущие годы³³. Отбор на переселение в 1967 г., однако, протекал с немалыми трудностями: несмотря на принимаемые усилия к 1 марта удалось отобрать только 60% от необходимого. Скорее всего, области не удалось бы выполнить план, но в последний момент с разрешения Главка были использованы граничившие с областью районы Эстонской ССР, где и удалось подобрать недостающие 30 семей. На этот раз переселенцы направлялись преимущественно для работы в совхозах Бурейского и Завитинского районов, основная часть отобранных (99 семей) выехала 23 марта 1967 г.,

а 19 апреля самостоятельно отправилась еще одна семья. Всего в их составе насчитывался 391 чел., в том числе 208 трудоспособных, 63 чел. имели сельскохозяйственные специальности, 48 чел. являлись квалифицированными рабочими; до переселения 8 семей работали в колхозах, 32 – в совхозах. Все семьи организовано прибыли к местам вселения, были размещены и трудоустроены³⁴.

Трудности с отбором переселенцев объяснялись не только неуклонным сокращением трудовых ресурсов в области, но и улучшением жизни населения: в 1960-е гг. постоянно росла заработная плата рабочих и служащих, в городах широко развернулось жилищное строительство, после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС стали ощущаться позитивные перемены и в деревне. Если в первые послевоенные годы люди стремились уехать туда, где хоть немного было легче, и прежде всего воспользоваться льготами для переселенцев, то теперь особой необходимости в этом они не видели, предпочитая оставаться на родине, и переселившись, например, из сельской местности в город.

1967 г. стал в многолетней истории переселения псковичей в Амурскую область последним. В июне отдел по использованию трудовых ресурсов Псковского облисполкома обратился в Государственный комитет РСФСР с просьбой «не предусматривать в народнохозяйственном плане на 1968 г. переселение семей за пределы области в связи с тем, что численность населения Псковской области, особенно сельского, за последние пять лет значительно сократилась»³⁵.

«Большое количество сельского населения убыло в города области и за ее пределы, – мотивировал он свое обращение. – Так, в 1962 г. в области насчитывалось 914,7 тыс. чел. (в том числе 636,2 тыс. – сельское), в настоящее время численность населения области – 870,3 тыс. чел. (сельского – 541,5 тыс.). Таким образом, за последние пять лет численность сельского населения сократилась на 84,7 тыс., значительно сократилась и численность трудоспособного населения. Колхозы и совхозы испытывают большой недостаток в рабочей силе. В связи с этим ежегодно в период максимального напряжения сельскохозяйственных работ дополнительно привлекается на работу в колхозы и совхозы до 20–30 тыс. чел. из числа рабочих и служащих города. В 1967 г. в области образованы 4 новых района, в которых развернулись работы по строительству, возникла большая потребность в дополнительной силе для промышленных и строительных организаций области. Отдел по использованию трудовых ресурсов уже в текущем году испытывал большие трудности по отбору и направлению семей в совхозы Амурской области. План переселения семей был выполнен только благодаря тому, что 33 семьи были оформлены из Эстонской ССР...»³⁶.

Положение усугублялось и тем, что в области ежегодно проводился отбор рабочей силы не только для Амурской области, но и для других регионов страны и отраслей народного хозяйства. Так, начиная с 1963 г., ежегодно проводились оргнаборы на постоянную и сезонную работу в лесную и строительную промышленность Красноярского края, Коми АССР и Карельской АССР. Например, только в 1963 г. в леспромхозы Красноярского края было направлено из Псковской области 128 рабочих (при плане 121 чел.), в 1964 г. – 182 (при плане 160), в 1965 г. – 200, а всего с учетом направленных в Коми республику и Карелию область покинуло: в 1963 г. – 1047 чел., в 1964 г. – 879, за первое полугодие 1965 г. – 500 чел.³⁷ В 1966 г. рабочая сила из области направлялась, помимо комбината «Печора-лес» Коми АССР, в «Главархангельскстрой» и «Мурманстрой», в 1967 г. – в Сортавальское СМУ, на комбинаты «Вычегдалес» Коми АССР, «Кузнецкстрой», «Карлесстрой», «Кировлесстрой» и др. В 1967 г. было получено задание подобрать и направить 20 специалистов на стройки Крайнего Севера, Востока и Сибири³⁸.

Переселения в Амурскую область из Псковской с 1968 г. уже не проводились, но оргнаборы рабочей силы для других регионов и отраслей продолжались: в 1969 г., например, для постоянной и сезонной работы в лесной промышленности Севера, Востока и Сибири (лесосплав, лесорубные работы и др.) из области были направлены 400 чел., в 1972 и 1973 гг. по – 150³⁹.

Все это имело следствием значительное сокращение численности населения области, главным образом трудоспособного, т.е. молодого возраста. Псковская область и без того имела некоторые демографические особенности, обусловленные, прежде всего, близостью Ленинграда и прибалтийских республик, что приводило к оттоку псковского населения и в эти местности. Плановые же переселения в другие регионы и постоянные оргнаборы лишь ускорили эти «центробежные» тенденции, и как результат, с момента Всесоюзной переписи населения 1959 г. и до новой переписи (1970 г.) численность населения области уменьшилась на 8,1%: с 952 тыс. в 1959 г. до 875 тыс. в 1970 г., т.е. почти на 80 тыс. Одновременно проходила ускоренная миграция сельского населения в города, прежде всего в Псков, а на селе уже проявившиеся ранее признаки грядущей «демографической катастрофы» стали ощущаться более остро⁴⁰. В течение 1966–1970 гг. отрицательный естественный прирост сельского населения был зафиксирован не только в Псковской, но и в ряде других областей (Ивановской, Новгородской, Калининской, Костромской и др.)⁴¹. Процесс «вымирания» села Псковской области стал необратимым, и в этом немалую роль сыграл отток населения за ее пределы, в том числе и плановые ежегодные переселения в Амурскую область, откуда люди в род-

ные места, как правило, больше не возвращались (примеров «обратничества» в документах не обнаружено). В Дальневосточном же регионе, где находилась указанная область, в результате прибытия населения из европейской территории страны и вследствие положительного естественного прироста, наоборот, численность населения за 20 лет увеличилась на 170 тыс. чел.⁴²

Примечания

- ¹ См.: Филимонов А. В. Реевакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 464–470. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-470>
- ² См.: Филимонов А. В. Репатрианты в Псковской области в первые послевоенные годы (1944–1949) // Метаморфозы истории : научный альманах. Вып. 9. Псков : Псковский государственный университет, 2017. С. 234–257.
- ³ См.: Филимонов А. В. Всеобщие переписи населения в Псковском крае. Псков : Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова, 2009. С. 50.
- ⁴ См.: Филимонов А. В. Из Пскова в Карелию // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права : материалы Международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П. М. Машерова (Витебск, 26–28 апреля 2018 г.). Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2018. С. 151–154.
- ⁵ См.: Филимонов А. В. Организация переселения псковских колхозников в Калининградскую область в первые послевоенные годы (1946–1948) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузовский тематический сборник научных трудов. Вып. 21. Калининград : Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2015. С. 178–190.
- ⁶ См.: Филимонов А. В. Из Пскова на Сахалин // Псковские архивы : научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 2. С. 69–74.
- ⁷ См.: Филимонов А. В. Участие псковичей в освоении целины // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2018. Вып. 8. С. 25–43.
- ⁸ См.: Филимонов А. В. Псковичи на «великих стройках» (1950–1970-е гг.) // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2017. Вып. 5. С. 35–44.
- ⁹ Народное хозяйство Псковской области : статистический сборник. Л. : Лениздат ; Статистическое управление Псковской области, 1968. С. 10.
- ¹⁰ См.: Филимонов А. В. Второе переселение псковских колхозников в Калининградскую область (1959–1960 гг.) // Северо-Запад в аграрной истории России : межвузовский тематический сборник научных трудов.. Калининград : Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2019. Вып. 25. С. 216–227.
- ¹¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-903 (Исполком Псковского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 1. Д. 1380. Л. 364–365.
- ¹² Там же. Л. 385.
- ¹³ Там же. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1387. Л. 162–164 ; Д. 1400. Л. 142–144 ; Ф. Р. 1121 ; (Отдел по труду Псковского облисполкома). Оп. 1. Д. 239. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1400. Л. 142–144 ; Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 239. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-2 (Исполком Псковского городского Совета депутатов трудящихся). Оп. 3. Д. 495. Л. 13–14.
- ¹⁶ Там же. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 239. Л. 1–9.
- ¹⁸ Кудрявцев С. «Приезжайте к нам на Амур!» // Псковская правда. 1963. 1 февр.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 542. Л. 22–23.
- ²² Там же. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 575. Л. 12–13.
- ²³ Кудрявцев С. «Приезжайте на Амур!» // Псковская правда. 1964. 8 января.
- ²⁴ См.: ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1752. Л. 235.
- ²⁵ Там же. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1679. Л. 162–164.
- ²⁶ См.: Население России в XX веке : Исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1 : 1960–1979 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2005. С. 64–65.
- ²⁷ Зорин И. Амурские совхозы ждут пополнения // Псковская правда. 1965. 27 нояб.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 683. Л. 33–34.
- ³¹ Там же. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 265. Л. 13–14.
- ³² Там же. Ф. Р-903. Оп. 1. Д. 1752. Л. 232–234.
- ³³ Там же. Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 758. Л. 30–31.
- ³⁴ Там же. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 275. Л. 22–25, 56–58.
- ³⁵ Там же. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Л. 37.
- ³⁷ Там же. Д. 255. Л. 1–2.
- ³⁸ Там же. Д. 265. Л. 1, 4, 12 ; Д. 275. Л. 19–20, 56, 60, 62.
- ³⁹ Там же. Д. 302. Л. 2, 9, 20 ; Д. 375. Л. 1–2, 7–8.
- ⁴⁰ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. : в 7 т. М. : ЦСУ СССР, 1972. Т. 1. С. 10–11.
- ⁴¹ См.: Население России в XX веке : Исторические очерки : в 3 т. Т. 3, кн. 1 : 1960–1979. С. 43, 68.
- ⁴² Там же. С. 43.

Поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 15.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–39
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–39
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

Научная статья
УДК [316.75:330.858](47+57)|19|

Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982)

Ф. Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству, Россия, 105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15

Сеницын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Аннотация. В 1960-х гг. советская идеология лицом к лицу столкнулась с серьезными вызовами – как внутренними, так и внешними. Руководство СССР осознавало эти вызовы и приняло решение пересмотреть идеологию, за основу которой была взята концепция «развитого социализма», созданная в соцстранах Восточной Европы. В Советском Союзе эта концепция стала идеологической базой «брежневского» общества и была использована для ответа на внутри- и внешнеполитические вызовы, вставшие перед Советским Союзом. Кроме того, она базировалась на представлении о достижении страной высокой степени развития экономики, достаточного для требований современности, и предполагала перенос завершения строительства коммунизма на неопределенное будущее. Концепция «развитого социализма», принятая в СССР, одновременно имела и прогрессивные черты (попытка привести идеологию в соответствие велениям времени, учет идеологического опыта других стран, отход от иллюзии быстрого построения коммунизма), и консервативные (возврат к сталинской концепции перехода от социализма к коммунизму), и «утопические» (коммунизм остался как цель). В целом у этой концепции были существенные недостатки, которые препятствовали ее эффективности в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: идеология, идеологическая борьба, коммунизм, марксизм-ленинизм, социализм, «развитой социализм», СССР, Л. И. Брежнев, М. А. Суслов

Для цитирования: Сеницын Ф. Л. Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982)

F. L. Sinityn

State University for Land Use Management, 15 Kazakova St., Moscow 105064, Russia

Fedor L. Sinityn, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Abstract. In the 1960s, Soviet ideology came face to face with new challenges and threats, both internal and external. The leadership of the USSR was aware of these challenges and decided to rework the ideology on the basis of the concept of 'Developed Socialism' created in the socialist countries of Eastern Europe. In the Soviet Union, this concept became the ideological basis of the 'Brezhnev's society' and was used to respond to domestic and foreign policy challenges faced by the Soviet Union. In addition, it was based on the idea that the country had achieved a high degree of economic development sufficient for the requirements of modern times, and assumed that the completion of communism would be postponed to an indefinite future. The concept of 'Developed Socialism' adopted in the USSR simultaneously had progressive features (an attempt to bring the ideology in line with the dictates of the time, taking into account the ideological experience of other countries, a departure from the illusion of rapid construction of communism), conservative features (a return to the Stalinist concept of transition from socialism to communism), and 'utopian' features (communism remained as the goal). In general, this ideological concept had significant disadvantages that hindered its effectiveness in the long term perspective.

Keywords: Ideology, ideological struggle, Communism, Marxism-Leninism, socialism, 'Developed Socialism', USSR, Leonid Brezhnev, Mikhail Suslov

For citation: Sinityn F. L. The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 29–39 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

К 1960-м гг. советская политическая и социально-экономическая система достигла определенной степени зрелости. В течение более чем четырех десятилетий она прошла через последовательные этапы развития, приобрела опыт, избавилась от ряда одиозных характеристик. В Советском Союзе была завершена индустриализация, отмечался рост ВВП и уровня жизни населения. В новой Программе КПСС, принятой в 1961 г., была поставлена задача построения коммунизма к 1980 г.

Однако советская идеология столкнулась с новыми многочисленными внутренними и внешними вызовами. Проблема идеологической реакции властей СССР на них до настоящего времени изучена недостаточно. Концепция «развитого социализма», разработанная и внедренная советскими идеологами в 1960–1970-х гг., иногда рассматривается в публицистике и народной памяти лишь как некое «недоразумение».

Источниковая база исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, включает в себя опубликованные материалы и неопубликованные документы, выявленные автором в федеральных и ведомственных архивах.

В 1960-х гг. в «идеологическом сознании» советского общества проявились изменения, вышедшие из-под «партийного влияния и контроля»¹, вследствие чего «идейно-политическая» ситуация в стране усложнилась². Десакрализация власти, ставшая реальностью после XX съезда КПСС, привела и к снижению авторитета советской идеологии. Кроме того, воздействие на «идеологическое сознание» советских людей оказывали идеи «научно-технической революции» (НТР) и «конвергенции», которые породили у некоторых граждан впечатление, что прогресс в СССР был «связан отнюдь не с социалистическим общественным строем, а с общими закономерностями индустриального общества», и «что социализм в общем социальное не так уж отличается от капитализма»³. Наконец, внутренние угрозы для советской идеологии включали в себя усиление в СССР националистических проявлений (власти также связывали это с «обострением идеологической борьбы») и сохранявшуюся, несмотря на длительную борьбу с религией, остроту «религиозного вопроса»⁴.

В результате, во-первых, возникла опасная для советской системы тенденция к «деидеологизации» общества, которая выражалась в стремлении части людей к «аполитизму, социальному нейтралитету, беспартийности», а также к «либерализму, свободе»⁵; во-вторых, в некоторых кругах советского общества стало циркулировать мнение о необходимости ревизии, модернизации советской идеологии, поиска ее новой модели⁶.

В 1950-х гг. внешнеполитический авторитет СССР, в том числе в сфере идеологии, претерпел серьезную эрозию. В середине 1960-х гг. произошло дальнейшее его падение⁷, которое

отразилось на позициях коммунистического движения во всем мире⁸. В соцстранах стали ярче проявляться идеологические противоречия с Советским Союзом⁹, в некоторых из них делался упор на «разнообразие форм строительства социализма»¹⁰. Наметились тенденции к «деидеологизации»¹¹, восприятию идей «конвергенции»¹² и НТР¹³, а также и обратный уклон – «левацкие», «сверхкоммунистические» настроения¹⁴, которые, с точки зрения советской идеологии, были неприемлемыми.

В Восточной Европе наиболее опасной для советской идеологии стала «чехословацкая модель», которая базировалась в том числе на преемственности с идеями первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика о «социальном социализме», а не с советской идеологией. «Экстремумом» развития этой модели стала «Пражская весна» 1968 г., события которой сопровождалась резким падением авторитета марксизма-ленинизма и ростом «социал-демократизации» Чехословакии¹⁵. Как известно, эти события закончились силовым подавлением. В августе 1968 г. в страну были введены войска стран-участниц Варшавского договора во главе с СССР.

В мировом масштабе одна из основных проблем, исходивших из соцстран, состояла в том, что ведущую роль в коммунистической идеологии у Советского Союза пытался отнять Китай. Как известно, китайский вариант социализма строился на представлении о том, что «идеи Мао Цзэдуна – это марксизм-ленинизм самого высокого уровня»¹⁶, «марксизм-ленинизм современной эпохи». В свою очередь, советскую идеологию КПК объявила «ревизионистской»¹⁷. Китай пытался перетянуть на свою сторону другие соцстраны и компартии капстран.

«Идеологическая опасность» для СССР исходила также от компартий капиталистических стран. Во-первых, среди коммунистов стран Запада снизился авторитет СССР и советской идеологии. Во-вторых, у некоторых марксистов и социалистов на Западе было свое видение строительства социализма в высокоразвитых странах, в связи с чем они утверждали о неприменимости советского опыта для стран Запада¹⁸. В-третьих, некоторые компартии капстран не только снизили свою «революционность» и перешли к политике поддержки «структурных реформ» и «мирной революции»¹⁹ (это не вызывало протеста со стороны КПСС), но и допускали в условиях социализма возможность многопартийной системы, отказывались от «диктатуры пролетариата». Опасной для СССР была «идеологическая конвергенция» среди западных коммунистов, которая проявлялась в том числе в «соглашательстве» с социал-демократами и другими политическими силами²⁰. В то же время неприемлемым был и обратный, «левый» уклон, связанный с усилением среди части западных коммунистов «ультрарево-

люционных» настроений, которые рассматривались в СССР как «авантюризм»²¹.

Ситуация была осложнена идеологически-ми исканиями ряда стран соцлагеря, где была разработана своя концепция текущего исторического этапа развития, который получил название «развитый социализм». Этот термин был введен в оборот в июне 1960 г. на пленуме ЦК Компартии Чехословакии, а затем был принят в правящих партиях ГДР, Венгрии и Болгарии²² (характерно, что возникшие в соцстранах реформистские движения частично базировались на концепции «развитого социализма»²³).

Одним из главных очагов разработки новой идеологической концепции «развитого социализма», наряду с Чехословакией, была ГДР, которая хотя и оставалась ближайшей союзницей СССР, однако вела в идеологическом аспекте достаточно самостоятельную политику. Так, именно в ГДР был поднят вопрос об отдалении строительства коммунизма, о чем руководитель этой страны В. Ульбрихт сообщил Л. И. Брежневу в сентябре 1966 г.²⁴ ГДР была первой страной социалистического блока, заявившей о развернутом строительстве «развитого социализма»²⁵, которое было поставлено в идеологии этой страны «на передний план»²⁶. В апреле 1968 г. в ГДР была принята первая конституция «развитого социализма»²⁷.

Кроме того, в ГДР осуществили ревизию определения социализма, данного самим К. Марксом, представив его как «относительно самостоятельную социально-экономическую формацию в исторической эпохе перехода от капитализма к коммунизму во всемирном масштабе»²⁸. В сентябре 1967 г. В. Ульбрихт рекомендовал Л. И. Брежневу, чтобы в СССР «еще раз обсудили вопрос о характеристике этапа социализма»²⁹. Лидер ГДР полагал, что надо «растянуть» период социализма, чтобы позволить ему победить во всем мире еще до строительства коммунизма³⁰. Такая концепция противоречила курсу СССР на строительство коммунизма в одной стране, принятому при Н. С. Хрущеве. В конце 1960-х гг. ГДР стала претендовать на исключительное положение в соцлагере, в том числе в сфере идеологии. В. Ульбрихт считал, что он лично и СЕПП – это ведущие источники оригинальной мысли о «развитом социализме»³¹.

В послевоенные годы ввиду усиления «коммунистической опасности» – расширения соцлагеря – власти и элита капстран приняли меры по снижению популярности коммунистической идеологии. Их стратегия заключалась во внедрении идеи «социального компромисса вместо социальной революции». В Западной Европе происходила «социал-демократизация». Некоторые теоретики социал-демократии представляли социализм и коммунизм как альтернативные, исключающие друг друга пути развития³².

В социальной сфере вызовом для советской идеологии стала западная концепция «государства всеобщего благосостояния» («социального государства»), пик реализации которой пришелся на начало 1960 – середину 1970-х гг. Важно отметить, что эта концепция возникла на Западе в том числе как реакция на успехи социальной политики СССР³³. В итоге реализации политики «государства всеобщего благосостояния» к 1960-м гг. во многих капстранах классовые различия сгладились³⁴, а рост благосостояния народа привел к усилению легитимности власти³⁵.

В целом эти новации, а также распространение НТР вели к деидеологизации общественного сознания и снижению массовой революционности в капстранах³⁶ (хотя, разумеется, оставались отдельные радикально настроенные группы, о чем свидетельствуют, например, известные события на Западе в 1968 г.). Поддержка массовой деидеологизации имела место даже среди западных марксистов³⁷.

Руководство СССР осознавало вызовы для советской идеологии, возникшие в стране и мире. На заседании Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 г. было объявлено, что недостатки и ошибки в идеологической работе «начинают все больше и больше чувствоваться», «не могут не вызывать серьезной тревоги». Был также констатирован «провал в теории» марксизма-ленинизма³⁸.

Положение в соцстранах и компартиях капстран, разумеется, было очень важным для СССР. На упомянутом заседании Политбюро ЦК КПСС Ю. В. Андропов заявил, что критику провалов в идеологии «за нами повторяют в социалистических странах, и не только повторяют – наши враги используют это против нас»³⁹. В 1971 г. на совещании в верхах было отмечено, что идеологические вызовы со стороны зарубежных компартий привели к серьезному «расшатыванию» позиций СССР⁴⁰.

Несомненно, в СССР были осознаны экономические и социально-политические достижения стран Запада. Хотя опыт капстран предлагали использовать не только советские дипломаты⁴¹, но и представители руководства СССР (в частности, при разработке Конституции СССР 1977 г.)⁴², в то же время в Советском Союзе видели в западной модели «государства благосостояния» «реальную угрозу ликвидации демократических завоеваний рабочего класса» из-за того, что эта модель формировала «иллюзии о возможности справедливого распределения в условиях капитализма»⁴³ и тем самым подрывала авторитет советской политической и социально-экономической модели.

Таким образом, в середине 1960-х гг. насущной задачей для властей СССР стал поиск нового варианта идеологии, который бы обобщил итоги развития страны, подвел теоретическое обоснование под ее текущее состояние и одновременно дал ответ на ставшие актуальными

к 1960-м гг. внутри- и внешнеполитические вызовы. Л. И. Брежнев в первую половину своего правления был склонен к новациям и поэтому одобрил «переработку» идеологии. Состоявшиеся в марте и апреле 1966 г. Пленум ЦК КПСС и XXIII съезд КПСС ориентировали советских ученых на переосмысление процессов, протекавших в обществе⁴⁴. Л. И. Брежнев писал в Политбюро в июле 1966 г., что необходим «подъем теоретической работы», «напряженная творческая работа в области марксистской теории», которой «пока еще нет»⁴⁵.

«Переработка» идеологии осуществлялась силами ведущих советских философов и обществоведов, среди которых были А. П. Бутенко, Г. Е. Глезерман, Р. И. Косолапов, П. Н. Федосеев, Г. Х. Шахназаров, а также другие ученые из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Кроме того, в разработке и продвижении новой концепции идеологии свою роль сыграл член Политбюро ЦК КПСС, «главный идеолог партии» М. А. Сулов⁴⁶.

За основу «переработки» идеологии была взята концепция «развитого социализма», разработанная в соцстранах Восточной Европы (о чем ранее было сказано в настоящей статье). Относительно текущей стадии развития СССР в документах XXIII съезда КПСС (март–апрель 1966 г.) стали фигурировать термины «зрелый социализм», «полное построение социализма». В эти годы и впоследствии употреблялись также термины «победа социализма», «окончательная победа социализма», «построенный социализм» и др.⁴⁷ Кроме того, для определения текущей стадии развития СССР в первые годы формирования новой идеологической концепции использовались и другие варианты этого понятия: «полностью построенный социализм», «всесторонне развитый социализм», «развитая общественная система социализма». Для характеристики общества, в котором «сложились основы социализма», применялись термины «построен социализм в основном», «полное социалистическое общество»⁴⁸.

Одной из первых советских публикаций, в которой прозвучало окончательно принятое название новой идеологической концепции, была статья Ф. М. Бурлацкого, опубликованная 21 декабря 1966 г. в «Правде» под названием «О строительстве развитого социалистического общества». В ней были проанализированы новые идеологические веяния в странах Восточной Европы, на которые и стали опираться советские теоретики.

Острым при разработке новой концепции идеологии был вопрос о ее преемственности с идеями «классиков» марксизма-ленинизма. Ведь была очевидной опасность подрыва идеологии в связи с введением еще одного этапа

развития человеческого общества. Многие советские философы считали, что противоречий с идеями «основоположников» здесь нет. Кроме того, Г. Е. Глезерман и А. П. Бутенко полагали, что необходимо опираться на текущие исторические условия, а не на те, которые существовали во времена К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина⁴⁹, и говорили об изменении самого содержания социализма на протяжении XX в.⁵⁰ Однако у концепции «развитого социализма» в СССР были и оппоненты – некоторые «ортодоксальные» марксисты считали, «что введение этого понятия является чуть ли не отступлением от принципиальных позиций марксизма-ленинизма»⁵¹. Среди советских ученых развернулись дискуссии⁵², в ходе которых они пришли к более-менее общепринятому консенсусу, что в трактовке «основоположников» социализм представал как общество, «постоянно меняющееся и прогрессирующее», а коммунизм – как «немонолитный» этап, имеющий отдельные «ступени экономической зрелости»⁵³.

В итоге концепция «развитого социализма» была одобрена и утверждена советским руководством. В ноябре 1967 г. в докладе по случаю 50-летней годовщины Октябрьской революции Л. И. Брежнев объявил о построении в СССР «развитого социалистического общества». В материалах XXIV съезда КПСС (март–апрель 1971 г.) новая идеология была закреплена официально. Началась подготовка новой Программы партии, в которой предполагалось описание «развитого социалистического общества»⁵⁴.

Определение «развитого социализма», разработанное в конце 1960-х гг., было в некоторой степени расплывчатым. Л. И. Брежнев в ноябре 1967 г. дал следующую формулировку: «Развитое социалистическое общество, построенное в нашей стране, – это общество, где господствует принцип “От каждого – по способностям, каждому – по труду” и где «социалистические производственные отношения обеспечивают планомерное, устойчивое развитие всего народного хозяйства на современном техническом уровне»⁵⁵. Тем не менее, несмотря на свою явную недоработанность, концепция «развитого социализма» была использована для ответа на внутренние и внешние вызовы, вставшие перед Советским Союзом.

В первую очередь сама по себе разработка новой концепции идеологии была ответом на вызов «деидеологизации». Власти стремились вдохнуть новую жизнь в марксизм-ленинизм, модернизировать его и заново «заинтересовать» в нем народ – особенно интеллигенцию.

Вместе с тем ответом на падение авторитета советской идеологии внутри страны и за рубежом был упор на «ленинские основы» в политике и актуальность ленинского учения для

всего мира (был сделан расчет на сохранение «сакральности» личности В. И. Ленина)⁵⁶. В оценке исторической роли И. В. Сталина, разоблачение культа личности которого стало главным триггером десакрализации власти и идеологии в СССР, власти пытались искать баланс.

«Повышение руководящей роли Коммунистической партии», которое выдвигалось как одна из характеристик этапа «развитого социализма»⁵⁷, также было ответом на десакрализацию власти. Кроме того, этим была дана отповедь «ревизионистам» в соцстранах и компартиях Запада о неприемлемости плюрализма и многопартийности. В Конституцию СССР 1977 г. была введена статья 6, гласившая о «руководящей и направляющей» роли КПСС.

Ответом на повышение роли интеллигенции в стране и на веяния о ненужности «диктатуры пролетариата», шедшие с Запада, было провозглашение в СССР «общенародного государства»⁵⁸, что фактически признавало интеллигенцию «равной» основным стратам советского общества – рабочим и крестьянам. Признанием «достойной» роли интеллигенции концепция «развитого социализма» давала также отпор и вызову «технократии».

Перенос завершения строительства коммунизма на неопределенное будущее устранял проблему «хрущевского наследия» в идеологии. С другой стороны, сохранение этой цели в принципе и объявление «развитого социализма» ступенью на пути к коммунизму стало отповедью на заявления западных социал-демократов о том, что социализм и коммунизм – это альтернативные, исключают друг друга пути развития.

В то же время концепция «развитого социализма» давала свой ответ на вызов «научно-технической революции», которая, в отличие от многих других новых веяний (конвергенция, технократия и пр.), была положительно воспринята в СССР⁵⁹, заняв важное место в новой концепции идеологии⁶⁰ как одна из основ развития экономики.

Ответ концепции «развитого социализма» на «негативные проявления» в советском обществе заключался в провозглашении формирования в стране «нового человека», который будет иметь более высокий уровень «сознательности»⁶¹. Советские ученые утверждали, что в СССР уже «возникла новая историческая общность людей – советский народ»⁶², т. е. политическая нация, формирование которой должно было сгладить межэтнические противоречия. Кроме того, была еще раз поставлена задача «обеспечить условия для повсеместного утверждения научного мировоззрения... в сознании трудящихся»⁶³, что должно было привести к окончательной победе над религиозными и другими «неприемлемыми» воззрениями.

Внешнеполитический ответ концепции «развитого социализма» состоял в том, что в ней, во-первых, были отвергнуты «альтернативные» варианты марксизма-ленинизма и «модели социализма»⁶⁴. Легитимации неприемлемости таких идеологических «альтернатив» было посвящено в том числе созданное в 1969 г. в Москве Международное совещание коммунистических и рабочих партий. В начале 1970-х гг. была развернута программа по активному продвижению новой концепции советской идеологии за рубежом, в том числе под эгидой АОН при ЦК КПСС и журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге.

Во-вторых, было оказано мягкое противодействие «идеологическим исканиям» ГДР. Идеи восточногерманских ученых не были категорически отвергнуты, их пригласили к диалогу, однако советская сторона продавливала свой подход⁶⁵. В 1971 г. при поддержке СССР был отправлен в отставку лидер ГДР В. Ульбрихт. Одной из причин, которые ускорили этот шаг, были новации восточногерманского руководителя в сфере идеологии⁶⁶.

В-третьих, ответом на идеологические вызовы, которые исходили от компартий капстран, была жесткая критика их «ревизионистской» позиции⁶⁷. Однако в остальном советский ответ был построен на компромиссе. Признавалось, что путь разных стран к социализму – тоже разный, хотя и должен оставаться в рамках марксизма-ленинизма⁶⁸.

В-четвертых, «социал-демократизация» стран Запада рассматривалась как неприемлемое явление⁶⁹, были раскритикованы идеи «социального компромисса вместо социальной революции»⁷⁰, концепция «государства всеобщего благосостояния»⁷¹, «теория конвергенции» и реализация «научно-технической революции» в капстранах.

Власти СССР констатировали успех новой идеологии. М. А. Сулов в 1968 г. заявил, что советские люди «теперь яснее представляют, по какому пути... идти к коммунизму»⁷². В 1971 г. на совещании, проведенном в преддверии XXIV съезда КПСС, Л. И. Брежнев отметил, что «народ наш убедился в правильности нашего учения, в правильности пути, по которому партия его ведет». Руководитель страны подчеркнул, что экономические успехи СССР были достигнуты в том числе с помощью правильно сформулированной идеологии. Ситуацию во внешней политике Л. И. Брежнев обрисовал как «борьбу идеологических фронтов», в которой СССР «за последние годы... выдержал немало испытаний»⁷³.

В Советском Союзе с удовлетворением отмечали, что компартии ряда соцстран тоже поставили задачу формирования «развитого социалистического общества» (при этом не было возражений, что данный процесс в разных

странах может идти по-разному)⁷⁴. В 1969 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев заявил, что во всем «соцлагере» социализм становится «более зрелым»⁷⁵.

Одновременно с внедрением концепции «развитого социализма» власти СССР констатировали успехи в борьбе с другими идеологическими исканиями в странах «соцлагеря». По мнению советского руководства, на Совещании 1969 г. была «закреплена» линия КПСС и ряда других компартий на подавление реформизма в Чехословакии, внешнеполитический курс Китая и «его раскольническая политика встретили решительный отпор», был косвенно осужден «мелкобуржуазный» курс ряда компартий стран Запада⁷⁶.

По замыслу властей внешнеполитическое продвижение советской идеологии работало также на повышение авторитета КПСС среди населения Советского Союза. После Совещания 1969 г. ЦК партии рекомендовал местным партийным органам «провести пленумы или собрания коммунистов с обсуждением итогов» этого мероприятия, а также распространить его материалы через печать, радио, телевидение, лекции⁷⁷.

Тем не менее, несмотря на официальное введение концепции «развитого социализма» в советскую идеологию, к началу 1970-х гг. ученые из СССР и соцстран не смогли достигнуть четкости формулирования этой концепции. Среди них продолжали бытовать разные подходы относительно того, что представляет собой «развитое социалистическое общество»⁷⁸ (не было ясности в этом вопросе даже в Высшей партийной школе при ЦК КПСС⁷⁹). Такая ситуация для властей была недопустимой (так, в 1971 г. секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев подчеркивал важность «точности идеологии»⁸⁰), поэтому и после провозглашения достижения стадии «развитого социализма» советские лидеры побуждали ученых продолжать разработку четких формулировок этой концепции⁸¹.

В начале 1970-х гг. определение «развитой социализм» было дополнительно проработано. Е. П. Ситковский сформулировал следующие характеристики «развитого социалистического общества»: его внутренняя устойчивость (достигнутая в СССР) и то, что при «развитом социализме» «обеспечено и начинается движение вперед к построению высшей фазы – коммунизма»⁸². Г. Е. Глезерман отмечал, что в «развитом социалистическом обществе» есть «соответствие между степенью развития различных сторон его жизни: материально-технической базы, экономики, духовной жизни, общественных отношений, политического строя»⁸³. А. П. Бутенко описал «развитой социализм» фактически через тавтологию («развитой социализм – это... социалистическое общество, достигшее определенной ступени

своей зрелости, а именно ставшее развитым»⁸⁴). Новое определение «развитого социализма» дал в своей речи в 1977 г. Л. И. Брежнев: это «Такая ступень, такая стадия зрелости нового общества, когда завершается перестройка всей совокупности общественных отношений на внутренне присущих социализму коллективистских началах»⁸⁵.

Однако в итоге философы и обществоведы из СССР и других соцстран не смогли достичь четкости определения «развитого социализма». Болгарский ученый В. Добрянов сетовал, что «очень трудно дать краткую характеристику развитого социалистического общества»⁸⁶. Вопрос периодизации не только коммунизма, но и «развитого социализма» не был окончательно решен⁸⁷. Новая Программа КПСС, в которую должна была войти концепция «развитого социализма», при Л. И. Брежневе так и не была принята.

Тем не менее тезис о наличии в СССР «развитого социалистического общества» звучал постоянно. Важным этапом официального закрепления «развитого социализма» в идеологии стала Конституция СССР 1977 г., преамбула которой гласила, что «в СССР построено развитое социалистическое общество» как «закономерный этап на пути к коммунизму».

Продвижение советской идеологии продолжалось и на «внешнеполитическом фронте» – в том числе, не прекращалось идеологическое противостояние с Китаем и странами Запада. В то же время ответ на «социал-демократизацию» капстран стал в некоторых аспектах более мягким⁸⁸. Очевидно, советские идеологи осознали, что позиция компартий на Западе не так сильна, и в борьбе с «империализмом» необходимо искать поддержку у гораздо более мощных социал-демократов.

В 1979 г. М. А. Суслов констатировал успехи советской идеологии на «внешнеполитическом фронте», хотя и подчеркивал, что «идеологическая опасность» остается, так как продолжают «бешеные нападки на марксизм-ленинизм», направленные в том числе «на дискредитацию опыта и достижений реального социализма»⁸⁹.

В период правления преемников Л. И. Брежнева концепция «развитого социализма» подверглась некоторой ревизии в сторону еще большего «отодвигания» строительства коммунизма. В постановлении ЦК КПСС от 31 марта 1983 г., докладе К. У. Черненко и речи Ю. В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г. был сделан вывод о том, что советское общество находится лишь в начале этапа «развитого социализма»⁹⁰. В итоге, хотя в 1986 г. концепция «развитого социализма» была введена в Программу КПСС, по мере развития перестройки она окончательно потеряла свое значение.

Таким образом, концепция «развитого социализма» стала идеологической базой «бреж-

невского» общества. Она одновременно имела и прогрессивные черты (попытка привести идеологию в соответствие велениям времени, учет идеологического опыта других стран, отход от иллюзии быстрого построения коммунизма), и консервативные (возврат к сталинской концепции перехода от социализма к коммунизму – в 1952 г. И. В. Сталин заявил, что для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, Советскому Союзу необходимо достигнуть значительно больших высот развития⁹¹), и «утопические» (коммунизм остался как цель).

Сильными сторонами этой концепции было то, что она возвращала в «реальность» путем отказа от утопического плана строительства коммунизма к 1980 г., провозглашенного Н. С. Хрущевым. Переработка идеологии закрыла вопрос «выхода» из социализма и его дальнейшей судьбы. Фактически было указано, что, кроме социализма, который способен развиваться и достигать новых ступеней, никакой другой системы пока и не нужно.

Кроме того, концепция «развитого социализма» в определенной степени восстанавливала авторитет власти (в первую очередь самим фактом, что КПСС оказалась способной разработать эту концепцию) и идеологии. По замыслу творцов концепции «развитого социализма», именно такой – консервативный – поворот в идеологии («научная» попытка объяснить и обосновать текущее состояние СССР и других соцстран, опора на авторитет личности и теоретического наследия В. И. Ленина, который сохранял «сакральность», сдерживание «левацких» порывов и пр.) мог стать заслоном против внутренних и внешних вызовов, актуальных для 1960-х и 1970-х гг.

Новая идеологическая концепция также помогла смягчить «метания» в оценке советского прошлого. С одной стороны, обозначился отход от репрессивной политики, что должно было «успокоить» советское общество и настроить его на созидательную волну. В то же время была мягко восстановлена роль И. В. Сталина в достижении победы в Великой Отечественной войне и других успехах страны 1920 – начала 1950-х гг. Это должно было помочь в преодолении раскола общества, произошедшего после XX съезда КПСС.

Введение в концепцию «развитого социализма» понятий «общенародное государство» и «социалистическая демократия» ознаменовало мягкий отход от диктатуры пролетариата и классовой борьбы. Такой подход должен был оказать влияние и на интеллигенцию в СССР, и на соцстраны, и на компартии капстран. Вместе с тем опора концепции «развитого социализма» на НТР, по замыслу творцов этой концепции, должна была привести советскую идеологию в соответствие велениям времени и прогресса,

а также вернуть интеллигенцию в лоно советской идеологии.

Наконец, базирование концепции «развитого социализма» на оценке степени развития экономики дала некий ответ на проблему роста уровня жизни и переход к «обществу потребления» в СССР и других соцстранах.

Эффективность советских идеологических изысканий была противоречивой. Внутри страны концепция «развитого социализма» смогла в краткосрочном плане смягчить ряд проблем, о чем было сказано выше. На «внешнеполитическом фронте» также имели место некоторые успехи. В начале 1970-х гг. многие соцстраны оценивали ситуацию у себя в рамках концепции «развитого социализма»⁹², а их идеологи отвергли теории «конвергенции», «индустриального общества», «рыночного социализма», признали «недопустимость» технократии⁹³. В этот период большинство соцстран демонстрировали лояльность Советскому Союзу, а Китай не достиг успехов в «переманивании» их (Албания, которая после разрыва с Советским Союзом поддерживала дружественные отношения с Китаем, в 1978 г. разорвала их), а также основной массы коммунистов в капстранах на свою сторону.

В то же время концепция «развитого социализма» имела существенные недостатки. В первую очередь из-за того, что достижение коммунизма было отложено на неопределенный период, граждан СССР фактически лишили надежды на «светлое будущее», о котором мечтали несколько поколений. Этим в какой-то степени была подорвана вера в коммунизм, на которой изначально держалась вся советская система.

Содержание же самой концепции «развитого социализма» так и осталось расплывчатым и малопонятным народу. Таким образом, «идеологический вакуум», возникший в результате отказа от достижения коммунизма в обозримом будущем, не удалось заполнить в достаточной степени, что привело к «истощению» идеологии.

Следует сделать вывод о мягкой «деидеологизации» советской идеологии (как бы противоречиво это ни звучало), которая, очевидно, произошла помимо желания властей. В концепции «развитого социализма» упор был сделан на уровень развития экономики, а не сознания («сознательности»), а также на безыдеологическую «научно-техническую революцию» (характерно, что советские теоретики сознавали, что НТР может подмять под себя идеологию⁹⁴, тем более, что она вкупе с ростом благосостояния уже способствовала «деидеологизации» общественного сознания на Западе).

Идеология в целом занимала не самое важное место в политической деятельности Л. И. Брежнева. Судя по повестке пленумов ЦК и съездов КПСС, гораздо важнее для него были экономика и международные отношения. Л. И. Брежнев пытался найти баланс между

идеологией, которая явно сдавала позиции в наиболее развитых странах мира, включая СССР, и экономикой, которая приобретала все большую значимость в условиях формирования «общества благосостояния» и «массового потребления». Уклон в экономику проявился до такой степени, что в январе 1971 г. в преддверии XXIV съезда партии заведующий Отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезников был вынужден просить Л. И. Брежнева «взять под защиту дело идеологии» и «сильно сказать» об этом на съезде (на что советский лидер несколько раздраженно ответил: «Просить меня защищать идеологию – нечего» и подчеркнул, что он понимает, что «недугам идеологии» надо дать «должный отпор»)⁹⁵.

В определенной степени в деидеологизации жизни в СССР была заинтересована сама правящая элита страны («номенклатура»), которая к 1970 гг. по многим причинам уже не была искренне привержена идеям коммунизма и практически открыто склонялась к принятию «капиталистических» ценностей.

Нужно иметь в виду, что «повышение руководящей роли Коммунистической партии» вплоть до введения в 1977 г. пресловутой «шестой статьи» в Конституцию СССР означало фактическое крушение надежд на глубокую демократизацию страны. Кроме того, несмотря на все заявления о том, что репрессии остались в прошлом, это было не так. П. Н. Демичев подчеркивал, что невозможно, «отменив все административные нормы, суровые драконовские законы, управлять обществом в нашей сложной, многонациональной стране», а ведущий советский идеолог Г. Л. Смирнов прямо указывал на необходимость «применения методов насилия»⁹⁶. На практике такие меры применялись и по отношению к идеологическим противникам советского режима.

Однако концепция «развитого социализма» в итоге так и не дала адекватный ответ на рост роли интеллигенции и «технократических» настроений. Хотя Г. Х. Шахназаров подчеркивал, что в СССР нет «отрицания растущей роли специалистов»⁹⁷, от ленинско-сталинского подхода к роли интеллигенции и педалирования «руководящей роли рабочего класса» в СССР не отказались (в чем также проявился консерватизм концепции «развитого социализма»). Часть интеллигенции все больше отходила от советской идеологии и склонялась к «диссидентству», что ярко дало свои плоды в период перестройки.

Указание на формирование в СССР общегражданской идентичности «советского народа», безусловно, содержало значительное преувеличение, что показали события второй половины 1980-х гг., когда межэтнические конфликты, сепаратистские движения развернулись почти во всех республиках СССР. Не удалось внедрить в массы и «научное» мышление, что показало

возрождение религии, начавшееся в годы перестройки.

Тем не менее недовольство советской политикой в соцстранах так или иначе продолжало зреть. Так, позицию СССР по событиям в Чехословакии в 1968 г. не поддержала Румыния. «Оппозиционность» с ее стороны продолжалась и далее, ярко проявившись по поводу ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. С начала 1970-х гг. под руководством независимого профсоюза «Солидарность» разгорелись антиправительственные события в Польше, которые достигли своего пика в 1980 г. Они показали, что лояльность со стороны соцстран – вещь весьма зыбкая. Кроме того, новая концепция советской идеологии не повлияла на политику Китая. Разработанная в КНР в конце 1970-х гг. доктрина «трех миров»⁹⁸ углубила китайско-советское идеологическое противостояние.

Причины долгосрочной неэффективности новой концепции советской идеологии в «соцлагере» состояли в первую очередь в том, что развитые соцстраны (прежде всего ГДР и Чехословакия) не желали использовать опыт СССР как наследника «слаборазвитой» России. Многие соцстраны до второй половины 1940-х гг. имели опыт демократического правления и либеральные настроения среди их населения сохранялись. ГДР, в свою очередь, ощущала себя наследницей К. Маркса и старой немецкой коммунистической традиции, что как бы давало ей право на самостоятельную трактовку марксизма. Кроме того, играла свою роль сложная история отношений СССР (России) с большинством стран Восточной Европы. На Китай концепция «развитого социализма» («ревизионизм» с китайской точки зрения), очевидно, не могла оказать нужного для СССР воздействия. И наконец, были экономические причины – в условиях роста популярности в соцстранах концепции «общества благосостояния» идеология неумолимо стала терять свою значимость в пользу «материальной» составляющей жизни.

Следует иметь в виду, что компромисс, на котором был построен советский ответ на идеологический вызов со стороны компартий стран Запада (признание возможности «своего пути» к социализму в оговоренных рамках), был весьма шатким. Некоторые западные компартии в середине 1970-х гг. встали на идеологическую платформу «еврокоммунизма», которая в СССР была признана «антиреволюционной». Во время подготовительных встреч к Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Восточном Берлине (июнь 1976 г.) многие независимые западноевропейские партии, поддержанные Румынией и Югославией, упрямо сопротивлялись усилиям СССР навязать главную идеологическую линию, и в итоге Советский Союз был вынужден пойти на важные уступки⁹⁹. После ввода советских войск в Афганистан

в 1979 г. итальянская компартия разорвала отношения с КПСС.

Причины недостаточного воздействия новой концепции советской идеологии на западные компартии состояли в высоком уровне социально-экономического развития капстран, в связи с чем некоторые западные коммунисты считали исторический опыт СССР просто ненужным. Кроме того, многие компартии развитых капстран были независимыми от КПСС, что давало им возможность по-своему трактовать марксизм без оглядки на советские идеологические установки.

В целом концепция «развитого социализма» была неспособна дать адекватный «отпор» новациям жизни на Западе – в первую очередь, переходу многих капстран к бесклассовому «государству всеобщего благосостояния».

В итоге концепция «развитого социализма» закрыла некоторые пути, которые открывались перед СССР в 1960-х гг. Во-первых, так как эта концепция продолжала базироваться на цели построения коммунизма и, соответственно, на максимальном расширении общественной (по факту – государственной) собственности, был закрыт путь к реформе экономики в плане отхода от административно-командной системы и введения рыночных механизмов. Во-вторых, признание «руководящей роли» КПСС официально закрыло путь к демократии, многопартийности и плюрализму. В-третьих, упор в этой концепции на развитие экономики с приоритетом машинной индустрии¹⁰⁰ снизил возможности перехода советского общества к постиндустриальной модели (хотя в СССР уже появились ее ростки¹⁰¹). Отсюда следовало и отставание в формировании «общества благосостояния».

Недостатки концепции «развитого социализма», сопряженные с объективными проблемами советской системы (в 1970-х гг. в СССР начались стагнация экономики и замедление роста уровня жизни), стали причинами того, что эта идеологическая концепция не смогла стать эффективной в долгосрочном плане. В итоге власти СССР так и не смогли найти выход из идеологического тупика. Таким образом, страна осталась и без работающей идеологии, и без роста экономики и уровня жизни, которые могли бы в какой-то мере «заместить» идеологический провал. Все это внесло свой вклад в крах советской системы.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 104 (Фонд Г. Л. Смирнова). Оп. 1. Д. 28. Л. 2, 10.

² Там же. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 33. Д. 216. Л. 14; Д. 241. Л. 10–11; Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 20; Д. 28. Л. 1, 5; Д. 41. Л. 13, 16–17.

³ Там же. Ф. 89 (Коллекция копий документов). Оп. 37. Д. 42–44; Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–10; Д. 28. Л. 3, 5–6, 10.

⁴ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–12.

⁵ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–10; Д. 28. Л. 2–5.

⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 216. Л. 87; Д. 241. Л. 10; Оп. 34. Д. 118. Л. 61; Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–5.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 102.

⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 50. Д. 673. Л. 41.

⁹ «Пражская весна» и международный кризис 1968 года. Документы. М. : МФД, 2010. С. 38.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 106; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 335.

¹¹ Brzezinski Zbigniew. *Alternative to Partition : For a Broader Conception of America's Role in Europe*. New York ; Toronto ; London : McGraw-Hill Book Company, 1965. P. 74.

¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 104–105, 107.

¹³ McCauley Martin. *Marxism-Leninism in The German Democratic Republic : The Socialist Unity Party (SED)*. London : Macmillan Press, 1979. P. 137.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 104, 110–111; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 90.

¹⁵ «Пражская весна»... С. 3, 68, 111, 175, 362.

¹⁶ Косолапов Р. И. «Идеи Мао Цзэ-дуна» – отречение от марксизма-ленинизма // *Философские науки*. 1968. № 4. С. 29.

¹⁷ РГАНИ. Ф. 10 (Международные совещания и переговоры). Оп. 1. Д. 309. Л. 36–37.

¹⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 224. Л. 102, 108–110; Ф. 112 (Редакция журнала «Проблемы мира и социализма»). Оп. 1. Д. 9. Л. 85.

¹⁹ Brzezinski Zbigniew. *Op. cit.* P. 9–10.

²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 50. Д. 673. Л. 39–41; Д. 664. Л. 194; Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 34; Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

²¹ Там же. Ф. 5. Оп. 50. Д. 664. Л. 176; Д. 673. Л. 39; Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 35.

²² Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 46.

²³ Meiklejohn Terry Sarah. *Theories of Social Development in Soviet – East European Relations // Soviet Policy in Eastern Europe*. New Haven ; London : Yale University Press, 1984. P. 225–226.

²⁴ Брежнев Л. И. *Рабочие и дневниковые записи : в 3 т. / отв. ред. С. В. Кудряшов. Т. I : Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1981 гг. М. : Историческая Литература, 2016. С. 154.*

²⁵ McCauley Martin. *Op. cit.* P. 134–135.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 606 (АОН при ЦК КПСС). Оп. 1. Д. 395. Л. 36.

²⁷ *Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik vom 6. April 1968.*

²⁸ Ulbricht Walter. *Die Bedeutung des Werkes 'Das Kapital' von Karl Marx für die Schaffung des entwickelten gesellschaftlichen Systems des Sozialismus in der DDR und den Kampf gegen das staatsmonopolistische Herrschaftssystem in Westdeutschland*. Berlin : Dietz, 1970. S. 38.

- ²⁹ Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 258.
- ³⁰ McCauley Martin. Op. cit. P. 165.
- ³¹ Evans Alfred B., Jr. Soviet Marxism–Leninism : The Decline of Ideology. Westport, Ct – London : Praeger, 1993. P. 106.
- ³² РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 21; Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 17.
- ³³ «Скандинавская модель» общественного развития : реферативный сборник / отв. ред. и сост. К. Г. Горохова. М. : ИНИОН, 1988. С. 15.
- ³⁴ От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. С. 398–399.
- ³⁵ Brzezinski Zbigniew. Op. cit. P. 9–10.
- ³⁶ См.: Иовчук Л. Социальные основы эволюции Итальянской социалистической партии // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М. : Наука, 1971. С. 304.
- ³⁷ См.: Константинова Т. П. Критика ревизионистских концепций Р. Гароди во французской коммунистической печати // Вестник Московского университета. Серия : Журналистика. 1972. № 4. С. 73.
- ³⁸ Генеральный секретарь Л. И. Брежнев : 1964–1982 (Вестник Архива Президента. Специальное издание). М. : б. и., 2006. С. 60, 63
- ³⁹ Там же. С. 63.
- ⁴⁰ РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 15–17.
- ⁴¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 085 (Референтура по Дании). Оп. 50. П. 178. Д. 13. Л. 1.
- ⁴² См.: Стрекалов И. Н. Использование опыта несоциалистических стран при разработке Конституции СССР 1977 года // Государственная служба. 2017. Т. 19, № 5. С. 105.
- ⁴³ Фадеева Т. Французский капитализм в поисках новой социальной доктрины (о некоторых тенденциях в идеологии буржуазных партий) // Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М. : Наука, 1971. С. 423, 431.
- ⁴⁴ См.: Дмитренко В. П. Становление концепции развитого социализма в СССР // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 8. С. 3–22.
- ⁴⁵ Вестник Архива Президента... С. 75.
- ⁴⁶ См.: Медведев Р., Ермаков Д. «Серый кардинал» М. А. Сулов : политический портрет. М. : Республика, 1992. С. 195.
- ⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 522. Л. 21, 24.
- ⁴⁸ Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 5, 9.
- ⁴⁹ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
- ⁵⁰ См.: Бутенко А. П. Послесловие // Ирибаджаков Н. Развитое социалистическое общество. М. : Прогресс, 1974. С. 405.
- ⁵¹ Ирибаджаков Н. Развитое социалистическое общество. М. : Прогресс, 1974. С. 12–13.
- ⁵² Thompson, Terry L. Ideology and Policy : The Political Uses of Doctrine in the Soviet Union. Boulder ; San Francisco ; London : Westview Press, 1989. P. 26–28.
- ⁵³ Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 4.
- ⁵⁴ Evans Alfred B. Developed Socialism and the New Programme of the CPSU // Ideology and Soviet Politics. London : Macmillan Press, 1988. P. 83.
- ⁵⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом : речи и статьи : в 9 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1970. С. 92.
- ⁵⁶ Вестник Архива Президента... С. 61, 82, 85.
- ⁵⁷ В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма / ред. коллегия : Федосеев П. Н. [и др.]. М. : Политиздат, 1969. С. 131–132.
- ⁵⁸ Дудинский И. В. Коммунистические и рабочие партии об экономических проблемах развитого социализма // Вопросы истории. 1971. № 10. С. 11.
- ⁵⁹ См.: Федосеев П. Диалектика развития социализма // Коммунист. 1965. № 14. С. 22.
- ⁶⁰ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 287, 296.
- ⁶¹ См.: Смирнов Г. Л. XXIV съезд КПСС и формирование нового человека. М. : Знание, 1972. С. 47–48.
- ⁶² Дудинский И. В. Указ. соч. С. 11.
- ⁶³ Бурацкий Ф. О строительстве развитого социалистического общества // Правда. 1966. 21 дек. С. 4.
- ⁶⁴ РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 28. Л. 1; Д. 41. Л. 18, 20.
- ⁶⁵ См.: Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 14.
- ⁶⁶ Pravda Alex. Ideology and the Policy Process // Ideology and Soviet Politics. London : Macmillan Press, 1988. P. 241.
- ⁶⁷ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
- ⁶⁸ Развитой социализм : проблемы теории и практики / Р. И. Косолапов, В. А. Печенев, В. С. Марков [и др.]. М. : Политиздат, 1979. С. 65.
- ⁶⁹ См.: Брежнев Л. И. Рабочие и дневниковые записи. Т. 1. С. 200, 466.
- ⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. Л. 83.
- ⁷¹ Иовчук Л. Указ. соч. С. 305–306.
- ⁷² Сулов М. А. На путях строительства коммунизма : речи и статьи : в 2 т. М. : Политиздат, 1977. Т. 2. С. 157.
- ⁷³ РГАНИ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 8, 10, 18–19.
- ⁷⁴ В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма. С. 127.
- ⁷⁵ РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 309. Л. 11.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 2 (Пленумы ЦК КПСС). Оп. 3. Д. 157. Л. 1, 5; Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–20.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 157. Л. 8; Ф. 5. Оп. 61. Д. 31. Л. 29–30.
- ⁷⁸ Ирибаджаков Н. Указ. соч. С. 13, 18, 22–24.
- ⁷⁹ РГАНИ. Ф. 80 (Фонд Л. И. Брежнева). Оп. 1. Д. 100. Л. 7.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.
- ⁸¹ Evans Alfred B. Developed Socialism and the New Programme of the CPSU. P. 97.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 417. Л. 15.
- ⁸³ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
- ⁸⁴ Бутенко А. П. Указ. соч. С. 404.
- ⁸⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи : в 9 т. М. : Политиздат, 1978. Т. 6. С. 627.
- ⁸⁶ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 205.
- ⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 522. Л. 20.
- ⁸⁸ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 8 об.; Д. 36. Л. 6, 8 об.
- ⁸⁹ Дело всей партии : материалы Всесоюзного совещания идеологических работников. М. : Политиздат, 1979. С. 24–25, 27.

⁹⁰ См.: Дмитренко В. П. Указ. соч. С. 20.

⁹¹ См.: Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952. С. 66, 70.

⁹² РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 9. Л. 65, 67, 78, 92, 278; Д. 16. Л. 14, 17–18, 150, 203.

⁹³ Историческое место социализма, этапы и критерии его развития // Проблемы мира и социализма. 1970. № 12. С. 37–59.

⁹⁴ РГАНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 287, 296.

⁹⁵ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 41. Л. 13, 16.

⁹⁶ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–13; Д. 35. Л. 24; Д. 41. Л. 14.

⁹⁷ Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 16. Л. 266.

⁹⁸ См.: Наметкевич В. Шовинистическая подоплека «теории трех миров» // Проблемы мира и социализма. 1978. № 11. С. 50–51.

⁹⁹ Larrabee F. Stephen. Soviet Policy toward Eastern Europe : Interests, Instruments and Trends // Soviet Foreign Policy in a Changing World. New York : Aldine Publishing Company, 1986. P. 545.

¹⁰⁰ См.: В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма. С. 136.

¹⁰¹ См.: Бузгалин А. В. Социально-политическая система «реального социализма» и ее саморефлексия. Три текста // «Застой». Потенциал СССР накануне распада. М. : Культурная революция, 2011. С. 24.

Поступила в редакцию 25.09.2021; одобрена после рецензирования 01.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 25.09.2021; approved after reviewing 01.10.2021; accepted for publication 10.11.2021

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–49

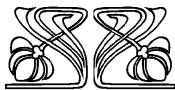
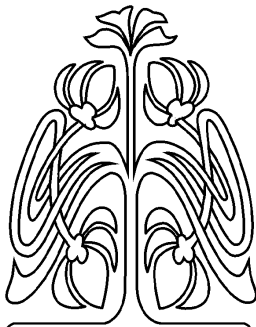
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–49

<https://imo.sgu.ru>

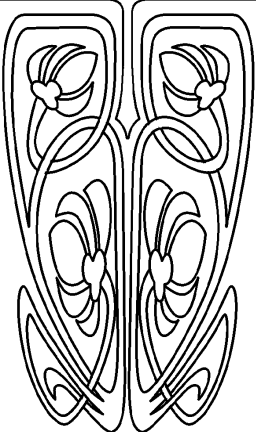
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

Научная статья

УДК 94(410)|15|+929Лайл

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Леди Гонория Лайл: пределы власти раннетюдоровской аристократки

Д. А. Котлукова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Котлукова Дарья Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Аннотация. В статье на материале переписки леди Гонории Лайл выявляются возможности влияния знатной женщины на укрепление позиций и продвижение интересов ее собственных и ее семьи в раннетюдоровском аристократическом обществе. Показано, что достижению этой цели служили письма, личные контакты, покровительство, обмен информацией и подарками, широко практиковавшиеся леди Лайл. Границы власти этой женщины также очерчивались направляемыми на ее имя различными просьбами, выполнение которых находилось в компетенции ее супруга. Автор приходит к выводу о том, что леди Гонория Лайл в соответствии с представлениями того времени воспринималась прежде всего как жена виконта Лайла и инструмент влияния на ее высокородного супруга.

Ключевые слова: Англия, XVI век, Тюдоры, раннетюдоровская аристократия, семья Лайл, переписка семьи Лайл, женские социальные сети

Для цитирования: Котлукова Д. А. Леди Гонория Лайл: пределы власти раннетюдоровской аристократки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 40–49. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Lady Honor Lisle: The power limits of an Early Tudor Noblewoman

Д. А. Kotlukova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Darya A. Kotlukova, darya.kotlukova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>

Abstract. The article examines the possibilities of a noblewoman's influence on strengthening the positions and promoting the interests of her own and her family in the Early Tudor aristocratic society, based on the letters of Lady Honor Lisle. It is revealed that letters, personal contacts, patronage, exchange of information and gifts were widely practiced by Lady Lisle. The limits of this woman's power were also outlined by various requests addressed to her, the fulfillment of which was within the competence of her husband. The author concludes that Lady Honor Lisle, in accordance with the ideas of that time, was perceived primarily as the wife of Viscount Lisle and an instrument of influence over her high-born spouse.

Keywords: England, 16th Century, Tudors, Early Tudor's aristocracy, Lisle family, Lisle letters, women's social webs

For citation: Kotlukova D. A. Lady Honor Lisle: The power limits of an Early Tudor Noblewoman. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 40–49 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-40-49>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CCO-BY 4.0)

В тематическом многообразии, характерном для современной гендерной истории, значительное место отводится проблеме «гендер и власть». В этом контексте в работах историков часто применяется понятие «власть женщин» (women's power), одним из проявлений которой выступают так называемые женские социальные сети, или сети влияния – «межиндивидуальные связи между женщинами или формирующиеся вокруг одной женщины»¹.

Важное место в исследовании данной проблемы занимает анализ политического аспекта гендерной дифференциации в переломную эпоху западноевропейской истории раннего Нового времени, когда женщины из аристократических фамилий, близкие к престолу, будучи «политическими существами»², неизбежно оказывались в центре событий³. В этой связи особую актуальность приобретает изучение роли социальных сетей в жизни английской аристократки первой половины XVI в., что позволяет показать истинное положение знатной дамы в обществе того периода.

В центре нашего исследования – леди Гонория Лайл, супруга сэра Артура Плантагенета, лорда Лайла, принадлежавшего к аристократической элите раннетюдоровской Англии. Сэр Артур являлся bastardом короля Эдуарда IV (1461–1483), представителя Йоркской линии Плантагенетов, и по материнской линии приходился дядей Генриху VIII Тюдору (1509–1547). Всем, что он имел, сэр Артур был обязан тюдоровской династии и лично Генриху VIII: 25 апреля 1523 г. состоялась креация нового виконта Лайла⁴. Сэр Артур входил в Тайный совет, в 1533 г. занял пост лорда-наместника Кале и лорда-смотрителя Пяти портов⁵. Леди Гонория Лайл происходила из древнего, но провинциального дворянского рода Гренвилл. После смерти первого мужа, сэра Джона Бассета, ей достались многочисленные земельные владения, что сделало ее завидной невестой. Это не могло остаться без внимания короля, в 1529 г. устроившего ее брак на тот момент с вдовцом виконтом Лайлом. У супругов не было общих детей, но в семье воспитывались 9 отпрысков лорда и леди Лайл от предыдущих браков⁶.

Основным источником для данного исследования послужила переписка семьи Лайл, которая включает в себя около 3 тыс. писем за период с 1533-го по 1540 г.⁷ Необходимость столь обширной корреспонденции вызывалась тем обстоятельством, что лорд и леди Лайл проживали в Кале, в то время как их земли, интересы и двор короля находились в островной части Англии.

Первостепенное значение для нас имеют письма, автором и адресатом которых является леди Лайл. Надо сказать, что ведение переписки

выполняло важные функции в жизни раннетюдоровской аристократки⁸, позволяя леди Гонории поддерживать тесную связь с ближайшими родственниками и членами семьи, участвовать в управлении недвижимостью и домашним хозяйством, вести дела и способствовать разрешению юридических споров, укреплять отношения родства и покровительства, выступать в качестве посредника или покровителя в обращениях о предоставлении услуг и оказании помощи, быть в курсе новостей – семейных, местных, общегосударственных.

Среди участников переписки леди Лайл были король Генрих VIII, его ближайший советник в 1532–1540 гг. и главный идеолог Реформации в Англии Томас Кромвель, гуманист и реформатор, принимавший активное участие в политической и религиозной жизни королевства, епископ Винчестерский Стивен Гардинер, а также многочисленные представители английской аристократии. Такой состав участников переписки не удивителен и объясняется высоким статусом семьи Лайл в раннетюдоровском обществе. Помимо этого, значительная часть адресатов леди Гонории не принадлежала к числу титулованной знати: это были не только управляющие поместьями и торговые агенты, но и представители провинциального дворянства, которые не могли похвастать родовитостью происхождения и обращались к ней за помощью и покровительством. Все эти послания имеют особую ценность, поскольку позволяют очертить круг общения леди Лайл вне ее семьи, показать роль этой знатной дамы в высшем английском обществе при Генрихе VIII.

Начать следует с упоминания того факта, что леди Гонория Лайл была удостоена чести быть представленной королю сразу после свадьбы с сэром Артуром и впоследствии встречалась с ним. Об этом, в частности, свидетельствуют ее письма мужу, отправленные из Лондона в Кале, в которых она передает содержание разговора, состоявшегося у нее с Генрихом VIII, и описывает встречу с королевскими отпрысками в 1538 г.⁹

Безусловно, королевские особы, жизнь двора, придворные новости занимают важнейшее место в корреспонденции леди Гонории. Все это было крайне необходимо для того, чтобы постоянно находиться в курсе событий и своевременно реагировать на все, даже малейшие изменения при дворе, в настроениях монарших особ и придворной аристократии, частью которой были супруги Лайл, находившиеся по ту сторону Ла-Манша. В конце письма сэра Ричарда Пейджа, датированного 15 октября 1533 г., отдельными строками сообщается о том, что «король и королева (Анна Болейн. – Д. К.) здоровы»¹⁰. Сэр

Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд, в последнем абзаце своего письма от 10 мая 1536 г. счел необходимым сообщить леди Лайл последние новости. Правда, предваряет он их фразой: «Не думаю, что должен сообщать вам эти новости, к этому времени о них уже знает весь мир»¹¹. Далее он пишет, что сэр Генри Норрис, сэр Фрэнсис Уэстон, сэр Уильям Брертон, Маркес, возможно, что так сэр Джон называл Марка Смитона, придворного музыканта, вхожего в личные покои королевы¹², и лорд Рочфорд (Джордж Болейн, виконт Рочфорд, младший брат Анны Болейн. – Д. К.) арестованы, «и в следующую пятницу в Вестминстере им предъявят обвинение. Что касается королевы, то она будет осуждена парламентом»¹³. Речь идет о знаменитом деле королевы Анны Болейн, которой предъявили обвинение в супружеской измене, а вышеперечисленных придворных арестовали как возможных любовников и пособников королевы. Как известно, утром 17 мая 1536 г. Джордж Болейн и остальные четверо осужденных были казнены в Тауэр-Хилл. Анну Болейн обезглавили через 2 дня. И вот уже Эдвард Корбет, один из джентльменов хаусхолда лорда Лайла, 5 июля 1536 г. сообщает леди Лайл о том, что король и новая королева (Джейн Сеймур. – Д. К.) отправились в Дувр, и пересылает письмо некой Маргарет Хорсман, «в котором более подробно описано путешествие королевской четы»¹⁴.

Для леди Лайл было чрезвычайно важно сохранять связь с королевским двором, зная, что о ней вспоминают, ею интересуются. Как бы в ответ на такой запрос знакомые леди Гонории неоднократно упоминали в письмах о том, что «король спрашивал о ее здоровье»¹⁵. Сэр Эдвард Рингли, находясь при дворе, 11 июня 1534 г. пишет ей, что королева справлялась о том, «как поживает леди Гонория, понравился ли ей Кале»¹⁶, и «все при дворе интересуются, как ее дела, и хорошо о ней отзываются»¹⁷. Вряд ли Сэр Эдвард, отличавшийся удивительной прямолинейностью, вдруг решил польстить леди Лайл. Но если учесть, что она была родом из провинциального дворянства и большую часть жизни провела, даже не выезжая за пределы соседнего графства, кажется странным, что за достаточно короткое время она успела стать столь известной персоной при дворе короля. Скорее всего, придворные, прекрасно зная ее мужа, интересовались ею, чтобы потешить самолюбие виконта Лайла. Несомненно, это льстило леди Гонории, и она не без удовольствия рассказывала обо всем своему супругу, чего и добивались придворные.

Большую роль в укреплении позиций леди Лайл при дворе играл Томас Кромвель, который явно ей покровительствовал: они переписывались (в письме, написанном 6 декабря 1532 г., леди Гонория характеризует ранее полученное от Кромвеля послание как «очень душевное и доброе», которое она «неоднократно

просматривала»¹⁸), обменивались подарками¹⁹, встречались, обедали на празднике Всех Святых, конечно, в обществе лорда Лайла²⁰. В одном из посланий Кромвелю леди Лайл пишет, что они с мужем будут «вспоминать о наших встречах с удовольствием»²¹. Сохранилось и единственное письмо Кромвеля леди Гонории, датированное 20 ноября 1534 г. Оно содержит заверения в дружбе и заканчивается фразой «ваш любящий друг (yourlovingfriend), Томас Кромвель»²².

Многие усилия прилагала леди Лайл для того, чтобы укрепиться при дворе, в том числе за счет собственных дочерей. Она одаривала подарками – вишней, сардинами и даже «золотым сердцем»²³ – Элеонор Маннерс, графиню Ратленд (урожденную Пастон, ок. 1495–1551), фрейлину четырех королей – жен Генриха VIII (Анны Болейн, Джейн Сеймур, Анны Клевской и Кэтрин Ховард)²⁴, в обмен на помощь в устройстве ее дочерей фрейлинами при дворе. В итоге одна из дочерей леди Гонории стала фрейлиной самой графини Ратленд²⁵.

Такие действия леди Лайл несколько не противоречили общепринятым нормам. В тюдоровскую эпоху дарение и получение подарков играло огромную социальную роль²⁶. По мнению Ф. Хил, обмен подарками, особенно продуктами, содержал в себе несколько смыслов. Во-первых, пища выступала в качестве объединяющего элемента, т. е. «мы едим одно и то же, следовательно, у нас много общего». Во-вторых, при помощи подобных подарков можно было установить отношения патроната, все зависело от статуса дарящего и одаряемого. И, в-третьих, примешивается религиозный аспект – необходимость проявления щедрости²⁷.

В целом же леди Лайл вела себя чрезвычайно активно в своем стремлении устроить дочерей фрейлинами королевы. Были задействованы многие знакомые из числа королевских приближенных и других знатных особ²⁸, королеве неоднократно посылались подарки²⁹. Напористость леди Лайл, видимо, стала достоянием королевы, которая тем не менее не спешила оказать столь желанную милость, в связи с чем у леди Гонории даже возникли мысли о ее плохом к ней отношении, которыми она поделилась со своими знакомыми. Чтобы развеять их, Ричард Донси уверяет леди Лайл, что «королева не относится плохо к ней и хорошо о ней отзывалась»³⁰.

Благодаря усилиям леди Гонории фрейлиной Джейн Сеймур стала одна из ее дочерей Энн Бассет, которая по повелению своей госпожи осенью 1537 г. вынуждена была сменить сначала свои головные уборы, а потом и вовсе все наряды с «французских» на «английские»³¹. Надо ли говорить, скольких средств это потребовало от леди Лайл и всей ее семьи. Но, конечно, продвижение дочери во фрейлины королевы было важной победой леди Гонории, получившей

дополнительный инструмент влияния и канал информации о придворной жизни. Именно через свою дочь леди Лайл дважды отправляла Генриху VIII приготовленный ею айвовый мармелад. В первый раз в 1539 г. Энн в своем письме матери пишет, что мармелад так понравился королю, что тот велел ей спросить рецепт³². Через год Генрих также отнесся к мармеладу «благодарительно»³³. Не будем забывать и о том, что фрейлины пользовались значительным королевским покровительством и вознаграждались разными привилегиями, в том числе пожизненной пенсией³⁴.

Особое место в корреспонденции леди Гонории Лайл занимает переписка с сэром Генри Монтегю и супругами Рингли. Сэр Генри, лорд Монтегю 15 июля 1533 г. направил леди Лайл письмо, в котором сообщил о разговоре с главным судьей казначейства: он «отрицал все слова, что приписывались ему»³⁵. Очевидно, ходили какие-то слухи, связанные с семьей Лайл, но, к сожалению, они никак не отражены в письмах. Важно, что сэр Генри уверяет: «Не сомневайтесь, если до моих ушей дойдет что-нибудь, что оскорбит честь моего лорда (сэра Артура. – Д. К.) и вашу, то я буду защищать вас»³⁶. Видимо, сэра Генри и виконта Лайла связывали дружеские отношения, поскольку лорд Монтегю не только пытается пресечь все слухи о семье сэра Артура, но и тревожится за его здоровье. В предыдущем письме леди Гонория, скорее всего, спрашивала какого-то совета у сэра Генри, и тот ответил: «Кале несколько обременителен, как я и предполагал, для такого желудка, как у милорда»³⁷, а далее просит ее особенно тщательно следить за здоровьем сэра Артура.

О близости лорда Монтегю к семье Лайл свидетельствует и его второе письмо от 12 февраля 1534 г. Сэр Генри пишет, что «сообщил своей матери о добром здравии супругов Лайл, и та была очень этому рада»³⁸.

Помимо переписки лорда Монтегю и леди Лайл связывали деловые отношения. Сэр Генри помогал леди Гонории продавать сельдь³⁹ и, очевидно, неспроста уведомлял ее о прибытии своих кораблей, груженных стеклом, испанским вином и оливками⁴⁰.

Причина столь тесных отношений 1-го барона Монтегю с семьей Лайл кроется, скорее всего, в происхождении сэра Генри. Его отцом был Ричард Поул, видный соратник короля Генриха VII (1485–1509), а матерью – Маргарет Поул, графиня Солсбери, дочь Джорджа Плантагенета, герцога Кларенса. Стало быть, Маргарет Поул приходилась сэру Артуру двоюродной сестрой, что она и не скрывает, называя сэра Артура в письме к нему «кузеном»⁴¹. Сам лорд Монтегю был двоюродным племянником лорда Лайла. Помимо родства, их сближали также взгляды на политику и религию: оба были

приверженцами католичества, осуждали религиозную политику короля и его второй брак с Анной Болейн. Лорд Монтегю, как и лорд Лайл, был обвинен в государственной измене и 4 ноября 1538 г. посажен в Тауэр. Вместе со своей матерью Маргарет Поул лорд Монтегю был казнен, а лорд Лайл после двух лет заключения в Тауэре в 1542 г. помилован королем, но сразу же умер от сердечного приступа.

Переписывалась леди Гонория и с семьей Рингли, несмотря на существовавшие противоречия между сэром Эдвардом Рингли и виконтом Лайлом. Сэр Эдвард родился в мелкопоместной семье в Стаффордшире, затем с помощью герцога Бэкингема смог получить земли в Кенте. Заключив выгодный брак с вдовой одного из местных дворян, он смог расширить свои владения. В 1528 г. сэр Эдвард был назначен инспектором оборонительных сооружений в Кале, затем с помощью герцога Норфолка стал маршалом города и даже был избран в парламент от Корнуолла, в чем ему помог Ричард Гренвилл, родственник леди Гонории. С лордом Лайлом у сэра Эдварда были натянутые отношения, их постоянные конфликты даже вынудили его продать свою должность маршала Кале одному из родственников леди Гонории и в 1536 г. вернуться в Кент.

Причиной конфликта послужила нередко шокировавшая современников прямолинейность сэра Эдварда, который высказывал то, что считал нужным, и не щадил самолюбия своих собеседников. «Если я когда-либо был груб с вами, я уверен, что это было ради вашей чести, потому что я никогда не хотел для вас ничего худшего, чем для себя, и все же я уважаю свою бедную честность так же, как и любой другой человек»⁴², – написал сэр Эдвард при отъезде из Кале 24 мая 1535 г. И, несмотря на выраженное в этом же письме нежелание когда бы то ни было возвращаться к службе в Кале, в Англии он смог снискать благосклонность Томаса Кромвеля и в 1539 г. вновь вернулся в Кале к неудовольствию лорда Лайла.

В отличие от их супругов леди Лайл и леди Рингли связывали дружеские отношения. Они неоднократно обменивались подарками. Леди Рингли посылала каплунов и сыр, отмечая, что «отправила бы что-то получше, если бы была такая возможность»⁴³. В нескольких письмах она передавала свои «сердечные приветы» всем дочерям семьи Лайл, называя их поименно⁴⁴. Ясно, что леди Рингли была лично знакома со всеми детьми супругов Лайл и располагала информацией, кто именно из них находился в данный момент в доме родителей.

Неоднократно в письмах леди Рингли просят иронию, легкое поддразнивание леди Лайл. Так, она передает приветы, будучи в отъезде, лорду Лайлу, своему мужу и некой леди Банистер. В письмах не упоминается, кем

была эта самая леди, но следующий пассаж леди Рингли касается именно ее. Обращаясь к леди Лайл, она пишет: «... Добрая леди, будьте внимательны, чтобы леди Банистер не лишила нас с мужем нашей любви, пока я в отъезде»⁴⁵. Не в характере тюдоровской переписки было писать подобные вещи, особенно тому, кто не являлся даже домочадцем, а потому это можно считать шуткой леди Рингли. Но шутить подобным образом можно было лишь с человеком, которому доверяешь, который это поймет и оценит. А вот на отношение леди Рингли к виконту Лайлу накладывала отпечаток неприязнь, сквозившая во взаимоотношениях между ним и ее супругом. В письме, где леди Рингли сообщает об отъезде из Кале, появляется даже намек на сарказм. Она пишет, что благодарна господину (сэру Артуру. – Д. К.) за то, что тот, несмотря на большую боль (суставы доставляли лорду много неприятностей), пришел ее проводить, но ей «нечем вознаградить его, кроме молитвы»⁴⁶. Принимая во внимание характер писем той эпохи, когда благодарность выражали более многословно и высокопарно, эти слова можно считать насмешкой. Будь леди Рингли действительно благодарна лорду Лайлу, она бы, несомненно, пожелала ему долгих лет жизни, чтобы бог его благословил и хранил.

Большинство писем леди Гонория получила от людей, просивших ее о какой-либо услуге, помощи, причем статус этих людей был самый разный – от мелкопоместных дворян до приближенных короля, светских лиц и церковнослужителей.

Ряд адресатов обращается к леди Лайл с просьбой повлиять на ее супруга в решении того или иного вопроса. Сэр Энтони Виндзор в 1535 г. направил письмо именно с такой целью⁴⁷. Суть проблемы состояла в том, что слуга сэра Энтони, некий Нортон, убил оленя в лесу, смотрителем которого был лорд Лайл, о чем последнему доложил Оудэл, скорее всего, местный лесничий. Оудэл предположил, что слуга сэра Энтони совершил это преступление, а убийство оленя в то время считалось именно преступлением, за которое необходимо было понести наказание, по приказу своего хозяина, и лорд Лайл согласился с этим суждением. Как известно, Генрих VIII, который очень любил поохотиться, повелел сделать некоторые леса заповедниками, чтобы олени в тех местах не истреблялись, и монарх всегда мог найти дичь для охоты⁴⁸. В такие парки назначались смотрители и лесничие, получавшие жалование от короны. Одним из смотрителей был виконт Лайл. В своем письме сэр Энтони отрицает какую-либо причастность к данному инциденту, уверяя, что никогда не посмел бы совершить подобное, и сетует на то, что лорда Лайла ввели в заблуждение ложными наветами. Сэр Энтони, очевидно, надеется на содействие леди Лайл, которая сможет повлиять

на мнение своего мужа, чтобы тот признал его невиновным.

Содействия леди Лайл просит и сэр Эдмунд Говард, младший брат герцога Норфолка, имевший весьма скудное состояние и большое количество детей. В своем письме лорд Говард обращается к леди Гонории с просьбой повлиять на ее мужа с тем, чтобы ему была предоставлена комната для одного из слуг: «Я отдам ее Баку, поскольку Лейк не хочет»⁴⁹. Сэр Эдмунд ссылается на то, что его сын, который теперь живет в Гине (в 10 км к югу от Кале. – Д. К.), передал свою комнату в Кале слуге, и сэр Эдмунд тоже хочет поселить кого-то из слуг в этом городе. У него самого средств нет, поэтому он и просит леди Лайл передать лорду Лайлу его пожелание, а также пишет о том, что после ужина придет к сэру Артуру с этой просьбой лично⁵⁰.

На посредничество леди Лайл рассчитывает и Маргарет Барнаби, которая просит ее поговорить с лордом Лайлом и помочь вызволить мужа, который попал в плен к французам в 1535 г. и «оказался в большой беде»⁵¹. Известно лишь, что произошло это после столкновения на море, причем, корабль, на котором находился муж Маргарет Барнаби, не был военным. Других подробностей в письме не раскрывается. Возможно, что французы могли нападать на английские корабли с целью грабежа.

Среди корреспонденции, адресованной леди Гонории, есть и письмо от леди Маргарет Брайан⁵², которая занималась воспитанием детей Генриха VIII. В 1537 г., когда было написано интересующее нас послание, воспитанницей леди Маргарет была принцесса Елизавета, а менее чем через год она станет главной особой при дворе маленького принца Эдуарда⁵³. Из послания леди Брайан следует, что королева Джейн Сеймур направила письмо лорду Лайлу с просьбой помочь констеблю Рисбанка, родственнику леди Маргарет. Но леди Брайан, видимо, не слишком полагаясь на лорда, решила написать еще одно письмо – леди Лайл, чтобы она напомнила своему супругу об этой просьбе.

Свое послание леди Лайл адресует в 1534 г. и Стивен Гардинер, на тот момент епископ Винчестерский. Он просит леди Лайл посодествовать одной бедной вдове⁵⁴ и упоминает, что не пишет мужу леди Лайл, а обращается с просьбой именно к ней. Очевидно, Гардинер считал, что леди Лайл быстрее добьется результата, напрямую поговорив с мужем.

Сэр Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд, в мае 1536 г. просит леди Гонорию о помощи в предоставлении некой «солдатской комнаты» одному «бедному человеку»⁵⁵. Как следует из письма, отдать соответствующее распоряжение мог только виконт Лайл, но послание было адресовано леди Лайл. Именно она должна была уговорить своего мужа исполнить просьбу сэра

Джона. Возникает вопрос: почему он не написал лорду Лайлу лично, тем более что они когда-то были членами одной семьи: мать сэра Джона Дадли, леди Элизабет Грей, 6-я баронесса Лайл (дочь Эдварда Грея, 1-го виконта Лайл), второй раз вышла замуж за сэра Артура. Возможно, дело в том, что сэр Артур женился на леди Элизабет Грей вскоре (12 ноября 1511 г.) после казни за государственную измену (18 августа 1510 г.) сэра Эдмунда Дадли, отца сэра Джона. В силу этого он мог питать к отчиму весьма прохладные чувства. Возможно, на отношения между отчимом и пасынком повлиял раздел имущества после смерти леди Элизабет. Как известно, титул виконта Лайла сэр Артур унаследовал, пусть и с понижением, именно от своей жены в обход ее сына и наследника. Вероятно, сэр Джон не мог не воспринимать лорда Лайла как соперника в борьбе за имущество семьи⁵⁶ и испытывал чувство досады и обиды за то, что титул достался отчиму, а не ему. Очевидно также, что сэр Джон, как и многие другие просители, знал о том влиянии, которое леди Гонория имеет на своего мужа, и через нее можно значительно быстрее добиться ожидаемого результата. Есть в письме сэра Джона Дадли и то, что отличало это послание от корреспонденции остальных адресатов, которые ограничивались словесной благодарностью. Он пишет леди Лайл, что в следующий раз «сделает все, что в его малых силах», чтобы помочь ей⁵⁷. Конечно, герцог Нортумберленд явно принижает свои возможности, что, впрочем, было в духе эписистолярного жанра того времени. Взлет его карьеры начинается уже с конца 30-х гг. XVI в.: в 1538 г. он становится военным комендантом и губернатором Кале, а в 1542 г. Генрих VIII назначает его лордом-адмиралом английского флота. Помощь, о которой пишет сэр Джон, могла пригодиться леди Гонории, поскольку та была втянута в большой земельный спор по поводу имущества своего первого покойного мужа, а также, как упоминалось выше, жаждала заполучить для своих дочерей место при дворе.

Некоторые адресаты через леди Гонорию фактически обращаются к виконту Лайлу. Так, настоятель Айвичерча в своем письме от 8 августа 1533 г. просит леди Лайл передать лорду, чтобы тот прислал оленины из Кларендонского парка, смотрителем которого являлся, поскольку «главный судья казначейства не хочет ее присылать»⁵⁸. А сэр Роберт Уингфилд и его жена леди Джейн Клинтон обращаются с просьбой прислать им половину оленя⁵⁹. Супруги объясняют, что племяннику сэра Роберта и лорду Лайлу был пожалован олень, которого желательно поскорее разделить и отдать причитающуюся им половину.

Многие адресаты просят леди Лайл пристроить на службу их родственников и знакомых, помочь в каких-то сложных ситуациях. Некая

Элис Гэй в послании от 1 октября 1533 г., адресованном леди Лайл, благодарит за «доброту к ее сыну, Джону Уорту»⁶⁰. Очевидно, в это время Джон Уорт был взят на службу в семью Лайл по просьбе родственницы леди Гонории, вдовы ее старшего брата Маргарет Гренвилл. В августе 1533 г. она написала леди Лайл письмо, в котором просила «быть хорошей госпожой Джону Уорту»⁶¹.

О Джоне Уорте известно следующее. Его отец, Отс Уорт из Коптон Пола в Девоне, умер в 1504 г., когда мальчику исполнилось всего 5 лет. Мать Джона Элис была дочерью Джона Милтона из Мейви, вторым браком она сочеталась с Джоном Гэем из Голдсуорта. Можно проследить родство Милтонов с Гренвиллами. Мать Элис Милтон-Уорт-Гэй, тоже Элис, была одной из дочерей Томаса Дениса из Холком Барнелла. Другая его дочь вышла замуж за одного из Холсов, которые благодаря бракам были в родстве с Гренвиллами.

Джон Уорт предпринял несколько безуспешных попыток добиться достойного места в доме Лайл. Но сумел стать лишь членом свиты, получая за это 8 фунтов в год – обычное жалование виночерпия. Учитывая условия завещания его отца, Джон не был обеспечен достаточным количеством земель, весь его доход составлял около 10 фунтов в год. Однако вскоре ситуация изменилась. Благодаря влиянию Гренвиллей в марте 1534 г. он был принят на службу к супругам Лайл и, вероятно, хорошо себя зарекомендовал. Известно, что в 1535 г. его хозяева даже доверили ему маленького Джеймса Бассета, младшего сына Гонории, когда его в возрасте 8 лет в первый раз отправили в Парижский университет⁶². Джон Уорт продолжал служить этой семье и в дальнейшем: именно он в 1539 г. сообщал в письме виконту Лайлу о процессии королевского двора в Страстной четверг и о прогулке монарха со свитой «на лодках по Темзе под звук дудок и барабанов в предшествующий этому день»⁶³.

С просьбой взять на службу своего знакомого обращался к леди Лайл и сэр Томас Элиот – один из выдающихся деятелей английского Ренессанса, дипломат, посол, состоявший на службе у кардинала Томаса Уолси, клерк Тайного совета в 1523–1530 гг. Элиот был лично знаком с виконтом Лайлом⁶⁴, но написал письмо леди Лайл, прося повлиять на его знакомого, слишком увлекавшегося игрой в кости, и посмотреть за ним⁶⁵.

Некий Уильям Попли также обращается к леди Лайл в надежде на то, что она поможет его другу найти какое-либо занятие. Леди Гонория в ответном письме сообщает, что нашла, наконец, место лучника и просит Уильяма Попли поскорее прислать к ним своего друга⁶⁶. Как видим, леди Гонория Лайл очень внимательно относилась к обращенным к ней просьбам, стараясь помочь.

Помощи у леди Лайл просит и сэр Ричард Пейдж⁶⁷, который, видимо, служил при дворе до 1536 г., после чего получил возможность покинуть короля и уехать в провинцию, для которой он, по его собственному мнению, «подходил больше, чем для дворца»⁶⁸. Он сообщает ей в письме, что некий Томас Стокуайт, который и доставит это письмо, находится в сложной жизненной ситуации. У него нет источников дохода, «полный дом детей»⁶⁹ и, вдобавок, долги. Сэр Ричард просит леди Гонорию дать денег, чтобы Томас мог расплатиться с кредиторами, и помочь ему с работой. Сэр Ричард заверяет, что «этот человек честный и ответственный и будет хорошо служить на той должности, которую ему дадут»⁷⁰.

Леди Уэстон подробно описала в своем письме ситуацию, которая вынудила ее обратиться к леди Лайл. Речь идет о некой 25-летней девушке, «которую хорошо знает камеристка леди Лайл, а лорд Лайл знает ее отца»⁷¹. С ней произошла очень неприятная история. Она влюбилась в одного из джентльменов из хаусхолда мужа леди Уэстон. Молодой человек ответил ей взаимностью, но жениться не захотел. Муж леди Уэстон был крайне огорчен и отослал молодого человека подальше, а девушку – к ее дяде, объявив леди Уэстон, что больше не примет ее на службу. Леди Уэстон была озадачена тем, чтобы пристроить несчастную, и пишет леди Лайл, что «эта девушка очень хорошо исполняет свои обязанности» и может прислуживать как самой леди Гонории, так и дочерям семьи Лайл⁷².

Леди Маргарет Брайан, о которой упоминалось ранее, в 1537 г. просит леди Лайл помочь подателю ее письма и его жене. Она пишет, что это «очень хорошие люди, особенно, его жена»⁷³. Видимо, леди Брайан надеялась, что леди Гонория сумеет пристроить жену посыльного или подыскать для нее какую-то работу.

Не осталась леди Гонория равнодушной и к судьбе Элизабет Стейнинг, чей муж Уолтер Стейнинг и она сама, да еще беременная, оказались в тюрьме. К сожалению, установить причину ареста не представляется возможным. По уверениям Элизабет, к этому был причастен некий Эрандел, приходившийся ей кузеном⁷⁴. Неизвестно, кем именно был этот кузен. На этот счет есть несколько предположений. Это могли быть сэр Джон Эрандел, скончавшийся в 1545 г., или кто-то из его сыновей – Джон Эрандел-младший либо Томас. Элизабет Стейнинг и помогавшая ей леди Уитхил обратились к леди Лайл неспроста. Вторым браком Джон Эрандел-старший был женат на Кэтрин Гренвилл, младшей единокровной сестре леди Лайл. Леди Гонория могла через сестру попытаться повлиять на данную ситуацию. Кроме того, леди Лайл попросила своего знакомого при дворе сэра Норриса помочь с разбирательством дела мужа Уолтера Стейнинга⁷⁵. На этот поступок ее подтолкнула леди Уитхил,

лично прибывшая в Кале просить за этих людей и сообщившая, что Элизабет Стейнинг на большом сроке беременности водят по допросам⁷⁶. Леди Лайл пыталась убедить ее уехать, но леди Уитхил ответила отказом: «Как бы вы не пугали меня, что, оставаясь здесь, я подвергаю себя опасности, я вспоминаю одну старинную поговорку – напуганный человек живет дольше»⁷⁷.

Точка в этом деле, длившемся с осени 1533 г., была поставлена в середине июня 1534 г. В письме от 15 июня Элизабет Стейнинг благодарит леди Лайл за помощь⁷⁸. При этом она пишет, что сэр Норрис сделал не так много, как она ожидала. Элизабет считала свое освобождение и освобождение своего мужа исключительно заслугой леди Лайл и Томаса Кромвеля, который, по уверению самого Норриса, не придавал особого значения его словам⁷⁹. Но мы знаем, что Кромвель был весьма расположен к леди Гонории.

Следующая тема в письмах леди Лайл – это обмен подарками, выражение добрых чувств авторов писем по отношению к леди Гонории. Так, Уильям Нокстон, священник Саутвика, высказывает ей слова признательности «за поддержку и чудесные письма, которые ему очень помогли»⁸⁰. Судя по всему, леди Лайл помогала ему материально и, возможно, решила какую-то насущную проблему, о сути которой, к сожалению, ничего неизвестно.

Ранее упоминалось о подарках, которыми обменивались леди Лайл с графиней Ратленд и леди Рингли. Однако среди писем есть и другие, в которых тоже содержится информация на этот счет. Настоятель Айвичерча в своем письме от 8 августа 1533 г. благодарит леди Лайл «в целом за все» и отдельно за присланное «хорошее вино»⁸¹. Сэр Дрю Уильямс, викарий Сент Кеверна, тоже благодарен леди Лайл «за хорошее настроение, которое было у него в прошлом, когда он находился в ее обществе»⁸². Возможно, не обошлось и без подарков со стороны леди Лайл, поскольку в ответ сэр Дрю посылает ей килдеркин (большую бочку. – Д.К.) с четырьмя живыми корнуоллскими угрями. Сэр Ричард Донси, который находился при дворе королевы Джейн Сеймур, в письме леди Лайл от 22 июля 1537 г. пишет, что хочет отплатить ей за проявленную ранее доброту⁸³. Сложно сказать, о чем именно идет речь – то ли о возможных подарках от леди Лайл в виде продуктов или одежды, то ли о проявленном участии, за которые сэр Ричард пожелал отблагодарить леди Гонорию.

Встречаются также письма на бытовые темы, касающиеся, например, болезней и лекарств и даже приглашения в гости. Письмо доктора Чамбра, адресованное леди Лайл, отличается лаконичностью. Тот получил просьбу леди и лорда Лайл осмотреть одного из их слуг, некоего Рейнолдса, и просит передать, что постарается «сделать все, что в его скромных силах»⁸⁴. Примечателен тот факт, что этот доктор считался

одним из лучших в Англии и пользовался доверием самого короля.

Сэр Эдмунд Говард в своем письме упоминает новое лекарство, «которое ему посоветовали и которое будет еще более полезно женщинам»⁸⁵. Судя по тому, что леди Лайл, как и многие аристократы того времени, переняв эту привычку у Генриха VIII, интересовалась медициной, собирала рецепты разнообразных лекарств и делилась ими с окружающими, ей явно была интересна эта информация. В качестве нового лекарства выступала нога или крыло аиста, съев которое, человек мог привести всю мочеполовую систему в порядок, а также улучшить свою речь. Из контекста письма сэра Эдмунда становится также понятно, что он обратился к леди Гонории за помощью, поскольку имел проблемы с почками, и леди Лайл посоветовала ему некое средство. В письме сэр Эдмунд подробно описывает действие этого лекарства, которое он принял после полуночи. В итоге, по его ощущениям, камень из почек вышел⁸⁶, но из-за побочных эффектов лекарства он не сможет поехать за границу и присутствовать на ужине у леди Лайл. В связи с этим он просит передать свои извинения ее мужу⁸⁷.

А упоминавшийся ранее сэр Ричард Пейдж сообщил леди Лайл о прекращении службы во дворце и пригласил в гости, если у нее будет «возможность приехать в наши края»⁸⁸.

Таким образом, судя по переписке, наиболее значимой стратегией леди Гонории Лайл было укрепление позиций ее самой и ее семьи при дворе Генриха VIII. Она использовала переписку с представителями придворной аристократии и другими знатными адресатами для того, чтобы гарантировать права и привилегии для себя, своего высокородного мужа, своих детей. Леди Гонории было важно знать, что происходит при дворе, как меняются настроения и предпочтения монарших особ, как можно чаще напоминать о себе, создавая информационное поле и используя его в своих целях. В рамках отмеченной стратегии следует рассматривать и стремление леди Лайл через установленные и подкрепляемые ею посредством подарков связи со знатными дамами и отношения покровительства получить место фрейлин для своих дочерей, которое отчасти было реализовано: одна из дочерей стала фрейлиной графини Ратленд, а вторая – королевы Джейн Сеймур. Фактически речь идет о том, что леди Лайл, пользуясь высоким статусом супруги виконта Лайла, оказывала на определенный круг придворной аристократии неформальное влияние для достижения собственных целей, обусловленных интересами ее семьи, в чем можно видеть одно из проявлений власти леди Гонории.

Пределы власти этой, в своем роде неординарной, женщины очерчивались и различными по содержанию просьбами, с которыми к ней обращались адресаты, находившиеся на разных уровнях социальной иерархии. Многочисленные

просьбы, направленные леди Лайл, могли касаться как лично авторов тех или иных посланий, так и их родственников, друзей, знакомых и даже слуг, оказавшихся в трудном финансовом положении или иной сложной ситуации и в силу этого надеявшихся на ее помощь и покровительство. При этом выполнение практически всех просьб, адресованных леди Гонории, на практике находилось не в ее компетенции, а относилось к сфере деятельности ее мужа. Все эти просители, за редким исключением, видели в леди Лайл некий инструмент влияния на виконта Лайла, который, следует признать, прислушивался к своей супруге. А если учесть его рассеянность и забывчивость, то напоминание жены в личной беседе могло оказаться весьма своевременным и эффективным.

Конечно, леди Лайл и сама могла оказывать небольшие услуги или делать подарки, как это было в случае с Ричардом Донси или сэром Ричардом Пейджем. В таких случаях благодетельствованные подобным образом люди пытались всеми возможными способами отплатить за оказанную любезность: кто-то сообщал новости при дворе короля, а кто-то посылал бочку угрей.

Среди многочисленных писем с просьбами и благодарностями можно найти лишь несколько посланий (письма четы Рингли, лорда Монтегю и Ричарда Донси), в которых проявляется бескорыстное, дружеское отношение к леди Лайл.

Следует констатировать, что леди Гонория Лайл, вошедшая в высшее аристократическое общество благодаря замужеству, в полном соответствии с представлениями и традициями того времени воспринималась прежде всего как жена виконта Лайла, дяди короля. Использование ею скрытых, неформальных каналов влияния нередко могло быть весьма успешным. Но это не отменяло, во-первых, устойчивой гендерной асимметрии: леди Гонорию использовали, как правило, лишь как инструмент влияния на ее высокородного супруга. Во-вторых, в общественном восприятии она оставалась представительницей провинциального дворянства: даже брак с виконтом Лайлом не изменил принципиально ее статус в глазах общества, традиционно высоко ценившего знатность происхождения⁸⁹. Поэтому не удивительно, что после кончины виконта Лайла в 1542 г. она удалилась в небольшое имение в Корнуолле, где и жила в полном забвении до самой своей смерти в апреле 1566 г.

Примечания

¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 538.

² Там же. С. 544.

³ См.: Абаренова А. И. Женские социальные сети влияния: взаимоотношения знатных дам в Англии первой

- половины XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 23.
- ⁴ См.: Стасевич В. А. Титулованная знать при ранних Тюдорах. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. С. 317.
- ⁵ Elton G. R. Viscount Lisle at Calais // London Review of Books. 1981. Vol. 3, № 13. P. 3–5.
- ⁶ Grenville R. The history of Grenville family. Exeter : William Pollard & Co., 1895. P. 65–70.
- ⁷ The Lisle Letters : in 6 vols. / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago ; London : University of Chicago Press, 1981 (далее – The Lisle Letters).
- ⁸ Daybell J. Women Letter-Writers in Tudor England. New York : Oxford University Press, 2006. P. 1.
- ⁹ Lady Lisle to Lord Lisle 23 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 305.
- ¹⁰ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 582.
- ¹¹ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 328.
- ¹² См.: Борман Т. Частная жизнь Тюдоров : секреты венценосной семьи / пер. с англ. А. В. Жирнова. М. : Эксмо-Пресс, 2017. С. 173.
- ¹³ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // The Lisle Letters. Vol. 3. P. 329.
- ¹⁴ Edward Corbett to Lady Lisle 5 July 1536 // Ibid. P. 449.
- ¹⁵ Lord Lisle to Lady Lisle 24 September 1539 // Ibid. Vol. 5. P. 655.
- ¹⁶ Sir Edward Ryngeley to Lady Lisle 11 June 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 181.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Honor viscountess Lisle to Cromwell 6 December 1532 // Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary : in 3 vols. / ed. by M. A. Everett Wood. London : Printed by George Barclay, 1846. Vol. 2. P. 79 (далее – Letters of royal and illustrious ladies).
- ¹⁹ Honor viscountess Lisle to Cromwell 22 November 1532 // Ibid. P. 78.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Honor viscountess Lisle to Cromwell 7 October 1533 // Ibid. P. 82.
- ²² Cromwell to Lady Lisle 20 November 1534 // Life and letters of Thomas Cromwell / ed. by R. B. Merriman : in 2 vols. Oxford : Oxford University Press, 1903. Vol. 1. P. 392.
- ²³ Lady Rutland to Lady Lisle 10 June 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 146.
- ²⁴ Harris B. J. English Aristocratic Women 1450–1550 : marriage and family, property and careers. New York : Oxford University Press, 2002. P. 30.
- ²⁵ Edward Corbett to Lady Lisle 10 November 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 182.
- ²⁶ Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present. 2008. No. 119. P. 53.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Sir Frances Bryan to Lord Lisle 20 January 1534 // The Lisle Letters : An Abridgement / ed. by Muriel St. Clare Byrne. Chicago : University of Chicago Press, 1983. P. 148.
- ²⁹ John Husee to Lord Lisle 23 May 1537 // Ibid. P. 205–206.
- ³⁰ Richard Dauncy to Lady Lisle 22 July 1537 // The Lisle Letters. Vol. 4. P. 155.
- ³¹ John Husee to Lady Lisle 2 October 1537 // Ibid. P. 211.
- ³² Ann Basset to Lady Lisle 22 December 1539 // The Lisle letters : An Abridgement. P. 282.
- ³³ Ann Basset to Lady Lisle 19 February 1540 // Ibid. P. 333.
- ³⁴ Keen M. Women and Politics in England, 1558–1625 : Patronage, petition and protest. Ann Arbor : Bell & Howell Information and Learning Company, 2000. P. 33.
- ³⁵ Henry Lord Montague to Lady Lisle 15 July 1533 // The Lisle Letters. Vol. 1. P. 492.
- ³⁶ Ibid.
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ Henry Lord Montague to Lady Lisle 12 February 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 45.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Margaret Pole, Countess of Salisbury to Lord Lisle 6 March 1534 // Ibid. P. 65.
- ⁴² Sir Edward Ryngeley to Lord Lisle 24 May 1535 // Ibid. P. 488.
- ⁴³ Lady Ryngeley to Lady Lisle 13 July 1535 // Ibid. P. 522.
- ⁴⁴ Lady Ryngeley to Lady Lisle 11 June 1535 // Ibid. P. 505.
- ⁴⁵ Lady Ryngeley to Lady Lisle 18 May 1535 // Ibid. P. 485.
- ⁴⁶ Lady Ryngeley to Lady Lisle 27 April 1535 // Ibid. P. 470.
- ⁴⁷ Sir Antony Windsor to Lady Lisle 19 October 1535 // Ibid. P. 606.
- ⁴⁸ John Husee to Lady Lisle 17 July 1534 // Ibid. P. 218.
- ⁴⁹ Lord Edmund Howard to Lady Lisle n. d. // Ibid. P. 496.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Margaret Barnabe to Lady Lisle 19 February 1535 // Ibid. P. 406.
- ⁵² См.: Lady Margaret Bryan to Lady Lisle n. d. 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 292.
- ⁵³ См.: Борман Т. Указ. соч. С. 184.
- ⁵⁴ Stephen Gardiner, Bishop of Winchester to Lady Lisle 20 June 1534 // The Lisle Letters. Vol. 2. P. 185–186.
- ⁵⁵ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 328.
- ⁵⁶ Stretton T. Stepmothers at Law in Early Modern England // Stepfamilies in Europe, 1400–1800 / ed. by L. Warner. London : Routledge, 2018. P. 52.
- ⁵⁷ Sir John Dudley to Lady Lisle 10 May 1536 // The Lisle Letters. Vol. 3. P. 328.
- ⁵⁸ The Prior of Ivychurch to Lady Lisle 8 August 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 498.
- ⁵⁹ Sir Robert Wingfield and Lady Jane Clinton to Lady Lisle 5 September 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 397–398.
- ⁶⁰ Alice Gay to Lady Lisle 1 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 512.
- ⁶¹ Margaret Grenville to Lady Lisle 26 August 1533 // Ibid. P. 510.
- ⁶² John Worth to Lady Lisle 13 August 1535 // Ibid. Vol. 3. P. 114–115.
- ⁶³ John Worth to Lord Lisle 15 May 1539 // The Lisle Letters : An Abridgement. P. 279.

- ⁶⁴ См.: Письма леди Гонории Лайл / пер. с англ. Л. Н. Черновой и Е. В. Двойниной; коммент. Л. Н. Черновой // Гендерная история Западной Европы : хрестоматия : в 7 кн. Кн. 4 / сост. А. Ю. Серегина, А. В. Стогова. М. : Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 232.
- ⁶⁵ Sir Thomas Elyot to Lady Lisle 3 December 1533 // The Lisle Letters. Vol. 1. P. 637.
- ⁶⁶ Lady Lisle to William Popley 12 June 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 415.
- ⁶⁷ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 582.
- ⁶⁸ Sir Richard Page to Lady Lisle 18 July 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 460.
- ⁶⁹ Sir Richard Page to Lady Lisle 15 October 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 582.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Lady Weston to Lady Lisle November or December 1532 // Ibid. P. 330.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Lady Margaret Bryan to Lady Lisle n. d. 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 292.
- ⁷⁴ Elizabeth Staynings to Lady Lisle early June 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 168.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Lady Whethill to Lady Lisle 30 May 1534 // Ibid. P. 163.
- ⁷⁷ Ibid.
- ⁷⁸ Elizabeth Staynings to Lady Lisle 15 June 1534 // Ibid. P. 169.
- ⁷⁹ Ibid.
- ⁸⁰ William Noxton to Lady Lisle 12 September 1534 // Ibid. P. 251.
- ⁸¹ The Prior of Ivychurch to Lady Lisle 8 August 1533 // Ibid. Vol. 1. P. 498.
- ⁸² Sir Drue Williams to Lady Lisle 24 January 1534 // Ibid. Vol. 2. P. 32.
- ⁸³ Richard Dauncy to Lady Lisle 22 July 1537 // Ibid. Vol. 4. P. 155.
- ⁸⁴ Dr. Chambre to Lady Lisle 22 July 1537 // Ibid. P. 353.
- ⁸⁵ Lord Edmund Howard to Lady Lisle n. d. // Ibid. Vol. 2. P. 500.
- ⁸⁶ Ibid. P. 499.
- ⁸⁷ Ibid. P. 500.
- ⁸⁸ Sir Richard Page to Lady Lisle 18 July 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 460.
- ⁸⁹ См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 251–252.

Поступила в редакцию 31.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 31.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 50–56

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 50–56

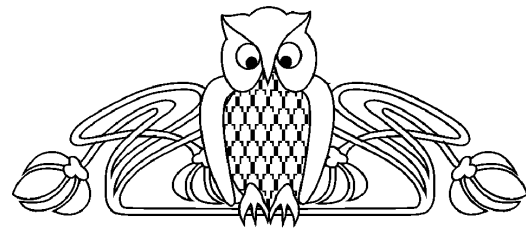
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-50-56>

Научная статья

УДК [737.2(450):94(470+571)]|17|+929Альгаротти

Проект о медалях Франческо Альгаротти

М. В. Третьякова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, Арзамасский филиал, Россия, 607220, г. Арзамас Нижегородской области, ул. К. Маркса, д. 36

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>

Аннотация. В статье рассматривается проект о медалях Франческо Альгаротти. В своем «Очерке российской истории в медалях» Альгаротти предложил увековечить важные события истории России в медалях, таким образом отметив периоды правления Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II. Автор приходит к выводу, что сочинение Альгаротти способствовало созданию объективного образа России в глазах просвещенной части европейцев и укреплению престижа России как державы.

Ключевые слова: Франческо Альгаротти, медали, медальерное искусство, XVIII век, история России

Для цитирования: Третьякова М. В. Проект о медалях Франческо Альгаротти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 50–56. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-50-56>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Project about medals by Francesco Algarotti

M. V. Tretyakova

National Research State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, 36 K. Marx St., Arzamas, N. Novgorod region 607220, Russia

Marina V. Tretyakova, marinatretyakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6158-8800>

Abstract. The article discusses the project about the medals of Francesco Algarotti. In his «Essay on Russian History in Medals», Algarotti proposed to perpetuate important events in the history of Russia in medals, thus noting the periods of the reign of Peter I, Anna Ioannovna, Elizabeth Petrovna, Catherine II. The author of the article comes to the conclusion that Algarotti's essay contributed to the creation of an objective image of Russia in the eyes of the enlightened part of Europeans and strengthened the prestige of Russia as a power.

Keywords: Francesco Algarotti, medals, medal art, XVIII century, history of Russia

For citation: Tretyakova M. V. Project about medals by Francesco Algarotti. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 50–56 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-50-56>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Франческо Альгаротти (1712–1764) – представитель итальянского Просвещения, венецианский полимат, философ, поэт, эссеист, англофил, художественный критик и коллекционер, посетивший многие европейские страны¹, побывавший в России в 1739 г., автор многочисленных сочинений, среди которых «Путешествие в Россию» и «Очерк российской истории в медалях». У Франческо Альгаротти А. С. Пушкин позаимствовал выражение «окно в Европу». Среди друзей и знакомых корреспондентов Франческо Альгаротти были Фридрих II Прусский, Вольтер, Жан-Батист де Буайе, маркиз д'Аржан, Пьер Луи Моро де Мопертюи, Жюльен Офре де Ламетри, Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд,

Томас Грей, Пьетро Метастазियो, Бенедикт XIV, граф Генрих фон Брюль и др.

О графе Франческо Альгаротти известно, что он родился в семье богатого торговца Рокко Альгаротти, жившего в Венеции². Его предки были родом из Падуи, отец и дядя занимались коллекционированием. В отличие от своего старшего брата Бономо Франческо Альгаротти не пошел по стопам родни, а решил стать писателем. Образование он получил в Венеции, Риме, Флоренции и Болонье. Изучал астрономию, физику, оптику, математику, древние языки³. Чтобы совершенствовать свое образование, в течение двух лет после 1732 г. жил в Падуе, Флоренции, Риме, а затем в 1734 г. отправился в турне⁴ по Ев-

ропе, побывав в Париже (с 1734-го по 1736-й г.), Лондоне (с марта по сентябрь 1736 г.)⁵. Его путешествие в Париж, Лондон и в Санкт-Петербург – не что иное, как гран-тур. В XVIII в. было принято, что молодые люди предпринимали обязательное путешествие – так называемый гран-тур – для совершенствования своего образования, расширения кругозора, приобретения разного рода впечатлений, с надеждой на то, что знакомства, завязанные в период этого вояжа, помогут в дальнейшей карьере, да и просто так было модно. Для молодых английских путешественников путь пролегал через Францию, Центральную Европу, Италию. Русские путешественники через Германию и Швейцарию добирались во Францию (Париж) и Англию (Лондон), не забывая побывать и в Италии. Маршрут Гран-тура мог быть и таким: Париж, Рим, Венеция, Флоренция и Неаполь⁶. Собственно, в этих городах, кроме Неаполя, и побывал Альгаротти, но в этот маршрут им были включены Лондон, города Пруссии, Саксонии и даже столица России.

Его умение поддержать беседу, приятная внешность, прекрасные манеры, образованность и эрудиция производили благоприятное впечатление как на парижских, так и английских его собеседников, включая светских дам. В Англии Альгаротти по рекомендации Вольтера был принят в Лондонское Королевское общество, а также стал членом и общества антиквариев⁷. В стране туманного Альбиона Франческо Альгаротти первый раз провел полгода, совершенствуя свой английский язык. Здесь он стал дружен (близок) с Джоном Харви, 2-м бароном Харви (1696–1743) и леди Мэри Уортли-Монтегю (1689–1762), став частью любовного треугольника. Очарованы Альгаротти были как Джон Харви, так и леди Мэри.

Одним из самых ранних произведений Франческо Альгаротти, принесших ему известность, является работа *Newtonianismo per le dame* («Ньютонизм для дам, или Диалоги о цвете и свете»), содержащая информацию по астрономии, физике, математике, которая была завершена в 1737 г. После Англии Альгаротти вернулся в Италию. Там он останавливался в Венеции, Болонье, Милане, где завершил свой труд, затем перебрался во Францию и, наконец, снова вернулся в Англию.

В 1739 г. Альгаротти оказался в свите лорда Чарльза Калверта Балтимора, 5-го барона Балтимора (1699–1751), который на корабле «Августа» 21 мая отплыл из Грейвзенда в Балтийское море. Официальная делегация Великобритании во главе с лордом Балтимором, который должен был представлять английского короля Георга II на свадьбе Анны Леопольдовны Мекленбургской (Елизавета Катарина Кристина, принцесса Мекленбург-Шверинская (1718–1746) – внучка Ивана V по матери, правительница (регент) Российской империи с 9 ноября 1740 по 25 ноября

1741 г. при малолетнем императоре Иване VI) с Антоном Ульрихом Брауншвейг-Вольфенбютельским, направлялась в Санкт-Петербург. Свадьба состоялась 3 июля 1739 г.⁸ Участие в этой поездке Франческо Альгаротти можно объяснить его дружбой с Антиохом Кантемиром, с которым он был знаком с 1736 г. Антиох Дмитриевич Кантемир (1708–1744), русский дипломат молдавского происхождения, поэт, деятель раннего русского Просвещения, находился в Лондоне в 1732–1738 гг. на дипломатической службе.

Франческо Альгаротти и Антиоха Дмитриевича Кантемира связывала не только дружба. Последний перевел «Ньютонизм для дам» (до нас перевод не дошел) на русский язык⁹.

С 1739 г., т. е. после пребывания в Санкт-Петербурге, началась служба Франческо Альгаротти у Фридриха Прусского (1712–1786), короля Пруссии с 1740 г. Обратный маршрут в Англию проходил через Данциг и Гамбург. Вместо того чтобы сразу отплыть в Англию, путешественники задержались на континенте¹⁰, посетив Дрезден, Лейпциг, Берлин, Потсдам и Райнсберг, чтобы встретиться с кронпринцем Фридрихом Прусским. Вернувшись в Гамбург, отбыли в Англию. После ее посещения Альгаротти вернулся ко двору Фридриха Прусского, который стал в 1740 г. королем Пруссии.

В 1740 г. Франческо Альгаротти и его брат Бономо получили титул графа Пруссии. В 1741 г. Франческо Альгаротти сопровождал Фридриха в Байрейт, Кель, Страсбург и замок Мойланд, где они встречались с Вольтером, который был на водах в Клеве. Фридрихом II Франческо Альгаротти был отправлен как дипломат в Турин. Помимо дипломатических поручений, Франческо Альгаротти на службе у Фридриха II занимался пополнением художественных коллекций его, а также Августа III Саксонского. Франческо Альгаротти купил 21 полотно, среди которых были работы Жана-Этьена Лиотара, Джованни Баттиста Тьеполо для двора Августа III Саксонского (1696–1763), короля польского и великого князя литовского (с 30 июня 1734 г.), курфюрста саксонского (с 11 февраля 1733). Особо выделялась картина Жана-Этьена Лиотара «Прекрасная шоколадница», одна из жемчужин коллекции Дрезденской галереи старых мастеров. Сам Франческо Альгаротти весьма высоко отзывался об этой работе Лиотара. Кстати, кисти Ж.-Э. Лиотара принадлежит и портрет Франческо Альгаротти, написанный в 1745 г. Картина находится в Рейксмузеуме в Амстердаме. На полотне изображен молодой мужчина приятной внешности в голубом элегантном одеянии, подбитом мехом (горностае?).

В период с 1741-го по февраль 1753 г. Альгаротти жил то в Дрездене, то в Потсдаме, то в Берлине, периодически отлучаясь в Италию. Например, он уезжал туда, чтобы посетить археологические раскопки в Геркулануме. В 1747 г.

Франческо Альгаротти получил должность камергера при дворе короля Пруссии. В феврале 1753 г. он вернулся в Италию, чтобы поправить здоровье, сначала жил в Венеции, потом поселился в Болонье¹¹. В 1762 г. Альгаротти переехал в Пизу, считавшуюся тогда бальнеологическим курортом, где и умер от туберкулеза в 1764 г. Похоронен он на пизанском кладбище Кампосанто. По инициативе Фридриха II ему был поставлен памятник с надписью (по латыни): «Альгароту, сравниваемому с Овидием, ученику Ньютона – Фридрих Великий». Полное собрание сочинений Франческо Альгаротти было издано в 17 томах в Венеции в 1791–1794 гг.

В России (в Санкт-Петербурге) Альгаротти был летом 1739 г. Свои впечатления о стране он выразил в работах «Путешествие в Россию» (1760 г.), «Ода Ее Величеству Анне Иоанновне Императрице Всея Руси» (1739 г.) и «Очерк российской истории в медалях» (1764 г.). Самая ранняя работа – это 8 писем об этом путешествии, адресованных лорду Харви¹². В первых двух письмах Альгаротти пишет о плавании по Северному морю, о Голландии, Дании и шведском побережье до входа в Балтийское море. Третье письмо написано в Кронштадте, остальные (пять) посвящены описанию военного, политического и экономического устройства Российской империи. Затем к этим письмам, датированным 1739 г., были добавлены еще четыре, написанные между 1750 и 1751 гг. и адресованные писателю, историку и археологу Шипионе Маффеи (1675–1755). В них были включены рассказы о попытках англичан установить английскую монополию в каспийской торговле. Полностью письма Альгаротти были опубликованы в 1759 г. в Париже на итальянском языке под названием «Письма о России» (Lettere sulla Russia)¹³.

Вторая работа – ода «Ода Ее Величеству Анне Иоанновне Императрице Всея Руси» – написана в 1739 г.¹⁴ Это стихотворное произведение, в котором в аллегорическом ключе воспеваются русская императрица.

Третье сочинение «Очерк российской истории в медалях» написано в 1764 г.¹⁵ В переписке с графом М. И. Воронцовым (1714–1767) Альгаротти высказывает мысль о чеканке медалей на сюжеты русской истории¹⁶. В письме М. И. Воронцову от 13 февраля 1764 г. Альгаротти пишет: «Не устаю удивляться тому, что, хотя и существует увековеченная в металле история Франции времен Людовика XIV, никто до сих пор не позаботился создать подобную же историю России – а ведь Россия и в силу величия монархов, правивших ею, и в силу обширности ее земель совершила великие деяния во всех областях»¹⁷. Затем вниманию М. И. Воронцова он предлагает свой проект о медалях в честь памятных дат в истории России. В нем Альгаротти предложил увековечить важные (по его мнению) вехи

истории России в медалях, разбив отрезки истории России на периоды правления Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II. В основном события, которые должны быть увековечены медалями, это – военные кампании, строительство новой столицы Санкт-Петербурга, создание флота, просветительские проекты и т. п.

Формой памяти Франческо Альгаротти избрал медали¹⁸. Свой выбор он объясняет отсылкой к аналогичной коллекции медалей периода правления Людовика XIV, когда во Франции было популярно медальерное искусство. Напомним, что медаль (фр. medaille, от лат. metallum – металл) – «монетообразный памятный знак, обычно из металла, с изображениями и соответствующими поводу чеканки надписями; служат также почетными знаками и знаками, вручаемыми за заслуги. По форме медали обычно круглые или овальные»¹⁹. Кроме того, предложение Франческо Альгаротти отчеканить памятные медали можно объяснить и тем, что Италия считалась родиной медальерного искусства в Европе. Первые произведения этого рода относятся к концу XIV в. Основателем медальерного искусства считается живописец Антонио Пизано (около 1392–1395–1455), более известный под именем Пизанелло²⁰ медальер. В Италии медальерное искусство было развито в XV–XVII вв., в XVIII в. оно переживало спад.

В такой форме увековечивания памяти исторических событий России сказались и предпочтения самого Альгаротти и его знакомство с коллекциями минцкабинетов Фридриха Прусского, Августа Саксонского, и традиции европейские, и тем, что медальерное искусство в России только зарождалось, хотя практика награждения медалями существовала и ранее.

Первоначально в России функцию медалей выполняли монеты. В XV–XVII вв. участников того или иного сражения в русском государстве награждали «золотой деньгой»²¹. Первым правителем, при котором стали чеканить «золотые» (отвечающие по весовому стандарту венгерским, португальским и другим золотым монетам), предназначавшиеся только для награждения, был Иван III. В русских документах упоминается награждение «золотыми», начиная с 1469 г. Такая чеканка монет-медалей продолжалась и в последующие столетия, в XVI–XVII вв. В основном такие медали-монеты предназначались для лиц, участвовавших в военных походах и битвах. Золотые награды высших достоинств носили в допетровской Руси на золотых нагрудных цепях, остальные пришивались на одежду – на левый рукав кафтана или шапку.

Г. А. Мурашев пишет, что «в конце XVII – начале XVIII в. в России были учреждены первые медали как специально изготовленные почетные знаки отличия, не имевшие никакой связи с монетами. На аверсе, как правило, помещался портрет

царя с титулом, а на реверсе – сцена сражения и дата события, послужившего причиной для учреждения данной медали. Традиция выдачи особой медали всем участникам решающего сражения или победной кампании была сохранена²². Традиция награждения отличившихся воинов в военных действиях развивалась и позднее. Особенно интенсивно поощрение медалями (монетами)²³ практиковалось в период правления Петра I. В 1699 г. Петр I отметил золотыми медалями всех участников взятия Азова²⁴. События Северной войны также были увековечены в медалях²⁵. Например, медали в честь победы над шведами под деревней Эрестфер в Ливонии, в связи с морской победой над шведами у мыса Гангут, в честь победы под Полтавой в 1709 г. Над штемпелями работали Соломон Гуэн (?–1707) и Готфрид Гаупт (?–?). Лицевая сторона – портрет Петра I, обратная – изображение на военные темы²⁶. В 1721 г. в честь Ништадтского мира со Швецией для награждения высшего и среднего командного состава была отчеканена²⁷ золотая медаль²⁸, для солдат – аналогичная по рисунку серебряная медаль размером в рублевую монету.

После смерти Петра I традиция массовых награждений медалями в русской армии была временно утрачена. Во второй половине XVIII в. в России вновь стали учреждаться наградные медали²⁹. В 1759 г. российско-австрийская армия под командованием генерала П. С. Салтыкова (1700–1772) в битвах при Пальциге 12(23).07.1759 г. и Кунерсдорфе 1(12).08.1759 г. разгромила прусскую армию под командованием Фридриха Великого. Елизавета Петровна повелела отчеканить серебряные медали рублевого достоинства в качестве награды (как медаль) и вознаграждения (как деньги) русским воинам. Лицевая сторона медали – портрет императрицы, на обратной – фигура русского солдата на поле (работа медальера Т. И. Иванова).

В 1762 г. на российский престол в результате дворцового переворота взошла Екатерина II. По ее распоряжению в том же году были отчеканены из золота монеты рублевого достоинства, которые были розданы участникам дворцового переворота³⁰. Эти золотые монеты по сути являлись наградами от императрицы гвардейским офицерам в ознаменование восшествия на престол, которому они активно способствовали.

Особое внимание качеству исполнения медалей стали уделять лишь при Петре I. Тогда же в «России впервые появились круглые монеты довольно изящной работы, изготовленные выписанными из-за границы медальерами»³¹. В царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны над памятными медалями работал Якоб Штелин (1709–1785). При Екатерине II еще больше внимания стали обращать на художественность изготовления монет и медалей, в 1764 г. был основан особый медальерный класс

в Императорской академии художеств. Первым профессором медальерного искусства был француз Пьер-Луи Вернье. Одним из ведущих художников русской медальерной школы считается Тимофей Иванович Иванов (1729–1802) – автор многих медалей и памятных знаков, посвященных знаменательным историческим событиям времен царствования Петра I и Екатерины II. В царствование Екатерины II и Павла I известностью пользовались в России медальеры Иоганн Бальтазар Гасс (1730–1813), Иоганн Георг Каспар Иегер (1750-е – после 1791) и Карл Александрович Леберехт (1755–1827).

Вернемся к проекту чеканки медалей Альгаротти. В своем проекте он отмечает те события, которые, по его мнению, достойны памяти. Работа представляет собой небольшой очерк в несколько страниц, где приведен текст – лозунг (событие) на латыни. В издании на русском языке, которым мы пользовались, сохранен латинский текст и дан соответствующий перевод на русский. Франческо Альгаротти не пишет, что должно быть изображено на медали, видимо, оставляя это на усмотрение медальера, которого должны были бы привлечь к проекту.

Франческо Альгаротти выделил для чеканки памятных медалей в истории России четыре эпохи (периода): правления Петра I (1682–1725), Анны Иоанновны (1730–1740), Елизаветы Петровны (1741–1762) и Екатерины II (1762–1796), не удостоив своим вниманием правление Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730) и Петра III (1762).

По мнению Франческо Альгаротти, в память об эпохе Петра Великого следует отчеканить 24 медали, которые должны увековечить путешествие Петра I по Европе (великое посольство и его работу на верфях Саардама (2 медали)), основание Петербурга и освоение близлежащих к нему территорий (3 медали), создание флота (2 медали), военные победы (6 медалей), освоение морей (3 медали), основание Академии наук (1 медаль), оценка значения деятельности царя (5 медалей) и роль России в мире (2 медали)³².

Как видим, это турне русского царя по Европе, основание новой столицы, расширение территорий страны, оценка личности Петра в истории России и Европы, активное участие России в делах как Европы, так и Востока.

Отметим, что хотя проект Альгаротти и не был осуществлен, все-таки некоторые его идеи были реализованы. Например, были отчеканены следующие медали: медаль «В память учреждения флота в России», 1699 г.³³ медаль «В память основания г. С. Петербурга»³⁴, медаль «На возвращении Петра I из-за границы»³⁵, 1717 г., медаль «В память учреждения флота на Балтийском море», где есть надпись – «Плавание по Балтийскому морю безопасно»³⁶, медаль «В память сооружения флотов на четырех морях»³⁷, серия медалей в честь Северной войны³⁸,

среди которых отметим медаль «За Полтавскую баталию» – медаль в честь победы в Полтавской битве³⁹. С одной стороны, Франческо Альгаротти предлагает свое видение памяти правления русского императора, а с другой стороны, многие его идеи были осуществлены уже при самом Петре I.

Для эпохи Анны Иоанновны Франческо Альгаротти предлагает отчеканить 14 медалей⁴⁰, в которых должны были быть отражены события, достойные памяти: военные и политические победы (8 медалей), сооружение канала (1 медаль), торговля с Китаем (1 медаль), создание Кадетского корпуса (1 медаль), освоение новых земель (географические открытия) (3 медали).

В этой эпохе – отмечены сражения, войны в Европе и с турками и географические открытия. Но, как отмечают комментаторы текста «Очерка российской истории в медалях» Франческо Альгаротти, «ни одна медаль, отражающая события царствования Анны Иоанновны, не значится в справочниках по русскому медальерному искусству XVIII в. Медали, о которых пишет Альгаротти, скорее всего, лишь предполагалось изготовить»⁴¹.

Следует все-таки отметить, что существуют и реальные медали, которые в какой-то степени соответствуют идеям Альгаротти, это медаль «Победа над татарами при Азове», 1736 г.⁴², которая была отчеканена на Санкт-Петербургском монетном дворе. Медальер лицевой стороны Г. В. Фестнер. Надписи на оборотной стороне медали: по окружности – «Настал день, в который женское оружие ниспровергло ваши замыслы», внизу под обрезаем – «В сражении с татарами Азов взят у турок 1736»⁴³ и медаль «Мир с Турцией», 1739 г.⁴⁴ («На заключение мира с Турцией. 7 сентября 1739 г. (Слава Империи)»). Л. ст.: «Крест короны между буквами «Т» и «I». На торгах 30 сентября 2017 г. аукционного дома «Империя» медаль была выставлена как лот 56, ее эстимейт составил 38 000–42 000 руб. (630–700 \$)⁴⁵.

Последняя медаль была выполнена медальером Иоганном Карлом Гедлингером (1691–1771), швейцарским медальером, работавшим в Швеции и в России в 1735–1737 гг. Кроме этой медали, им были выполнены и штемпели «медалей в честь императрицы Анны Иоанновны, в память мира с Турцией в 1739 году, в честь вице-канцлера А. И. Остермана, адмирала Н. Ф. Головина и на штемпеле с портретом Елизаветы Петровны (неосуществленной медали)»⁴⁶.

В периоде правления Елизаветы Альгаротти выделил 12 событий⁴⁷ и предложил отчеканить 3 медали в ознаменование прихода императрицы к власти, 3 медали в ознаменование ее военных и политических побед, медаль в знак благоустройства столицы, медаль в память о проведении реформы налогообложения, 4 медали, в которых была бы дана оценка значению деятельности царицы. В этой эпохе отмечены сражения,

войны в Европе, расширение границ, обустройство Петербурга, подчеркнута ее преимущество как правителя после периодов правления Петра I и Екатерины I, а также оценена личность правительницы.

Комментаторы «Очерка российской истории в медалях» полагают, что «из медалей, содержащихся в перечне Ф. Альгаротти и отражающих события царствования Елизаветы Петровны, только одна, с легендой: «*Clementia augusta* – Августейшая милость, которая прославляет милосердное деяние, а именно снятие оков с заключенных 15 декабря 1741 г.» – упоминается в справочнике В. П. Смирнова «Описание русских медалей» на с. 114⁴⁸. Хотя есть и медаль «В память восшествия на престол Елизаветы Петровны», 1741 г.⁴⁹, и медаль «На заключение мира со Швецией», 1743 г.⁵⁰, и медаль «На прощение казенных недоимок», 1754 г.⁵¹

В эпохе Екатерины II Франческо Альгаротти выделил всего 7 событий⁵² – меньше всего, но период ее правления только начался. Фактически Альгаротти застал только два года ее правления, но итоги их оценил весьма высоко, в основном акцент сделав на ее просветительской деятельности, активно используя эпитет – Минерва, прилагательный к Екатерине II ее современниками.

Для периода правления Екатерины II Альгаротти предложил отчеканить 7 медалей: увековечивание законодательной (2 медали) и просветительской (1 медаль) деятельности императрицы, учреждение ею воспитательных домов (1 медаль), открытость страны (1 медаль), оценка личности императрицы (2 медали).

В основном надписи на медалях, предложенные Франческо Альгаротти, свидетельствует о том, что в русской императрице он видит в первую очередь мудрого и просвещенного правителя, подчеркивает ее интерес к законодательству, отмечает ее ум и любовь как к подданным, так, наверное, и любвеобильность к особо подданным, если расширительно толковать надписи последней медали, предложенной Альгаротти для правления Екатерины II: «*Minerva Venusque in una*/Минерва и Венера в ней сошлись»⁵³.

Естественно, что и эти медали не были отчеканены, хотя в период правления Екатерины II были отчеканены медаль «На учреждение С. П. Б. воспитательного дома», 1763 г.⁵⁴ и медаль «Для депутатов при Комиссии по составлению проекта «Нового уложения»», 1766 г.⁵⁵

Несмотря на то, что проект Франческо Альгаротти так и остался невыполненным в жизнь, некоторые его идеи все-таки реализованы. Правда, не думаем, что по его предложению. Можно сказать, что в какой-то степени идеи Франческо Альгаротти были выражены в портретной серии медалей русских князей и царей и исторической серии, посвященной событиям древней русской истории – от Гостомысла до Ярополка. Портретная серия русских князей и царей

была основана на средней части «Краткого русского летописца», написанного М. В. Ломоносовым совместно с А. И. Богдановым в 1760 г.⁵⁶ По мнению А. С. Шкурко, «все медали этой серии однотипны. На их лицевых сторонах помещены портреты князей и царей, окружённые надписями с их именами, на оборотах – надписи. Над созданием медалей работали несколько медальеров, в частности И. Б. Гасс, И. Г. Вехтер и С. Юдин. Серия была отчеканена на Санкт-Петербургском монетном дворе в 60–70-е годы XVIII века»⁵⁷.

Вторая серия – серия исторических медалей – связана с именем Екатерины II⁵⁸, которая в своих «Записках касательно российской истории», относящихся к 1783–1784 гг., сделала частью «описания проектов медалей, которые завершали каждый раздел, посвящённый тому или иному правлению. Всего было создано 235 проектов. ... Лицевые стороны заняты портретными изображениями князей для целого княжения. На оборотах – изображения и надписи, объясняющие события»⁵⁹. Над штемпелями работали «медальеры Санкт-Петербургского монетного двора Т. Иванов, С. Юдин, И. Б. Гасс, И. К. Егер, И. Г. Вехтер, П. Бобровщиков, Н. и С. Алексеевы, С. Васильев»⁶⁰.

Обращает на себя внимание и число медалей, которые предлагает отчеканить Альгаротти, привязав их к периодам правления монархов. Фактически две пары сакральных чисел: первая – 24 для периода правления Петра I и 12 для эпохи Елизаветы Петровны, и вторая – 14 для периода правления Анны Иоанновны и 7 для времени Екатерины II. Отсчетом для Франческо Альгаротти является именно эпоха Петра I, время петровских преобразований в России, которые были продолжены в период правления его преемников. Поэтому для этого времени и было предложено максимальное количество медалей. В связке с ним идет и период правления его дочери – Елизаветы, которому, соответственно, предназначается лишь 12 медалей. Затем идет следующая пара – Анна Иоанновна и Екатерина I, которым тоже отведены сакральные числа 14 и 7. Их, наверное, объединяет схожесть пути прихода к трону русских императриц через брак. Логичнее, конечно бы, с современной точки зрения, отчеканить большее количество медалей для периода Екатерины II. Но, возможно, что Франческо Альгаротти руководствовался другими соображениями, одним из которых было желание попытаться удачи, найдя себе место при дворе Анны Иоанновны. Но не сложилось...

Таким образом, в своем «Очерке российской истории в медалях» Франческо Альгаротти пишет о значимых событиях в истории России, которые, по его мнению, достойны быть отраженными в медалях. Это, в первую очередь, военные и политические победы России, основание новой

столицы, строительство флота и освоение морей, географические открытия, законодательная и просветительская деятельность монархов, значение деятельности правителей для России и мира в целом. Многие идеи Франческо Альгаротти, особенно если речь шла об увековечивании военных побед, а также иных важных событиях в истории России, были уже воплощены в реальных медалях, отчеканенных по указу русских монархов. В любом случае можно сказать, что это сочинение так же, как и «Путешествие в Россию», способствовало созданию положительного образа России в глазах просвещенной части Европы и укреплению престижа России как державы, имевшей славное прошлое и активно участвовавшей в международной жизни стран Запада и Востока.

Примечания

- ¹ Smeall Ch. L. How to become a renowned writer : Francesco Algarotti (1712–1764) and the uses of networking in eighteenth-century Europe. Department of History McGill University, Montreal. August 2010. A thesis submitted to McGill University in partial fulfilment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. Montreal : McGill University, 2010. P. 2.
- ² Ibid. P. 54.
- ³ См.: Володина И. П. Русские впечатления Франческо Альгаротти // Альгаротти Ф. Путешествие в Россию / изд. подгот. И. П. Володина и А. Ю. Миролюбова. СПб. : Наука, 2014. С. 202.
- ⁴ Smeall Ch. L. Op. cit. P. 24.
- ⁵ Ibid. P. 125.
- ⁶ Ibid. P. 24.
- ⁷ Ibid. P. 130.
- ⁸ См.: Володина И. П. Указ. соч. С. 227.
- ⁹ Там же. С. 208–211.
- ¹⁰ Smeall Ch. L. Op. cit. P. 49, 213.
- ¹¹ См.: Володина И. П. Указ. соч. С. 203.
- ¹² Там же. С. 221–247.
- ¹³ Smeall Ch. L. Op. cit. P. 206.
- ¹⁴ См.: Володина И. П. Указ. соч. С. 212–221.
- ¹⁵ Algarotti F. Saggio di storia metallica della Russia // Opere del Conte Algarotti, Cavaliere dell' Ordine del Merito e Ciambelano di S. M. il Re di Prussia. T. 1–8. Livorno : M. Coltellini, 1764–1765. T. 5 : Opere varie. P. 21–25.
- ¹⁶ См.: Володина И. П. Указ. соч. С. 247.
- ¹⁷ Альгаротти Ф. Письма // Альгаротти Ф. Путешествие в Россию. С. 191.
- ¹⁸ См.: Шукина Е. С. Два века русской медали : Медальерное искусство в России. 1700–1917 гг. М. : ТЕРРА : ТЕРРА-Кн. клуб, 2000. С. 3.
- ¹⁹ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. М. : Радио и связь, 1982. С. 175.
- ²⁰ Там же. С. 176.
- ²¹ Мурашев Г. А. Титулы, чины, награды. СПб. : ООО «Издательство Полигон», 2001. С. 174.
- ²² Там же. С. 175.

- ²³ См.: *Щукина Е. С.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁴ См.: *Смирнов В. П.* Описание русских медалей / сост. по поручению С.-Петербургского монетного двора д. чл. Имп. археологического ин-та, горный инженер *В. П. Смирнов.* Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский монетный двор, 1908. 160. С. 77.
- ²⁵ См.: *Шкурко А. С.* Медальерное искусство России XVIII века = *Medallic Art in Russia XVIII c.* // Дом Бурганова. Пространство культуры : научно-аналитический журнал. 2020. № 1. С. 94. URL: https://burganov-text.com/wp-content/uploads/2020/04/alla-s.-shkurko_.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
- ²⁶ Там же. С. 94.
- ²⁷ См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. 209. С. 101.
- ²⁸ См.: *Шкурко А. С.* Указ. соч. С. 95.
- ²⁹ См.: *Мурашев Г. А.* Указ. соч. С. 176.
- ³⁰ См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. 244/а. С. 126.
- ³¹ *Шкурко А. С.* Указ. соч. С. 80–99.
- ³² *Algarotti F.* Op. cit. P. 21–23.
- ³³ *Смирнов В. П.* Указ. соч. 159/а. С. 76.
- ³⁴ Там же. 168. С. 80–81.
- ³⁵ Там же. 205/в. С. 99.
- ³⁶ Там же. 169. С. 81.
- ³⁷ Там же. 196/а. С. 94.
- ³⁸ См.: *Щукина Е. С.* Указ. соч. С. 32.
- ³⁹ См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. 181. С. 87–88.
- ⁴⁰ *Algarotti F.* Op. cit. P. 23–24.
- ⁴¹ Примечания // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию / изд. подгот. *И. П. Володина, А. Ю. Миролубова.* С. 350.
- ⁴² *Смирнов В. П.* Указ. соч. 222. С. 110.
- ⁴³ Монеты и медали царской России, СССР – *numar.ru.* Национальный электронный нумизматический архив. URL: <https://numar.ru/medals/anna-ioannovna/voennye/prices1830> (дата обращения: 16.08.2021).
- ⁴⁴ *Смирнов В. П.* Указ. соч. 224. С. 111–112.
- ⁴⁵ ООО Аукционный Дом «Империя». URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=offline&i=68524> (дата обращения: 16.08.2021).
- ⁴⁶ *Шкурко А. С.* Указ. соч. С. 96.
- ⁴⁷ *Algarotti F.* Op. cit. P. 24–25.
- ⁴⁸ Примечания... С. 352.
- ⁴⁹ См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. 226. С. 113.
- ⁵⁰ Там же. 231/а. С. 116–117.
- ⁵¹ Там же. 235. С. 119.
- ⁵² *Algarotti F.* Op. cit. P. 25.
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. 248/а. С. 129.
- ⁵⁵ Там же. Указ. соч. 258. С. 135.
- ⁵⁶ См.: *Щукина Е. С.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁷ *Шкурко А. С.* Указ. соч. С. 98–99.
- ⁵⁸ См.: *Щукина Е. С.* Указ. соч. С. 70.
- ⁵⁹ Там же. С. 71.
- ⁶⁰ Там же.

Поступила в редакцию 25.08.2021; одобрена после рецензирования 05.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 05.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

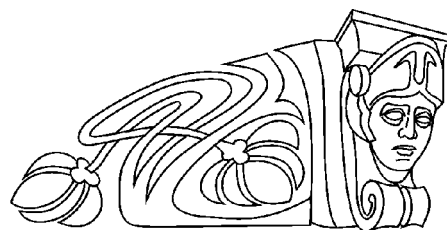

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 57–64
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 57–64
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-57-64>

Научная статья
УДК 061.251(410)|17|

Век Просвещения и трансформация масонства в Англии

С. Е. Киясов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы масонского движения в Англии XVIII в. Основное внимание сосредоточено на истории Великой ложи Англии. Анализируются наиболее актуальные проблемы трансформации национальной масонской организации. Подчеркивается тесная связь «нового» масонства с событиями в послереволюционной Англии.

Ключевые слова: масонство, спекулятивное масонство, Великая ложа Лондона, Объединенная Великая ложа Англии

Для цитирования: Киясов С. Е. Век Просвещения и трансформация масонства в Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 57–64. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-57-64>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Age of Enlightenment and the transformation of freemasonry in England

S. E. Kiyasov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey E. Kiyasov, sergeykiyasov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7474-8105>

Abstract. The article studies the topical question of the masonry movement in England's of the 18th century. It particularly focuses on the history of the Grand Lodge of England. The author touches upon a very important problem of the national Masonic organizations' transformation. The close connection of the "new" Freemasonry with the events in post-revolutionary England is emphasized.

Keywords: Masonry, speculative Masonry, the Grand Lodge of London, the United Grand Lodge of England

For citation: Kiyasov S. E. The Age of Enlightenment and the transformation of freemasonry in England. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 57–64 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-57-64>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Родиной современных структур «нового» (внеремесленного, философского) масонства стала послереволюционная, буржуазная Англия. Именно здесь интеллектуалы-просветители завершили дело, начатое их предшественниками, братьями-масонами Шотландии. Как показали современные исследования, на родине Стюартов, уже на рубеже XVI–XVII столетий появились и начали работать первые обновленные собрания «вольных каменщиков». Их участники – литераторы, ученые, священники, аристократы, военные, но не ремесленники-строители – посвятили себя «духовному строительству» и поиску универсальной Истины¹.

Подобный эксперимент не выглядит случайным, импульсивным деянием не вполне адекватных мечтателей-утопистов. Напротив, для

британских интеллектуалов-масонов он явился закономерным финалом, следствием непрекращающегося переосмысления предшествующих традиций познания, восходящих к деятельности античных и раннесредневековых тайных сообществ². В эпоху позднего Средневековья, на стадии зарождения современной европейской цивилизации, в качестве продолжателей их усилий наиболее активно выступали представители университетского сообщества интеллектуалов. «Люди знания» – постоянные критики и противники «иррациональных» общественных порядков³ – как никто другой нуждались в организованном и целенаправленном распространении своих передовых, явно опережающих время, воззрений. Закрытый характер создаваемых для этого ученых собраний должен был обеспечить

участникам безопасность и необходимое влияние в обществе. В Англии существование подобных усилий подтверждает деятельность лоллардов – активных оппонентов католической церкви и врагов социального неравенства. Их глава Джон Уиклиф (1320–1384) был членом университетской корпорации Оксфорда и мастером Баллиол Колледжа. Как правило, университетские корпорации европейских городов были наполнены оппозиционным духом и представляли собой не только оплот светской науки, но и эпицентр свободомыслия. Не случайно их представители вскоре явились «городу и миру» в образе корифеев эпохи Ренессанса, а затем и Реформации.

Университетские центры вольномыслия в Европе дополняли многочисленные Академии натурфилософов – объединений ученых, которые причисляли себя к герметикам и неоплатоникам. Их в разное время возглавляли известнейшие мыслители Европы: Роджер Бэкон (1214–1294), Раймунд Луллий (1229–1315), Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716). Самые ранние «академические» союзы были созданы в Италии, на родине европейского Возрождения. В этом списке – Римская Академия, Платоновская Академия, Академия Мякины. Столь же обильные плоды «академического бума» наблюдались на территории германских государств. Здесь получили известность Орден Пальмы, Братство трех роз, Орден цветов, Орден лебедя. Закрытые для непосвященных интеллектуальные центры появились в Тюдоровской, а затем и в Стюартовской Англии⁴.

Важно подчеркнуть, что ранние интеллектуальные сообщества Европы активно репродуцировали эзотерические идеи восточных философско-религиозных учений, появившихся в дохристианский период. Первая волна этих, «внесистемных» для католического Рима доктрин, прокатилась по европейскому континенту уже в эпоху Крестовых походов XI–XIII столетий. В частности, речь идет о воззрениях гностиков, неоплатоников, герметиков и других сторонников запретных положений Ветхого Завета. Их представители выступили критиками основ католицизма и стали прародителями еще более многочисленных сект оккультистов, мистиков, астрологов и каббалистов.

Неудивительно, что влиятельная идейная оппозиция, долгое время пребывавшая в тени, старалась проявить себя в условиях новой идейно-религиозной конфронтации, захватившей Европу. В эпоху Реформации наибольшую известность приобрели розенкрейцеры – адепты Ордена или Братства Розы и Креста. О них впервые сообщил анонимный трактат «Откровение Братства Высокопочтимого Ордена Розового Креста» (1614). Главной задачей этой тайной организации была определена «реформация всего мира, приведение человечества к истинной философии»⁵.

Текст «Откровения» с изложением учения розенкрейцеров на латыни и на немецком языках был адресован «всем ученым и правителям Европы»⁶. Читатели «Откровения» получили также возможность ознакомиться с историей Ордена. Его основателем был назван немецкий мистик Христиан Розенкрейц. Автор сообщил и явно вымышленные подробности биографии этой мифической личности. По его утверждению, Розенкрейц родился в 1378 г. Будучи воспитанником одного из монастырей, он уже в юном возрасте якобы побывал в Палестине, Аравии и Египте, где в течение 7 лет приобщался к основам мудрости. Вернувшись на родину, новоявленный апостол создал тайное общество с целью реализации полученных знаний, которые являлись синтезом иудейского, исламского и христианского гнозисов. После смерти своего основателя и учителя, Орден, по утверждению автора «Откровения», просуществовал более столетия⁷.

Разумеется, даже подробный пересказ малодостоверной истории Ордена розенкрейцеров не в состоянии подтвердить его древности и бытия. Один из признанных знатоков этой темы французский философ-мистик Рене Генон (1886–1951) пришел к выводу о том, что европейские розенкрейцеры не создавали тайного общества. Он утверждал, что люди, именовавшие себя этим именем, достаточно быстро покинули Европу, поскольку, как и средневековые тамплиеры, не выполнили главной миссии – не смогли объединить усилия исламских и христианских эзотериков, нацеленных на гармонизацию окружающего мира⁸.

Новейшие исследователи по-прежнему не располагают достоверной информацией о существовании структур розенкрейцеров. Косвенным подтверждением их существования, причем более близкого во времени, является творчество немецкого протестантского богослова Иоганна Валентина Андреэ (1586–1654). Он известен как автор программных сочинений новых приверженцев Ордена, в частности трактата «Образ Христианского сообщества» (1619)⁹. На его страницах были размещены Устав и Программа тайного объединения ученых¹⁰. После их публикации в германских землях появились первые, так называемые Христианские Братства. По-видимому, именно они были призваны утвердить в общественном сознании факт существования Ордена розенкрейцеров. Сам Андреэ, оставаясь их идеологом и вдохновителем, передал непосредственное руководство немногочисленным Братствами нижнесаксонскому герцогу Августу Брауншвейг-Люнебургскому (1568–1636). Этот влиятельный аристократ возглавил и Тайный совет новоявленных розенкрейцеров¹¹. Важно отметить, что членами воссозданного интеллектуального Ордена являлись исключительно протестанты-лютеране. Все розенкрейцерские публикации выходили только на немецком

(среднемецком) языке¹². Как утверждают современные историки, подразделения Ордена были также созданы в большинстве западноевропейских стран¹³.

В 1622 г. Орден розенкрейцеров упрочил свое влияние в Европе, заручившись поддержкой протестантского курфюрста Фридриха V Пфальцского (1596–1632), зятя английского короля Якова I Стюарта. Организационная консолидация окончательно вовлекла розенкрейцеров в сферу политики. Этому же способствовала их соответствующая духу времени идейно-конфессиональная приверженность. Новоявленный интеллектуальный Орден, заявивший о себе в годы религиозной Тридцатилетней войны, выступил ярким врагом католической церкви. Поддерживая Реформацию, его адепты мечтали об установлении в Европе и мире единой религии, отстаивающей интересы «Единого Всеведущего и Всеблагого Господа Бога»¹⁴. Подчеркивая идейное влияние Ордена розенкрейцеров на современников, исследователи ввели в научный оборот понятие «розенкрейцерское просвещение». Вне всяких сомнений, спустя несколько десятилетий, именно сторонники воззрений розенкрейцеров оказались способны подготовить новую атаку на архаичные институты европейской цивилизации, на сей раз, уже в хронологии века Просвещения¹⁵.

Помимо уже упомянутых «функционеров» Ордена розенкрейцеров, в списке его адептов находится прославленное имя чешского гуманиста и педагога Яна Амоса Коменского (1592–1670). В 1641 г. по приглашению Долгого парламента он переехал в Англию, где преуспел в создании местных протестантских школ. Как убежденный сторонник мессианской идеологии розенкрейцеров чешский гуманист активно пропагандировал «универсальное знание» братства (пансофию, панисторию, пандогматику), а также «универсальный язык». Усилия Коменского привлекли внимание влиятельного лондонского антиквара Самуэля Хартлиба (1628–1662). Оказавшись под влиянием розенкрейцеров, этот интеллектуал в 1641 г. издал книгу об идеальном государстве под названием «Описание знаменитого королевства Макарии»¹⁶. Утопическое сочинение, получившее популярность в странах Европы, пропагандировало идеалы справедливого общественного устройства, созданного и опекаемого мудрыми, образованными патриархами. Помимо этого, Коменский и Хартлиб вынашивали совместные планы создания нового международного учебного сообщества, черты которого позже отчетливо проявились в промасонских структурах Невидимого колледжа (Оксфорд) и Лондонского королевского общества.

Не менее известными сторонниками движения розенкрейцеров в Англии стали также философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626), врач Роберт Фладд (1574–1637), антиквар Элиас Эшмол

(1617–1692), физик Роберт Бойль (1627–1691) и архитектор Кристофер Рен (1632–1723). Однако немногочисленность и замкнутость розенкрейцерских структур побудили влиятельных британских интеллектуалов уже в самом скором времени задуматься о выборе новой, более демократичной формы самоорганизации. В конечном итоге выбор был сделан в пользу более распространенных, привычных и массовых масонских собраний. Именно обновленные (философские) ложи «вольных каменщиков» стали в послереволюционный период наиболее распространенной формой консолидации интеллектуальной элиты Англии, Шотландии и Ирландии.

По-настоящему революционный прорыв в трансформации английского масонства состоялся 24 июня 1717 г., когда в Лондоне была провозглашена первая Великая ложа «вольных каменщиков»¹⁷. У истоков данной структуры стояли английские розенкрейцеры-интеллектуалы – Кристофер Рен, Джон Теофил Дезагюлье (1683–1744), Джордж Пейн (1685–1757), Джеймс Андерсон (1679–1739). Эти люди прошли не только через события недавней революции и гражданской войны, но и приняли во внимание результаты предшествовавшей трансформации масонства. Как известно, в конце XVII столетия средневековые ремесленные строительные цехи и гильдии Англии являлись не более, чем историческим анахронизмом. Все они прекратили свое существование в XV–XVI столетиях, задолго до рождения столичной Великой ложи¹⁸. Выжили лишь немногие – многопрофильные и пестрые по социальному составу – ливрейные компании¹⁹. В будущем на рубеже XVII–XVIII вв. эти корпорации были превращены заинтересованными реформаторами в удобную декорацию для сокрытия деятельности новой организации – философского масонства. Его «архитекторы» – местные интеллектуалы – провозгласили ремесленно-строительную атрибутику (инструменты, обряды, облачение) символом грядущего переустройства мира на принципах Науки и Разума²⁰. Именно этот идейный переворот, состоявшийся в буржуазной Англии, а не мистерии и тайны древних строителей дали жизнь обновленному движению «вольных каменщиков». Востребованность просветительской идеологии, взятой на вооружение «новыми» масонами, сразу же привлекли в философские ложи многочисленных неофитов-интеллектуалов. В свою очередь, сохраненные древние культовые атрибуты придали ложам «вольных каменщиков» внешнюю привлекательность и выгодно «удревнили» их историю. В самой Англии уже на ранней стадии состоявшейся здесь масонской модернизации в «новых» ложах оказались: розенкрейцер и антиквар Э. Эшмол, лорд-казначей Шотландии Р. Мюррей, члены Лондонского королевского общества Р. Холм, Д. Обри и даже генерал Рестаурации Джордж Монк (1608–1670)²¹.

Как уже отмечалось, на эволюцию масонских лож Англии заметным образом повлияла соседняя Шотландия. По мнению историка из Эдинбурга Дэвида Стивенсона, именно его страна стала родиной начальной трансформации ремесленных форм масонского цеха в философские²². В 1603 г. на английский трон взошел шотландский король Яков VI Стюарт (1566–1625). У себя на родине он был известен не только как покровитель «вольных каменщиков», но и как монарх, посвященный в их тайны. Его придворные, также примкнувшие к новомодному философскому масонству, были обязаны давать клятву корпоративной верности Стюартам²³. В 1607 г., следуя придворным предпочтениям, архитектор короля Иниго Джонс (1573–1652) составил первую в Англии «Древнюю Конституцию Вольных и Принятых каменщиков». В этом документе создание масонских лож обосновывалось высокими постулатами необходимости поддержки «досточтимых королей», а также деятельности ученых, прославляемых в качестве подлинно «святых людей»²⁴.

Сохраняющееся в интеллектуальной среде Шотландии и Англии тяготение к мистическим обрядам, предопределившее увлечение розенкрейцерством, а затем и ранним масонством, обуславливалось очередным системным кризисом христианской веры. Можно утверждать, что в этой ситуации философские масонские ложи были призваны завершить переход от иррациональной любви к Иисусу Христу к признанию и возвеличиванию универсального Бога Разума. В то же время наметившийся отход от идеализации и персонификации божественного начала способствовал дальнейшему ускорению научной и в более широком контексте интеллектуальной революции Нового времени²⁵.

Первым созерцательным масоном Англии (т. е. посвященным в члены философской ложи) признан Элиас Эшмол²⁶. Помимо своих розенкрейцерско-масонских увлечений, он прославился как талантливый литератор, антиквар, герольдмейстер, историк, астролог и алхимик. В конце своей жизни Эшмол возглавил Философское общество в Оксфорде. Известны его краткие, но достаточно любопытные дневниковые записи о вступлении в масонскую ложу провинциально-приграничного городка Уоррингтон в 1646 г.²⁷. Состоявшееся здесь общение имело немаловажные последствия: два года спустя, соратник и единомышленник Эшмола физик Роберт Бойль (1627–1691) создал в Оксфорде так называемый Невидимый колледж. В организационном плане данная структура, именуемая братством, являла собой немногочисленную и закрытую для внешнего мира интеллектуальную организацию. Ее участниками могли стать только тщательно отбираемые люди. Как и масоны, все они набирали специальный кандидатский стаж,

а в дальнейшем – проходили процедуру посвящения (инициацию)²⁸. Кроме уже упомянутых Роберта Мюррея, Элиаса Эшмола и Кристофера Рена, членами колледжа являлись астроном, сэр Пол Нейл, врач Джонатан Годдерд, математики Лоренс Рук, Уильям Болл и Уильям Петти²⁹. В будущем выходцы из этой среды возглавили обновленное масонское движение Англии. Неудивительно, что его участниками оказались и члены созданного в 1660 г. Лондонского королевского общества³⁰.

Деятельным организатором и участником тайных обществ в послереволюционной Англии выступал также философ-рационалист Джон Толанд (1670–1722). Для своих закрытых «сократических» клубов он разработал специальные ритуалы, напомилавшие масонские³¹. В личном архиве мыслителя, хранящемся в Британской библиотеке, имеется текст одной из первых масонских «Конституций», составленный в Гааге в 1710 г. при участии эмигрантов-гугенотов из Франции – Пьера Маршана и Жана Руссе де Миссу. Этот документ почти на полтора десятилетия опережает текст знаменитой книги «Конституций», написанной и опубликованной Джеймсом Андерсоном в 1723 г. по поручению коллег-масонов из Великой ложи³².

По причине ситуативной целесообразности (политической, идейной, социальной) и востребованности наиболее активно обновленное масонское движение проявило себя именно в столице Англии. Первым о существовании масонского сообщества в Лондоне сообщил Элиас Эшмол. В его дневнике описано посещение ложи, расположенной на территории Масонского Дома (Masons Hall). Визит состоялся 11 марта 1682 г.³³. В приведенном списке участников заседания, которое было посвящено церемонии принятия в ложу с последующим традиционным банкетом в одной из таверн Сити, значатся фамилии 13 чел. Все они, включая мастера ложи Томаса Вайса, упомянуты как люди благородного происхождения³⁴. По свидетельству Джеймса Андерсона, в 1693 г. в Лондоне действовали не менее десятка философских масонских лож³⁵.

Помимо Лондона и ранее упоминавшегося Уоррингтона, в Англии имелись другие, но менее известные (по причине закрытости) масонские центры. Наиболее крупным среди них была материнская ложа Йорка, созданная ремесленным строительным цехом в конце XIV столетия, в период возведения местного собора. По рекомендации короля ее возглавил первый мастер-масон, исполнявший обязанности архитектора. Подчеркнем, однако, что в хронологии Новой истории ложа каменщиков постсредневекового Йорка, как и в Лондоне, оказалась собранием людей, не имевших отношения к строительному ремеслу.

Разумеется, загадочные и малопонятные рядовому обывателю трансформации, происхо-

дившие в шотландских и английских городах, не остались без внимания. Так, собрания «новых» масонов Лондона вызвали негативную реакцию местных блюстителей порядка и нравственности. Свидетельство тому – обличительная афиша, которая распространялась по Лондону в 1698 г. Текст был адресован «Всем благочестивым людям Лондонского Сити», что, кстати, помогает безошибочно определить территорию присутствия и наибольшего влияния «нового» масонства. Читатели оповещались об отходе «вольных каменщиков» от имени Бога и в приближении к Антихристу. Неизвестный, но крайне религиозный, автор всячески предостерегал простых и набожных людей от посещения тайных масонских собраний. Он резко критиковал опасные церемонии и клятвы, которыми новоявленные «каменщики» завлекают в свои «секты» мужчин. Общение с испорченными людьми, какими изображали лондонские масоны, приравнивалось в тексте разоблачительного пасквиля к бедствиям «всемирного пожара»³⁶.

С первых дней своего существования Великая ложа Лондона и Вестминстера устами своих идеологов и руководителей, действуя в полном соответствии с высоким организационным статусом, заявила о претензиях на роль охранительницы накопленных масонских традиций. В то же время она быстро превратилась в эпицентр развития и распространения обновленного, философского и внеремесленного масонства. Именно «новые» братья-масоны, в скором времени появившиеся также в странах континентальной Европы и в североамериканских колониях Англии³⁷, стали наиболее деятельными, последовательными пропагандистами радикальной идеологии Просвещения. Эти люди стали «возмутителями спокойствия» в Англии, Франции, в Германских государствах и на территории европейских североамериканских колоний. Зачастую, выступая одновременно и просветителями, и братьями-масонами, и политиками, они своей главной целью видели перевоспитание несовершеннолетнего человека и преобразование окружающей его действительности. Только подобная интерпретация событий «масонского Ренессанса» второй половины XVIII столетия объясняет не только его феноменальные успехи, но и существенные трудности роста. Так, в перечне копившихся проблем следует упомянуть непрекращающиеся конфликты (организационные, идейные) внутри быстро растущего масонского Ордена. Впрочем, сложности становления не повлияли на международные успехи просветительского движения. К середине XVIII столетия регулярные (английские) Великие ложи были образованы и действовали в Мадриде, Париже, Гамбурге, Лиссабоне, Лозанне и даже в заокеанской Филадельфии.

«Масонская экспансия», распространявшаяся с территории Англии, безусловно, опиралась на предшествующие успехи экспорта

просветительской идеологии. Идейное наследие известных британских интеллектуалов Нового времени, родоначальников европейского Просвещения – Георга Севиля, маркиза Галифакса, Даниеля Дефо, Ричарда Стиля, Джозефа Аддисона, Джонатана Свифта, Генри Сент-Джона, лорда Болингброка³⁸ – не только расчищало дорогу «вольным каменщикам» в Европе, но и способствовало объединению этих двух потоков. Масоны, как и пионеры Просвещения, являлись убежденными, бескомпромиссными противниками феодального государства и католической церкви³⁹. Схоластической идеологии, насаждаемой и опекаемой Римом, они, как и идеологи-предшественники, противопоставили новое светское учение об истинной Вере и Разуме. Догматы современного общества были подвергнуты ими беспощадной критике с позиций рационализма, эмпиризма и достижений тогдашних научных методов. Решающее место в борьбе за новую модель общественного развития, которая должна была опираться на «естественные законы», они отводили перевоспитанию человека. По их мнению, тотальное просвещение индивидуума и масс должно было обеспечить конечную победу Разума и законов Природы. Успех этой первой в истории человечества PR-кампании должен был привести к искомому торжеству Гармонии в жизни людей, невзирая на их различия (главным образом социальные и конфессиональные).

На стадии зарождения и последующего организационного оформления обновленного масонского движения на территории Британии прослеживаются несколько важных этапов. Первый из них, захвативший события рубежа XVII–XVIII столетий, был посвящен решению проблемы унификации и единства регулярных масонских структур. Отсутствие необходимого согласия и возможность раскола изначально наблюдались даже в рядах Великой ложи Лондона. Особенно остро противоречия проявились после избрания на пост ее Великого мастера герцога Филиппа Уортона (1698–1731), который являлся креатурой оппозиционной, якобитской ветви движения «вольных каменщиков». Как свидетельствует исторический очерк книги «Конституций» Джона Интейка, 24 июня 1722 г. мятежный герцог был утвержден в должности Великого мастера⁴⁰. На этом посту он сменил другого аристократа, герцога Джона Монтегю (1690–1749), назначенного королем на должность губернатора одной из английских колониальных территорий в Вест-Индии⁴¹. В январе 1723 г. новый лидер столичной ложи был провозглашен Великим мастером всех английских масонов. Однако переворот в масонской политической ориентации, задуманный Уортоном в целях возврата к дореформенным и протестантским традициям, осуществить не удалось. Добавим в этой связи, что в случае успеха действия герцога-

якобита навлекали на «новых» масонов репрессии со стороны властей, поскольку Великая ложа с неизбежностью вовлекалась в политическое противостояние с новой, Ганноверской династией. Новым Великим мастером ложи был избран сторонник масонов-реформаторов Фрэнсис Скотт, граф Дэлкейт (1695–1751)⁴². С этого момента регулярные масоны Англии заявили о себе в качестве безусловных сторонников новой правящей династии.

В одержанной победе большую роль сыграла книга «Конституций» Джеймса Андерсона – активного сторонника и пропагандиста обновленного масонства⁴³. Важно отметить, что написанная им «масонская Библия» увидела свет в разгар внутреннего идейно-политического конфликта, потрясшего Великую ложу. Более того, герцог Ф. Уортон стал невольным куратором процесса написания книги, получив соответствующие поручения от ушедшего в отставку Джона Монтегю⁴⁴. Не случайно, на фронтисписе первого издания книги «Конституций» помещен рисунок, символически изображающий церемонию передачи полномочий (от Монтегю – Уортону) в данном направлении деятельности⁴⁵.

После возвращения на позиции status quo усилия нового масонского руководства были направлены на быструю перерегистрацию действующих регулярных лож. По ее итогам последовало заявление о непризнании тех масонских структур, которые не проводили обязательных – не реже одного раза в неделю – собраний. Организационная унификация в среде «новых» масонов Англии была достигнута уже в 1728 г. Завершению этого процесса способствовало обязательное признание структурами обновленного масонства положений (идейных и регламентных) книги «Конституций». После этого Великая ложа Лондона и Вестминстера была преобразована в Великую ложу Англии (Grand Lodge of England). Ее первым Великим мастером стал барон Джеймс Кингстон (1693–1761)⁴⁶. Позднее, в апреле 1736 г., в регулярных масонских ложах Великобритании был установлен единый порядок делопроизводства, который, в частности, предусматривал обязательное протоколирование каждого рабочего заседания. Таким образом, деятельность регулярных масонских структур подпала под жесткий контроль Великой ложи. Осуществленные преобразования дали быстрый эффект. Десятилетие спустя, «масонский штаб» Англии патронировал 54 ложи, 42 из которых находились в Лондоне, 11 – в провинции и одна – в Мадриде⁴⁷.

Следующий этап развития масонского движения Англии, захвативший вторую половину XVIII столетия, был связан с очередным, на сей раз внеполитическим – в отличие от ситуации с якобитом Уортоном – обострением конфронтации «новых» и «старых» масонов. Последние

в декабре 1725 г. провозгласили создание Великой ложи всей Англии (Grand Lodge of all England). Их лидером стал ирландец Лоуренс Дермотт (1720–1791). «Старые» масоны руководствовались собственными уставными документами и не признавали идейно-организационных принципов, содержащихся в книге «Конституций» Джеймса Андерсона. В 1756 г. Дермотт опубликовал собственную книгу «Конституций», получившую название «Ахиман Резон» («Ahiman Rezon»). Данное сочинение не содержало исторического очерка, а в области описания ритуалов опиралось на традиции религиозного мистицизма. Впрочем, как утверждает французский историк Поль Нодон, это не помешало автору наполнить свое сочинение просветительским «духом деизма»⁴⁸.

Со своей стороны Великая ложа Англии, пользуясь возрастающей поддержкой в высших, аристократических слоях британского общества, стремилась абсолютизировать собственное влияние. К этому побуждала и необходимость выхода за пределы Лондона, и превращение столичной Великой ложи в одно из звеньев транснационального масонского братства, которое, будучи подконтрольным власти, обеспечивало бы ему дополнительное внешнеполитическое влияние. В этих целях были предприняты усилия по созданию опорных и лояльных структур в провинции. Первая из «новых» Великих лож вне стен Лондона была провозглашена в 1725 г. в ирландском Дублине. Великим мастером регулярных масонов Ирландии был избран Ричард Парсонс, граф Росс (1702–1741). Десятилетие спустя состоялось рождение Великой ложи Шотландии. Ее первым Великим мастером в 1736 г. стал Уильям Синклер, барон Росслин (1700–1778), потомок знаменитого семейства Сен-Клеров (Синклеров), которое изначально патронировало местных масонов – и ремесленников-строителей, и «новых» каменщиков. Обе структуры, несмотря на существующие противоречия, установили достаточно прочные рабочие контакты с Великой ложей в Лондоне. Это свидетельствовало о дальнейшем упрочении положения последней в формирующейся масонской иерархии будущего Соединенного Королевства.

Итоговый этап трансформации обновленного масонского движения в Великобритании пришелся на начальные десятилетия XIX столетия и был связан с рождением нового, имперского государства – Соединенного Королевства. Заметную роль на этой стадии, несомненно, сыграло утвердившееся в английском масонстве главенство просветительской, а позже – и либеральной идеологии. Напротив, тяготение к мистицизму, преобладавшее в среде «старого» масонства, существенно сужало возможности его влияния в обществе, формируя малопривлекательный и даже опасный образ заговорщиков-сектантов. Раскол

в английском масонстве смягчило также консолидирующее участие в рассматриваемых событиях правящей Ганноверской династии. Так, в ноябре 1737 г. обряд инициации успешно прошел Фредерик Людвиг, принц Уэльский (1707–1751)⁴⁹. Представители монаршего дома – короли и наследные принцы – предпочитали, не придавая значения слухам о революционных и заговорщических наклонностях «вольных каменщиков», рассматривать их в качестве лояльных подданных и опоры собственных интересов. Вследствие этого на территории Великобритании масонские ложи никогда не подвергались запретам или преследованию. Не случайно именно представители правящей элиты своим участием в работе структур «вольных каменщиков» положили начало моде на увлечение масонством при дворах большинства просвещенных правителей заграничной, континентальной Европы.

Длительный процесс ставшего неизбежным примирения масонских организаций Великобритании завершился 25 ноября 1813 г. В этот день в Лондоне был подписан «Акт Союза», который юридически оформил объединение «старых» и «новых» масонов Соединенного Королевства. Вслед за этим 27 декабря 1813 г. в Freemasons Hall, ставшего с 1775 г. главным масонским храмом Лондона, состоялось провозглашение Объединенной Великой ложи Древних Франкмасонов Англии (United Grand Lodge of Ancient Freemasons of England). Первым Великим мастером новой Великой ложи был избран младший сын короля Георга III Август Фредерик, герцог Сассекский (1773–1843)⁵⁰. К унифицированной структуре, сохранив свою прежнюю автономию, верноподданнически примкнули Великие ложи Ирландии и Шотландии. Процесс консолидации масонского движения Великобритании завершило утверждение единого обрядового культа – Йоркского ритуала, который, в частности, предусматривал присвоение дополнительных, «высоких градусов». В 1815 г. «вольные каменщики» Великобритании получили текст новой «Конституции», как и ранее, подтверждавшей необходимость веры в Бога⁵¹.

В целом происходившие в истории Англии события масонской истории могут быть охарактеризованы как свершения по-настоящему новаторские. Консолидация масонских структур предопределила традиции будущего, глобального развития масонского движения. Его апогеем, безусловно, стали события 2017 г., когда миллионы адептов масонского Ордена торжественно отметили трехсотлетие создания первой Великой ложи⁵².

Процесс централизации и унификации масонских структур на территории Великобритании придал обновленному движению дополнительную устойчивость и влияние. Провозглашение Объединенной Великой ложи Англии по сути превратило ложи «вольных каменщиков»

Соединенного Королевства в государственный, имперский институт. Правомерно предположить, что состоявшаяся трансформация масонства была изначально иницирована властью и, следовательно, на всех этапах подконтрольна правящей династии. По итогам осуществленных преобразований главным пунктом деятельности масонских собраний Великобритании стала ориентация на неформальное обсуждение приоритетных национальных задач, формирование имперской ментальности и принципов общественной солидарности. Исходя из этого, можно говорить о прямом участии масонов Великобритании в процессе начатого Лондоном в начале XIX столетия «имперского строительства».

Примечания

- ¹ Stevenson D. The origins of freemasonry : Scotland's century, 1590 to 1710. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 270 p.
- ² См.: Смоули Р. Гностики, катары, масоны, или Запретная вера. М. : АСТ, 2008. 320 с.
- ³ См.: Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. 160 с.
- ⁴ Lomas R. The Invisible Colledge : the Royal Society, Freemasonry and the Birth of Modern Science. London : Headline Book Publishing, 2002. 225 p.
- ⁵ Fama Fraternitatis, то есть Вещание Братства высокохвального Ордена Р. К. к государям разного состояния, людям и ученым в Европе / пер. с нем. В. П. Б. V. 1784 года (б.м.) // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 14 (В. С. Арсеньев). Ед. хр. 178. Л. 1–60.
- ⁶ Там же. Л. 42.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Генон Р. Символика креста. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 369.
- ⁹ См.: Балакин В. Д. Из социальной утопии И. В. Андрес // История социалистических учений / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1985. С. 249–288.
- ¹⁰ Балакин В. Д. Ученое сообщество в Германии начала XVII века // Культура и общественная мысль : Античность. Средние века. Эпоха Возрождения / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1988. С. 222.
- ¹¹ Там же. С. 223.
- ¹² Там же. С. 229.
- ¹³ См.: Бейджент М., Ли Р. Эликсир и камень. Традиции магии и алхимии. М. : Эксмо, 2004. С. 100.
- ¹⁴ Андреев А. А. Ассасины, карбонарии, розенкрейцеры, масоны. М. : Традиция – Евролинц, 2001. С. 101.
- ¹⁵ См.: Йейтс Ф. А. Розенкрейцерское просвещение. М. : Алетей ; Энигма, 1999. 496 с.
- ¹⁶ Павлова Т. А. Споры вокруг «Макарии» // История социалистических учений / отв. ред. Л. С. Чиколени. М. : Наука, 1989. С. 122–130.
- ¹⁷ Calvert A. F. The Grand Lodge of England. London : Herbert Jenkins Limited, 1917. 412 p.

- ¹⁸ См.: Киясов С. Е. «Вольные каменщики» в социуме и географии эпохи Просвещения : метаморфозы имиджа // «Свой» / «Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России / отв. ред. Т. Л. Лабутина. СПб. : Алетейя, 2019. С. 251–275.
- ¹⁹ Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. Vol. 1. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 430.
- ²⁰ См.: Киясов С. Е. От гильдий каменщиков – к философским ломам : масонские метаморфозы в Англии XVI–XVII вв. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / под ред. Л. П. Репиной. М. : КРАСАНД, 2009. Вып. 27. С. 353–361.
- ²¹ См.: Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М. : Прогресс, 1989. С. 96, 99.
- ²² Stevenson D. The First Freemasons : Scotland's Early Lodges and their Members. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1988. 218 p.
- ²³ См.: Бейджент М., Ли. Р. Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. М. : Эксмо. С. 201.
- ²⁴ Lomas R. Op. cit. P. 190–192.
- ²⁵ Hill Ch. Intellectual Origins of the English Revolution. Oxford : Clarendon Press, 1965. P. 69.
- ²⁶ Josten C. H. Elias Ashmole, F. R. S. (1617–1692). Oxford : Ashmolean Museum, 2000. 10 p.
- ²⁷ Calvert A. F. Op. cit. P. 2.
- ²⁸ Lomas R. Op. cit. P. 72.
- ²⁹ Ibid. P. 39–47.
- ³⁰ Freemasons and the Royal Society. Alphabetical List of Fellows of the Royal Society who were Freemasons. URL: http://www.freemasonry.london.museum/os/wp-content/resources/frs_freemasons_complete_jan2012.pdf (дата обращения: 05.04.2015).
- ³¹ См.: Морамарко М. Указ. соч. С. 127.
- ³² См.: Киясов С. Е. Масонство в эпоху Просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. С. 137.
- ³³ Calvert A. F. Op. cit. P. 2–3.
- ³⁴ Ibid. P. 3.
- ³⁵ Anderson J. The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges. London : Caescn Ward and Richard Chandler, 1738. P. 97–139.
- ³⁶ Hamill J. The History of English Freemasonry. Adlestone : Lewis Masonic Books, 1994. P. 43–44.
- ³⁷ См.: Киясов С. Е. Объединенная Великая ложа Англии : история создания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 348–352. <https://www.doi.org/10.18500/1819-4907-2017-17-3-348-352>
- ³⁸ См.: Лабутина Т. Л., Ковалёв М. А. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения : от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб. : Алетейя, 2020. 462 с.
- ³⁹ См.: Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма : становление историзма. М. : Институт всеобщей истории РАН, 1998. 307 с.
- ⁴⁰ The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. London : Black Swan, 1756. P. 194–195.
- ⁴¹ Naudon P. Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris : Office du Livre, 1987. P. 35.
- ⁴² The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. P. 196.
- ⁴³ The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. London : Printed by William Hunter, for John Senex at the Globe, and John Hooke at the Flower-de-luce over-against St. Dunstan's Church, in Fleet-street, 1723. 91 p.
- ⁴⁴ Naudon P. Op. cit. P. 35–36.
- ⁴⁵ Ibid. P. 36.
- ⁴⁶ Ibid. P. 52.
- ⁴⁷ См.: Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств : их ритуалов, литературы и истории. СПб : Лань, 2003. С. 157.
- ⁴⁸ Naudon P. Op. cit. P. 40.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 43.
- ⁵¹ Mary R. L. La Franc-Maçonnerie dans le monde. Paris : Editions De Vecchi S. A., 1993. P. 37.
- ⁵² Freemasonry today. 2017. № 37.

Поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 65–70
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 65–70
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-65-70>

Научная статья
УДК [070(410):355.093(100)]|18|+929Форбс

Образы военачальников второй половины XIX в. в трудах А. Форбса: некоторые аспекты становления британской военной журналистики

А. Д. Власов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Власов Алексей Денисович, аспирант кафедры всеобщей истории, институт истории и социальных наук, VlasovAl.Den@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7052-8711>

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов взаимодействия прессы и общества. Исследуется персонифицированный подход, примененный британским военным корреспондентом А. Форбсом для отображения темы войны – создание психофизического и профессионального портрета военачальников второй половины XIX в. Показано, что А. Форбс выделяет Ф. Карла и М. Скобелева как примеры сочетания особых служебных качеств с романтическими чертами героического образа. Делается вывод о том, что А. Форбс удачно определил и реализовал запрос на востребованные обществом идеи и способы их репрезентации.

Ключевые слова: Великобритания, викторианское общество, журналистика, специальный корреспондент, Арчибалд Форбс, образы военачальников

Для цитирования: Власов А. Д. Образы военачальников второй половины XIX в. в трудах А. Форбса: некоторые аспекты становления британской военной журналистики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 65–70. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-65-70>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Military leaders' images of the second half of the XIXth century in the works of A. Forbes: Some aspects of the British military journalism formation

A. D. Vlasov

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Embankment, St. Petersburg 191186, Russia

Alexey D. Vlasov, VlasovAl.Den@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7052-8711>

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of interaction between the press and society. The author examines the personified approach used by the British war correspondent A. Forbes to display the theme of war – the creation of a psychophysical and professional portrait of military leaders of the second half of the 19th century. It is shown that A. Forbes singles out F. Karl and M. Skobelev as examples of combining special service qualities with romantic features of a heroic image. It is concluded that A. Forbes successfully defined and implemented ideas and ways of their representation which has been demanded by society.

Keywords: Great Britain, Victorian society, journalism, special correspondent, Archibald Forbes, images of military leaders

For citation: Vlasov A. D. Military leaders' images of the second half of the XIXth century in the works of A. Forbes: Some aspects of the British military journalism formation. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 65–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-65-70>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современном мире на фоне растущего числа военных конфликтов все большую актуальность приобретают проблемы, связанные с восприятием и отображением военных реалий как со стороны воюющих стран, так и с позиции не вовлеченных в войну государств. Это актуализирует всестороннее научное осмысление истоков и механизмов эффектив-

ности средств массовой информации, деятельность которых формирует общественное мнение, будучи в то же время зависимой от социального и политического запроса. Изучение феномена военной журналистики в контексте истории британской прессы второй половины XIX в. дает тому немало поучительных примеров.

Обратим внимание на два обстоятельства, важных для определения научной задачи исследования.

Во-первых, в середине XIX в. в британской журналистике появилось понятие «специальный корреспондент» как обозначение особого вида репортерской работы¹. Одной из таких «специальных» миссий как раз и была военная журналистика. Корреспонденты Великобритании, которые освещали боевые действия в разных частях света, вносили существенный вклад в развитие мировой журналистской практики. Как правило, данную сферу деятельности выбирали смелые люди, готовые проследовать с войсками через все тяготы и лишения походной жизни, а также стать свидетелями битв, осад, голода, разрухи и человеческих несчастий, вызванных военными действиями. Находясь в различных регионах, британские корреспонденты погружались в чуждую культурную среду, которая отражалась в их описаниях сквозь призму собственного опыта, персональных переживаний и, шире, британской культуры, что делает их работы ценным материалом для кросс-культурных исследований.

Во-вторых, развитие журналистики во второй половине XIX в. сопровождалось выделением отдельных жанров², жизненный цикл которых зависел от запроса читателей. Если в середине XIX в. особой популярностью пользовались психологические заметки, например, психология улиц, психология городов³ или дневники путешественников⁴, то к концу 1870 – началу 1880 гг. начинает формироваться общественная потребность в жанре, который бы отображал личности героев. В описаниях журналистов войны стали представлять собой не просто констатацию столкновения безликих тактических единиц, а противостояние личностей⁵. События военных кампаний становились понятнее и ближе для аудитории, которая получала возможность сопереживать тому или иному герою, той или иной стороне. Таким образом, изучение работы военных корреспондентов, применявших ими профессиональных приемов подачи материала полезно для размышлений о механизмах воздействия прессы на общественное сознание.

При очевидной значимости обозначенной проблемы ее нельзя признать всесторонне изученной. В отечественной историографии обращение к профессиональной и общественной деятельности корреспондентов происходило по большей части в формате научных статей, посвященных отдельным персонам (в частности, это исследование Н. В. Дроновой⁶, С. И. Косарева и И. В. Косаревой⁷). Некоторые проблемы, связанные с военной журналистикой, рассматривались в диссертационных исследованиях С. И. Косарева⁸ и Е. М. Муминова⁹. В зарубежной историографии работы по истории журналистики и периодической печати начали появляться с середины XIX в. Самыми масштабными можно

считать труды Х. Фокса¹⁰ и А. Эндрюса¹¹, в которых изучались процесс становления британской прессы и проблемы взаимодействия прессы и общества. Современные исследователи смещают акцент на анализ создания «медиареальности» в Викторианскую эпоху¹², развития отдельных жанров, которые формировались под влиянием историко-культурного контекста второй половины XIX в.¹³ Отметим, что в трудах современных отечественных и британских исследователей обозначился переход к рассмотрению развития массовой печатной культуры сквозь призму профессиональной деятельности специальных корреспондентов, формировавших новый подход в журналистике¹⁴.

Среди британских военных корреспондентов второй половины XIX в. особого внимания удостоена персона Арчибалда Форбса. Его профессиональные и личностные качества высоко оценивали современники¹⁵, а заслуги А. Форбса в журналистике отмечали продолжатели этой профессии¹⁶. Одной из примечательных личных характеристик А. Форбса являлось наличие военного опыта, так как до начала журналистской карьеры он служил в Королевском драгунском полку. Профессиональная активность А. Форбса в качестве военного корреспондента пришлась на 1870-е – начало 1880-х гг. Именно в этот период в Европе последовали важнейшие военные кампании, которые оказали существенное влияние на дальнейший ход мировой истории.

Обращение к гуманитарному аспекту при освещении военных действий было характерно для многих корреспондентов, однако даже на этом фоне статьи и публичные выступления А. Форбса вызывали большой интерес обширной аудитории в Европе и Америке¹⁷, а его публицистические работы многократно переиздавались в различных странах. Цель данного исследования – выявление подходов, применявшихся А. Форбсом при описании личностей военачальников, что было его журналистским новаторством и составило, на наш взгляд, одну из слагаемых творческого успеха автора.

Данная тема неизменно интересовала и сопровождала А. Форбса на протяжении всей его репортерской, лекторской и писательской карьеры. Он выступал с публичными лекциями в 1884 г. (опубликованы в периодических изданиях Абердина¹⁸ и Данди¹⁹), 1885 г.²⁰ и 1886 г.²¹, в которых журналист обобщил опыт, полученный в ходе многочисленных войн.

В одной из последних крупных работ «Воспоминания и исследования войны и мира»²², опубликованной в 1895 г. и вызвавшей большой общественный интерес, А. Форбс представил систематическое авторское изложение материала, посвященного персонам выдающихся военачальников второй половины XIX в. Считаем корректным апеллировать в качестве источника именно к этому тексту, а не отдельным заметкам

по данному сюжету в различных публикациях. Помимо описания фактов из биографий командующих и кульминационных эпизодов из их жизни, А. Форбс охарактеризовал профессиональные качества представителей высшей военной элиты второй половины XIX в., представил в пределах своих возможностей их психологические портреты. В разделе «Солдаты, которых я знал»²³ А. Форбс рассмотрел 23 персоны военачальников из 6 стран. В этот перечень вошли как генералы-победители, так и побежденные. Из общего количества представленных личностей всего четверо потерпели поражение. Стоит отметить, что А. Форбс описывает проигравших очень уважительно. Так, например, характеризуя турецкого мушира (маршала. – А. В.) Османа Нури-пашу, журналист писал следующее: «Если бы в ту кровопролитную осень у турок было два Османа, то русские никогда бы не перешли Балканы»²⁴. С некоторыми проигравшими, например маршалом Второй империи Франсуа Базеном, А. Форбс вступил в переписку²⁵ и даже пытался изменить негативное отношение общества к персоне капитулировавшего военачальника²⁶.

При более подробном изучении источника можно установить классификацию представленных персон по двум группам: самая распространенная характеристика – «стойкий» и редкая характеристика – «великий (прирожденный)». Эти категории не противопоставлялись друг другу (прирожденный (великий) солдат вполне может обладать качествами стойкого), а скорее определяли способности, дарования и особенности командующего. Большинство рассмотренных персон А. Форбс относит к «стойким» и лишь двоих к «великим (прирожденным)».

Командующие, которые не заслужили столь высокой характеристики, как «великий» или «рожденный небом», составили более обширную группу в работе А. Форбса. Тем не менее описываемые персоны имели успехи, иногда довольно значительные, в военной карьере. А. Форбс часто именовал таких военачальников «стойкими солдатами». Данная характеристика означала, что командующий усердно и профессионально исполнял свой воинский долг.

Пожалуй, самым ярким примером, относящимся к данной категории, являлся британский военачальник Роберт Корнелис Нейпир (первый барон Нейпир Магдальский). Еще юношей он отправился служить в Индию в качестве инженера, участвовал в первой и второй англо-сикхских войнах. После битвы при Мудки «его ножны, – писал Форбс, – позабыли о том, что такое меч»²⁷. Продвижение по карьерной лестнице было достаточно медленным, однако Нейпир продолжил службу и принял участие в опиумной войне и абиссинской экспедиции. После захвата Магдалы (современная Амба-Мариам; Эфиопия. – А. В.) и уничтожения Теодроса II Нейпир получил баронский титул и стал пэром Англии.

В 1870-е гг. он занимал пост главнокомандующего английскими войсками в Индии. Именно там А. Форбс, который сопровождал принца Уэльского во время «индийского тура»²⁸, смог познакомиться со знаменитым британским командующим.

Корреспондент охарактеризовал лорда Нейпира как «прозорливого и педантичного руководителя, который ничего не пускал на самотек и умел добиваться цели»²⁹. А. Форбс лично не видел командующего во время битвы, но наблюдал за его действиями во время военных маневров неподалеку от Дели. В ходе данного мероприятия произошел неприятный инцидент – под лошадь командующего попал снаряд. Лорд Нейпир упал и повредил ключицу, «но стойкий воин поднялся, сел в седло и, – продолжал корреспондент, – держался в нем на протяжении всех маневров, не подавая виду»³⁰. Таким образом, журналист характеризовал командующего как целеустремленного человека, который готов исполнить свой воинский долг, несмотря на ранения и прочие сторонние факторы, а также соответствовавшего тем стандартам поведения, которые должны были быть присущими английскому джентльмену.

Русского генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена британский корреспондент также описал как «необычайно красивого и стойкого человека»³¹. Взаимоотношения А. Форбса и генерала были довольно своеобразными. Они встретились во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Бухаресте. Части русской армии нуждались в лошадях, однако в столице Румынии не удалось восполнить этот незаменимый на войне ресурс. Тотлебен обратился к А. Форбсу с просьбой продать «мощного серого жеребца»³², который принадлежал корреспонденту. Скакун Форбса был своенравен: постоянно «брыкался и вставал на дыбы»³³, но храбрый генерал нашел правильный подход к непокорному животному и «через час въехал на нем во двор отеля Броффта»³⁴. Сделка состоялась, и корреспондент целую неделю провел в компании командующего, выслушивая истории об обороне Севастополя и о планах предстоящей осады Плевны. С точки зрения А. Форбса, основными профессиональными качествами Э. Тотлебена были способность правильно оценивать текущую ситуацию, энергичность в действиях и умелое управление своими войсками. Методичность действий русского генерала заслужила положительную оценку британского корреспондента.

Американский генерал Улисс Симпсон Грант «не был прирожденным воином»³⁵, однако А. Форбс отметил, что личностные качества командующего сыграли огромную роль в его профессиональной карьере. Благодаря «честности, абсолютной уверенности в своих силах и полному отказу от неудобных эмоций... упорству и отрицанию самой возможности поражения»³⁶.

У. Грант смог добиться победы над более опытным противником – Робертом Эдвардом Ли. Для описания их противостояния А. Форбс использовал примечательные сравнения. Корреспондент сопоставил противодействие генералов со схваткой парового молота (У. Грант) и рапиры (Э. Ли)³⁷. Данное сравнение можно считать очень точным, так как оно передает не только антагонизм двух различных характеров, но и борьбу между двумя общностями – Севером и Югом.

Таким образом, некой обобщающей характеристикой личностных и профессиональных качеств большей части командующих второй половины XIX в., с точки зрения А. Форбса, являлись целеустремленность и готовность во что бы то ни стало исполнить свой воинский долг. Некоторые, например Э. Тотлебен, добивались цели с помощью продуманной методичности, некоторые, например У. Грант, за счет яростного упорства, а некоторые, как то Роберт Нейпир – за счет джентльменской настойчивости.

Первой личностью, которую А. Форбс отнес к «величайшим солдатам современности»³⁸, был прусский военачальник Фридрих Карл. А. Форбс познакомился с племянником прусского короля во время Франко-прусской кампании 1870–1871 гг. Журналист наблюдал действия Фридриха Карла в ходе битвы при Гравелоте и осаде крепости Мец. Внешний облик командующего Форбс описывал так: «Суровый и непривлекательный... коренастый и осанистый... с массивной челюстью, широким ртом и пронзительным взором из-под высокого изогнутого лба»³⁹.

В самом начале своего повествования А. Форбс именовал Фридриха Карла – «красный принц»⁴⁰. Впоследствии данная характеристика раскрывалась подробнее. Во время совещания со своими генералами прямо на поле битвы среди поверженных врагов Фридрих Карл был облачен в «обтягивающий красный мундир, который был буквально создан самой природой для великого военачальника»⁴¹. Таким образом, личность племянника прусского короля получила некий «цветовой маркер», которым не обладали командующие, относившиеся к группе «стойких». С точки зрения психологии, красный цвет ассоциируется с расходом энергии, стремлением к успеху, волей к борьбе и победе⁴². Считается, что он также ускоряет кровообращение⁴³ и, следовательно, биологические процессы в организме, в том числе мыслительные, отвечающие за обдумывание и скорость принятия решений. И в британской, и в русской культуре красный цвет ассоциируется с кровью⁴⁴, однако британская аудитория наделяет этот цвет «более положительной коннотацией»⁴⁵, чем русская.

Характеристика личностных качеств Фридриха Карла, представленная корреспондентом, является довольно сдержанной: «Он (Фридрих

Карл. – А. В.) был более невоспитанным, – писал Форбс, – чем любой командир, с которым у меня когда-либо были личные отношения»⁴⁶. Суровость, грубость и «неослабевающая энергия»⁴⁷ – вот основные черты, которыми А. Форбс характеризовал личность военачальника. Данные качества Фридрих Карл успешно использовал на посту командующего. Его «грубовато-добродушное товарищество»⁴⁸ в отношении с солдатами обеспечивало их преданность. В свою очередь готовность командующего разделять со своими подчиненным «опасности и лишения»⁴⁹ войны укрепляла его авторитет. Внешнее спокойствие, решительность в действиях⁵⁰ и дисциплинированность⁵¹ дополняли характеристику данной персоны.

Михаил Дмитриевич Скобелев был вторым выдающимся военачальником в представлении А. Форбса. Его знакомство со М. Скобелевым произошло в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Журналист пристально наблюдал за деятельностью русского генерала, чему способствовало и то обстоятельство, что в первые дни кампании А. Форбс был расквартирован неподалеку⁵². Корреспондент подчеркивал уникальность личности Скобелева, называя его «рожденный небом солдат»⁵³. Кроме того, Форбс отмечал, что Скобелев «был большим лидером, чем любой из лично мне (Форбсу. – А. В.) знакомых командующих»⁵⁴. Таким образом, если Фридриха Карла корреспондент характеризовал как «великого воина», то Михаила Скобелева как «прирожденного воина».

Внешний облик русского военачальника не получил столь подробного описания. Внимание корреспондента было сконцентрировано не на физических характеристиках персоны (рост, черты лица, вес и т. д.), а, скорее, на образе личности. «Я видел, – писал Форбс, – как он (Скобелев. – А. В.) участвовал в полудюжине боев в белом мундире и на белом скакуне»⁵⁵. Таким образом, «прирожденный воин» М. Скобелев так же, как и «величайший солдат» Фридрих Карл, получил «цветовой маркер» – белый. Данный цвет имеет положительную коннотацию как в британской, так и в русской культуре⁵⁶. Британцы ассоциируют его с чистотой и снегом⁵⁷. Можно обратить внимание и на некую взаимосвязь между «рожденным небом солдатом» и белым цветом, которым издревле характеризовали неких «небесных посланников»⁵⁸.

Характеристика личностных качеств М. Скобелева, данная А. Форбсом, практически полностью соответствует описанному выше образу. Корреспондент отмечает, что первоначально воспринял М. Скобелева как «гениального, блестящего и лихого безумца»⁵⁹. Однако через некоторое время Форбс осознал, что это «безумие» было лишь кажущимся, а на самом деле имело «некую системность»⁶⁰. Например, командующий мог «часами совершенно безрассудно

стоять под ураганным огнем и это походило на безумие, но, – продолжал Форбс, – этими действиями он (Скобелев. – А. В.) старался внушить солдатам уверенность в том, что они могут следовать за ним куда угодно»⁶¹. Такой подход давал потрясающие результаты – солдаты говорили, что они «лучше будут сражаться и умирать под командованием Скобелева, чем жить под руководством другого генерала»⁶². Кроме демонстрации личного примера на поле битвы, военачальник «усердно заботился»⁶³ о своих людях, «что резко контрастировало с поведением других командующих»⁶⁴. С точки зрения А. Форбса, забота М. Скобелева о своих подчиненных, а также готовность полностью разделить их судьбу и вдохновить личным примером, являлась важнейшей характеристикой личности.

Итак, британский корреспондент А. Форбс представил публике обширный перечень военачальников, с которыми имел личные и профессиональные отношения. Для каждой персоны им были выявлены особые личностные черты. Осуществленный А. Форбсом анализ выявил общее – их целеустремленность и готовность, несмотря ни на что, выполнить свой воинский долг. Различие заключалось в методах реализации поставленной задачи, которые зависели по большей части от внутренних установок личности.

В ряду достойных, успешных и талантливых командиров ярко выделялись две персоны, заслужившие особое внимание корреспондента – Фридрих Карл и Михаил Скобелев. Эти военачальники, помимо целеустремленности и прочих талантов, имели одно важное качество, на которое А. Форбс обратил особое внимание: чувство товарищества по отношению к солдатам и заботу о них. Кроме того, каждый «уникальный» командир имел собственный «цветовой маркер», который добавлял к психофизическому портрету командующего некие романтические черты героического образа. Можно предположить, что выдающиеся командиры второй половины XIX в., с точки зрения А. Форбса, обладали не только определенными психологическими качествами, но и неким романтическим внешним образом, соответствующим определенной национальной и социальной идентичности.

В завершение отметим, что сам А. Форбс определял работу военного журналиста как искусство⁶⁵. Продемонстрированный им персонализированный подход к репрезентации темы войны являлся новшеством для британской журналистики, хотя отнюдь не исчерпывал весь арсенал профессиональных приемов. Положительная реакция общества на корреспонденции, лекции и книги А. Форбса свидетельствовала о том, что автор смог заинтересовать читателей обращением к личностному измерению военных реалий, верно оценив общественный запрос

на характер представления материала и ярко его реализовал.

Примечания

- ¹ Waters C. Special Correspondence and the Newspaper Press in Victorian Print Culture, 1850–1886. Canterbury : Palgrave Macmillan, 2019. P. 2–4.
- ² Ibid. P. 29–59.
- ³ Ibid. P. 13.
- ⁴ Ibid. P. 29–91.
- ⁵ См.: Дююю Р Э., Дююю Т Н Война. Полная энциклопедия. Все битвы, сражения и военные кампании мировой истории с 4-го тысячелетия до нашей эры до конца XX века / пер. с англ. А. Н. Анваер, Е. А. Кац М. : Центрполиграф, 2015. С 600
- ⁶ См.: Дронова Н. В. Россия и русские глазами британского журналиста : версия Арчибальда Форбса // Россия и Британия. На путях к взаимопониманию. М. : Наука, 2010. № 5. С. 133–141.
- ⁷ См.: Косарев С. И., Косарева И. В. Американский агент «Русского влияния» (памяти Я. А. Мак Гахана) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 43–47.
- ⁸ См.: Косарев С. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В оценках российской и английской периодической печати : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2012. 23 с.
- ⁹ См.: Муминова Е. М. Роль средств связи и текущей корреспонденции в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (Балканский театр боевых действий) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 22 с
- ¹⁰ Fox Bourne H. R. English Newspapers Chapters of the History of Journalism : in 2 vols. London : Chatto & Windus, 1887. Vol. 1. 391 p. ; Vol. 2. 413 p.
- ¹¹ Andrews A. The History of British Journalism : in 2 vols. London : Richard Bentley, 1959. Vol. 1 – 339 p.; Vol. 2 – 365 p.
- ¹² Virtual Victorians : Networks, Connections, Technologies / ed. by V. Alfano and A. Stauffer. Hampshire : Palgrave Macmillan, 2015. 281 p.
- ¹³ Waters C. Special Correspondence and the Newspaper Press in Victorian Print Culture, 1850–1886. P. 2–4.
- ¹⁴ Waters C. Sketches of the Metropolis : Pub-Crawling with George Augustus Sala in Household Words // Dickens Quarterly. 2013. № 30. P. 26–42.
- ¹⁵ Bullard F. L. Famous War Correspondents. Boston : Little, Brown and company, 1914. P. 69.
- ¹⁶ Simonis H. The Street of Ink : An Intimate History of Journalism. New York : Funk & Wagnalls, 1917. P. 14.
- ¹⁷ The War Correspondent // Hartford Courant. 1881. 18 November. P. 2. URL: <https://www.newspapers.com/image/369155234/?terms=Hartford%20Daily%20Courant&match=1> (дата обращения: 02.09.2021).
- ¹⁸ Lecture by Archibald Forbes // Aberdeen Evening Press. 1884. 07 November. P. 2. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000444/18841107/004/0002> (дата обращения: 29.06.2021).

- ¹⁹ Preliminary Notice // Dundee Advertise. 1884. 21 October. P. 5. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000295/18841021/056/0005> (дата обращения: 29.06.2021).
- ²⁰ Lecture by Archibald Forbes // Inverness Courier. 1885. 05 February. P. 2. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000446/18850207/020/0002> (дата обращения: 29.06.2021)
- ²¹ Mr. Archibald Forbes on Warriors I have Known // Leamington Spa Courier. 1886. 27 February. P. 6. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0000319/18860227/019/0006> (дата обращения: 29.06.2021).
- ²² Forbes A. Memories and Studies of War and Peace : in 2 vols. Leipzig : Bernhard Tauchnitz, 1895. Vol. 2. 267 p.
- ²³ Ibid. P. 214–263.
- ²⁴ Ibid. P. 263.
- ²⁵ Ibid. P. 230.
- ²⁶ Ibid. P. 229–230.
- ²⁷ Ibid. P. 241.
- ²⁸ Ibid. P. 243.
- ²⁹ Ibid. P. 242.
- ³⁰ Ibid. P. 243.
- ³¹ Ibid. P. 257.
- ³² Ibid. P. 256.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid. P. 234.
- ³⁶ Ibid. P. 234–235.
- ³⁷ Ibid. P. 234.
- ³⁸ Ibid. P. 225.
- ³⁹ Ibid. P. 225, 227.
- ⁴⁰ Ibid. P. 225.
- ⁴¹ Ibid. P. 227.
- ⁴² См.: *Анашеев С. Ю.* Восприятие цвета в массовом сознании // Политика и общество. 2017. № 8. С. 121.
- ⁴³ См.: *Волкова К. Э., Бартенева Ю. В.* Влияние цвета на эмоциональный фон и психологию человека // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2020. № 1. С. 15. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41580639_82344643.pdf (дата обращения: 30.06.2021).
- ⁴⁴ См.: *Мишенькина Е. В.* Национально-культурная специфика концепта «цвет» у русских и англичан // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т 1, № 1. С. 290.
- ⁴⁵ Там же
- ⁴⁶ *Forbes A.* Memories and Studies of War and Peace. Vol. 2. P. 225.
- ⁴⁷ Ibid. P. 227.
- ⁴⁸ Ibid. P. 225.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 227.
- ⁵¹ Ibid. P. 225.
- ⁵² Ibid. P. 257.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ *Мишенькина Е. В.* Указ. соч. С. 289.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ *Бразм Г.* Психология цвета / пер. с нем. М. В. Крапивкиной. М. : АСТ ; Астрель, 2009. С. 118.
- ⁵⁹ *Forbes A.* Memories and Studies of War and Peace. Vol. 2. P. 257.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Ibid. P. 258.
- ⁶² Ibid. P. 258–259.
- ⁶³ Ibid. P. 259.
- ⁶⁴ Ibid.
- ⁶⁵ *Forbes A.* War Correspondence as a Fine Art // The Century Magazine. 1893. Vol. 15, № 23. P. 290–303.

Поступила в редакцию 10.09.2021; одобрена после рецензирования 18.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 10.09.2021; approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

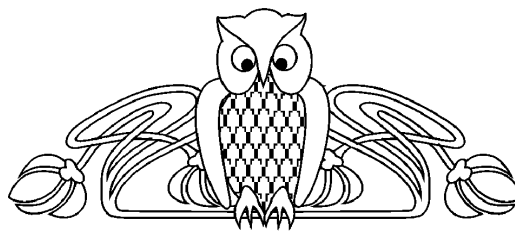

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 71–81
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 71–81
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

Научная статья
УДК [94+355.48+327](100+460)|1939/1945|+929Франко

Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения

Д. М. Креленко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Креленко Денис Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, krelenkon@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>

Аннотация. Статья посвящена двум периферийным проблемам международных отношений кануна и периода Второй мировой войны. В это время Испания пыталась решить свои территориальные споры в Северной Африке и на Пиренейском полуострове. Внимание автора сосредоточено на деятельности каудильо Ф. Франко по решению этих вопросов. Франко сумел усилить влияние Испании в Танжере, но не смог вернуть своей стране Гибралтар.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Испания, франко-испанское соперничество, Танжер, британский Гибралтар, Ф. Франко, А. Гитлер

Для цитирования: Креленко Д. М. Франкистская Испания в контексте Второй мировой войны: деяния и намерения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 71–81. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Francoist Spain in the context of the Second World War: Deeds and intentions

D. M. Krelenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Denis M. Krelenko, krelenken@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-1725>

Abstract. The article is devoted to two peripheral problems of international relations on the eve and during the Second World War. At this time Spain was trying to solve its territorial problems in North Africa and the Iberian Peninsula. The author's attention is focused on the activities of the caudillo F. Franco in solving these problems. Franco managed to strengthen the influence of Spain in Tangier, but was unable to return Gibraltar to his country.

Keywords: World War II, Spain, Franco-Spanish rivalry, Tangier, British Gibraltar, F. Franco, A. Hitler

For citation: Krelenko D. M. Francoist Spain in the context of the Second World War: Deeds and intentions. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 71–81 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-71-81>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В условиях военных конфликтов любой интенсивности, особенно если речь идет о масштабных столкновениях коалиций, определенную роль в замыслах, процессе и исходе противостояния играют субъекты, временно или permanently уклоняющиеся от схватки. Позиция нейтральных, прежде всего «невоюющих» стран, имеющих существенный незадействованный военный потенциал, экономические возможности и ту или иную степень географической приближенности к театрам военных действий, ока-

зывают значительное влияние на планируемые и принимаемые воюющими державами решения, меняют объемы резервов, которыми располагают непосредственные участники конфликта, и привлекают пристальное внимание соответствующих служб держав-комбатантов. Чем значимее стратегическое положение и деятельнее политика государства, стоящего над схваткой, тем выше уровень непрямого воздействия, оказываемого данным субъектом международных отношений на события текущей военной реальности.

Интуитивно понятная роль воздержавшихся или ограничивших участие в конфликте государств, тем не менее, редко привлекает внимание исследователей, особенно если незадействованная страна принадлежит ко второму эшелону акторов. Между тем в случаях, когда второстепенный невоюющий актер в силу географического положения либо достойных упоминания военных возможностей существенно колеблет чаши весов противоборства, игнорирование создаваемых им коэффициентов обеспечивает изрядные погрешности при создании стремящейся к истинности картины явления.

В нашем Отечестве по понятным причинам прискорбно мало изучаются, например, намерения и фактическая роль франкистской Испании в событийной канве Второй мировой войны. Национальная точка зрения относительно испанского фактора в важнейшем противостоянии новейшей эпохи не эволюционирует и опирается на однажды созданные стереотипы.

Эти стандартные воззрения создавались уважаемыми и скрупулезными исследователями, но имели в своей основе документальную базу и идеологический стандарт иного исторического периода, что препятствует их эффективному применению в современных условиях и подталкивает к корректировкам с учетом дополнительных материалов, введенных в научный оборот с начала нового века.

В данной работе автор стремится уделить внимание двум начинаниям франкистского Мадрида применительно к театрам, где велась борьба между «осью» и «демократиями»: единственному реализованному на практике и иному, тщательно планируемому, но не состоявшемуся. Речь пойдет о переоценке «Танжерской акции» франкистского режима и уведомлении русскоязычного читателя о ранее не упоминаемом национальной историографией испанском плане по самостоятельному овладению Гибралтаром.

Летом 1940 г. субъектная апатия франкистского режима, порожденная необходимостью реанимации страны после кровопролитной гражданской войны, а также некоторой дезориентацией Мадрида в связи с заключением германско-советского договора о ненападении, сменилась всплеском активности. Молниеносное крушение вооруженных сил и даже государственности ведущего версальского гаранта – Франции – подвигло испанцев на декларацию смены отношения к протекавшему мировому конфликту. Нейтральный статус Испании 12 июня 1940 г. был трансформирован до положения «невоюющей страны»¹.

Подобный шаг, традиционно трактуемый отечественными исследователями как свидетельство агрессивности Испании и ее приверженности делу «оси», на самом деле не вызвал особого возмущения в противостоящем лагере,

поскольку являлся стандартной мерой со стороны государства, оказавшегося в центре театра чужих военных действий. На практике Испания в связи со вступлением в войну Италии и созданием германских плацдармов для рывка в просторы Атлантики оказалась в «сердце тайфуна» и реагировала естественно, хотя симпатий к Риму и Берлину неизбежность состоявшегося маневра, естественно, не уменьшала.

Спустя два дня после изменения официального статуса испанцы на практике продемонстрировали смену поведенческого стандарта, дерзко посягнув на основы версальско-вашингтонского миропорядка. 14 июня 1940 г. дислоцированные в испанской зоне в Марокко войска протектората заняли международную зону интернационализированного порта Танжер².

На первый взгляд, произошедшее с учетом формы акции и перечня потерпевших может однозначно трактоваться как расширение фашистской агрессии и посягательство на основы миропорядка интербеллума. Однако в непосредственном приближении при анализе отдельных нюансов упомянутое событие выглядит несколько иначе.

Воздвигнутый вблизи Гибралтарского пролива город-порт Танжер имел непреходящее стратегическое значение для всех атлантистских держав, следующих по стезе классического империализма. Пункт располагался настолько удачно, что в рамках британо-центристского мира его переход под контроль любой конкурирующей с англичанами державы первого эшелона мог иметь опасные последствия для основ системы. Когда обстоятельства Танжерского кризиса все же принудили Лондон санкционировать передачу Марокко под французскую протекцию, предусмотрительные англичане позаботились о страховке. Во-первых, Гибралтарское побережье султана вручили не претендующим на величие испанцам. Во-вторых, не доверяя даже заведомо слабой Испании, Альбион инициировал придание перспективному порту-конкуренту статуса международной демилитаризованной зоны.

Особый и по существу эксклюзивный статус порто-франко, руководимого ассамблеей конкурирующих субъектов, формировался тяжело. Данный процесс растянулся на два десятилетия и дал приемлемые для Англии результаты лишь 18 декабря 1929 г., когда завершилась работа Парижской международной конференции по Танжеру³.

Саммит проходил в условиях испано-французских проблем, порожденных Риффской войной, и, скованные обстоятельствами, марокканские опекуны согласились на британскую редакцию документов. Первоначальный текст статута подразумевал максимальную децентрализацию власти и защищал интернациональные основы таковой от попыток разрушения баланса любым

из субъектов. Приоритетом полномочий пользовались Франция, Испания и Великобритания. Прочим заинтересованным державам надлежало довольствоваться лоббированием собственных экономических интересов на основе локальных возможностей.

В первом приближении обстановка в этой зоне выглядела следующим образом. Франция доминировала в деле экономической и финансовой эксплуатации возможностей анклава. Испании позволялось соучаствовать в администрировании и извлекать собственные вторичные доходы, попутно решая демографические проблемы за счет поощрения миграции. За собой Лондон оставлял финансовый контроль и возможность, разделяя и властвуя, исключить превращение Танжера в опорный пункт, сопоставимый с Гибралтаром.

Мир, однако, трансформировался. Уже в 1928 г. изменившийся баланс сил привел к коррекции статута и положения зоны Танжера. Итальянцы нарастили представительство в законодательном органе, который отныне включал в себя 4-х французов, 4-х испанцев, 3-х англичан, 3-х итальянцев, а также американца, голландца, бельгийца и португальца⁴. Местное население в конвенте представляли 6 танжерских уроженцев-мусульман и 3 представителя влиятельной еврейской общины. Формально ассамблеей руководил спикер собрания, султанский назначенец – мендуб, но фактически его роль сводилась к констатации законодательских усилий европейского большинства. Делегаты законодательного собрания не избирались, а рекомендовались самим мендубом или консульствами соответствующих стран.

Исполнительная власть зоны Танжера включала верховного администратора (француз), трех его помощников, выдвинутых Испанией, Великобританией и Италией. Причем испанский заместитель ведал общими вопросами, британец – финансовым контролем, а итальянец – судопроизводством. Далее следовали инженеры – градостроитель и знаток инфраструктуры, предлагаемые консульствами держав-протекторов. Жандармерию в количестве до 250 местных и европейских полицейских с 1928 г. возглавлял испанский офицер, заменивший обязательного ранее нейтрального бельгийца⁵. Выше всей приведенной иерархии стоял консульский контрольный комитет, собственно, и определявший политику посредством назначаемых креатур.

Естественно, подобная система оказалась ограничено работоспособной. Четырем основным державам механизм позволял так или иначе управлять регионом на основе непрерывных компромиссов. Остальным участникам приходилось довольствоваться лоббированием локальных экономических интересов. В зоне царил полный экономический либерализм в сочетании с высокими налогами и отсутствием элементов со-

циального регулирования. При этом область могла гордиться внедренными англичанами анти-сегрегационными принципами, даровавшими 10-тысячной иудейской общине трех представителей, а 30-тысячной исламской – шесть.

Предположительно в международной зоне соблюдался постулат о демилитаризации, и достаточно эффективно осуществлялось противодействие оружейной контрабанде. Побережье не укреплялось. Отряды держав-протекторов могли посещать регион лишь с транзитными целями, и единственной организованной вооруженной силой являлась местная жандармерия.

Однако 1940 год покончил с компромиссами. В мае лишились почвы под ногами бельгийский и голландский представители, не получавшие отныне взвешенных консульских наставлений и поддержки. Затем в июне ситуация усугубилась констатацией состояния войны «демократий» и Италии. Паралич власти наступил в момент нарастания зональных социально-экономических проблем. Военная конъюнктура снизила доходы Танжера, а расширенная по объективным причинам еврейская эмиграция стимулировала межэтническую напряженность, подогреваемую информационными усилиями многочисленных агентов «оси»⁶.

Отсутствующие в Танжере цензурные ограничения позволяли населению составить представление о положении дел на фронтах и осознать, что традиционно господствовавшая в Магрибе Франция стоит на пороге поражения. Несостоятельность Третьей республики и разгром французской армии могли создать вакуум власти и активизировать антиколониальные выступления магрибинцев вместе с неизбежно сопутствующими освободительному движению эксцессами.

Сложившаяся ситуация подстегнула давние испанские мечтания по присвоению Танжера, тем более что для этого открылась дипломатическая лазейка. Еще в апреле 1940 г. Париж внес предложение о совместной франко-испанской оккупации международной зоны для предотвращения роста итальянского влияния⁷. Испания приняла аванс к рассмотрению, но медлила с ответом, опасаясь конфликта с итальянцами и выжидая более благоприятной обстановки. Момент настал, когда Западное Средиземноморье превратилось в арену интенсивных военных действий, а Франция оказалась на грани полного поражения.

Далее общеизвестные в отечественной историографии события, перемежаясь с менее известными, протекали следующим образом. Испания 12 июня 1940 г. официально сменила статус нейтральной страны на положение «невоюющей». На следующий день руководитель испанского министерства иностранных дел Хуан Луис Бейгбедер-и-Атьенса уведомил французское правительство о намерении его страны самосто-

ательно занять Танжер для поддержания его нейтралитета. Реакция мигрировавшего кабинета Третьей республики оказалась индифферентной. От Мадрида потребовали заверений о временном характере оккупации, которые Бейгбедер незамедлительно выдал⁸. На этом вопрос был почти исчерпан. К вечеру 13 июня состоялось подписание межправительственного соглашения, поставленного под сомнение лишь Ш. Ногесом, верховным комиссаром Франции в Марокко. Оказавшись на историческом распутье, французский представитель колебался относительно легитимности испанского шага, но не располагал официальными полномочиями, временем и средствами для его пресечения.

Испанцы действовали быстрее, чем ожидала французская сторона. Днем 13 июня 1940 г. комиссар испанского протектората в Марокко К. Асенсио Кабанильяс получил приказ занять Танжер⁹. Операция планировалась с учетом ряда формальностей. Действовать предстояло от имени и по поручению марокканских властей, а следовательно, руками самих магрибинцев.

Быстро заручиться султанской поддержкой было затруднительно вследствие профранцузской ориентации монарха, но у испанцев имелся запасной вариант. В Тетуане, административном центре испанского протектората, был собственный правитель. Формально тетуанский халиф являлся вассалом султана в Рабате, но на практике местный вождь, обслуживая испанские начинания, лишь информировал номинального повелителя о принятых решениях¹⁰.

Получив соответствующие предписания, испанский комиссар оперативно сформировал национальный войсковой контингент. На западе испанской части протектората был расквартирован IX армейский корпус, в составе которого имелось 14 таборов (батальонов), укомплектованных местными берберами и арабами¹¹. Из числа этих формирований создали исключительно туземную группировку численностью в 4 тыс. чел.¹² Накануне «часа икс» группа из 6-ти пехотных и 2-х кавалерийских таборов, сведенная под командование испанского полковника А. Юсте Сегура, вышла на исходные позиции у кромки международной зоны¹³. Одновременно на случай энергичной французской реакции основные силы IX и соседнего X армейских корпусов выдвинулись в район Лараша и других пунктов на линии разграничения протекторатов. Ночью 14 июня 1940 г. верховный комиссар Испанского Марокко генерал Асенсио связался с французским коллегой Ногесом, уведолив последнего, что, по поручению халифа Тагуана, согласовав действия с французским правительством, намеревается занять Танжер. Спустя 15 мин две колонны сил вторжения вступили в международную зону¹⁴. К полудню вымущтрованные туземные части, не встречая сопротивления, без потерь установили контроль над ключевыми

объектами порто-франко. Французского администратора заменили испанцем из рядов местного руководства, но деятельность международных исполнительных институтов прекращать не стали, приостановив лишь консультации с консулами. Формально оккупанты на протяжении почти 6 мес. поддерживали танжерский статут неизменным, обеспечив лишь испанское главенство в ключевых органах управления.

Столкновений и жертв в ходе операции не фиксировалось. Местное население проявило индифферентность. Пролетариат Испанской колонии в основной массе приветствовал произошедшее. Танжерский интернационал, за исключением французов, быстро успокоился, не ожидая радикальных перемен.

Французский комиссар отреагировать не успел. Теоретически силы Ногеса в Марокко состояли из 200 тыс. солдат и более чем двукратно превышали испанский контингент в Африке, имея дополнительное превосходство в боевой технике. Но неопределенность ситуации, отсутствие предписаний Парижа и высокий темп испанской акции парализовали французскую волю к сопротивлению. Силами флота, необходимыми для эффективного противодействия, в Танжере Ногес не распорядился, а пробиваться через прикрытый испанцами Южный Атлас не решился. В результате испанская акция осталась без последствий, а французский комиссар решил плыть по течению печального для его страны исторического процесса.

Официальный Мадрид и военщина в свою очередь ликовали, поскольку впервые со времен Риффской войны испанские позиции в протекторате упрочились. Прежде Испания дважды уступала французам оговоренные в Альхесирасе территории, но теперь неожиданно приобрела контроль над инфраструктурным стержнем Западного Марокко и получила доступ к соответствующим доходам.

В распоряжении хитрого лицемера Франко оказался информационный материал для воздействия на национальное общественное мнение и зарубежных партнеров. Распространенное к 15 июня 1940 г. официальное испанское коммюнике было осторожным, подчеркивало временный характер оккупации и сохранение в Танжере международного правления. Зато немцев на словах убеждали в том, что танжерская акция символизирует практическое начало передела Марокко и знаменует начало активных действий Испании рука об руку с торжествующим Рейхом. Бейгбедер, принимая 16 июня гитлеровского посла Шторера, демонстративно разложил в кабинете карты Северной Африки и, повествуя о позавчерашних событиях, ни словом не упомянул о консультациях с французскими министрами, путешествовавшими из Тура в Бордо¹⁵.

В изложении главы испанского МИДа согласованный с партнером акт выглядел как агрессия,

о чем гитлеровский посол должен был информировать начальство. Отчасти прибывая в эйфории или изображая таковую, франкисты авансировали нацистских кредиторов, заодно зондируя их мнение насчет дальнейшей экспансии в Марокко и иных французских колониях.

Прочим субъектам мировой политики демонстрировали несколько иную сущность казуса. Англичанам, выразившим озабоченность событиями, Бейгбедер подтвердил приверженность принципу демилитаризации и нейтральности Танжера, проинформировав также об отсутствии претензий со стороны правительства П. Рейно. Вероятно, достаточно осведомленный о подоплеке событий, британский посол С. Хор был удовлетворен, тем более что Лондону и Мадриду предстояли переговоры об остро необходимом франкистам торговом соглашении¹⁶. В таких условиях малейшая ложь могла стоить испанцам социально-экономической стабильности и была, по мнению англичан, нецелесообразна. К тому же коварные сыны Альбиона, предполагая необходимость скорой нейтрализации стратегических позиций экс-союзника, не могли не радоваться сокращению списка целей, одна из которых перепоручалась испанцам. Испано-британский инцидент был, таким образом, исчерпан. Прочие участники танжерской концессии, даже утратившие субъектный статус, поводов для претензий не имели, поскольку их резиденты оставались на месте и при должностях.

Следует признать, что, невзирая на разнообразие эксплуатации франкистами информационных последствий танжерского инцидента, казус не мог в полной мере считаться агрессивным. Перевод международной зоны под испанский контроль, безусловно, произошел в кризисный момент и являлся следствием шантажа, но осуществлялся по согласованию с ключевым партнером по опеке над Марокко и туземными властями. Кроме того, оккупация Танжера была быстро признана де-факто державами противостоящих коалиций как оптимальное в текущий момент решение, позволявшее сохранить базовые принципы нейтральности значимого пункта.

Учитывая данный постулат, франкистскую Испанию целесообразно признать государством, руководившимся стандартными для той эпохи принципами империалистической политики, но избегавшим экстремизма и вероломства, присущих фашистской разновидности империализма.

Указание на то, что в дальнейшем франкистский режим самоуправно отменил международный статут оккупированной территории, имеет право на существование лишь вне критического анализа. Действительно, 3 ноября 1940 г. Танжер был включен в Испанскую зону Марокко, а международная администрация низложена. Власть была передана испанскому губернатору¹⁷. 28 ноября зону окончательно интегрировали в испан-

скую часть Марокко. Данный факт неоспорим, но, как всегда, имеются нюансы. Дело в том, что аннексия анклава последовала непосредственно за эндайскими переговорами каудильо и фюрера.

В ходе прений сторон «бесноватый фюрер» отклонил испанские претензии на французское Марокко и прочие вишистские колонии в Африке, приняв на себя роль защитника вишистских интересов¹⁸. Переговорщики разъехались недовольные уровнем партнерства¹⁹. И почти сразу за этим «благословенным» событием Франко демонстративно аннексирует территорию, где по статусу должны главенствовать верные вишистским коллаборационистам французские чиновники. Событие трудно поддается однозначной трактовке, но может сложиться мнение о нарочитости поведения испанского диктатора, показавшего возможность сепаратных действий в протекторате. Во всяком случае никаких санкций с британской стороны за смену танжерской юрисдикции Франко не получил, а вот ноябрьское разочарование Берлина вскоре проявилось в отказе от планирования совместных испано-германских действий. Оккупационный режим в Танжере являлся настолько ординарным, что каких-либо репрессий не фиксируют даже такие чуткие к попранию прав и свобод источники, как европейская электронная энциклопедия и ей подобные. Собственно «Циклопедия» и «Ежевика» вообще не фиксируют смену режимов в контексте иудейской общины, тогда как о вишистской Касабланке упоминают в негативном ключе²⁰. Впрочем, идиллическая пастораль с общим непротивлением испанскому хозяйничанью в Танжере отнюдь не является катализатором истинных намерений и коварных замыслов. Будучи, как все окружающие иноземные коллеги, империалистом, Франко тяготел к экспансионистским методам и не просто ждал подходящего момента, но интенсивно готовил передел границ Средиземноморской ойкумены.

Приоритетной целью каудильо, безусловно, являлся британский Гибралтар. Данная непреходящая проблема в отношениях Испании с вставшей империей-миродержцем, как следует из рассекреченных в первом десятилетии XXI в. документов, приковала внимание Ф. Франко Баамонде несколько ранее, чем принято было считать. Прежде господствовавшая в историографии концепция строилась на предположении, что испанский генералиссимус заинтересовался британским наследием на крутом историческом повороте лета – осени 1940 г., когда зримо зашатались основы привычного европоцентристского мира во главе с Лондонским Сити. Однако ныне обнаруженные испанскими исследователями доказательства сдвигают левую хронологическую рамку гибралтарских амбиций Франко в довоенную эпоху. Причем прежде считалось, что гибралтарское направление франкистской экспансии инициировалось нацистами и зародилось

вместе с планом «Феликс», тогда как на деле испанцы имели и последовательно отстаивали сугубо суверенный агрессивный проект, где гитлеровцам отводилась роль создателей приемлемых политических обстоятельств и интендантов.

В мае 1935 г. обласканный правым республиканским правительством за решительное подавление Астурийской коммуны Франко поставлен во главе испанского генерального штаба²¹. Освоившись в лыстящей самолюбии роли, молодой генерал, возглавивший «мозг армии», обнаружил, что столь важный орган не работает по назначению. Не слишком удачная военная реформа предшествующих кабинетов привела к параличу военного планирования. Генштаб, призванный проектировать действия в любых, даже самых маловероятных конфликтных ситуациях, простаивал, лишенный директив о наиболее вероятных противниках. Между тем в Средиземноморье имел место очередной острый военный кризис, порожденный итало-британским противостоянием в контексте войны в Абиссинии. Конфронтация влекла риск возникновения войны, вероятно, общеевропейской, и участникам концерта следовало определиться.

Формально Испания в лучших традициях дисциплинированного члена мирового сообщества гарантировала Лондону доброжелательный нейтралитет²². Но на практике «правому» премьеру Х.-М. Хиль Роблесу итальянцы были симпатичнее, и национальный Генштаб, возглавляемый будущим каудильо, принялся детально изучать вероятного британского противника. Уже в мае 1935 г. бригадный генерал Франко приказал осуществлять постоянный и пристальный контроль за «Скалой» и тщательно анализировать потенциал и уязвимые точки британской цитадели²³. Наблюдение велось систематически, изменения фиксировались в специальных формулярах, бережно сохранившихся в ожидании подходящего момента. Не исключено, что результатами этих наблюдений делились с итальянцами, выступавшими партнерами консервативного республиканского правительства в Мадриде.

Затем прогремела Гражданская война, проходившая в условиях стремительной поляризации империалистических группировок. И весной 1939 г. Гибралтар стал объектом перманентного внимания укоренившихся у власти националистов и их вождя. Непосредственный испано-британский конфликт предпринят не был, но каудильо предчувствовал неизбежный катаклизм и на всякий случай выбирал лагерь. Испания не являлась страной, удовлетворенной существующим положением вещей, поэтому в поисках геополитических предпочтений Франко намеривался примкнуть к создателям «нового порядка». Причем двигал им не фашистский догматизм, а банальное и утилитарное стремление с соблюдением всех предосторожностей погреть руки

у пламени мирового пожара. Выбор диктовался простой аксиомой, согласно которой делить с Германией было нечего, поводы для споров с итальянцами только предстояло создать. А вот англичане и французы уже владели лакомыми кусками, один из которых, находясь в британских руках, являлся вечным напоминанием о национальном унижении. Торопиться, рисковать, а тем более чем-то жертвовать ради недавних покровителей Франко не собирался. Но, будучи профессиональным военным, считал долгом заранее готовиться к наиболее конструктивным шагам.

Еще в апреле 1939 г., определяя приоритетные задачи и районы дислокации своей победившей армии, каудильо указал на особую значимость гибралтарского района. Командующий «южной армией» Г. Кейпо де Льяно получил распоряжение надежно закрыть участок, всемерно укрепить южную границу и бдительно следить за вероятным противником²⁴. В мае спонтанные усилия по укреплению южного рубежа сменились целенаправленной деятельностью. Создали специальную Комиссию укрепления южного побережья, техническим руководителем которой стал полковник П. Жевенуа Лабернад, бельгиец по происхождению, известный в соответствующих кругах инженер-новатор²⁵. В ходе Гражданской войны полковник служил в береговой артиллерии и считался компетентным специалистом в данной отрасли. Теперь от комиссии Жовенуа требовался реализуемый план по нейтрализации и захвату «Скалы». Работа шла успешно. В августе 1939 г. с помощью новой фототехники создали детальную панораму Гибралтара, определили оптимальные позиции и наряд артиллерийских средств, необходимых для подавления и разрушения ключевых элементов британской крепости и порта²⁶.

Высшему руководству выводы по миссии представили 31 октября 1939 г. в условиях уже начавшейся Второй мировой. Возглавляемый Франко Совет национальной обороны принял решение приступить к реализации намеченных комиссией мероприятий, присвоив разработке код «Plan C»²⁷.

Справедливости ради следует упомянуть, что на той же сессии военного совета Франко и его заместитель Х. Вигон Суэродиас постановили осуществить несколько совершенно несбыточных проектов. Например, там же, в Паласио Ориенте, дали старт программе кораблестроения стоимостью в 5,5 млрд песет, что в 4 раза превосходило общий ежегодный военный бюджет государства²⁸. Там же приняли новый мобилизационный план, подразумевавший при необходимости развертывание армии численностью в 150 дивизий, что было явной фантастикой, учитывая наличные запасы вооружения, снаряжения и техники, едва достаточных для обеспечения 26 подобных тактических соединений.

Однако в отличие от упомянутых начинаний проект Жевенуа, очевидно, считался приоритетным и опирался на реально существующую ресурсную базу и потому действительно начал претворяться в жизнь. В общих чертах испанский замысел сводился к созданию мощной артиллерийской группировки, способной изолировать район боевых действий и путем разрушения ключевых объектов противника принудить его крепость к капитуляции. Банальная, но работоспособная логика, неоднократно подтверждаемая историческими примерами, позволяла надеяться на успех.

В октябре 1940 г. накануне планируемой встречи Франко – Гитлер в Эндайе «План С» сложился окончательно. Из последней редакции исчезли пункты, касающиеся сдерживания французов, но появилась масса добавленных Жевенуа технических деталей.

Итак, на первом этапе операции предполагалось, разместив на позициях у «Скалы» 236 тяжелых артиллерийских орудий и около сотни крупнокалиберных зениток, используя выверенные таблицы стрельбы, с дистанции 10–15 км уничтожить британскую крепостную артиллерию. Испанцы предполагали, что противник располагает 12-ю орудиями калибром 305 мм, 9-ю пушками 225–250 мм и 19-ю «шестидюймовками». Интересно, что разведка Жевенуа не имела представления об истинном положении дел с калибрами и типами артиллерийских систем противника и относила к потенциально опасным очень старые британские «двенадцатидюймовки», произведенные в 80-е гг. XIX в. На практике эти пушки калибром 12 и более дюймов представляли очень сомнительную ценность, поскольку относились к дульнозарядным образцам с дальностью стрельбы в 7–8 км. Тем не менее первый огневой шквал предполагалось направить и на эти музейные экспонаты²⁹. Огонь надлежало вести не только по орудийным позициям, но и по разведанным снарядным погребам, наблюдательным пунктам и блиндажам, укрывавшим расчеты противника. Время бомбардировки не ограничивалось, огонь велся до поражения всех намеченных целей.

Затем стартовала вторая фаза артиллерийского наступления, на протяжении которой уже 416 пушек и гаубиц, поддержанных полевыми артиллерийскими системами с оборудованных позиций в 8–10 км от мишеней, подавляли британскую зенитную артиллерию³⁰.

На протяжении 3-й фазы тяжелая артиллерия переносила огонь на объекты, прикрывавшие сухопутные подступы к «Скале», и прокладывала дорогу испанской пехоте и танкам. Одновременно к ударам по крепости подключались испанская авиация, располагавшая для этой цели 80-ю самолетами для дневных ударов и 20-ю приспособленными к ночным бомбардировкам.

«Дьявольской изюминкой» проекта являлось планируемое повышение эффективности артиллерийских и воздушных ударов за счет применения боевых отравляющих веществ (ОВ). Косвенно о подобных намерениях свидетельствует наличие изданных в 1940 г. подробных инструкций по химической защите войск и гражданского населения Альхесираса, Ла Линеа и даже Сеуты. Также существовали детальные планы заблаговременной эвакуации населения ряда районов округа «Кампо-Гибралтар», разработанные полномочным губернатором зоны А. Муньосом Грандесом, пожалуй, самым агрессивным командующим среди всех испанских генералов из ближнего окружения каудильо³¹. Существование планов превентивной эвакуации, равно как и наиболее тщательный в испанской армии подход к оснащению средствами химзащиты личного состава 102-й и 112-й дивизий, дислоцированных у «Скалы», позволяет предположить, что «План С» подразумевал именно инициативу в применении ОВ, а отнюдь не защиту от такового.

Техническая возможность масштабного применения испанцами боевой химии наличествовала в полной мере. Не будучи лидером в сфере инновационных разработок оружия массового поражения (ОМП), Испания тем не менее производила достаточно традиционных рецептур. В 1940 г. ежедневное производство ОВ на испанских предприятиях было значительным и составляло порядка 3 т иприта, 2 т фосгена и заметного количества иных рецептур, включая даже такую дорогостоящую экзотику, как арсин в количестве 400 л³². Имелась налаженная система снаряжения данными средствами снарядов, авиабомб и газобаллонного оборудования для разноплановых химических атак.

Таким образом, при наличии извращенной политической воли артиллерийское наступление на Гибралтар могло стать смертоносным, особенно если принять во внимание характер многих целей, лишенных естественной вентиляции.

Испанский план по овладению Гибралтаром производит двойственное впечатление. Уделяя внимание даже вопросам политического обеспечения операции, проект совершенно не содержит инструкций для пехоты и механизированных частей, не определяется даже наряд сил и примерное соотношение стрелковых, инженерных и бронетанковых подразделений, призванных захватить «Скалу». Речь, очевидно, идет о плане, основанном на принципе: «Артиллерия завоевывает, а пехота занимает» пространство, назначенное объектом воздействия. Странная на первый взгляд концепция на самом деле является типичной для полководческого почерка Франко, который при наличии возможностей во всех случаях ставил «огонь» превыше маневра. Причем, генералиссимус-консерватор предпочитал артиллерийский огонь даже налету авиации, полагая,

что только пушки в полной мере обеспечат эффект непрерывности воздействия на поражаемые объекты и окажут должное психологическое влияние на противника³³.

Как следствие, «План С» имел черты, присущие типичным «военным-огнепоклонникам», что спровоцировало любопытный историографический прецедент. После рассекречивания ключевых документов проекта часть испанских военных исследователей, не обнаружив агрессивного компонента плана в виде поминутного расписания движения штурмовых колонн, получила возможность считать разработку сугубо оборонительной. Не констатируемая, но очевидная полемика по данному поводу имеет место в работах испанских военных историков, среди которых большинство отстаивает именно «оборонительную версию». Представляется, что в оценке военных аспектов версии экспансионистов ближе к истине, нежели умозаключения «оборонцев», поскольку специфические условия ключевой операции, подлежащей заблаговременной подготовке, и психологические характеристики противника, утрачивающего вместе с инициативой и волю к борьбе, попросту исключали необходимость проработки маневренного компонента операции. Проще говоря, Франко полагал, что, оказавшись на изолированном, насквозь простреливаемом перекрестным огнем клочке местности, англичане сдадутся, прежде чем потрется бросать в бой штурмовые группы. Именно поэтому в плане уделялось внимание не пехотному броску, а прикрытию десантоопасных направлений, в которых восстанавливающие инициативу англичане могли угрожать основательно подготовленным осадным позициям испанцев. Против удобных для десантирования участков побережья в промежутке между местечком Конилде ла Фронтера на западе и устьем речушки Гуадиаро на востоке испанцы построили или модернизировали 495 объектов долговременной фортификации, сведенных в 4 укрепленных района³⁴.

Это грандиозное строительство вроде бы сугубо оборонительных сооружений и породило иллюзии относительно пассивности испанских намерений, дав полемический повод исследователям. Однако очевидно, что защищающие пологие берега бункеры возводились в том числе для предотвращения попыток оказать помощь Гибралтару посредством амфибийной контр-операции, тем более что основные и наиболее дорогостоящие элементы, интегрированные в систему фортификаций Кампо-Гибралтара, относились, скорее, к наступательным по назначению постоянным и временным позициям крупнокалиберной артиллерии, создаваемым с двойной целью – сокрушения британской крепости и порта, а также пресечения доступа в пролив. Сотни пулеметных огневых точек прикрывали, а в процессе строительства и маскировали возведение

и эксплуатацию позиций тяжелой артиллерии, в большинстве случаев способной поучаствовать в разрушении британской цитадели. Всего к 1942 г. в пролив и на крепость только с северного берега Гибралтара смотрели свыше 40 стационарных установок калибром от 381 до 102 мм, не считая тяжелых полевых и железнодорожных артиллерийских систем. Впрочем, эта информация более подробно изложена испанскими специалистами³⁵ либо достаточно кратко в одной из авторских работ³⁶.

Для прикрытия сложившихся фортификационных ансамблей с воздуха строились десятки основных и резервных, защищенных бетоном, площадок под зенитные орудия. Совершенствовалась дорожно-транспортная сеть, пополнявшаяся ответвлениями общей протяженности в 112 км покрытых дорог. За отсутствием радиолокационных средств обстановку в проливе готовились освещать с помощью 34 защищенных прожекторных станций³⁷.

Помимо второго изолирующего контура, в плане Жевенуа предусматривались дополнительные меры по пресечению доступа в пролив, подразумевавшие минирование сложной гибралтарской акватории.

Поскольку совладать со сложными течениями глубоководной гибралтарской стремнины возможности не было, минное поле решили передвинуть на 30 км восточнее поперечной оси пролива, где сохранились приемлемые глубины до 300 м и возможность защитить заграждение средствами береговой артиллерии. Предполагалось в 4 линии протяженностью 130 км выставить 2000 мин антенного типа³⁸. Такая система позволяла снизить плотность заграждения при сохранении эффективности и попутно закрывала Средиземное море не только для надводных кораблей, но и для субмарин вероятного противника. Большое внимание уделялось не только месту, но и скрытности и темпу постановки заграждения.

Данная задача являлась одной из немногих, посильных испанскому флоту, имевшему в наличии 4 специализированных минных заградителя типа «Юпитер», последний из которых вступил в строй осенью 1939 г.³⁹ Действуя совместно, четверка минных заградителей могла обеспечить скрытное минирование указанной акватории, за одну – две ночи превратив западную часть Средиземного моря в «озеро стран оси»⁴⁰.

Осуществив расчеты целей и потребностей, сопряженных с реализацией «Плана С», испанцы не забыли о политическом обеспечении операции против «Скалы» и пролива. Уязвимым местом проекта оставалась возможность англичан парировать испанские усилия с португальского плацдарма. Лиссабон по ряду формальных признаков, отраженных в старинных, но не денонсированных документах, оставался едва ли не союзником Лондона, что могло привести к срыву испанских

планов. Дабы не рисковать флангом ключевой позиции, представители испанского диктатора долго и настойчиво убеждали португальцев принять меры, ограничивающие британские возможности на западе Иберийского полуострова. Еще более осторожный, нежели Франко, А. Оливейра Салазар долго подыскивал благовидный повод и, наконец, согласился вместе с соседями любыми доступными средствами отстаивать неприкосновенность и нейтралитет полуострова. Соответствующий дополнительный протокол о совместной обороне, затрудняющий английскую реакцию на правом фланге, подписали 29 июня 1940 г. Новые пункты договора о дружбе и ненападении не гарантировали испанцам португальского содействия, но позволяли выиграть время в силу обязательств Салазара предупредить партнера о возникающих угрозах⁴¹.

Однако, если первый компонент сотрудничества, необходимый для обеспечения «Плана С», был добыт сравнительно легко, то со второй составляющей возникли существенные проблемы. Материальные ресурсы для организации артиллерийского шквала над «Скалой» и прилегающей акваторией у Испании в принципе наличествовали, но в рассредоточенном виде. Чтобы собрать ударный артиллерийский кулак, следовало либо провести трудоемкие мероприятия, обнажающие иные важные направления, либо позаимствовать силы и средства у партнеров, заинтересованных в изгнании англичан из Гибралтара. Естественно, предусмотрительный каудильо предпочел второй путь.

В июне 1940 г. к богатым немецким союзникам просителем отправился начальник испанского Генштаба Х. Вигон с длинным списком материалов, необходимых для операции. В числе прочего испанцы надеялись заполучить в виде помощи (или, на худой конец, товарами) сотню орудий калибром свыше 150 мм, столько же гаубиц от 210 мм и выше, 40 пикирующих бомбардировщиков Ju-88 с экипажами, 200 танков и бронемашин и 2000 грузовиков⁴². Вообще список был значительно длиннее и включал в себя также сырье, топливо, продовольствие, запчасти и боеприпасы. Но непосредственно для атаки на Гибралтар и соответственно начала «правильной» мировой войны против таллосократии имели значение именно дорогостоящие поставки готовой дефицитной продукции. Кроме вручения перечня ресурсов Вигону доверили поинтересоваться гитлеровскими планами относительно морской операции по прикрытию от британских посягательств заморских территорий вероятного союзника на Канарских островах.

16 июня полномочный испанский проситель встретился с А. Гитлером в бельгийской полевой штаб-квартире и получил неожиданный отказ даже относительно позиций, считавшихся среди испанцев выполнимыми⁴³. В частности, Вигону

поведали об отсутствии артиллерийских «излишков», особенно крупнокалиберных стволов.

Инертно мысливший категориями прежней эпохи Ф. Франко пребывал в плену беспочвенных иллюзий о прежней мощи тевтонских законодателей мод в сфере тяжелых пушек, но столкнулся с разочарывающей реальностью. ВПК Третьего Рейха разительно отличался от кайзеровской индустрии слабой фундаментальностью и традиционного статуса германского артиллерийского превосходства более не формировал, посвящая время и средства разработке единичных и малополезных образцов «вундерваффе». Ограниченно мобильных тяжелых мортир и гаубиц, чья слава гремела на полях предыдущей мировой войны, в арсеналах Рейха не нашлось, как не оказалось там и подталкивающего к благотворительности избытка крупнокалиберных морских орудий. Немецкие железнодорожные установки не могли попасть на Иберийский полуостров по причине особенности широкой испанской колеи. Наличия и состояния французских трофеев Гитлер в июне 1940 г. учитывать не мог. К тому же сложившаяся конфигурация границ зоны «нового европейского порядка» диктовала нацистам артиллерийскую скардность ради обеспечения безопасности собственных приморских направлений. Вместо материальной помощи растерявшийся в политических дебрях лета 1940 г. нацистский вождь заверил испанского эмиссара, что скрупулезно изучит вопрос о возможности совместной операции против «Скалы» и дальнейших шагах Рейха в Средиземноморье, Северной Африке и на атлантических просторах.

Вигон, невзирая на неявные контакты с британским посольством, а возможно, как раз в силу данных контактов, оставался ближайшим военным соратником каудильо, лучше других знавшим политическую платформу шефа. Франко считал, что судьба Гибралтара и запада Северной Африки должна находиться исключительно в испанской компетенции и никак иначе⁴⁴. А раз так, то главе испанского Генштаба оставалось только откланяться, оставив партнера далее знакомиться с перечнем неудовлетворенных испанских потребностей и размышлять о тевтонских проектах переустройства Средиземноморья.

Вернувшись домой не солоно хлебавши, Вигон разочаровал доверителя и принялся срочно перепроектировать план с учетом использования исключительно внутренних испанских ресурсов. На практике это означало, что тяжелые стволы для спешно возводимых у Гибралтара батарей предстоит собирать по всей Испании, демонтировать и с огромными сложностями перемещать в район Кампо-Гибралтара. Чтобы представить себе технические трудности передислокации достаточных для разрушения гибралтарских сооружений 15-дюймовых пушек модели «Виккерс» 1926 г., следует вспомнить, что тело орудия длиной 17 м весило 88 т, а общая масса боеготовой

установки составляла более 220 т⁴⁵. Гитлеровская скупость и нераспорядительность привели к тому, что столь массивные и габаритные грузы пришлось снимать с высот у Эль-Ферроля и батарей Менорки, а затем поднимать по просекам на покрытые густой растительностью холмы близ Гибралтара. Испанская сухопутная инфраструктура и морской транспорт к таким трюкам не готовились, что вынудило подчиненных новопроектированного генерала Жевенуа импровизировать и прибегать к ухищрениям, поглощавшим время и силы. Затягивание процесса ставило жирный крест на вполне реализуемом варианте операции «С», привязанном к благоприятному периоду. В результате вместо намеченных сроков завершения подготовительных мероприятий «План С» к зиме 1940–1941 гг. реальная готовность сдвигалась, по предварительным оценкам, на год, а то и более. На практике возведение позиций Кампо-Гибралтар увенчалось удивительным результатом лишь к осени 1942 г., когда политический момент для активизации Испании был полностью упущен.

Тем не менее отчасти гонимая за миражом, отчасти в силу более прагматичных целей, испанцы продолжили создавать и создали гибралтарскую позицию, сыгравшую заметную роль в обеспечении политики Мадрида на протяжении Второй мировой войны.

Примечания

- 1 Престон П. Франко. М. : Центрополиграф, 1999. С. 274.
- 2 См.: Пожарская С. П. Тайная дипломатия Мадрида. М. : Международные отношения, 1971. С. 86.
- 3 Convention Regarding the Organization of the Statute of the Tangier Zone, signed at Paris, December 18, 1923. P. 201. URL: <http://www.worldstatesmen.org/ITangier1923.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
- 4 Ibid. P. 237.
- 5 Ibid. P. 238.
- 6 См.: Минаев В. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М. : Наука, 1942. С. 6.
- 7 Goda N. Franco's Bid for Empire : Spain, Germany and the Western Mediterranean in World War II // Spain and Mediterranean since 1898. London; New York : Routledge, 1999. P. 173.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. P. 174.
- 10 См.: Сергеев М. С. История Марокко. XX век. М. : Институт Востоковедения РАН, 2001. С. 73.
- 11 Casas de la Vega R. Franco, militar. Toledo : Editorial Fenix, 1995. P. 516.
- 12 Manrique Garcia J. Molina Franco L. El artillado de la «Otra» // Revista Española de Historia Militar. Valladolid : Alcaizfresno's. 2002. № 01–02. P. 67.
- 13 Yuste Segura, Antonio. P. 174. URL: <https://www.lahistoriatrascendida.es/documentos/personajeshistoricos/YusteSegura.pdf> (дата обращения: 27.08.2021).
- 14 Goda N. Op. cit. P. 174.
- 15 Ibid. P. 175.
- 16 Hoare S. Complacent Dictator. New York : Knopf, 1947. P. 31–46.
- 17 См.: Пожарская С. П. Указ. соч. С. 86.
- 18 См.: Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск : Русич, 2001. С. 269–273.
- 19 См.: Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск : Русич, 2003. С. 186.
- 20 См.: Касабланка : Электронная еврейская энциклопедия ОПТ. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/communities/11994/> (дата обращения: 13.08.2021).
- 21 Casas de la Vega R. Op. cit. P. 309.
- 22 Marder A. The Royal Navy and the Ethiopian Crisis of 1935–1936 // The American Historical Review. 1970. Vol. 78, № 5 (Jan.). P. 1351. URL: <http://www.jstor.org/stable/1844481.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).
- 23 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941) // Guadernos de Historia Contemporanea. 2001. № 23. P. 301.
- 24 Saez Rodriguez A. Espaca ante la Segunda Guerra Mundial. El sistema defensivo contemporaneo del Campo de Gibraltar // HAOL. № 24. P. 34–36. URL: <https://www.historia-actual.org/Publicaciones/index.php/haol/article/view/528> (дата обращения: 17.08.2021).
- 25 Anastasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F. El dispositivo de la orillanorte del estrechode Gibraltar // Investigacione Innovacion en Arquitectura y Territorio. 2018. Vol. 6, № 1. P. 3. URL: <https://i2.ua.es/article/view/2018-v6-n1-fortificacion-del-siglo-xx-sistema-arquitectura-y-patrimonio.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
- 26 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 302.
- 27 Saez Rodriguez A. Op. cit. P. 36.
- 28 Ricardo de la Sierva J. Histiria del Franquismo. Origenes y configuracion (1939–1945). Barsezona : Planeta, 1975. P. 338.
- 29 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 305.
- 30 Ibid. P. 305–306.
- 31 Ros Agudo M. La Guerra Secreta de Franco. Madrid : Editorial Critica, 2002. P. 61.
- 32 Manrique Barsia J.-M. Molina Franco L. Guerra Quimica en España 1921–1945. Valladolid : Galland Books, 2012. P. 71.
- 33 Ros Agudo M. Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 302.
- 34 Atanasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F. La fortificacion del Campo de Gibraltar tras de la Guerra Civil Española // Revista de Historia Militar. 2013. № 114. P. 139–155.
- 35 Sanchez de Alcazar Garsia C. La artilleria de costa en el Campo de Gibraltar : el Racta № 5. Valladolid : QuironEdiciones, 2006. 223 p.
- 36 См.: Креленко Д. М. Отдельные элементы потенциала крепости Гибралтар в контексте стратегической роли данной позиции в 1940–1942 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 481–487. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487>

- ³⁷ *Anastasio Guisado A., Arevalo Rodriguez F.* El dispositivo de la orillanorte del estrechode Gibraltar // *Investigacione Innovacion en Arquitectura y Territorio*. 2018. Vol. 6, № 1. P. 9–11. URL: <https://i2.ua.es/article/view/2018-v6-n1-fortificacion-del-siglo-xx-sistema-arquitectura-y-patrimonio.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
- ³⁸ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco paraatacar Gibraltar (1939–1941). P. 303.
- ³⁹ См.: *Дашьян А. В., Потянин С. В., Митюков Н. В., Барбанов М. С.* Флоты Второй мировой. М. : Коллекция ; Яуза ; Эксмо, 2009. С. 532.
- ⁴⁰ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco para atacar Gibraltar (1939–1941). P. 309.
- ⁴¹ *Payne S.* Franco. El perfil de Historia. Madrid : Espasa Calpe, 1995. P. 98.
- ⁴² *Suares Fernandez L.* Francisco Franco y su tiempo : in 8 vols. Madrid : Azor, 1984. Vol. 3. P. 138.
- ⁴³ *Casas de la Vega R.* Op. cit. P. 527.
- ⁴⁴ *Ros Agudo M.* Preparativos Secretos de Franco paraatacar Gibraltar (1939–1941). P. 309–311.
- ⁴⁵ *Manrique Garcia J.-M. Molina Franco L.* Artilleria y carros de combate en la Guerra Civil Española. Madrid : Tikal, 2014. P. 181.

Поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 20.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 20.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 82–90

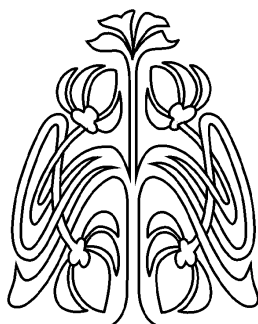
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 82–90

<https://imo.sgu.ru>

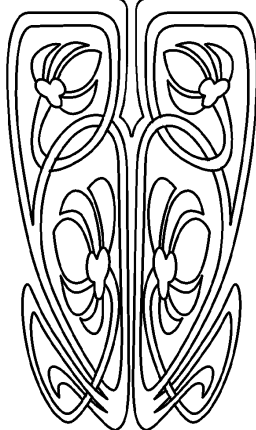
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-82-90>

Научная статья

УДК [94:327.51](5-15)|1950/1960|

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Предпосылки и причины возникновения военно-политического блока на Среднем Востоке в середине 1950-х годов

А. В. Х. Нухаилави

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Нухаилави Аббас Валид Хасан (Ирак), аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, iraqabbas82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2226-7377>

Аннотация. В статье рассматриваются политические и экономические процессы, происходившие на Среднем Востоке или имевшие к нему отношение в период с середины 30-х гг. до 1955 г. Систематизируются предпосылки и причины образования СЕНТО, выявленные на основании изложенных в работе фактов и их причинно-следственных связей. Применялись следующие методы: абстрагирование в историческом познании, причинно-следственный анализ связей между историческими событиями, историко-системный анализ.
Ключевые слова: СЕНТО, Багдадский пакт, военно-политические организации, Средний Восток, экономика, 50-е годы

Для цитирования: Нухаилави А. В. Х. Предпосылки и причины возникновения военно-политического блока на Среднем Востоке в середине 1950-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 82–90. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-82-90>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Preconditions and reasons for the emergence of a military-political bloc in the Middle East in the mid-1950s

A. W. H. Nukhailawi

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abbas Walid Hasan Nukhailawi (Iraq), iraqabbas82@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2226-7377>

Abstract. This article examines the political and economic processes taking place in or related to the Middle East from the mid-30s to 1955. At the work, the author systematizes the prerequisites and reasons for the formation of CENTO, deduced on the basis of the facts set out in the work and the identified cause-and-effect relationships. The following methods were used in the work: abstraction in historical knowledge, cause-and-effect analysis of connections between historical events, historical-system analysis.

Keywords: CENTO, Baghdad Pact, military-political organizations, the Middle East, economy, 1950s

For citation: Nukhailawi A. W. H. Preconditions and reasons for the emergence of a military-political bloc in the Middle East in the mid-1950s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 82–90 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-82-90>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CCO-BY 4.0)

Средний Восток – регион, охватывающий территории от Ирака до Бирмы и не уступающий Ближнему Востоку в части своей значимости в борьбе крупных держав за сферы влияния. После Второй мировой войны в противостояние с Советским Союзом вступили США и Великобритания, которые стремились создать в регионе военно-политический блок, нацеленный на сдерживание СССР¹ и уменьшение роли левых сил в странах Среднего Востока. Образовавшийся 24 февраля 1955 г. в результате подписания Багдадского пакта пронаатовский блок СЕНТО (Организация центрального договора) включал следующие страны: Ирак, Иран, Турция, Пакистан и Великобритания. США формально не вошли в этот блок, но имели свои представительства в его комитетах.

Видные российские исследователи, занимавшиеся изучением военно-политического блока СЕНТО, – М. Я. Пелипас² и В. П. Румянцев³ – достаточно подробно исследовали политическую ситуацию на Среднем Востоке накануне его образования. В их работах использовались англоязычные источники, но не упоминались оценки арабских ученых, чьи публикации не переводились на русский или английский язык. В данной статье автор обращался к трудам Мухаммада Азиз Шукри⁴ и Абдул-Ваххаба аль-Кайяли и других⁵, чьи работы ранее не рассматривались российскими исследователями. Ее целью является рассмотрение предпосылок и причин создания СЕНТО, включая деятельность так называемой Ближневосточной Антанты, что стало одной из важных предпосылок возникновения данной организации.

Создание военно-политического альянса на Среднем Востоке имеет свою предысторию, начавшуюся еще до Второй мировой войны. Предшественницей СЕНТО по праву можно считать так называемую Ближневосточную Антанту, в которую входили Афганистан, Ирак, Иран, Турция. Пакистан в тот момент еще не существовал как суверенное государство. Ближневосточная Антанта была образована 8 июля 1937 г. в результате подписания странами-участницами Саадабадского пакта, названного как и дворец иранского шаха под Тегераном, в котором состоялась процедура подписания⁶. Именно с этого события в арабской историографии принято рассматривать истоки образования в последующем блока СЕНТО, поскольку уже тогда формировались способы воздействия великих держав на страны Среднего Востока, прививались антисоветские настроения, закладывались механизмы взаимоотношения между странами-участницами будущего Багдадского пакта, что все вместе повлияло на создание и деятельность СЕНТО⁷.

В середине 30-х гг. XX в. у Германии появилось стремление расширить свое влияние на Среднем Востоке и закрепиться в этом стратегически важном регионе между колониальными

владениями Великобритании и южными границами СССР⁸. Помимо Германии, расширить сферы своего влияния пытались ее союзники – Италия и Япония. Ирак, Иран и Афганистан занимают центральное положение в Евразии, что и обусловило экспансию держав Оси (по термину «Ось Рим – Берлин – Токио»). Иран стремился не просто придерживаться нейтралитета, но и не власть в зависимости от той или иной страны. Появление Германии было воспринято тогдашней Персией как возможность создать противовес СССР и Великобритании. Вследствие этого даже было изменено название страны на Иран (страна ариев) как дань уважения немецкой пропаганде. СССР совместно с Великобританией вели активную борьбу в Иране⁹ против гитлеровских агентов и в итоге сумели их выдворить из страны¹⁰. Турецко-советские отношения в 1930-х гг. можно охарактеризовать как натянутое, экономическая и культурная интеграция у Турции была больше развита с Британией и Германией¹¹. Ирак, хотя и получил независимость от Великобритании в 1932 г. после заключения двустороннего договора «О дружбе и союзе» и вступления в Лигу Наций, но испытывал серьезное влияние и контроль со стороны последней¹².

Великобритания преследовала две основные цели в данном регионе:

1) блокировать распространение влияния СССР, с которым лишь недавно у нее произошел разрыв дипломатических и торговых отношений (1927 г.);

2) не допустить усиления на Среднем Востоке Германии, политика которой была направлена на скорейшее преодоление последствий поражения в Первой мировой войне.

Отправной точкой к побуждению договаривающихся сторон к заключению военно-политического союза стала итальянская агрессия в Эфиопии в 1935 г., тогда и начались предварительные переговоры в Женеве между Ираном, Ираком и Турцией (Афганистан присоединился к переговорам позже). О полноценном союзе договориться не удалось. Стороны пришли лишь к соглашению о заключении пакта о ненападении в отношении друг друга. Подписание пакта состоялось 8 июля 1937 г. после урегулирования пограничных споров между договаривавшимися сторонами. Документ вступил в силу – 25 июня 1938 г., 19 июля он был внесен в реестр соглашений Лиги Наций¹³.

Он предполагал следующие взаимные обязательства:

невмешательство во внутренние дела договаривающихся сторон;

проведение взаимных консультаций в случае международных конфликтов;

недопущение формирования бандформирований на своих территориях, преследующие враждебные цели по отношению к одной из сторон;

неучастие в акте агрессии по отношению к участнику соглашения.

Вклад Великобритании в создание данного военно-политического блока практически не оспаривался советскими исследователями. Велись споры лишь относительно степени ее влияния на заключение пакта: играла она решающую, второстепенную роль или же попросту дала согласие¹⁴.

При помощи действовавшего Саадабадского пакта Турция смогла добиться отделения тюркоязычного Александреттского санджака от французских подмандатных сирийских владений, затем присоединив их к себе. Другие страны-участницы не предпринимали активных действий на международной арене.

Существует различные мнения относительно роли советско-германского пакта о ненападении 1939 г. для Ближневосточной Антанты. Н. М. Мамедова, Е. В. Дунаева, А. Б. Оришев полагают, что этот договор вызвал растерянность среди политической элиты Ирана¹⁵, которая явно заигрывала с Германией. Пакт Молотова – Риббентропа был воспринят как карт-бланш для Советского Союза продолжать усиление своего влияния на регион. Другую точку зрения представил В. А. Бабинцев, который считал, что, начиная с августа 1939 г., страны Ближнего и Среднего Востока могли не беспокоиться относительно агрессии стран Оси¹⁶, но при этом он не рассматривает субъективную обеспокоенность стран Саадабадского пакта соседством с СССР.

В советской историографии существует мнение, что Ближневосточная Антанта к началу Второй мировой войны утратила всякое значение¹⁷, более того, высказывалось мнение, что Саадабадский пакт и вовсе не имел никакого реального значения на протяжении всего своего существования¹⁸.

Автор настоящей статьи полагает, что данная точка зрения не в полной мере отражает действительность, поскольку с 1939 г. англо-французская коалиция начала возлагать определенные надежды на этот регион. И хотя в итоге угроза Советскому Союзу со стороны стран Среднего Востока не была реализована, напряженная обстановка на южных границах, которая могла вылиться в попытку захвата Бакинских нефтепромыслов, на наш взгляд, свидетельствует, как минимум, о потенциальной опасности существования такого рода соглашения по отношению к СССР. Более того, имела место реальная концентрация вооруженных сил как на советско-иранской границе, так и на советско-турецкой, Иран проводил массовую мобилизацию в 1940 г.¹⁹ По прошествии времени понятно, что такая угроза была маловероятна, но на момент 1939–1940 гг. советскому правительству нужно было учитывать и такой вариант развития событий.

Причиной активизации Ближневосточной Антанты стал пакт Молотова – Риббентропа. Дело в том, что будущие союзники по антигитлеровской коалиции начали воспринимать СССР как потенциального противника. И они взяли курс на создание угрозы на южных границах Советского Союза. Ядром этой угрозы выбрали Турцию, которая должны была возглавить своих союзников по Саадабадскому пакту. В любом случае Великобритания могла использовать свое влияние на участников Саадабадского договора как против СССР, так и против стран Оси²⁰.

Еще больше антисоветские настроения усиливались в Ближневосточной Антанте во время советско-финской войны, когда и были стянуты войска стран к советской границе, что, на наш взгляд, вполне объяснимо. Именно события 1940 г. показали, что Саадабадский пакт на самом деле не имеет под собой реальной сплоченности участвовавших стран. Для наглядности следует рассмотреть характер отношения каждой отдельно взятой страны к советской угрозе, к Германии и к Великобритании.

Из Ближневосточной Антанты Иран был наиболее прогермански настроенной страной. Свою политику правительство шаха строило с опорой на Германию, видя в ней средство для избавления от влияния Великобритании и устранения угрозы со стороны СССР²¹. Торговые соглашения с Советским Союзом Иран стремился использовать и для расширения товарооборота с Германией посредством транзита через территорию СССР²². Турция, напротив, старалась извлечь из обострения отношений англо-французской коалиции с СССР возможность для получения дополнительных военных поставок, однако реальных действий против СССР правительство Турции не планировало и отказало Британии в пропуске военных кораблей через Босфор и Дарданеллы для устрашения (или) войны с Советским Союзом. Иран и Турция не были готовы к совместным действиям ни против СССР, ни против кого-либо другого, каждая из стран преследовала собственные цели²³. Позиция Афганистана заключалась в том, что он стремился заручиться прямой поддержкой Великобритании для защиты от СССР, при этом у афганского правительства не было доверия к своим союзникам по пакту, а с Ираком и вовсе были разорваны отношения. Ирак был наиболее контролируемой Британией страной. Правительство, угодное Великобритании, поддерживалось в Багдаде расположенном в Британской Индии воинским корпусом, специально предназначенным для вторжения в Ирак в случае свержения правительства. Из-за этого Ирак и выступал главным инициатором создания в Ближневосточной Антанте более тесного военно-политического образования, направленного против СССР²⁴.

Таким образом, в первые годы Второй мировой войны, Саадабадский пакт в первую очередь

был нужен Великобритании и ее союзнику – Франции для сдерживания СССР. У союзников были основания опасаться расширения сферы влияния СССР, еще с утечки информации о наличии секретных протоколов пакта Молотова – Риббентропа, в котором оговаривалась возможность раздела стран Прибалтики и Польши. После раздела Польши между Германией и СССР Лондон и Париж получили основания предполагать и возможность дальнейшего расширения СССР на территории, относящиеся к их сферам влияния. У англо-французской коалиции имелись планы по вторжению в Закавказье, в которых страны Среднего Востока использовались бы не только как плацдарм, но и как источник военной силы²⁵.

СССР до лета 1941 г. воспринимался Лондоном как союзник Германии, с которой велась война. Нападение Германии на СССР полностью поменяло не только отношения к Советскому Союзу, но и отношение к некоторым странам Саадабадского пакта. К примеру, наиболее прогерманскую страну – Иран – советско-британские войска оккупировали в августе – сентябре 1941 г. для контроля за транзитными путями и устранения возможности использования Ирана Германией²⁶. Союзники Ирана по пакту не оказали ему никакой поддержки. Тем самым Саадабадский пакт фактически перестал существовать, хотя формально действовал до 1948 г., так как в договоре предусматривалось автоматическое продление его на 5 лет, в случае если он не расторгается.

После Второй мировой войны США и Великобритания начали предпринимать попытки по созданию нового военно-политического блока против СССР уже в процессе холодной войны. Правительствами этих стран рассматривалось два сценария: арабский – объединение ближневосточных арабских стран и сценарий возрождения Ближневосточной Антанты²⁷.

Фултонская речь У. Черчилля, произнесенная им 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже в США, считается начальной точкой холодной войны. И хотя Черчилль на тот момент не занимал пост премьер-министра Великобритании, будучи знаковой фигурой своего времени, он сумел своим выступлением вызвать большой резонанс. Уже тогда им было обращено внимание на опасения правительств Турции и Ирана по поводу претензий и давления на эти страны со стороны СССР²⁸.

Великобритания в 1947 г. заявила, что более не может оказывать финансовую помощь Турции и Греции, вследствие чего главенствующую роль начали играть именно США. Следствием этого стало принятие США роли «покровителя» этих стран, обозначенной в «доктрине Трумэна». Для целей оказания помощи Турции и Греции был принят специальный закон²⁹. Связь США

и Турции еще более усилилась после присоединения последней в 1948 г. к «Плану Маршалла»³⁰. Доктрина Трумэна подразумевала политику сдерживания СССР, не допуская расширение социалистического блока. В частности, встал вопрос о том, каким образом осуществить эту цель на Ближнем и Среднем Востоке. В 1947 г. еще только рассматривались потенциальные союзники. Для Великобритании союзниками традиционно являлись Ирак и Иордания. США поддержали создание государства Израиль, запланировав его в качестве своего плацдарма. Однако арабо-израильская война 1948–1949 гг. осложнила эту задачу. Арабские страны объявили бойкот Израилю. Египет ввел запрет на проход израильских кораблей через Суэцкий канал. Непризнание новых территориальных приобретений как одной стороной конфликта, так и другой, привело к тому, что США начали искать новые пути достижения цели по созданию щита от СССР³¹.

После образования в 1949 г. НАТО США и Великобритания взяли курс на создание на Ближнем и Среднем Востоке региональных военно-политических группировок. Уже в 1951 г. представители этих стран разработали проект создания так называемого Средневосточного командования, в которое должны были войти США, Великобритания, Франция, Турция, Египет. Одной из целей данной структуры можно считать попытку сохранить контроль Великобритании за Суэцким каналом³². В сентябре 1951 г. от Египта – страны, чье членство было принципиальным (лидирующее положение среди стран арабского мира и непосредственная возможность контроля Суэцкого канала), был получен отказ от участия в данном начинании. Забегая вперед, отметим, что противоборство Египта и стран Запада за контроль над каналом выльется в Суэцкий кризис 1956 г. СЕНТО, таким образом, выступит противником Египта и его союзников.

Отправной точкой формирования СЕНТО можно считать предложение госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса о создании так называемого северного яруса – блока, состоящего из Турции, Сирии, Ирака и Пакистана³³. Данная позиция стала преобладать в правящих кругах США в мае 1953 г. после посещения Даллесом ряда стран Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Рассматривались одновременно две цели: развитие сотрудничества по добыче полезных ископаемых в этих странах и образование военно-политического блока. Пакистан планировалось использовать в дальнейшем для связи с аналогичным блоком в Юго-Восточной Азии – СЕАТО. Уже в июне 1953 г. Государственный департамент США опубликовал бюллетень, в котором указал на желание правительств Сирии, Ирака и Пакистана к сотрудничеству в сфере развития добычи полезных ископаемых и дальнейшей интеграции в западный мир³⁴.

Как видим, Иран в списке стран «для сотрудничества» отсутствовал. Причиной тому была национализация правительством М. Моссадыка Англо-иранской нефтяной компании в марте 1951 г. В вышеуказанном бюллетене Госдепартамента США говорилось, что народ Ирана не разделяет стремление своего правительства идти по коммунистическому пути развития, помня советскую оккупацию 1941–1946 гг., из-за чего госдепартамент надеется на скорое сотрудничество с Ираном³⁵. В августе 1953 г. США и Великобритании удалось свергнуть правительство Моссадыка. В ходе передела иранской нефтяной промышленности позиции британских компаний были серьезно потеснены американскими. Нефтяной фактор как одна из причин образования СЕНТО будет рассмотрен далее.

Основой будущего Багдадского пакта послужило сближение Турции и Пакистана. Это были наиболее мощные в военном отношении государства Среднего Востока, занимавшие важное стратегическое положение. К тому же Турция уже являлась членом НАТО, а Пакистан, восточная часть которого находилась по соседству с Юго-Восточной Азией, потенциально мог обеспечить взаимодействие со странами этого региона. Выбор США и Великобританией именно этих стран был продиктован также стремлением обезопасить Ирано-Иракский регион от влияния СССР, а ускорением к действию и пересмотру стратегических планов стала Корейская война. Пакистан таким образом обеспечивал защиту со стороны Китая и стран Юго-Восточной Азии, в которых набирали силу коммунистические партии, а Турция – со стороны Восточной Европы. И если Турция уже была традиционным союзником Запада против СССР, то Пакистан стремился заполучить союзников во многом из-за того, что у него имелись неразрешенные территориальные споры с Индией в Кашмире. Им предпринимались переговоры с Турцией о заключении соглашений и без участия США или Великобритании, но они ни к чему не привели. С другой стороны, британцы, потеряв контроль над иранской нефтью в марте 1951 г., чьи позиции пошатнулись в районе Суэцкого канала в ходе египетской революции 1952 г., стремились заполучить нового союзника для отстаивания своих интересов в регионе. США, в свою очередь, видели в Пакистане возможную альтернативу Индии, с которой у Вашингтона не удавалось установить тесного союза.

Таким образом, Пакистан рассматривался одинаково как Великобританией, так и США, для включения в список стран «северного яруса». Соглашение о военном сотрудничестве (без взаимопомощи в случае агрессии) между Турцией и Пакистаном было подписано 2 апреля 1954 г. Сразу после его подписания премьер-министр Пакистана Мухаммад Али Богра публично заявил о намерении включить в соглашение пункт

о военной помощи в случае агрессии³⁶, что свидетельствует об очевидной заинтересованности Пакистана в соглашении, благодаря которому он стремился отстоять свои интересы в возможных конфликтах с Индией. Особую роль Пакистана, как говорилось выше, подтверждает его участие в еще одном блоке. 19 февраля 1955 г. на основе Манильского договора от 8 сентября 1954 г. была создана Организация договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), в которую вошло 8 стран: США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины³⁷.

Что касается членства в возможном военном альянсе таких стран, как Сирия и Ирак, то здесь имеет смысл напомнить краткую предысторию их взаимодействия между собой, и соответственно с Великобританией и США. После Второй мировой войны начался процесс обсуждения возможности слияния Сирии и Ирака. Две арабские страны имели общее прошлое в составе Великой Сирии или так называемом «Благодатном полумесяце». Более активные действия по сближению двух стран были предприняты после свержения в августе 1949 г. американского ставленника в Сирии генерала Заима, которого Ирак не желал рассматривать в качестве партнера. Тогда правительства двух стран обратились к Великобритании за помощью по созданию условий объединения. США заняли негативную позицию по слиянию этих двух стран, во-первых, из-за потери своего протекта в Сирии; во-вторых, из-за того, что в их планы не входил монолитный Ближний Восток; в-третьих, по причине особых планов по отношению к Сирии – стране, через которую предполагалось провести нефтепровод, единоличный контроль за которым они хотели сохранить. В декабре того же года в Сирии к власти пришел очередной проамериканский руководитель, который отказался от идеи слияния Сирии и Ирака³⁸. Судя по всему, Сирия была лишь временным вариантом в качестве членов готовившегося пакта до тех пор, пока в Иране не будет установлен лояльный США режим. В дальнейшем Сирия станет участником Арабского союза – организации, созданной Египтом в противовес Багдадскому пакту.

Роль Ирака в готовящемся блоке выросла по следующим причинам. В первую очередь это было связано с ослаблением позиций Великобритании в Ираке вследствие возросших в нем негативных настроений по отношению к новому двустороннему Портсмутскому договору от 1948 г., согласно которому у Лондона появлялось право вводить войска в Ирак, брать под контроль военные базы в случае начавшейся войны. Иракское руководство отказалось принимать такие условия. Альтернативой данному соглашению предлагалось членство Ирака в средневосточной оборонительной организации. США попытались распространить свое влияние

на Ирак и поставлять туда вооружение, чему противилась Великобритания, которая была единственным поставщиком. Увеличение присутствия США в Ираке породило очередное недовольство в стране, и проамериканское правительство было свергнуто. К власти в очередной раз пришел видный политик Нури Саид, который явно был сторонником сближения с Великобританией, стремился заручиться ее поддержкой в случае войны, но при этом решил использовать членство в средневосточной оборонительной организации как возможность выступать на равных с Великобританией³⁹. Также Саид видел в готовящемся пакте возможность противодействия Израилю⁴⁰. Но и его пробританская политика не находила поддержки у большинства населения, как и стремление к созданию военно-политического блока, что в итоге стоило Нури Саиду политического веса, а в дальнейшем и жизни (он был убит в ходе революции 1958 г.). Изначальное недовольство населения его политикой во многом предопределило недолгое членство Ирака в СЕНТО⁴¹.

Турция выражала заинтересованность в союзе с Ираком, для которой его роль в готовящемся пакте была очевидна в силу того, что он является арабской страной. С большинством этих стран отношения у Турции обострились ввиду стремления Египта установить свой контроль над Суэцким каналом и намерения сплотить вокруг себя другие арабские страны, в том числе – для дальнейшего противостояния с Израилем⁴². Усиление Египта не устраивало Турцию. Военно-политическая организация «Арабский союз», созданная по инициативе Египта накануне Суэцкого кризиса в 1955 г., куда вошли такие крупные страны, как Саудовская Аравия и Сирия, была направлена на противодействие СЕНТО⁴³. В свою очередь, в ст. 5 самого Багдадского пакта содержалось положение, согласно которому вступление в СЕНТО возможно для всех стран Лиги арабских государств⁴⁴. То есть предполагалось дальнейшее расширение организации за счет арабских стран.

В дальнейшем Ирак использовался Великобританией для противодействия США в израильском вопросе. Через него предпринималась попытка создать не только оборонительную организацию, но и наступательную против Израиля, чему противостояли США. Великобритания также не скрывала стремления стать членом создававшегося блока. Однако после заключения турецко-пакистанского соглашения запустить процесс консолидации средневосточных стран вокруг Ирака не удалось. Даже проамериканское правительство Ирана, пришедшее к власти летом 1953 г., не спешило с заключением такого рода договоренностей, желая получить для себя дополнительные гарантии, объясняя это тем, что Иран имеет протяженную границу с СССР, и вступление в антисоветский блок

может подорвать безопасность страны. Так, Тегеран стремился добиться включения в соглашение пункта об оказании военной помощи в случае агрессии, подобно Пакистану. Великобритания, хотя и потеряла частично свои позиции в регионе, но все еще обладала большим опытом взаимодействия с этими странами, благодаря чему сумела заполучить место в готовящемся блоке в обмен на оказание поддержки США в вопросах урегулирования разногласий с договаривавшимися странами⁴⁵. США на тот момент еще не имели должного дипломатического опыта в данном регионе и нуждались в британских навыках такого рода.

Таким образом, пять стран-участниц постепенно в течение 1955 г. подписывали и ратифицировали соглашение: 24 февраля в Багдаде подписали пакт Ирак и Турция, к которому 4 апреля присоединились Великобритания, 23 сентября – Пакистан, 3 ноября – Иран⁴⁶.

Вернемся к «нефтяному» фактору. Он был не менее значим, как и сугубо политические процессы, набравшие обороты в годы холодной войны. Так, в апреле 1950 г. Совет национальной безопасности США пересмотрел свое отношение к Ближнему и Среднему Востоку. В так называемом меморандуме Ачесона (меморандум СНБ-68) указывалось, что данные регионы имеют большое стратегическое значение на случай войны с СССР, который будет пытаться подчинить их себе⁴⁷. Вскоре после этого в сентябре 1950 г. госдепартамент США в докладной записке представил свою позицию, касающуюся деятельности американских нефтяных компаний. В записке излагалось мнение относительно пользы их деятельности для стран Ближнего и Среднего Востока. Эта польза выражалась в поддержании экономического роста стран, что в свою очередь обеспечивает политическую стабильность и повышение уровня благополучия населения⁴⁸. Таким образом, указанная позиция отвечала сразу двум важным целям США, которые взаимодополняли друг друга: контроль за странами указанных регионов и лоббирование интересов нефтяных компаний⁴⁹.

Ведущие мировые нефтяные компании установили определенные правила взаимоотношений друг с другом относительно новых месторождений, поставок нефти на мировой рынок и создания нефтяных резервов. Механизмом взаимодействия компаний со странами на Ближнем и Среднем Востоке стало применение формулы распределения доходов от добычи нефти 50 на 50%. Иными словами, половина прибыли предназначалась правительствам стран, на территории которых добывалась нефть. В действительности доходы западных нефтяных компаний были гораздо выше, так как в их руках находился почти весь сбыт добытой нефти и ее переработка. Отчисление от прибылей нефтяных компаний в форме подоходного налога стало также одним

из методов поддержки прозападной ориентации руководства нефтеносных стран указанных регионов⁵⁰. Как отмечает арабский исследователь Мухаммад Азиз Шукри, именно наличие большого количества полезных ископаемых на Ближнем и Среднем Востоке является основополагающей причиной вмешательства во внутренние дела этих стран; экономическая ценность месторождений обуславливает стратегическое значение регионов для США и Великобритании в противоборстве с СССР в середине XX в.⁵¹ Аналогичную позицию занимает исследователь Абдул-Ваххаб аль-Кайяли, который также указывает, что и Советский Союз в перспективе хотел использовать богатый полезными ископаемыми средневосточный регион для усиления своей экономической мощи, но потерпел в этом неудачу по причине того, что США и Великобритания сделали это раньше⁵². Упомянутый раздел иранской нефти западными компаниями после свержения неугодного правительства Мосаддыка – яркий пример вмешательства во внутреннюю политику стран Востока.

Механизм взаимодействия американских нефтяных компаний с правительством США в 50-е гг. XX в. представляет собой сложную систему договоренностей и финансирования. К примеру, республиканская партия США получала финансовую поддержку непосредственно от этих компаний⁵³. Создание иранского нефтяного консорциума противоречило анти-трестовому законодательству США, однако министерство юстиции закрыло глаза на это, отказавшись от преследования компаний, вошедших в данный консорциум⁵⁴. Как видим, налицо явная согласованность действий американского правительства и нефтяных компаний по вопросу нефти Ближнего и Среднего Востока. Служит ли интерес компаний к данным регионам первопричиной присутствия США, или же военно-политическая обстановка является главенствующей – вопрос дискуссионный, ответ на который не представляется возможным рассмотреть в рамках данной статьи. Поэтому будем придерживаться компромиссной позиции, заключающейся в том, что экономические и военно-политические основания для присутствия США в данных регионах взаимно дополняли друг друга.

Кратко рассмотрев события, предшествовавшие созданию Организации центрального договора, можно выделить предпосылки и причины ее создания. Учитывая первоочередную роль США и Великобритании в вопросах создания военно-политических блоков, стоит начать непосредственно с них.

Первая и главная причина образования СЕНТО – деятельность США и Великобритании по активизации блокового процесса, а вот их деятельность уже имеет под собой следующие предпосылки:

экономические предпосылки в виде заинтересованности американских нефтяных компаний в добыче нефти в Иране и Ираке;

политические предпосылки в виде жесткого противостояния Вашингтона и Лондона распространению влияния СССР на данный регион, создания альтернативной силы Арабскому союзу в регионе;

военные предпосылки в виде создания военной угрозы для СССР со стороны договаривающихся сторон, использования данных территорий в качестве военных баз для стратегической авиации.

Вторая причина образования СЕНТО – стремление стран-участниц пакта к разрешению своих задач через создание военно-политического блока.

Для Турции участие в Багдадском пакте давало возможность повысить свою значимость в регионе, заполучив военную и экономическую помощь от стран Запада, а также заручиться поддержкой стран-участниц в случае противостояния как с СССР, так и со странами Арабского союза.

Для Ирана участие в пакте виделось как способ обезопасить себя в случае угрозы со стороны СССР. Более того, Иран на время потерял часть суверенитета после прихода к власти проамериканского правительства, что сделало его на тот момент марионеткой.

Для Ирака участие в пакте имело, пожалуй, большую значимость на тот момент, чем для других стран-участниц. У Багдада появилась перспектива не только стать потенциальным лидером арабского мира в случае успеха деятельности СЕНТО, но и путем игры на противоречиях между США и Великобританией снизить их взаимное влияние на страну, увеличив при этом свои военные возможности, которые показали себя не с лучшей стороны в конфликте с Израилем.

Пакистан, заручившись поддержкой со стороны стран-участниц, стремился подготовить себя к потенциальным конфликтам с Индией за Кашмир.

Великобритания надеялась сохранить свое влияние на Среднем Востоке на фоне усиления в регионе роли США и их нефтяных компаний.

Исторические предпосылки создания СЕНТО стоит выделить в отдельную группу. Во-первых, уже имелся опыт создания подобной организации накануне Второй мировой войны – Ближневосточной Антанты практически с тем же составом стран-участниц (кроме Пакистана, тогда принимал участие Афганистан). Во-вторых, такие страны, как Турция, Иран и Пакистан, хотя и принадлежали к исламскому миру, но по многим вопросам вступали в противоречия с арабскими странами, что обуславливало отсутствие единства на Ближнем и Среднем Востоке. Центростремительные процессы в регионе могли осуществляться как вокруг панарабской идеи,

так и помимо нее в виде консолидации вокруг Багдадского пакта, что в своем роде также может служить исторической предпосылкой к объединению.

Подводя итог, можно констатировать, что создание СЕНТО, хотя и имело существенные предпосылки, но огромное количество противоречий в регионе, имевшихся изначально и возникших в ходе вмешательства стран Запада, не могло обеспечить целостность военно-политического блока, который в итоге во многом повторит судьбу Ближневосточной Антанты.

Примечания

- ¹ См.: Румянцев В. П. Политика США в связи с трансформацией Багдадского пакта и образованием блока СЕНТО (1958–1960 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 163–169.
- ² См.: Пелупась М. Я. Скованные одной цепью : США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). Томск : Издательство Томского университета, 2003. 364 с.
- ³ См.: Румянцев В. П. Политика США на Ближнем и Среднем Востоке во второй половине 1950-х гг. : от Суэцкого кризиса к доктрине Эйзенхауэра. Томск : Томский государственный университет, 2007. 112 с.
- ⁴ محمد عزيز شكري ، الاحلاف و التكتلات في السياسة العالمية ، عالم المعرفة ، ص 1978م الكويت (Мухаммад Азиз Шукри. Союзы и блоки в глобальной политике. Мир знаний. Кувейт, 1978. 252 с.).
- ⁵ عبدالوهاب الكيالي، موسوعة السياسة، ج، المؤسسة العربية للدراسات و النشر، ص 1978م الكويت (Абдул-Ваххаб аль-Кайяли. Энциклопедия политики. Арабский институт исследований. Бейрут : Издательство ДТ, 1994. 590 с.).
- ⁶ League of Nations Treaty Series, [Lausanne]. 1938. Vol. 190. P. 22.
- ⁷ اسماعيل صبري مقلد، العلاقات السياسية الدولية دراسة في الاصول و اسمايل صبري مقلد، ص 360م، ص 1991م، ص 360م القاهرة، الأكاديمية، مكتبة النظريات (Исмаил Сабри Мукаледж. Международные политические отношения. Исследование основ и теорем, Каирская академическая библиотека, 1991. С. 360).
- ⁸ См.: Агаев С. Л. Германский империализм в Иране. М. : Наука, 1969. 156 с.
- ⁹ См.: Голуб Ю. Г. 1941 : Иранский поход Красной Армии. Взгляд сквозь годы // Отечественная история. 2004. № 3. С. 20–27.
- ¹⁰ См.: Мейер М. С. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 146–153.
- ¹¹ Deringil S. Turkish Foreign Policy during the Second World War : an «Active» Neutrality. Cambridge, 1989. 238 p.
- ¹² Duker W. J., Spielfogel J. J. World History : Since 1500 5th Edition. Belmont, CA, USA : Thomson Wadsworth, 2007. P. 839.
- ¹³ League of Nations. Treaty series, [Lausanne]. 1938. Vol. 190. P. 22–27.
- ¹⁴ См.: Кузьмин В. А. Вопросы истории Саадабадского пакта в советской историографии // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время / [ред. кол. : И. Н. Чемпалов (отв. ред.) и др.]. Свердловск : УрГУ, 1989. С. 102–111.
- ¹⁵ См.: Мейер М. С. Указ. соч. С. 146–153.
- ¹⁶ См.: Бабинцев В. А. Саадабадский пакт в период «странной войны» (октябрь 1939 – март 1940) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время / [ред. кол. : И. Н. Чемпалов (отв. ред.) и др.]. Свердловск : [УрГУ], 1977. Вып. 6. С. 115–129.
- ¹⁷ См.: Тарасов П. К. Саадабадский пакт // Международные отношения в новейшее время / [ред. кол. : И. Н. Чемпалов (отв. ред.) и др.]. Свердловск : [б. и.], 1968. С. 65–68.
- ¹⁸ См.: Агаев С. Л. Иран : внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941 гг. М. : Наука, 1971. С. 302.
- ¹⁹ См.: Бабинцев В. А. Указ. соч. С. 115–129.
- ²⁰ См.: Кузьмин В. А. Указ. соч. С. 102–111.
- ²¹ Pahlavi, Mohammed Reza Shah. Mission for My Country. London : Hutchinson & Co. Ltd., 1960. 336 p.
- ²² См.: Агаев С. Л. Указ. соч. С. 313.
- ²³ См.: Кузьмин В. А. Англо-турецкие отношения в 1940–1941 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 : Общественные науки. 2013. № 2 (115). С. 144–152.
- ²⁴ См.: Бабинцев В. А. Указ. соч. С. 115–129.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Голуб Ю. Г. Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2015. 152 с.
- ²⁷ محمد عزيز شكري ، الاحلاف و التكتلات في السياسة العالمية ، عالم المعرفة ، ص 1978م الكويت (Мухаммад Азиз Шукри. Союзы и блоки в глобальной политике. С. 50).
- ²⁸ См.: Фултонская речь Уинстона Черчилля. URL: <http://www.coldwar.ru/churchill/fulton.php> (дата обращения: 07.09.2021).
- ²⁹ An Act to Provide for Assistance to Greece and Turkey of May the 22nd 1947. Public Law. 80th Congress. Senate. First Session. Chapter 81. P. 938.
- ³⁰ См.: Абрегова А. А. Американо-турецкие отношения (1945–1952 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 97–102.
- ³¹ См.: Румянцев В. П. Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Томский государственный университет, 2010. С. 13–14.
- ³² См.: Пелупась М. Я. Проблема создания «Средне-восточного командования» в американо-английских отношениях в 1950–1951 гг. // Исторические и историографические вопросы внешней политики империалистических государств : межвузовский сборник / Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева ; [ред. кол. : С. С. Григорьевич (отв. ред.) и др.]. Томск : Издательство Томского университета, 1987. С. 71–95.
- ³³ См.: Пелупась М. Я. Скованные одной цепью : США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). С. 193
- ³⁴ The Department of State bulletin. Vol. 28, № 719–731. Apr. – June 1953. P. 831–834
- ³⁵ Ibid. P. 833.

- ³⁶ См.: Политика США на Ближнем и Среднем Востоке : (США и страны СЕНТО) / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии ; [ред. кол. : Б. Г. Гафуров (отв. ред.) и др.]. М. : Издательство восточной литературы, 1960. С. 24–25.
- ³⁷ См.: Багаева Е. М. Мир после Второй мировой войны : институционализация биполярной системы международных отношений (1945 – середина 1950-х гг. XX века) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2015. № 3. С. 2.
- ³⁸ См.: Пелипась М. Я. Политика США и Великобритании по созданию военно-политической организации на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1955 гг.) // Американские исследования в Сибири : материалы Всероссийской научной конференции «Американский и сибирский фронт» (Томск, 6–8 февраля 2001 г.). Вып. 5 / ред. кол. : М. Я. Пелипась (отв. ред.) и др. Томск : Издательство Томского университета, 2001. С. 43–101.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ عبد الوهاب الكيالي، موسوعة السياسة، ج، المؤسسة العربية للدراسات و النشر، بيروت، النشر، ص. 576. ((*Абдель-Вахаб Аль-Кайяли*. Энциклопедия политики. С. 576).
- ⁴¹ - 1956 . موقف العراق من التدخلات الدولية 1956 - 2014 . التكنولوجيا الجامعة 1، مج 210، ع، الأستاذ مجله، 1958 (Карим Хайдер Худаир. Позиция Ирака в отношении международного вмешательства 1956–1958 годов // Аль-профессора, том 1, Технологический университет, 2014. С. 210).
- ⁴² . 577 . انظر: عبد الوهاب الكيالي. مرسوم. مرجع سابق ص 577. (*Абдель-Вахаб аль-Кайяли*. Указ. соч. С. 577).
- ⁴³ Jankowski J. P. Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic. Boulder and London : Lynne Rienner Publishers, 2002. P. 82.
- ⁴⁴ См.: Багдадский пакт от 04.02.1955 г. Проект «Авалон» юридического факультета Йельского университета. URL: <https://web.archive.org/web/20070222110942/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/baghdad.htm> (дата обращения: 05.07.2021).
- ⁴⁵ См.: Пелипась М. Я. Роль Соединенных Штатов в заключении турецко-пакистанского соглашения 1954 г. // Из истории международных отношений XX века. Взаимосвязь внутренней и внешней политики : межвузовский сборник / под ред. О. А. Колобова. Н. Новгород : Издательство Нижегородского университета, 1991. С. 16–24.
- ⁴⁶ Hadley G. CENTO : The forgotten alliance : a study of the Central Treaty Organisation (Institute for the Study of International Organisation. ISIO monographs : 1st series) Paperback – January 1, 1971. P. 5.
- ⁴⁷ См.: Директива СНБ-68. (Меморандум Ачесона). URL: <http://www.coldwar.ru/bases/nsc-68.php> (дата обращения: 01.08.2021).
- ⁴⁸ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1950. Vol. V : The Near East, South Asia, and Africa. New York, 1978. P. 76–96.
- ⁴⁹ . 571 . انظر: عبد الوهاب الكيالي. مرسوم. مرجع سابق ص 571. (*Абдель-Вахаб аль-Кайяли*. Указ. соч. С. 571).
- ⁵⁰ Rustow D. A. Oil and Turmoil : America Faces OPEC and the Middle East. New York ; London, 1982. P. 96–103.
- ⁵¹ . 50 . انظر محمد عزيز شكري، مرجع سابق ص 50. (*Мухаммад Азиз Шукри*. Указ. соч. С. 50).
- ⁵² . 537 . انظر: عبد الوهاب الكيالي. مرسوم. مرجع سابق ص 537. (*Абдель-Вахаб аль-Кайяли*. Указ. соч. С. 537).
- ⁵³ Engler R. The Politics of Oil. A Study of Private Power and Democratic Directions. New York, 1961. P. 353.
- ⁵⁴ См.: Румянцев В. П. Нефтяной фактор в ближневосточной политике США в 1957–1959 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 101–106.

Поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 10.11.2021

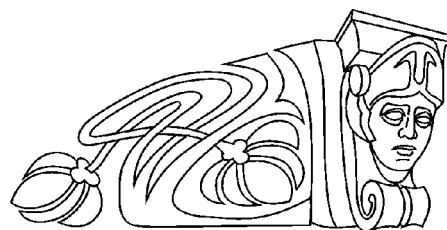

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 91–98
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 91–98
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-91-98>

Научная статья
УДК 327.82-057.341(81)|19/20|+929

Президентская дипломатия в Бразилии: достижения и просчеты

Ю. А. Тимофеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО(У) МИД РФ), Россия, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тимофеева Юлия Андреевна, преподаватель португальского языка на кафедре романских языков, timofeeva.yu.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6886-0520>

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления президентской дипломатии в Бразилии, оценивается вклад Министерства иностранных дел и президентов в развитие внешнеполитической концепции и в укрепление положения Бразилии в мире. Констатируется, что в XX в. бразильский МИД – Итамарати – был самым сильным учреждением в системе исполнительной власти, отвечавшим за реализацию внешней политики, в то время как президенты больше внимания уделяли внутренней повестке. С началом глобализации многие проблемы интернационализировались и стали требовать более активного участия глав государства. Сегодня Итамарати уже не имеет таких прочных позиций, как прежде, и отходит от своего самого главного принципа – нейтралитета во внешней политике, но президенты продолжают возвращаться к постулатам внешней политики, разработанным Министерством в XX в.

Ключевые слова: президентская дипломатия, Итамарати, внешняя политика, Бразилия, глобализация, стратегия

Для цитирования: Тимофеева Ю. А. Президентская дипломатия в Бразилии: достижения и просчеты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 91–98. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-91-98>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Presidential diplomacy in Brazil: Achievements and drawbacks

Yu. A. Timofeeva

Moscow State University of International Relations (MGIMO) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia

Yuliya A. Timofeeva, timofeeva.yu.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6886-0520>

Abstract. The article deals with the history of the presidential diplomacy concept in Brazil, contribution of the Ministry of Foreign Affairs and presidents to the creation of the foreign policy concept and to the enhancement of Brazil's stance in the world. It is shown that in the XX century the Brazilian Foreign Ministry, which is known as Itamaraty, was the strongest body among other executive governmental structures. Its chancellors developed foreign policy strategy and its structural changes reflected Brazil's priorities. At the same time, heads of state were more focused on the national agenda. However, globalization, development of public diplomacy and appearance of new actors in the world politics turned many problems international and began to require more presidential efforts. Today, Itamaraty no longer has such strong positions as before and departs from its most important principle – neutrality – in foreign policy, but the presidents continue to return to the postulates of foreign policy developed by the ministry in the XX century.

Keywords: presidential diplomacy, Itamaraty, foreign policy, Brazil, globalization, strategy

For citation: Timofeeva Yu. A. Presidential diplomacy in Brazil: Achievements and drawbacks. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 91–98 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-91-98>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В XX в. Министерство иностранных дел Бразилии – Итамарати – стало самым сильным учреждением в структуре исполнительной власти государства. Хотя Итамарати задумывалось как открытая структура, постепенно оно становилось более замкнутым и элитарным.

Его возглавляли такие профессиональные дипломаты, как прародитель бразильской дипломатии барон Рио Бранко, Афраниу ди Мелу Франку, Освалду Аранья, Сан Тьягу Дантас, Араужу Кастро и другие, каждый из которых участвовал в выработке внешнеполитиче-

ской стратегии государства и реформировании МИДа.

Изменения в структуре и кадровом составе Итамарати отражали положение страны на международной арене. Сложная финансовая ситуация в Бразилии в 30-е гг. XX в. на фоне мирового экономического кризиса вынудила правительство пойти на сокращение финансирования министерства и уменьшение численности его служащих; после Второй мировой войны, когда Бразилия стала играть активную роль в деятельности ООН и Организации американских государств (ОАГ), в 1947 г. в Итамарати была создана Комиссия по международным организациям¹.

Военный и поствоенный периоды характеризуются сближением Бразилии с США. Бразильское руководство полагало, что союзнические отношения двух государств будут и впредь определять развитие двусторонних связей. Министр иностранных дел Освалду Аранья отмечал, что «США будут в одном строю с победителями в послевоенном мире, и поэтому Бразилия должна быть рядом»². Положительные ожидания превратили Итамарати в самую мощную организацию, которая монополизировала управление внешнеполитическими делами³.

Надежды на привилегированные отношения с северным соседом не оправдались. Дипломатическая мысль, развивавшаяся со времен министра иностранных дел Рио Бранко (1902–1912) в контексте «негласного союза» с США, начинает менять вектор. Это обусловлено тем, что в Вашингтоне занялись борьбой с коммунистической угрозой по всему миру и восстановлением Европы в рамках плана Маршалла. По некоторым странам Латинской Америки прокатилась волна недовольства неэффективной политикой США в регионе⁴. В 1958 г. президент Бразилии Жуселино Кубичек (1956–1961) выдвинул план «Панамериканская операция». Его целью было реформирование отношений США со странами Латинской Америки, преодоление экономической отсталости и достижение экономической независимости, повышение роли Бразилии на международной арене и мирное сосуществование государств с различным строем. Министр Сан Тьягу Дантас (1961–1962) разворачивает страну от «американизма» к «универсализму» и разрабатывает внешнеполитическую концепцию, основанную на принципах мирного сосуществования и расширения внешней торговли даже с социалистическими странами. Вместе с тем независимость во внешней политике должна была обеспечить социально-экономические реформы⁵.

Итамарати разработало программу, в которой отражались цели и принципы независимой внешней политики (НВП) Бразилии – расширение рынков сбыта, мирное сосуществование, полное разоружение и освобождение зависимых

территорий. Эта программа стала отражением идей сторонников независимости или, как их еще называют, «националистов», которые выступали против зарубежных инвестиций в национальную экономику и считали, что нужно инвестировать в производство собственными силами. Министр Афонсу ди Мелу Франку (июль – декабрь 1962 г.) при президентстве Жаниу Куадроса (январь – август 1961 г.) поставил главной целью внешней политики национальное развитие. Он считал, что именно экономика, а не политика – причина разрыва Севера и Юга. Следовательно, необходимо было устанавливать выгодные контакты со странами с разной идеологией⁶.

Приход к власти военных в 1964 г. привел к смене внешнеполитической идеологии и отразился на кадровых перестановках в Итамарати. С ключевых постов были удалены дипломаты, поддерживавшие НВП. Под влиянием Высшей военной школы (ВВШ) был взят курс на тесное сближение с США, чтобы получить статус их главного союзника. На смену принципу «универсализма» приходит проект необходимости становления Бразилии как великой державы в условиях идеологических противоречий в Южной Америке.

«Ответственный прагматизм» Эрнесто Гейзела (1974–1979) напоминает независимую внешнюю политику президентов Жаниу Куадроса и Жуау Гуларта (1961–1964). Рост активности Бразилии на мировой арене спровоцировал увеличение численности дипломатических кадров. Бразилия начинает действовать сразу по нескольким направлениям: заключает контракт с Францией на поставку сверхзвуковых самолетов, подписывает соглашение с Германией о развитии мирной ядерной программы, устанавливает отношения с Китаем, сближается с арабскими государствами и поддерживает резолюции ООН по деколонизации африканских стран. Для обеспечения многовекторности внешней политики в МИДе создаются отделы, сформированные по географическому принципу – департаменты Западной и Восточной Европы, Америки, Ближнего Востока, Азии, Африки⁷. К 1975 г. в Итамарати трудилось уже более 4 тыс. дипломатов. К этому времени МИД прочно закрепил свои позиции по отношению к другим структурам исполнительной и законодательной власти.

Экономические трудности, вызванные ростом внешней задолженности и высокой инфляцией, окончательно подорвали власть военных, и в Бразилии начинается переход к демократии без резкой смены внешнеполитического курса. «Универсализм» оставался главенствующим принципом внешней политики. Падение военного режима и приоритет международной повестки создали предпосылки для активизации деятельности глав государств. Начинается постепенный переход к президентской дипломатии

при Жозе Сарнее (1985–1990). В первую очередь наверх вытесняли политическую активность из-за ее провала в 1980-х гг., когда необходимо было уделить больше внимания экономической и социальной составляющим в связи с кризисами. Жозе Сарней заложил так называемый «нулевой уровень» президентской дипломатии⁸. Он систематически встречался с президентами Аргентины и Уругвая, что впоследствии привело к созданию Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР от исп. Mercado Común del Sur). В Бразилии прошла первая конференция ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г., страна стала инициатором первой президентской встречи Амазонских стран в Манаусе в 1998 г., участвовала в создании G 8 и Группы Рио. В отличие от военных Сарней также проводил встречи с научным и интеллектуальным сообществами. Спустя долгие годы он стал первым президентом, который полагался на дипломатических помощников в аппарате президента республики, так как не имел четкой внешнеполитической стратегии в начале правления. Практика президентских выступлений в Институте Рио Бранко, который выпускает профессиональных дипломатов, дала ему возможность концептуально развивать внешнюю политику. Сарней посетил СССР, США, Китай, Японию, Португалию, Францию и некоторые африканские страны, универсализировав бразильскую дипломатию.

Президентство Фернанду Колора ди Мелу (1990–1992) характеризовалось отсутствием системы и кризисом власти, что пошатнуло позиции Итамарати, которое было отстранено от выработки внешнеполитической концепции⁹. Итамар Франко (1992–1995) вынужден был занять президентский пост после импичмента Колора. Правление Франко пришлось на тяжелый экономический период, когда инфляция достигала четырехзначных чисел, поэтому не шло речи ни о какой президентской дипломатии. Помимо этого, в период с 1990 по 1995 г. неопределенность во внешней политике усугублялась частой сменой министров иностранных дел.

Само понятие «президентская дипломатия» начинает все активнее использоваться во второй половине 90-х гг. и ассоциируется в первую очередь с деятельностью президентов Фернанду Энрике Кардозу (1995–2003) и Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2010). В годы их правления термин все чаще начал фигурировать в СМИ и в научном сообществе. Министр иностранных дел Кардозу Луиш Филипе Лампрейя (1995–2001) ввел это понятие в политический дискурс в качестве ядра дипломатии и вычленил несколько составляющих президентской дипломатии: многосторонние международные и региональные встречи и двусторонние визиты¹⁰. Двусторонним встречам министр уделял особое внимание, поскольку, по его мнению, именно такие контакты

ускоряют развитие отношений и выводят их на новый уровень.

Исследователь А. Пинью подчеркивал широту интересов президентской дипломатии, по сравнению с дипломатией министерской. Объясняется это тем, что президентам нужно учитывать внутренние и внешние цели, оказывать политическое давление своим авторитетом, стать фокусом СМИ и общественного мнения¹¹.

Дипломат С. Данезе посвятил огромный труд изучению президентской дипломатии. Он пишет, что во внешнеполитических вопросах очень многое зависит от личного поведения президента. Однако есть принципиальная разница между обязательным участием президента во встречах в силу функций *ex-officio* и личным проявлением инициативы. Данезе отмечает, что создание таких многосторонних форумов, как G4, G10, G20, дали импульс дипломатии саммитов, для которых Итамарати подготавливало почву, выступая в роли помощника президента¹².

Кардозу вступил в должность в условиях постепенного возрождения международной роли Бразилии, дефицита ее присутствия на мировой арене и системных изменений после окончания «холодной войны». Во время его правления произошли перемены, благодаря которым Бразилия вошла в десятку сильнейших в экономическом отношении стран мира: открыла свои рынки для привлечения инвестиций, правительству удалось стабилизировать галопирующую инфляцию и реал¹³. Необходимо было бороться с неблагоприятным сценарием для стран «третьего мира» и педалировать темы, о которых замалчивали в эпоху биполярности, в частности права человека, вопросы окружающей среды и ядерную политику. Для этих целей Кардозу использовал МЕРКОСУР как платформу для международной экономической проекции, создал два вспомогательных органа в Совете правительства: Палату по внешней торговле для координации внешнеэкономической деятельности и Палату по внешним сношениям и национальной обороне для формулирования политики и наблюдения за имплементацией программ. При Луле да Силве в МИДе в 2003 г. был создан Генеральный субсекретариат по Южной Америке, появились департаменты по охране окружающей среды и правам человека, а в 1998 г. Бразилия ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Большую роль в достижении поставленных целей играли двусторонние контакты. Кардозу развивал отношения с Китаем, Россией, Португалией, Кубой, Мексикой. Бразилия отошла от автоматического равнения на США, перейдя к формату сближения, не исключавшего других партнерств¹⁴. В установлении контактов помогал личностный фактор Кардозу: он имел хорошую репутацию, был известен как профессор и социолог, имел опыт главы МИДа, министра финансов

и выигрышно смотрелся на фоне подпорченного коррупционным скандалом имиджа Колора¹⁵.

Важной реформой стало создание министром Лампрейей Совета по внешней политике – органа, призванного укреплять административное единство Итамарати и помогать в принятии внешнеполитических решений. В 2001 г. Кардозу назначил главой МИДа Селсу Лафера (2001–2002) – автора внешнеполитической концепции «автономии через участие». Лафер настаивал на взаимодействии МИДа со СМИ, законодателями, предпринимателями, академическим сообществом и политиками.

Будучи новым феноменом, президентская дипломатия Кардозу подвергалась критике со стороны других ветвей власти. Прецедент имел место в марте 1996 г., когда конгрессмены запросили разъяснение у главы администрации президента относительно его частых поездок за рубеж и их невысокой прозрачности. Законодатели требовали отчетности каждого визита: цели, стоимости и состава делегации. В СМИ стали появляться такие заголовки, как «дипломатический туризм», «приземляйся, президент» и «сперва позаботься о Родине». Из последнего призыва следует еще один пункт критики активного участия главы государства во внешнеполитических делах – меньше внимания уделяется внутренней повестке¹⁶. В ответ на критические высказывания Кардозу отвечал, что, путешествуя за границу, он берет с собой «лучший имидж Бразилии», а «заниматься домашними делами» оставляет вместо себя вице-президента Марко Масиелу и следит из-за границы за всем, что происходит в стране и видит своей целью сближение внутренней и внешней политики¹⁷.

Кардозу завоевал международное уважение не только своим образованием и экономическими успехами, но и выстраиванием хороших отношений с лидерами других стран, например, с премьер-министром Великобритании Тони Блэром и президентом США Биллом Клинтонем. В свою очередь, Лула пользовался харизмой и имиджем «признанного посредника» в решении конфликтов. Это прозвище он получил после того, как создал «группы друзей», чтобы страны региона самостоятельно поддерживали стабильность на своей территории в попытке снизить влияние США. Лула пользовался личным авторитетом для оказания влияния на исход выборов в соседних странах. Он мог публично встать рядом с кандидатами во время президентских выборов как, например, в Боливии и Парагвае¹⁸.

При Луле Итамарати пришлось «делиться» функционалом в осуществлении внешней политики. Большую помощь в этом президенту оказывал советник по внешней политике Марко Аурелиу Гарсия по прозвищу МАГ. Раньше эта роль была незначительной, «для галочки». С приходом Лулы СМИ даже начали писать о разделении труда между МИДом и советником

президента – первый ответствен за глобальные вопросы, а второй – за региональные¹⁹. Иными словами, речь шла о «параллельной дипломатии» Лулы²⁰. Также Итамарати расширяло взаимодействие с гражданским обществом и другими государственными структурами. Например, в рамках обсуждения проекта США по созданию Межамериканской зоны свободной торговли (АЛКА) была образована Национальная секция по координации вопросов, связанных с проектом. Для развития диалога между бизнесом и дипломатией был организован Постоянный совет предпринимателей²¹.

Министром иностранных дел во время двух сроков Лулы был профессиональный дипломат Селсу Аморинь. «Лучший министр иностранных дел в мире», – так писал про него журнал *Foreign Policy* в 2009 г., при этом Лулу окрестили «рок-звездой на международной арене»²².

Лула продолжил выводить Бразилию на международный уровень и укреплять ее международный авторитет, уделяя большое внимание сотрудничеству по линии Юг–Юг и особенно африканскому направлению. Никакой другой президент не посещал этот континент так часто, как Лула. Он побывал в 27 африканских странах – это больше, чем сумма визитов его предшественников²³. Лула стал первым президентом, посетившим Ближний Восток – экономически важный регион для Бразилии. В ней проживает 10 млн арабских потомков и 120 тыс. евреев, арабские страны – закупщик номер один бразильской говядины, поэтому здесь президент также прибегал к дипломатии саммитов. Лула стал инициатором проведения саммита южноамериканских и арабских стран (ASPA), который состоялся в Бразилии в мае 2005 г.

Во время президентского срока Лулы сильно разросся заграничный аппарат МИДа. Те посольства, которые закрылись при Кардозу, были открыты при Луле, например, в Аддис-Абебе, Киншасе, Лусаке, Ломе. Новые посольства появились в Сан-Томе, Малабо, Конакри, Хартуме. В период с 2003 по 2009 г. были впервые или вновь открыты 17 дипломатических миссий. В центральном аппарате также произошли изменения: Африку отделили от изначально Общего департамента Африки и Ближнего Востока.

Целью своей внешней политики Лула ставил достижение национальных целей, а именно экономическое развитие и социальные реформы. Эта стратегия напоминала ту, что была выдвинута в XX в. министром Сан Тьяго Дантасом, полагающим, что внешняя политика должна стоять на службе национальных интересов, способствовать экономическому развитию и воплощению социальных реформ. Он настаивал на сотрудничестве со странами «третьего мира», что при Луле стали называть сотрудничеством по линии Юг–Юг. Такое сотрудничество напоминает и «ответственный прагматизм» военного президента

Гейзела 70-х гг., но в новом облиции. Бразильская дипломатия приобрела универсальный тон и сближалась с развивающимися странами при сохранении отношений с развитыми, чтобы не только расширять рынки для бразильской продукции, но и формировать альянсы для защиты интересов на международных форумах²⁴. Планом Лулы было достижение равновесия в международной политике посредством формирования альянсов со «средними державами». На этом фоне получают импульс G20, Форум Индии, Бразилии и Южной Африки (Fórum de Diálogo Índia-Brasil-África do Sul, IBAS), появляются зачатки БРИКС.

Региональная интеграция в продолжение внешнеполитической линии Кардозу рассматривалась бразильским руководством как плацдарм для усиления глобальной проекции Бразилии. Лула предпринял попытку создания Парламента МЕРКОСУР в 2005 г., в 2008 г. были учреждены Союз южноамериканских наций (União de Nações Sul-Americanas, UNASUL) и Южноамериканский совет обороны (Conselho de Defesa Sul-Americano), в 2010 г. было создано Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidade de Estados Latino-Americanos e Caribenhos, CELAC) как противовес влиянию США в регионе.

Важность экономической составляющей внешней политики проявилась в основании Департамента по международным переговорам в МИДе с отделом по делам ЕС и АЛКА. Переговоры о создании зоны свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС начались еще в 2000 г., однако принесли плоды лишь в 2019 г. при президентстве Жаира Болсонару (с 2019 г.). Переговоры по созданию АЛКА не дали результатов, так как это не отвечало структурным интересам Бразилии по сохранению предпринимательской и технологической индустрии²⁵.

Во время правления Дилмы Руссефф (2011–2016) и Мишела Темера (2016–2019) «снижается градус» президентской дипломатии. Последовательница Лулы Дилма глобально не меняла внешнеполитическую стратегию и не делала особых перестановок в своем окружении. Селсу Аморинь стал министром обороны, а Антониу Патриота, бывший у Лулы генеральным секретарем по внешней политике в МИДе, – министром иностранных дел при Дилме. На посту советника по внешнеполитическим вопросам остался Марко Гарсия. Б. Ф. Мартынов отмечал, что сохранение Гарсии на этом посту свидетельствовало о продолжении «терпеливого» курса внешней политики²⁶. Терпеливого потому, что еще в 2003 г. советник говорил о том, что Бразилия должна терпеть «уколы» латиноамериканских соседей, надеясь на перерастание отношений с ними в умеренное русло. «Терпеливый курс» в отношениях с соседями прослеживался еще при

Луле, когда в 2006 г. президент Боливии Эво Моралес приказал военным вторгнуться в заводы нефтяной компании «Петробраз» на территории Боливии и объявил национализацию нефти и газа, требуя выплат. В конечном итоге Бразилия пошла на уступки. Другой случай произошел в 2008 г., когда президент Парагвая Фернандо Луго заявил, что Бразилия эксплуатирует его страну, и Лула создал фонд по финансированию инфраструктуры Парагвая. При Дилме в 2011 г. Бразилия пошла на уступки Парагваю и повысила плату за пользование совместной гидроэлектростанцией «Итайпу».

Тем не менее Дилма снизила активность на международной арене. Этому способствовали неблагоприятные внешние условия, такие как мировой экономический кризис, спад цен на сырье, укрепление роли G7 в ущерб G20, провал Дожийского раунда переговоров, события «арабской весны». К тому же у Лулы и Дилмы абсолютно разный бэкграунд. Первый – выходец из низких социальных слоев, бывший лидер профсоюзов, основатель Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT), в то время как вторая – дочь юриста с экономическим образованием. Отсюда и разный стиль правления – харизматичный Лулы и технократический и прагматичный Дилмы. Во время двух первых лет правления количество президентских международных визитов Дилмы сократилось на 55%, по сравнению с активностью Лулы в начале второго президентского срока. Итамарати также ослабило свои позиции. В первую очередь потому, что фокус был смещен на решение внутренних проблем. В 2014 г. Дилма сократила бюджет министерства и количество мест для дипломатов со 100 до 18%²⁷. Ежегодный прирост дипломатических мест за границей при Луле составлял 8,37%, при Дилме – 4,28%, а ежегодный прирост новых посольств составлял 5 и 3,42% соответственно²⁸. Как выразился бывший посол Бразилии в США Рубенс Барбоза, две черты были присущи правлению Дилмы: отсутствие интереса к внешней политике и отсутствие эмпатии к Итамарати, что резко контрастировало с президентской дипломатией Кардозу и Лулы²⁹.

Не справившись с внутривнутриполитическим и экономическим кризисом, в результате импичмента Дилма уступила президентское кресло вице-президенту Темеру. Итамарати возглавил не карьерный дипломат, а политик Жозе Серра. Начинается постепенное «поправление» Бразилии, и Итамарати меняет тон в отношении латиноамериканских соседей. Бразильский МИД отверг заявления левых правительств Кубы, Боливии, Венесуэлы, Никарагуа и Эквадора, когда они поставили под сомнение законность импичмента Дилмы. Это свидетельствует о начале «идеологизации» МИДа – процесса, получившего дальнейшее развитие при следующем президенте.

Дипломатический корпус Бразилии не соответствовал экономической политике государства. Например, в США было в 4 раза больше дипломатов, чем в Китае, – главном экономическом партнере страны³⁰. В отношении Европы проявлялась тенденция к сокращению дипломатов в тот момент, когда в 2016 г. был дан новый импульс переговорам между МЕРКОСУР и ЕС. При Темере Бразилия вышла из УНАСУР, промотором которого была при Луле.

«Поправление» продолжилось при нынешнем президенте Болсонару (с 2019 г.). Иногда эпоху после ухода с президентского кресла представителей Партии трудящихся называют «постдипломатией». Итамарати, которое сначала возглавил Эрнесто Араужу (2019–2021) – консерватор и радикал, втянулось в политическую борьбу и ослабило свои позиции из-за идеологизированности вопреки традиционному принципу бразильской дипломатии – нейтралитету.

Араужу принадлежит к так называемой «идеологической» группе наряду с сыновьями президента Эдуарду и Флавиу и идеологом Олаву ди Карвалью. Эта группа выступает за приоритетные отношения с США, особенно когда у власти находился Дональд Трамп, и категорически настроена против Китая. Сам президент тоже отличался резкой риторикой по отношению к этому азиатскому государству, хотя Китай не только закупает у Бразилии железную руду, сою и мясо, но и активно инвестирует в бразильскую экономику. Под влиянием «идеологических» Болсонару был готов применить силовые методы против Венесуэлы в знак поддержки политики США, где он признает Хуана Гуайдо законным президентом³¹. Помимо этого, в 2019 г. Бразилия приостановила членство в СЕЛАК, УНАСУР, расширила безналоговые квоты для импорта этанола и пшеницы из США, практически ничего не получив взамен, была готова предоставить свою территорию для военной базы США и отказаться от дифференцированного подхода в ВТО в обмен на иллюзорную поддержку США при вступлении в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Для того чтобы застраховать МИД, полный «олавинов», от дальнейших необдуманных шагов, был создан Совет помощи президенту в чувствительных областях внешней политики. Состав совета наводит на мысль о том, что это – противовес Итамарати: его главой стал военный Аугусто Элено, также туда вошел вице-президент генерал Амилтон Моурау и министр экономики Паулу Гедес. Все трое принадлежат к двум другим группам борьбы за власть – военным и либералам-экономистам. Они более прагматичны и менее резкие в своих действиях, выступают против конфликтов в угоду экономическим интересам.

Произошло ослабление позиций МИДа в области переговоров по вопросам внешней торгов-

ли. Эта задача отошла Министерству экономики, а Итамарати выступает как наблюдатель на переговорах³². Авторы отмечают, что во времена военного режима и правления Партии трудящихся в основном министры иностранных дел выбирали из числа карьерных дипломатов, однако начиная с Темера и Болсонару, на эти посты назначались политики. В случае с Эрнесто Араужу президент мало знал о кандидате и, вероятно, был назначен на пост ввиду личных отношений под влиянием узкого круга лиц – Олаву ди Карвалью и его сторонников. Но и идеологически Араужу был близок Болсонару – он выступал против «маоистского» Китая, занимал произраильскую позицию и негативно относился к левым правительствам в регионе. Как пишут дипломаты Алмейда и Перейра, МИД приказал обращаться к Хуану Гуайдо как законному президенту и отказываться от диалога с «диктаторским» режимом Мадуро.

Болсонару, который сначала попал под шквал критики из-за катастрофических пожаров в Амазонии, затем из-за халатности в разгар пандемии коронавируса, из-за начавшихся трений с США после прихода к власти Джо Байдена, решил стабилизировать внешнеполитический курс сменой министра иностранных дел. Отставки Араужу также требовали главы обеих палат парламента, которые были недовольны его антикитайской риторикой и вакцинной политикой, ведь бразильцев прививают в том числе вакциной Согопа Вас. В отличие от Араужу новый министр Карлуш Франса – более прагматичный и уравновешенный, имеет все шансы нормализовать отношения с США и Китаем. Немаловажно, что Франса импонирует членам парламента, так как выступает за большой диалог Конгресса и Итамарати, а в своей вступительной речи он обозначил разделяемые многими приоритеты – здравоохранение, защиту окружающей среды и восстановление экономики.

В Бразилии традиции президентской дипломатии не так сильны. На протяжении XX в. главы государств больше заботились о внутренних проблемах, а внешние отдавали на откуп Итамарати и лишь в 1990-е гг. начинают говорить о президентской дипломатии.

Тем не менее Итамарати несколько раз ослабляло свои позиции: в начале 1990-х гг. – из-за кризиса власти и необходимости экономического восстановления Бразилии и при Дилме и Темере, при которых министерство перестало быть защитником внешней политики с растущим влиянием Бразилии в различных глобальных вопросах, а центральную роль заняли краткосрочные экономические интересы, затем при Болсонару – из-за сильной идеологизации внешней политики.

Президентская дипломатия Кардозу и Лулы не вытеснила Итамарати, но разрушила его монопольный статус на осуществление внешней политики. При Кардозу президентские советники были дипломатами, а Лула «делил» внешнюю политику с помощниками президента³³. В силу таких естественных причин, как глобализация, усложнение международной повестки, развитие публичной дипломатии, произошло укрепление президентской власти на международном уровне, а появление различных акторов, институтов и агентств, участвующих в процессе принятия решений, не дают Итамарати быть монополистом в своей сфере, помимо того, что часть функций отходит другим министерствам. Слаженное взаимодействие Кардозу и Лулы с Итамарати обеспечило успешное проведение внешнеполитического курса и помогло вывести Бразилию на качественно новый уровень.

Важную роль в решении международных проблем играет личный фактор президентов. И в этом отношении Луле не было равных. Он по праву считается одним из самых популярных политиков мира. В 2009 г. журнал «The Economist» вышел с обложкой, на которой изображена взлетающая статуя Христа в Рио-де-Жанейро, символизируя резкое возвышение Бразилии. Лулу уважали многие политики из других стран. Бывший президент США Барак Обама говорил, что он «самый популярный политик в мире», бывший премьер-министр Португалии Жозе Сократеш называл его «одним из самых уважаемых людей в мире». В конце второго президентского срока рейтинг Лулы достигал рекордно высоких 87%, а рейтинг его правительства – 80%³⁴. Для сравнения: максимальный рейтинг Болсонару доходил до 37% в декабре 2020 г. после социальных выплат в рамках борьбы с пандемией, а в июле 2021 г. 50% населения страны согласно данным бразильского исследовательского института Datafolha уже было недовольно его политикой³⁵. Даже сегодня, после обвинений в коррупции, Лула остается популярнейшим политиком. Опросы общественного мнения показывают, что Лула выиграл бы у Болсонару на президентских выборах 2022 г., набрав 49% голосов против 23% у нынешнего главы государства³⁶.

Явным успехом президентской дипломатии можно считать повышение роли Бразилии и ее имиджа на международной арене, особенно во время президентского срока Кардозу и Лулы. В олицетворении президента с внешней политикой государства кроется и слабость президентской дипломатии, поскольку, как мы видим сегодня, хаотичная деятельность Болсонару и идеологизация МИДа портят имидж страны и подрывают ее авторитет как традиционно мирной и неконфликтной.

Большая заслуга Итамарати состоит в выработке внешнеполитической стратегии на протя-

жении всего XX в., в создании имиджа министерства как одного из самых уважаемых учреждений не только в Бразилии, но и во всей Латинской Америке. Практика показывает, что внешнеполитическая стратегия Бразилии циклична, и сегодня президенты возвращаются к разработанным во второй половине XX в. курсам. Идеи Сан Тьяго Дантаса о том, что внешняя политика должна быть подчинена социальному и экономическому развитию, были воплощены при Кардозу и Луле. При Болсонару вернулись к постулатам Освалдо Араньи – выстраиванию асимметричных и дружественных отношений с США.

Сегодня у Итамарати нет таких сильных позиций, как в прошлом. Примечательно, что при бароне Рио Бранко сменилось четыре президента, а при Колоре, в момент зарождения президентской дипломатии – пять министров иностранных дел. По мнению профессора университета Колумбии Кристофера Сабатини, до Кардозу и Лулы Итамарати славилось нейтралитетом и мягкой силой³⁷. Сегодня МИД стал более ангажированным, однако Болсонару начинает предпринимать действия, которые помогут исправить сложившуюся ситуацию.

Примечания

- ¹ См.: Борзова А. Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 388 с.
- ² Almeida P. R., Pereira A. J. H. Oswaldo Aranha : na continuidade do estadismo de Rio Branco // Pensamento diplomático brasileiro : formuladores e agentes da política externa (1750–1950) : in 3 vols. / org. José Vicente de Sá Pimentel. Brasília : Funag, 2013. Vol. 3. P. 669–714.
- ³ Faria C. A. P. O Itamaraty e a Política Externa Brasileira : Do Insulamento á Busca de Coordenação dos Atores Governamentais e de Cooperação com os Agentes Societários // Contexto Internacional. 2012. Vol. 34, № 1. P. 311–355.
- ⁴ См.: Пивоварова Н. С. Истоки программы «Союз ради прогресса» в идее «Панамериканской операции» Ж. Кубичека // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 95.
- ⁵ См.: Борзова А. Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса. С. 116.
- ⁶ Manzur T. M. P. G. A Política externa independente (PEI) : antecedentes, apogeu e declínio. São Paulo : Lua Nova, 2014. P. 169–199.
- ⁷ См.: Борзова А. Ю. Современная дипломатическая служба Бразилии // Вестник РУДН. Серия : Всеобщая история. 2012. № 2. С. 68.
- ⁸ Danese S. Diplomacia presidencial. História e crítica. Brasília : Funag, 2017. 641 p.
- ⁹ См.: Борзова А. Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии // Латинская Америка. 2011. № 11. С. 18–30.

- ¹⁰ Barnabe I. R. O Itamaraty e a Diplomacia presidencial nos governos FHC e Lula // Revista de Estudos Internacionais. 2010. Vol. 1, № 2. P. 29–45.
- ¹¹ Pinho A. G. I. De Cardoso a Lula : um balanço da diplomacia presidencial no Brasil. Brasília : Universidade de Brasília, 2016. P. 5.
- ¹² Цит. по: Barnabe I. R. Op. cit. P. 38.
- ¹³ См.: Борзова А. Ю. Формирование внешнеполитической стратегии современной Бразилии. С. 20.
- ¹⁴ Vigevani T., Oliveira M. F., Cintra R. Política Externa no Governo FHC : a busca da autonomia pela integração // Tempo Social. 2003. Vol. 15, № 2. P. 31–61.
- ¹⁵ Danese S. Op. cit. P. 43.
- ¹⁶ Barnabe I. R. Op. cit. P. 38.
- ¹⁷ Danese S. Op. cit. P. 55.
- ¹⁸ Zilla C. Brazil's Foreign Policy under Lula. Berlin : SWP, 2017. P. 14.
- ¹⁹ Ibid. P. 12.
- ²⁰ Мартынов Б. Ф., Борзова А. Ю. История внешней политики и дипломатии Бразилии. М. : Аспект-Пресс, 2021. 288 с.
- ²¹ См.: Борзова А. Ю. Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешнеполитического курса. С. 255.
- ²² The world's best foreign minister. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/07/the-worlds-best-foreign-minister/> (дата обращения: 10.07.2021).
- ²³ Zilla C. Op. cit. P. 16.
- ²⁴ Kunrath B. A construção da liderança brasileira e a integração regional sul-americana no século XXI : subimperialismo ou cooperação? Porto Alegre : Universidade Federal do Rio Grande do Sul, 2010. P. 16.
- ²⁵ Saraiva J. F. S. Inserção internacional : formação dos conceitos brasileiros // Revista brasileira de política internacional. 2007. № 50 (2). P. 162–165.
- ²⁶ См.: Мартынов Б. Ф. Бразилия на мировой арене : внешняя политика Партии трудящихся // Свободная мысль. 2014. № 1 (1643). С. 19–34.
- ²⁷ Saraiva G. M. Balanço da Política Externa de Dilma Rousseff : Perspetivas Futuras? // Relações Internacionais. 2014. № 44. P. 27.
- ²⁸ Cornetet J. M. C. Política externa de Dilma Rousseff : contenção na continuidade // Conjuntura Austral. 2014. Vol. 5, № 24. P. 111–150.
- ²⁹ Barbosa R. Política externa brasileira em debate. Dimensões e estratégias de inserção internacional no pós-crise de 2008. Brasília : Fundação Alexandre de Gusmão, 2018. 632 p.
- ³⁰ Brasil 2020 : una política exterior en transición. URL: <https://www.celag.org/brasil-2020-una-politica-exterior-en-transicion/> (дата обращения: 15.07.2021).
- ³¹ См.: Сударев В. П. Возможности и пределы гегемонии США в Латинской Америке // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 6–14.
- ³² Almeida P. R. Miséria da diplomacia : a destruição da inteligência no Itamaraty. Boa Vista : Editora da UFRR, 2019. 165 p.
- ³³ Barnabe I. R. Op. cit. P. 44.
- ³⁴ Brazil's Lula to leave with record-high popularity. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-lula-poll-idUSTRE6BF4O620101216> (дата обращения: 18.07.2021).
- ³⁵ Bolsonaro disapproval rating surpasses 50% for first time. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210709-bolsonaro-disapproval-rating-surpasses-50-for-first-time> (дата обращения: 18.07.2021).
- ³⁶ Brazil's Lula could beat Bolsonaro in first-round 2022 vote, poll shows. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/brazils-lula-could-beat-bolsonaro-first-round-2022-vote-poll-shows-2021-06-25/> (дата обращения: 18.07.2021).
- ³⁷ Após 'Cristo desgovernado' da era Dilma, imagem do Brasil tem nova baixa sob Bolsonaro. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NkOO1T8ltVk> (дата обращения: 18.09.2021).

Поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 19.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 19.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 99–103
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 99–103
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-99-103>

Научная статья
УДК 339(73+5-11/.13)|2010/2012|

Особенности процесса принятия решений в США по вопросу Транстихоокеанского партнерства (2010–2012 годы)

В. В. Шамардин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шамардин Виктор Валентинович, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России, vikt.shamardin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-6787>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности переговорного процесса по ТПП и анализу роли Управления торгового представителя США в его организации. Особое внимание уделяется структурам, оказавшим ключевое влияние в формировании предложений, выдвинутых американской делегацией в ходе переговоров. Формулируется вывод, согласно которому члены системы консультативных комитетов сыграли решающую роль в разработке предложений, определивших повестку американской делегации в отношении ТПП.

Ключевые слова: либерализация, Азиатско-Тихоокеанский регион, администрация Б. Обамы, соглашение о зоне свободной торговли, Транстихоокеанское партнерство, переговорный процесс, Управление торгового представителя, США, заинтересованные стороны

Для цитирования: Шамардин В. В. Особенности процесса принятия решений в США по вопросу Транстихоокеанского партнерства (2010–2012 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 99–103. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-99-103>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of the decision-making process in the United States on the Trans-Pacific Partnership (2010–2012)

V. V. Shamardin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor V. Shamardin, vikt.shamardin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7054-6787>

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the TPP negotiation process and the analysis of the role of the Office of the US Trade Representative in its organization. Special attention is paid to the structures that had a key influence in the formation of the proposals promoted by the American delegation during the negotiations. The author comes to the conclusion that the members of the Trade Advisory Committees played a critical role in the development of the proposals that determined the agenda of the US delegation in relation to the TPP.

Keywords: Liberalization, Asia-Pacific region, Obama administration, free trade zone agreement, Trans-Pacific partnership, process of negotiation, trade bloc, USTR, USA, stakeholders

For citation: Shamardin V. V. Features of the decision-making process in the United States on the Trans-Pacific Partnership (2010–2012). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 99–103 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-99-103>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Транстихоокеанское партнерство (ТПП) является масштабным преференциальным торговым соглашением между двенадцатью странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Образование ТПП стало возможным вследствие решения администрации президента Дж. Буша-младшего, принятого осенью 2008 г., о присоединении к другому соглашению – Транстихоокеанскому стратегическому экономическому партнер-

ству (СТСЭП). Однако на практике переговорный процесс по формированию партнерства стартовал только в марте 2010 г. в период президентства Б. Обамы. Намерение США включиться в переговорный процесс по ТПП было обусловлено стремительным экономическим развитием стран АТР, а также необходимостью на фоне возрастающего влияния КНР сохранить за собой место ведущего регионального актора.

В течение первого президентского срока Б. Обама США занимали лидирующие позиции в ходе переговорного процесса по созданию ТТП. Доминирующая роль американской делегации объяснялась тем, что ее партнерами за столом переговоров выступали представители страны, совокупный экономический потенциал которых в значительной степени уступал экономическим возможностям США. В связи с этим повестка переговоров определялась в первую очередь американской стороной. Однако внутривнутриполитический процесс формирования предложений, выдвигаемых американской делегацией за столом переговоров, носил сложный и неоднозначный характер.

14 ноября 2009 г. Б. Обама в ходе визита в Японию заявил о желании США сотрудничать со странами ТТП. После речи президента Управление торгового представителя США (УТП) объявило о том, что вступает в предварительные консультации с комитетами Конгресса, с советниками по вопросам труда и окружающей среды, а также с заинтересованными представителями от американской промышленности, сельского хозяйства и других секторов экономики. В течение месяца сотрудники УТП встретились также с коллегами из стран-участниц переговоров.

Однако вплоть до 14 декабря 2009 г., когда на сайте торгового представительства США было опубликовано официальное уведомление о намерении Б. Обамы вступить в переговоры по ТТП, не было твердой уверенности в том, что США присоединятся к партнерству, поскольку существовала вероятность продвижения торговой либерализации со странами АТР через другие форматы¹. Крупный бизнес не предпринимал активных усилий в лоббировании данного проекта в администрации и Конгрессе, так как США уже имели соглашения о свободной торговле (ССТ) с рядом стран-участниц ТТП. Потенциальный экономический эффект от реализации партнерства представлялся для крупного бизнеса ограниченным².

М. Фроман, заместитель советника по национальной безопасности по международным экономическим отношениям, после речи президента 14 ноября не смог дать однозначный ответ относительно вступления США в ТТП. Он сообщил, что Б. Обама будет участвовать в этой инициативе «для того, чтобы посмотреть, сможет ли она стать важной платформой для дальнейшего развития»³. Стоит отметить, что М. Фроман, однокурсник Обамы по Гарвардскому университету, оказывал существенное влияние на формирование торгово-экономического курса США в АТР и активно выступал в поддержку либерализации торговли⁴.

В марте 2010 г. стартовал переговорный процесс между восемью странами-участницами ТТП. Переговоры проводились в закрытом режиме, без дальнейшего предоставления СМИ

подробных данных о нормах, которые планировалось внести в соглашение. В июне 2012 г. УТП опубликовало сведения о том, что в начале переговорного процесса между странами-участницами ТТП была заключена письменная договоренность, в которой «содержалось требование к каждому правительству доводить сведения о своих переговорных предложениях, а также предложениях, которые оно получает от своих партнеров по ТТП, исключительно до правительственных чиновников и лиц, которые участвуют во внутреннем консультационном процессе правительства по торговле»⁵.

Практически УТП предоставляло доступ к предварительным пунктам соглашения посредством созданной виртуальной онлайн-библиотеки, пространство которой было разделено на 3 сектора: первый сектор был отведен для пользования правительственными учреждениями США; второй предназначался для сотрудничества правительственных учреждений с партнерами из других стран-участниц партнерства; последний раздел был рассчитан на советников и консультантов из частного сектора.

Подобная платформа позволила иметь доступ к тексту соглашения в любое время, удаленно вносить в него предложения и координировать действия всех участников, вовлеченных в переговорный процесс. Что касается широкой публики, то для нее на официальном сайте УТП был создан раздел (<https://ustr.gov/tpp>), где размещались краткие отчеты о ходе переговоров. В них практически отсутствовали сведения о содержании норм, сформулированных делегациями в рамках очередных раундов переговорного процесса. Также был создан ряд других порталов, с помощью которых происходило информирование общественности о ТТП, однако все они давали очень поверхностную информацию.

Одним из способов взаимодействия политиков и экспертов, вовлеченных в работу над ТТП посредством онлайн-библиотеки, а также общественности и других заинтересованных сторон, являлось размещение последними комментариев на официальном портале правительства США по обсуждению правовых актов (www.regulations.gov). Данные комментарии в дальнейшем вносились в пространство виртуальной онлайн-библиотеки, где ее члены непосредственно знакомились с ними и могли их потенциально учесть в содержании соглашения. Однако стоит отметить, что механизм обратной связи при подаче комментариев через портал практически отсутствовал. В силу этого отсутствовала и возможность проверить, в какой степени предложения, указанные в комментариях, были учтены в итоговых формулировках, выдвинутых американской делегацией за столом переговоров.

Начиная со второго раунда, к участию в переговорах приглашались так называемые «заин-

тересованные стороны». К их числу относились представители от промышленных кругов, неправительственных организаций, ученые, эксперты и др. Для них предоставлялась информация о переговорной повестке дня, организовывались брифинги, а также встречи с делегациями, с которыми они могли обсудить интересующие вопросы⁶.

Об уровне организации встреч и взаимодействии с заинтересованными сторонами критически высказалась их участником, профессор Дж. Келси. По ее словам, в ходе первых раундов отсутствовала формула проведения встреч с заинтересованными сторонами, а «правительства организовали их по требованию своих национальных избирателей и растущего давления со стороны заинтересованных лиц из гражданского общества и бизнеса, выступающих в пользу системного процесса»⁷. Начиная с шестого раунда, параллельно организовывались встречи с «заинтересованными сторонами», в ходе которых последние выступали с докладами и презентациями для членов делегаций, участвующих в переговорах, что явно расширяло возможности для влияния в рамках переговорного процесса⁸.

С одной стороны, УТП действительно привлекало к работе над соглашением значительно больше заинтересованных сторон, чем в ходе переговоров по ранее заключенным ССТ. С другой стороны, многие из тех, кто принимал участие в переговорах, критиковали отсутствие транспарентности в переговорном процессе, требуя предоставить общественности такие же права доступа к предложениям американской делегации, какие имелись у советников от частного сектора (у корпораций).

У заинтересованных сторон, т. е. представителей частного бизнеса, политиков, некоммерческих организаций, интересы которых были прямо или косвенно затронуты данным соглашением, не было эффективных инструментов для отстаивания своих позиций в ходе переговорных раундов, а также отсутствовало понимание того, какое влияние окажет на их бизнес ТТП. На практическом уровне деятельность заинтересованных сторон сводилась к посещению раундов переговоров ради пятнадцатиминутного выступления с презентацией. Раунды проходили в разных странах и городах, что влекло за собой значительные финансовые затраты, связанные с поездками к месту проведения переговоров. В выступлениях необходимо было изложить переговорной делегации свою точку зрения на то, каким образом соглашение должно регулировать тот или иной аспект соглашения. В дальнейшем длительность выступлений была сокращена до 8 мин, а участников распределяли по разным помещениям, в связи с чем члены делегаций не могли ознакомиться со всеми презентациями⁹.

Согласно некоторым утечкам с переговоров предложения, выдвинутые заинтересованны-

ми сторонами, «фактически игнорировались»¹⁰. УТП не предоставляло заинтересованным сторонам данных о целях, которых планируется достичь американской делегацией на переговорах о ТТП, а также установило запрет на публикацию данных предложений в открытых источниках в течение 4 лет с момента заключения соглашения¹¹.

В мае 2012 г. торговый представитель США Р. Кирк в ответ на многочисленную критику заявил, что его «сильно оскорбляет утверждение о том, что наш [переговорный] процесс был непрозрачным и не предполагал участия общественности. УТП провело более 400 консультаций по ТТП с заинтересованными сторонами в Конгрессе и из частного сектора, включая приглашение заинтересованных сторон на все двенадцать раундов переговоров»¹². Вскоре после этого «дни заинтересованных сторон» были упразднены.

В ходе первого президентского срока Б. Обамы сформировалась группа из общественных организаций и интернет-платформ, негативно настроенных по отношению к ТТП и активно критиковавших закрытый режим переговорного процесса. В одной из статей ультраправого журнала «The New American», опубликованной в августе 2013 г., утверждалось, что большое количество критиков на самом деле является «контролируемой оппозицией», цель которой состоит в том, чтобы «способствовать ложному восприятию широкого общественного участия в процессе по ТТП». Согласно тезисам статьи данные «фиктивные оппозиционные группы» спонсируются посредством правительственных грантов, средств от крупных корпораций и профсоюзов, а также из фондов, освобожденных от уплаты налогов, для того чтобы не дать возможность выдвинуться на первый план настоящим противникам ТТП. «Фиктивные группы» самоустраиваются в тот момент, когда потребуется успешное прохождение ТТП через Конгресс¹³.

Подобные выводы весьма спорны, так как, например, профсоюз АФТ-КПП, который, по мнению автора статьи, также представляет собой «фиктивную оппозиционную группу», является крупнейшим объединением в США. В этой связи вероятность того, что данная весьма влиятельная организация соответствует понятию «контролируемая оппозиция», крайне низка. Однако стоит признать, что взаимодействие УТП и заинтересованных сторон действительно имело по большей части символический, нежели содержательный характер.

Сенатор-демократ Р. Уайден, председатель финансового подкомитета Сената США по вопросам международной торговли и глобальной конкурентоспособности, в мае 2012 г. в ответ на секретный режим переговорного процесса и отказ делиться данными о его содержании с Конгрессом, в частности с офисом сенатора,

представил проект Закона о надзоре за торговыми переговорами. Законопроект обязывал УТП предоставлять доступ к документам, включая секретные материалы, относящимся к переговорам по торговому соглашению, стороной которого могут быть Соединенные Штаты, и политике, продвигаемой Торговым представителем в таких переговорах: 1) любому члену Конгресса, который запрашивает такие документы; и 2) персоналу такого члена с надлежащими допусками к безопасности.

В своем заявлении Р. Уайден подчеркнул, что «данный закон гарантирует, что представителям, избранным американским народом, будет предоставлен такой же уровень влияния на политику нашей страны, как и оплачиваемым представителям PHRMA [Фармацевтические исследования и производители США], Хэллибертон, Комкаст корпорейшн и Американской ассоциации кинокомпаний»¹⁴. Соавторами закона были сенатор-демократ Т. Кобурн, а также два сенатора-республиканца Р. Бурр и Дж. Меркли.

Данная законодательная инициатива во многом стала реакцией на консультации между УТП и представителями фармацевтических компаний, а также индустрии развлечений. Указанные консультации, связанные с обсуждением регулирования норм интеллектуальной собственности в рамках ТТП, проводились в обход Конгресса США¹⁵. Постоянный бюджетный комитет Палаты представителей и финансовый комитет Сената, т. е. основные структуры Конгресса, отвечающие за политику в области международных торговых соглашений, были фактически отстранены от участия в определении повестки американской делегации на переговорах по ТТП.

Как бы то ни было, законопроект «О надзоре за торговыми переговорами» принят не был. Тем не менее его необходимо рассматривать в качестве жеста недовольства части конгрессменов их незначительной ролью в переговорном процессе¹⁶. Другие сенаторы, в частности Ш. Браун, также заявляли о том, что представят на рассмотрение Конгресса законопроект, который позволит реформировать процесс принятия решений в сфере международной торговли США¹⁷.

Как отмечалось, фактический доступ к предварительным разработкам по соглашению, а также возможность внесения в него предложений были предусмотрены лишь для членов системы консультативных комитетов по торговле¹⁸. Часть представителей данной системы относилась к так называемым одобренным советникам (cleared advisors) и именно для них был сформирован третий раздел виртуальной онлайн-библиотеки.

Система консультативных комитетов имеет трехъярусную структуру. К первому уровню относился консультативный комитет президента по торговой политике и переговорам, в котором может состоять не более 45 членов. Второй

уровень состоит из пяти общеполитических консультативных комитетов: по взаимодействию между различными уровнями власти, по торговле с Африкой, по сельскохозяйственной политике, по торговым переговорам и по экологической политике. К третьему уровню относятся 22 комитета: 16 консультативных комитетов по отраслевой торговле (ОТКК) и 6 сельскохозяйственных технических консультативных комитетов. И если комитеты первого и второго уровней занимаются скорее вопросами общего характера по различным направлениям, то комитеты третьего яруса предоставляют рекомендации технического характера по отдельным отраслям экономики США. Тем самым они являются промежуточным звеном между правительством и реальной экономикой¹⁹.

В итоге в течение переговорного процесса по ТТП в системе консультативных комитетов доминировали представители от ОТКК, в компетенцию которых входило множество сфер: от прав интеллектуальной собственности и фармацевтики до текстильной индустрии и информационно-коммуникационных технологий. Члены, не относящиеся к тем или иным отраслям экономики, заседали в комитетах второго уровня: в основном в консультативном комитете по торговым переговорам, торговой политике и комитете по торговой и экологической политике.

Роль комитетов второго уровня в определении переговорной повестки была незначительной. Так, в отчете АФТ – КПП, опубликованном в 2015 г., сообщалось, что для членов комитета по вопросам труда ограничивался доступ даже к главе, регулирующей трудовые нормы, а большинство целей, которых планировалось добиться, в тексте соглашения, так и не удалось достичь²⁰. Представители ОТКК сопротивлялись включению в их состав сторонних участников от некоммерческих организаций, так как опасались разглашения конфиденциальных сведений по партнерству со стороны последних, а также указывали на то, что подобное расширение усложнит процесс принятия решений в комитетах.

Таким образом, ключевыми участниками в переговорном процессе со стороны США являлись сотрудники УТП и одобренные советники из системы консультативных комитетов. Низкий уровень взаимодействия УТП с заинтересованными сторонами и с членами Конгресса не позволял последним оказывать существенное влияние на формирование позиции США за столом переговоров. В этой связи характер и содержание итоговых предложений американской делегации определялся прежде всего геополитическими и геоэкономическими мотивами администрации президента, а их детали разрабатывались в ос-

новном в ОТКК, отражающих в первую очередь интересы крупного бизнеса.

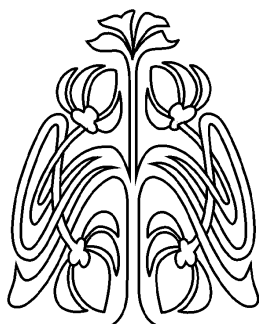
Примечания

- ¹ Trans-Pacific Partnership Announcement // Office of the United States Trade Representative. 2009. December. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2009/december/trans-pacific-partnership-announcement> (дата обращения: 21.08.2021).
- ² Elms D. U. S. trade policy in Asia : Going for the Trans-Pacific Partnership? // East Asia Forum. 2009. November 26. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2009/11/26/u-s-trade-policy-in-asia-going-for-the-trans-pacific-partnership/> (дата обращения: 21.08.2021).
- ³ Цит. по: Cooper H. Leaders Will Delay Deal on Climate Change // The New York Times. 2009. November 14. URL: <https://www.nytimes.com/2009/11/15/world/asia/15prexy.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 21.08.2021).
- ⁴ Taibbi M. On Obama's Sellout // Rolling Stone. 2009. December 14. URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/on-obamas-sellout-231524/> (дата обращения: 21.08.2021).
- ⁵ Fact Sheet : Transparency and the Trans-Pacific Partnership // Office of the United States Trade Representative. 2012. June. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/fact-sheets/2012/june/transparency-and-the-tpp> (дата обращения: 21.08.2021).
- ⁶ Open Government Plan // Office of the United States Trade Representative. 2012. June 1. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/ustr%20open%20government.pdf> (дата обращения: 22.08.2021).
- ⁷ Цит. по: Ruckstuhl A. The Blurring of Insiders and Outsiders : The TPP Transparency Campaign // Student Paper Series. № 27. Institut Barcelona d'Estudis Internacionals, 2016. P. 11.
- ⁸ Elms D. The Origins and Evolution of the Trans-Pacific Partnership Trade Negotiations // Asian Survey. 2016. Vol. 56, № 6. P. 1029.
- ⁹ Masnick M. USTR Tells Public Interest Groups They Have 8 Minutes To Talk To TPP Negotiators // Techdirt. 2012. August 30. URL: <https://www.techdirt.com/articles/20120830/02374820217/ustr-tells-public-interest-groups-they-have-8-minutes-to-talk-to-tpp-negotiators.shtml> (дата обращения: 23.08.2021).
- ¹⁰ Liss J. Trump's "America First" Trade Policy and the Politics of U. S. International Investment Agreements // CUNY Academic Works. The Graduate Center, City University of New York, 2017. P. 166.
- ¹¹ Flynn S. Law Professors Calls for Trans-Pacific Partnership (TPP) Transparency // InfoJustice. 2012. May 9. URL: <http://infojustice.org/archives/21137> (дата обращения: 23.08.2021).
- ¹² Цит. по: Flynn S. Kirk Responds to TPP Transparency Demands // InfoJustice. 2012. May 10. URL: <http://infojustice.org/archives/21385> (дата обращения: 23.08.2021).
- ¹³ Jasper W. Regional Scheme for the Pacific Rim // The New American. 2013. August 23. URL: <https://thenewamerican.com/regional-scheme-for-the-pacific-rim/> (дата обращения: 25.08.2021).
- ¹⁴ Цит. по: IYCFI : Wyden Statement Introducing "Congressional Oversight Over Trade Negotiations Act" // Ron Wyden United States Senator for Oregon. 2012. May 23. URL: <https://www.wyden.senate.gov/news/blog/post/iycfi-wyden-statement-introducing-congressional-oversight-over-trade-negotiations-act> (дата обращения: 24.08.2021).
- ¹⁵ Hinze G., Sutton M. Senator Wyden Demands Access to Text of Secret International Agreements Regulating the Internet // Electronic Frontier Foundation. 2012. May 23. URL: <https://www.eff.org/ru/deeplinks/2012/05/senator-wyden-defends-users-rights> (дата обращения: 24.08.2021).
- ¹⁶ Tur-Sinai O. The Trans-Pacific Partnership : Experimental Use of Patents on the International Agenda, 16 N.C. J. L. & Tech. 63 (2014). P. 66.
- ¹⁷ New W. US Congress Members Demand Access to TPP; ACTA Criticized In Australia // Intellectual Property Watch. 2012. Jun 27. URL: <https://www.ip-watch.org/2012/06/27/us-congress-members-demand-access-to-tpp-acta-criticised-in-australia/> (дата обращения: 24.08.2021).
- ¹⁸ Advisory Committees // Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/about-us/advisory-committees> (дата обращения: 24.08.2021).
- ¹⁹ Simmons Z. Other-than-Industry Representation on Industry Trade Advisory Committees // UCLA Pacific Basin Law Journal. 2014. Vol. 31, iss. 2. P. 152.
- ²⁰ Report on the Impacts of the TPP // AFL-CIO. 2015. December 2. URL: <https://aflcio.org/reports/report-impacts-tpp> (дата обращения: 25.08.2021).

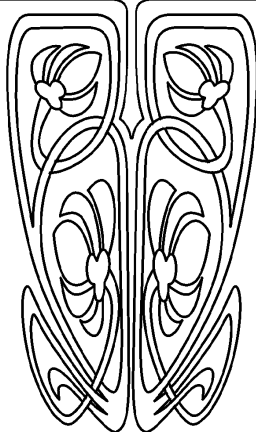
Поступила в редакцию 27.10.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 27.10.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 10.11.2021

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 104–110

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 104–110

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-104-110>

Научная статья

УДК [94(470.44):091]19]+929

Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича

Ю. Н. Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и документоведения, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Аннотация. Статья посвящена выявлению значения опубликованной рукописи «Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей» как источника по истории территорий Саратовского края на левом берегу Волги. Установлено, что рукопись вышла из среды «просвещенной бюрократии», близкой к великому князю Константину Николаевичу. Она содержит ценные сведения об истории и состоянии (на середину XIX в.) населения, хозяйства, торговли, культуры обширного региона и отдельных населенных мест. **Ключевые слова:** Россия в середине XIX в., юго-восточные губернии, немецкие колонии, Покровская слобода, Балаково, Н. А. Воронов, К. К. Грот

Для цитирования: Смирнов Ю. Н. Саратовское Заволжье в «путеводителе» для великого князя Константина Николаевича // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 104–110. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-104-110>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov Trans-Volga Region in «a Guide» for Grand Duke Konstantin Nikolaevich

Yu. N. Smirnov

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Yuri N. Smirnov, smirnov195503@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Abstract. The article is devoted to identifying the significance of the published manuscript "Description of the Volga coastal area of the Samara province and its most remarkable localities" as a source on the history of the territories of the Saratov region on the left bank of the Volga. As it was revealed the manuscript came from the encirclement of the "enlightened bureaucracy" close to the Grand Duke Konstantin Nikolaevich. It contains valuable information about the history and the situation in the middle of the 19th century of the population, economy, trade, culture of a vast region and some important settlements.

Keywords: Russia in the middle of the 19th century, southeastern provinces, German colonies, Pokrovskaya Sloboda, Balakovo, N. A. Voronov, K. K. Grot

For citation: Smirnov Yu. N. Saratov Trans-Volga Region in «a Guide» for Grand Duke Konstantin Nikolaevich. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 104–110 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-104-110>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2015 г. была издана одна из самых детальных и интересных рукописей статистико-географического и историко-этнографического содержания, посвященных российским регионом середины XIX столетия. Она была подготовлена в 1857 г. Николаем Алексеевичем Вороновым, который служил чиновником особых поручений в администрации самарского гражданского губернатора К. К. Грота. Рукопись оставалась неопубликованной более полутора веков и хранилась в Научном архиве Русского географического общества (РГО) в Санкт-Петербурге¹. Она называется «Описание Волжского прибрежья Самарской губернии и замечательнейших его местностей», а подготовили ее к печати сотрудники Российской национальной библиотеки и Самарского университета².

В реализации замысла этого издания важную роль сыграла Российская библиотечная ассоциация, которая проводила в 2015 г. в Самаре свою юбилейную XX конференцию, традиционно называемую «Всероссийским библиотечным конгрессом». Публикация рукописи Воронова стала подарком городу, который был местом проведения данного форума.

Издание получило высокую оценку самарской научной общественности. Однако внимание было обращено на то обстоятельство, что в составе Самарской губернии находились обширные территории по левому берегу Волги, которые ныне включены в современные Ульяновскую и Саратовскую области³. В связи с этим труд Воронова представляет интерес для исследователей прошлого не только Самарского, но и соседних с ним регионов. В настоящей статье поставлена задача показать ценность объемного описания Воронова для истории Саратовского Заволжья, которое полностью вошло в Самарскую губернию с момента ее образования в 1851 г.⁴

Рукопись Воронова имеет любопытную историю и оказалась в РГО не случайно. В начале января 1857 г. вице-председатель данного общества генерал М. Н. Муравьев обратился к начальнику Самарской губернии с просьбой предоставить сведения о ней для подготовки к намечавшейся поездке по Волге великого князя Константина Николаевича⁵. Младший брат только что вступившего на императорский престол Александра II являлся председателем РГО. Губернатор К. К. Грот в свое время сам был казначеем этого общества, являвшегося в определенном смысле кружком сторонников будущих реформ, группировавшихся вокруг великого князя⁶, представлявших молодую поросль «просвещенной бюрократии». Именно так имперских чиновников, готовивших и проводивших радикальные преобразования в масштабе страны и отдельных

губерний, нередко характеризуют в современной зарубежной⁷ и отечественной историографии⁸.

Воронов был сыном рано умершего чиновника, дослужившегося до классного чина из канцеляристов. Мальчик стал воспитанником Александровского сиротского института, который он окончил в своем выпуске первым по оказанным успехам учеником. Не случайно в 1853 г. его пригласили в команду образованных и патристически настроенных чиновников, которые отправились в Самару с новым губернатором, будущим активным деятелем Великих реформ, намереваясь сделать недавно образованную губернию образцовой в плане административного, социального и культурного управления⁹. Симпатии к этому стремлению «новой молодежи», которая «давала всему тон» в Самаре, где при К. К. Гроде, как считалось, «общественное мнение говорит громко и правдиво», высказывали и либерально настроенные современники¹⁰, и радикалы-«шестидесятники»¹¹.

Формально просьба руководства РГО и задача, поставленная губернатором перед Вороновым, состояла в том, чтобы описать Самарскую губернию «с обозначением тех мест, которые могут наиболее заслужить внимание его высочества при плавании по р. Волге». Традиция составления печатных путеводителей для августейших путешественников по России и их свиты уже существовала. В 1837 г. для поездки цесаревича Александра Николаевича (в будущем императора) маршрут «был опубликован в виде брошюры, которая предназначалась для памяти» самим путешественникам. Кроме того, такая брошюра направлялась «для руководства местным властям», которые должны были обеспечить гостям необходимый прием и осмотр достопримечательных мест¹².

К. К. Грот в 1857 г. прямо употребил обозначение «путеводитель». В своем письме в РГО, которым сопроводил отправку в Петербург «Описания Волжского прибрежья», он предлагал рассматривать его как «материалы для предполагаемого путеводителя»¹³.

Слово «путеводитель», появившись в русском языке в XVIII в., еще не стало устойчивым обозначением определенного жанра географической и познавательной литературы. Отечественные авторы, включая Воронова, предпочитали называть свои тексты «описанием», выходя за рамки простого перечня достопримечательностей и насыщая текст статистическими сведениями.

В XIX в. понятия «замечательные», «примечательные» места трактовались весьма широко. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля слово «достопримеча-

тельность» не требовало никаких «толкований», т. е. допускало самые разные объяснения на обычном уровне. В России к волжским достопримечательностям относили не только памятники истории, архитектуры, природы, но и этнографию, промыслы, торговлю городов и других мест по великой реке¹⁴.

Все эти сведения включались, собственно, и в путеводители по Волге. Те становились массовыми изданиями по мере распространения практики речных путешествий в связи с развитием пароходного транспорта в середине и второй половине XIX в.¹⁵

Строго говоря, в своей рукописи Воронов выступил, прежде всего, составителем сводки различных донесений, отчетов, справок, полученных из губернских, уездных, городских органов власти и местного самоуправления. В силу своего положения он имел свободный доступ к этой информации и не сдерживался своим начальством в выборе сведений и их трактовках. Грот, несомненно, доверял своему порученцу как надежному исполнителю и человеку, близкому по идейным убеждениям.

Не останавливаясь подробно на общественно-политических настроениях губернатора и его подчиненного, отметим один, но принципиальный факт близости их позиций по самому животрепещущему вопросу того времени. Успехи в освоении и процветании заволжского края Н. А. Воронов в своей рукописи связывал, прежде всего, с вольной крестьянской колонизацией. Сведома начальника в тексте, обращенном к члену императорской фамилии и его окружению, звучала похвала в адрес «свободных поселян, пришедших добровольно и целыми обществами, как они жили на старине, сохранивших добрые предания, какие завещаются постоянно спокойною свободою сельскою жизнью»¹⁶.

Эти слова были написаны еще до того, как в ноябре 1857 г. появился знаменитый рескрипт В. И. Назимову, начавший официальный отчет времени подготовки крестьянской реформы. В январе 1858 г. К. К. Грот в губернском дворянском собрании уже не словами своего сотрудника, а сам прямо заявил о необходимости «замены обязательного труда вольным»¹⁷. По мнению знаменитого юриста А. Ф. Кони, слова самарского губернатора, воспроизведенные в печати, «наэлектризовали» не только самарских помещиков, но других представителей русского общества¹⁸.

С самого начала своего повествования Н. А. Воронов выходил за пределы волжского «прибрежья», за рамки «путеводителя» по достопримечательностям. Первый раздел его текста назывался «Очерком Самарской губернии в историческом, этнографическом и статистическом отношениях». Это дало основание П. В. Алабину, известному самарскому общественному деятелю и краеведу, считать эту рукопись, с которой

он познакомился спустя два десятка лет после ее написания, кратким описанием всей Самарской губернии¹⁹.

Второй раздел «Замечательнейшие местности по берегу реки Волги в пределах Самарской губернии» выглядел ближе к первоначальному заданию со стороны РГО. Однако и здесь Воронов в ряде случаев «удалялся» от береговой линии, но главным отличием от практически любого волжского путеводителя являлся порядок изложения. Рассказ о «замечательных» (это слово в рукописи одно из самых любимых и часто встречаемых) пристанях, реках, поселениях, фабриках и заводах начинается с южных уездов и продолжается, двигаясь на север вверх по течению. Путешественники, в том числе августейшие, предпочитали более быстрое и комфортное плавание вниз по реке²⁰. Вряд ли предполагаемая поездка Константина Николаевича была бы исключением.

Впрочем, сама эта поездка по России и Волге не состоялась. Великого князя и председателя РГО ждали более срочные дела, поскольку он вместе с людьми из своего окружения, прозванными «константиновцами», становился ближайшим помощником венценосного старшего брата в подготовке будущих кардинальных преобразований в стране²¹.

Оставшись необнародованными, материалы и выводы Воронова не получили широкого общественного резонанса. Однако более полутора веков они остаются ценным историческим источником о юго-восточных территориях Европейской России, ставшим теперь после публикации более доступным для специалистов и любителей родной истории.

Географический обзор в первом разделе рукописи Воронова интересен в плане региональной истории, прежде всего, отсылками на хозяйственное освоение и использование природных объектов. В пределах современной Саратовской области составителя привлекли две реки – Большой Иргиз и Еруслан. Относительно Б. Иргиза речь идет преимущественно о его нижнем течении от Николаевска (ныне г. Пугачев) до устья реки, находящегося напротив правобережного Вольска. Несмотря на извилистость ее течения (от устья до Николаевска 99 верст по почтовому тракту и приблизительно 600 верст по воде), Воронова больше всего привлекает возможность транспортного использования реки. Он приводит сведения о доставке вверх по Иргизу до Березовой Луки различных грузов как на расшивах по волжской воде, затаевающей в половодье в русло реки и придающей Иргизу «как бы обратное течение», так и на пароходах. Эти суда шли за мукой на местные мельницы, доставляя в свою очередь материалы для их ремонта. Плоты из строевого леса и небольшие барки с различными товарами, главным образом посудой, проходили и выше с помощью бурлаков,

достигая самого Николаевска. В рассуждении, что более выгодно, устройство ли водяных мельниц с плотинами, перегораживающими реку, или снос этих плотин для обеспечения свободного водного хода, Воронов склонялся к преимуществам развития транспорта²².

Первый раздел рукописи содержит также краткие очерки колонизации края и этнического состава населения, развития здесь хлебопашества и скотоводства. Акцент ставится на северной, собственно самарской части Заволжья. Более южные земли по всем вышеназванным позициям освещены меньше. Рассказ об их колонизации ограничен упоминанием о солеизвозчиках и основании ими Покровской слободы, о старообрядцах и их расселении по Иргизу²³. Этническая картина здесь набросана тоже очень мозаично. Она содержит, тем не менее, интересные и достоверные замечания, например, об особой группе степных башкир в Николаевском и Новоузенском уездах численностью «до 2500 душ муж. пола» и принадлежащих в отличие от большинства этого этноса не к Башкиро-Мещерякскому, а к Уральскому казачьему войску²⁴.

Неполнота сведений Воронова о южной части губернии приводят его к ошибочным высказываниям об отсутствии поселенцев из мордвы в Николаевском и Новоузенском уездах²⁵. Это противоречит другим источникам, в том числе официальному списку населенных мест Самарской губернии, который был подготовлен примерно в то же время и свидетельствовал о наличии жителей из мордвы во всех уездах Самарской губернии²⁶.

Отдельные недостатки обзора национального состава населения Саратовского Заволжья в первом разделе компенсируются во втором разделе рукописи Воронова в отношении одной из этнических групп. В данном разделе, посвященном собственно «замечательнейшим местностям», после краткого перечня основных пристаней на левобережье Волги от границ Астраханской до границ Казанской губерний был представлен довольно обширный «Очерк колоний иностранных поселенцев в Самарской губернии».

Территория Заволжья под поселками иностранных переселенцев предстает в изложении Воронова как компактный «обширный прибрежный участок земли» и его занимает «сплошной слой колонистского населения». Эту однородность нарушает лишь наличие двух участков, где стоят казенные селения Новоузенского уезда: во-первых, Покровская и Узморская слободы (ныне г. Энгельс и с. Узморье Саратовской области) и во-вторых, села Черобаево и Хомутинка (с. Черобаево Волгоградской и исчезнувший населенный пункт Хомутинка в Саратовской области)²⁷.

Воронов считает данные казенные селения «малороссийскими» по составу жителей, что тре-

бует уточнений и еще раз говорит о его недостаточной осведомленности об этническом составе населения южных земель Самарской губернии. По сведениям ближайшего по времени составления списка населенных мест, где указывался национальный состав их жителей, в Покровской и Узморской слободах население было смешанным русско-малороссийским, причем с заметным преобладанием в первой из них русских и к тому же со значительным числом в ней же немцев. Что касается Черобаева и Хомутинки, то они в этом списке фигурируют как селения с русскими жителями²⁸.

Впрочем, выделение из числа «русских» собственно великороссов и малороссов в XIX столетии не было обязательным в официальных документах и не всегда проводилось в работах по истории регионов, в том числе Саратовского края²⁹. Да и далее в другом месте рукописи, говоря специально о Покровской слободе, Воронов не настаивал на исключительно «малороссийском» составе ее населения, а отметил наличие здесь русских жителей еще в XVIII в. и самом начале XIX в.³⁰

В отличие от фрагментарных и не всегда точных описаний русского, украинского, мордовского населения Саратовского Заволжья рассказ об иностранных колонистах у Воронова написан с большим авторским интересом и детализацией. Возвращаясь сначала к географическим вопросам, Воронов характеризует гидрографию на территории, занимаемой этими колониями, особенно рек Тарлыка, Б. и М. Карамана, ландшафт, почвы, климат, растительный и животный миры. Далее следует пересказ сведений о времени и условиях водворения колонистов в Поволжье в 1760-е гг.

В ходе дальнейшего повествования об истории колоний Воронов не умалчивает ни о трудностях, которые пережили переселенцы, ни о постоянном внимании властей к этому контингенту. Последнее заключалось как в предоставлении различной помощи, так и в выдворении из колоний неспособного к сельскохозяйственному труду населения или асоциальных элементов. Как считает Воронов, «поселенцы, окрепшие духом среди испытанных бедствий, с энергией занялись земледелием и скотоводством». Их «собственное трудолюбие» позволило довести колонии «до того цветущего положения, в каком мы видим их теперь»³¹.

Численность жителей в 66 колониях на территории Самарской губернии по Воронову составила «83539 человек обоого пола», в том числе 42103 мужчины и 41436 женщин. Из них до 35 тыс. чел. проживало в Николаевском и немногим более 48 тыс. чел. в Новоузенском уездах. В религиозном отношении лютеране (56525 чел.) преобладали над католиками (26894 чел.), очень немногие (120 чел.) исповедовали православие³².

Нет необходимости в рамках одной статьи пересказывать все сведения о колониях поволжских немцев из рукописи Воронова. К ним могут обратиться специалисты и все заинтересованные в данной информации. Она может уточнить наши знания по данной теме, которая актуализирована в современной научной³³, учебной³⁴ и популярной литературе³⁵. Однако в этой литературе практически нет обращений к материалам Воронова. У него же затронуты, кроме перечисленных, вопросы управления, благоустройства, быта, хозяйствования, нравственности, народного образования в колониях.

После общего обзора колоний Воронов привел отдельные очерки двух из них, которые являлись важными волжским пристанями: Привальной (ныне с. Привольное Саратовской области) и Екатеринштадта (ныне г. Маркс в той же области). По обоим пристаням даны численные характеристики перевезенных грузов (вес и стоимость). О Екатеринштадте добавлены еще культурные аспекты: наличие каменных зданий, делающих колонию похожей «более на чистенький городок, чем на земледельческое поселение», памятника Екатерине II, стрелкового общества, ежегодные трехдневные состязания которого превращались в настоящий праздник, собиравший гостей из всех колоний и из соседнего Саратова³⁶.

Отдельные очерки в рукописи Воронова были посвящены еще двум населенным местам Саратовского Заволжья, где имелись значимые волжские пристани – Покровской слободе и с. Балаково (ныне города Саратовской области Энгельс и Балаково). Их грузооборот за последние 5 лет здесь расписан детально не только в количественном, но и в качественном отношении: пшеница, мука, пшено, овес, чечевица, горох, сало, шерсть, овчины, кожи, соль, рыба вяленая, вобла сушеная, масло и семя подсолнечное, гвозди и другие товары³⁷.

В очерк о Покровской слободе был включен подробный рассказ об истории и организации солевозного промысла. Кроме волжской торговли, здесь имеется описание занятий жителей хлебопашеством, огородничеством, скотоводством, ремеслами. Из последних особое внимание Воронова привлекло изготовление местными женщинами шерстяных ковров «весьма хорошего достоинства», но рисунок которых, к его сожалению, был «по большей части груб и безыскусен»³⁸.

Также следует отметить указание Воронова на наличие в слободе женской школы. Ее устроила местная жительница государственная крестьянка Авдотья Ивановна Гавришева, и этой школе губернатор К. К. Грот, много заботившийся о развитии народного образования, особенно женского, лично оказал поддержку и помощь³⁹. В слободе имелось также мужское училище и богадельня на 15 чел., которые «содержатся на счет

общественный». Отмечено наличие салотопенных, маслобойных, кирпичных и пивоваренного заводов с указанием стоимости производимой ими продукции⁴⁰.

Воронов также поделился намерениями властей Самарской губернии превратить Покровскую слободу («огромное селение, раскинутое на пространстве более двух верст») в город и сделать ее центром уезда, благодаря чему торговые обороты местной пристани, достигшие 170 тыс. руб. серебром, «сделаются еще более обширны»⁴¹. Еще одним предполагаемым новым уездным центром намечалось Балаково. Однако в бюрократических согласованиях и переписке вопрос об увеличении числа уездов на юге Самарской губернии заглох и в последующие десятилетия так и не был решен⁴².

При всей значимости хлебной торговли Саратовского Заволжья, Воронов отмечал общий недостаток пристаней «Балакова, Екатеринштадта и Покровской слободы», функционирующих в полной мере только по весенней высокой воде: «... Навигация в них продолжается не более двух месяцев, начиная с половины мая до половины июля, а в остальное время года на грузки в этих пристанях не бывает; если же в межень и производится нагрузка близ этих пристаней, то она сопряжена с большими издержками, потребными на перегрузку хлеба из анбаров и доставку его до самой Волги ... на 1½ и более верст от самых пристаней»⁴³.

Балаково имело вторую по значению пристань в Самарской губернии (после самого губернского города), годовой товарооборот которой в денежном выражении составлял около 700 тыс. руб. серебром. В рукописи Воронова содержится описание «огромного торгового села» с каменными домами, салотопенным и кирпичным заводами, двумя водяными мельницами. Вновь обращено внимание на наличие учебных заведений. Для мальчиков в Балакове есть училище с 40 учениками и ремесленное заведение, «открытое в 1842 году», в котором 20 крестьянских детей «обучаются кузнечному, кожевенному и овчинному мастерствам». Воронов также указывает на наличие здесь женского училища с 11 ученицами⁴⁴.

Балаково принадлежало удельному ведомству, которое с 1850 г. стало открывать в своих поволжских имениях школы не только для мальчиков, но и для девочек, которые, как оказалось, отличались своей «понятливостью и способностью». Обязанности учительниц брали на себя грамотные крестьянки, а «изъяснение Закона Божьего и надзор за наставницами – местные священники без всякой платы»⁴⁵.

Примеры учебных заведений для девочек в селах Самарской губернии, приведенные Вороновым, имели не только информационное значение. Тем самым подчеркивалось изложенное

в его рукописи мнение местной общественности и администрации о досадном отсутствии женских школ в городах губернии и необходимости их создания⁴⁶. Губернатор через своего сотрудника сигнализировал верховной власти о готовности приступить еще к одной реформе, планируемой окружением нового монарха. Это была реформа женского образования, которая началась в 1858 г. и в которую Самарская губерния вошла в числе самых первых, во многом, благодаря К. К. Гроту и его сотрудникам⁴⁷.

«Просвещенные» чиновники из «команды» самарского губернатора показали себя не только деятельными организаторами и добросовестными исполнителями, но также внимательными аналитиками, поднимаясь до уровня серьезных исследований. К числу последних следует отнести рукопись Н. А. Воронова, в которой произошел отход от первоначального замысла «путеводителя» по волжским достопримечательностям к полноценному обзору самой молодой губернии Российской империи с выделением ряда ключевых пунктов ее сельскохозяйственного производства, промыслов, торговли, культуры. Такие «замечательнейшие места» были указаны и описаны на территории не только собственно Самарского, но и Саратовского Заволжья, что делает публикацию рукописи Воронова, как было установлено в ходе исследования, важным источником по региональной истории обширного Юго-востока Европейской России.

Примечания

¹ Научный архив Русского географического общества (далее – НА РГО). Разряд. 34. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 1–123.

² См.: Воронов Н. А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) / публикация : А. И. Раздорский, Н. С. Чернышёва, Д. Н. Шилов ; науч. ред. Ю. Н. Смирнов. СПб. : Издательство «Российская национальная библиотека», 2015. 118 с.

³ См.: Артамонова Л. А. Воронов Н. А. Описание Волжского побережья Самарской губернии и замечательнейших его местностей (1857 г.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, вып. 3-1. С. 176, 178.

⁴ См.: Смирнов Ю. Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX веков (основные этапы) // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1 (3). С. 75, 84, 88, 90.

⁵ См.: Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Баринаева Е. П., Дубман Э. Л., Елисеев А. И., Завальный А. Н., Кабытова Н. Н., Казарин В. Н., Кобозева З. М., Леонов М. И., Леонов М. М., Леонтьева О. Б., Матвеев М. Н., Савельев П. И., Смирнов Ю. Н., Тагирова Н. Ф., Турганова О. В., Тюрин В. А. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Самара : ООО «Слово», 2020. Т. 2. С. 26.

⁶ См.: Ружицкая И. В. «Просвещенные бюрократы» – новый тип российских чиновников : опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. 2008. № 1 (11). С. 41.

⁷ Lincoln B. W. On the vanguard of reforms : Russian «enlightened bureaucrats», 1825–1861. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1982. 297 p.

⁸ См.: Акульшин П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 46 с.

⁹ См.: Артамонова Л. М. Активизация самарского общества в годы Крымской войны и начале правления Александра II // Модернизация культуры : порядки и метаморфозы коммуникации : материалы III Международной научно-практической конференции : в 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. Самара : Самарский государственный институт культуры, 2015. Ч. I. С. 253, 257–258.

¹⁰ См.: Варенцов В. Г. Самарские письма // Московские ведомости. 1860. № 148. С. 1168.

¹¹ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания : в 2 т. Т. 1. М. : Художественная литература, 1967. С. 70.

¹² См.: Майорова А. С. Посещение Саратова наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. в контексте культурных коммуникаций столичных и губернских городов России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 82.

¹³ НА РГО. Разряд. 34. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 124–125.

¹⁴ См.: Руцинская И. И. Путеводитель как инструмент конструирования региональных достопримечательностей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 75, 78.

¹⁵ См.: Цыганова Я. М. Образ Самарского Поволжья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам путеводителей и путевых заметок) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 23.

¹⁶ Воронов Н. А. Указ. соч. С. 88.

¹⁷ Самарские губернские ведомости. 1858. № 8. Часть неоф.

¹⁸ См.: Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Материалы для его биографии и характеристики : в 3 т. Пг. : Изд. Попечительства имп. Марии Александровны о слепых ; Тип. М. А. Александрова, 1915. Т. 1. С. 53.

¹⁹ Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара : Изд. Самар. стат. ком. ; Губ. тип., 1877. С. 302–303.

²⁰ См.: Смирнов Ю. Н. Жителю коляски не худо ехать по воде. Путешествие Александра I на восток // Родина. 2011. № 7. С. 91–93.

²¹ См.: Белых А. А. Деятельность М. Х. Рейтерна : фактор доверия // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 120, 122.

²² См.: Воронов Н. А. Указ. соч. С. 20–22.

- ²³ Там же. С. 26.
- ²⁴ Там же. С. 34.
- ²⁵ Там же. С. 28.
- ²⁶ Список населенных мест по сведениям 1859 года : в 65 т. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1864. Т. XXXVI. Самарская губерния. С. XXXV, XXXVIII.
- ²⁷ См.: Воронов Н. А. Указ. соч. С. 42.
- ²⁸ Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года. Самара : Изд. Самар. губ. стат. ком., 1890. С. 232, 238, 240.
- ²⁹ См.: Майорова А. С. Изучение А. Н. Минхом истории заселения Саратовского Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 264–265. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-264-269>
- ³⁰ См.: Воронов Н. А. Указ. соч. С. 60.
- ³¹ Там же. С. 48.
- ³² Там же. С. 49, 51.
- ³³ См.: Овсянникова Н. В. Немцы Среднего Поволжья : 1764 – первая половина 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 270 с.
- ³⁴ См.: Булычев М. В., Колесова Е. В., Герман А. А., Гаврилова Г. Н., Лиценбергер О. А., Лучников А. В., Малов Н. М., Малышев А. Б., Самсонов С. И., Симонов А. А., Тотфалушин В. П., Хасин В. В., Ялыничев И. Н., Петрович В. Г. История Саратовского Поволжья : История России через историю регионов. Модуль 5.2 : учебное пособие / отв. ред. В. Г. Петрович. М. : ООО «Интеграция : Образование и Наука», 2016. С. 90–103.
- ³⁵ См.: Арндт Е. А., Герман А. А. Немцы Поволжья от Манифеста до Указа : 1763–1941. Саратов : Новый ветер, 2013. 43 с.
- ³⁶ См.: Воронов Н. А. Указ. соч. С. 56–58.
- ³⁷ Там же. С. 62–67.
- ³⁸ Там же. С. 61.
- ³⁹ См.: Артамонова Л. М. Просветительская деятельность самарского губернатора К. К. Грота : столичный чиновник в культурном пространстве провинции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 2 (19). С. 156, 159–160.
- ⁴⁰ См.: Воронов Н. А. Указ. соч. С. 61.
- ⁴¹ Там же. С. 63–64.
- ⁴² См.: Смирнов Ю. Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 35, 41–42.
- ⁴³ Воронов Н. А. Указ. соч. С. 77.
- ⁴⁴ Там же. С. 65.
- ⁴⁵ Артамонова Л. М. Гендерные аспекты общественной активности в деле народного образования в середине 19-го столетия (на примере Самары) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4 (40). С. 132.
- ⁴⁶ Воронов Н. А. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁷ См.: Артамонова Л. М. Первая реформа Александра II // Родина. 2014. № 4. С. 20, 22–23.

Поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 08.11.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 08.11.2021; accepted for publication 10.11.2021

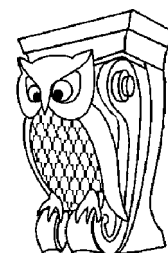

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 111–116
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 111–116
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-111-116>

Научная статья
УДК [94+322+271.2](470.67)|1917/1922|

«Безбожное лихолетье»: к вопросу об антицерковной политике советского государства (1917–1920-е годы) (сценарий Дагестана)

О. Б. Халидова

Дагестанский федеральный исследовательского центр Российской академии наук, Россия, Республика Дагестан, 365030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана Института истории, археологии и этнографии, o.khalidova2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3454-9427>

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения государства и православной церкви в годы революции 1917 г. и Гражданской войны. Анализируются причины трансформации политики в отношении наиболее влиятельной конфессиональной структуры. Одним из векторов политики в отношении православной церкви являлась широкомасштабная и бескомпромиссная борьба в рамках атеистической пропаганды и агитации. Географическим ареалом выбран национальный субъект Российского государства – Дагестан как полиэтничный и поликонфессиональный регион. Указывается на отсутствие у власти в религиозном вопросе четкой линии. На основе анализа конкретных примеров делается вывод, согласно которому оттягиванию выполнения некоторых декретов СНК по религиозным вопросам периода 1917–1919 гг. способствовало установление советской власти в регионах, где преобладало мусульманское население. Такое положение объясняется непростой ситуацией, связанной с Владикавказской епархией. Использован широкий круг неопубликованных архивных документов, извлеченных как из центральных архивов, так и региональных.

Ключевые слова: Дагестан, революция, советская власть, религия, православие, антицерковная политика

Для цитирования: Халидова О. Б. «Безбожное лихолетье»: к вопросу об антицерковной политике советского государства (1917–1920-е годы) (сценарий Дагестана) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 111–116. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-111-116>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Godless hard times”: On the issue of the anti-church policy of the Soviet state (1917–1920) (scenario of Dagestan)

O. B. Khalidova

Dagestan Federal research center of the Russian Academy of Sciences, 75 M. Yaragsky St., Makhachkala 365030, Republic of Dagestan, Russia

Olga B. Khalidova, o.khalidova2011@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3454-9427>

Abstract. The article shows the relationship between the state and the Orthodox Church during the 1917 revolution and the civil war. The reasons for the transformation of politics in relation to the most influential confessional structure are analyzed. One of the vectors of policy towards the Orthodox Church was a large-scale and uncompromising struggle within the framework of atheistic propaganda and agitation. The geographical area chosen is the national subject of the Russian state, Dagestan as a multi-ethnic and multi-confessional region. The author points out that the authorities do not have a clear line on the religious issue. Based on the analysis of specific factual examples, it is concluded that the postponement of the implementation of some decrees of the Council of People's Commissars on religious issues of the period 1917–1919 contributed to the peculiarities of the establishment of Soviet power in regions where the Muslim population predominated. This situation was also associated with a difficult situation related to the Vladikavkaz Diocese. The article uses a wide range of unpublished archival documents extracted from both central and regional archives.

Keywords: Dagestan, revolution, Soviet power, religion, Orthodox Church, anti-church policy

For citation: Khalidova O. B. “Godless hard times”: On the issue of the anti-church policy of the Soviet state (1917–1920) (scenario of Dagestan). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 111–116 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-111-116>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

«Новая власть стала всячески стеснять проявление и воспитание религиозного чувства вне церкви: преподавание Закона Божьего в школах запрещено, и священнослужители от школ отстранены окончательно; из школ удалены иконы, установлен налог на ношение священнических наперсных крестов, церковные браки признаны недействительными – одним словом, церковь не только взята под подозрение, но приняты все меры к дискредитированию ее авторитета в народных массах и к вселению в этих массах убеждения о том, что религия не только не нужна, но и вредна, т. к. она является для народа опкумом»

Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре полиэтничного города (Владикавказ в XIX – начале XXI вв.)

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война в России стали новым поворотом в отсчете исторического времени, повлиявшим на многие сферы человеческого бытия, подвергнув их кардинальной ломке. Одной из таких сфер, которую коренным образом коснулись преобразования, стала религия.

Актуальность статьи заключается в целом спектре проблем, связанных с положением Православной церкви в постреволюционный период в стране и с недостаточным вниманием исследователей к церковной жизни в региональном измерении. Разнохарактерная по своему содержанию литература относительно конкретно христианской религии, ее места и роли в дагестанском обществе в советский период представлена в основном исследованиями об истории ее проникновения¹, а также локальным изучением раннехристианских памятников на территории Дагестана, например, церковь в селениях Датуна², Верхний Чирюрт³. На современном этапе появляются работы по религиозной политике Российской империи и церкви в Дагестане⁴, о строительстве церковных культовых сооружений в крае⁵. Имеют место попытки осветить положение православной церкви, духовенства и верующих в постсоветский период в контексте трансформации общественно-политических отношений в дагестанском социуме⁶. Необходимо отметить, что приоритетной видится попытка немного приблизиться к заполнению образовавшейся лакуны конфессионального исторического прошлого республики в разрезе большевистской модернизации края.

Основой **методологического подхода** при исследовании автор выбрал симбиоз методов исторического исследования: диахронно-сравнительного на микро- и макроуровнях, историко-генетического, нарративного.

Теоретическую базу работы составили научные труды как российских исследователей, объектом которых стали вопросы, касающиеся непростых отношений между государством и церковью и отличающиеся принципиально

новыми подходами в изучении данной темы⁷, так и зарубежных авторов⁸. Широкий спектр вопросов по теме взаимоотношений Русской Православной церкви (РПЦ) и государства в период советской модернизации освещены в работах северокавказских исследователей⁹, в том числе и проблема, связанная с обновленческим движением в православной церкви¹⁰. На диссертационном уровне обращают на себя внимание исследования по государственно-конфессиональным отношениям¹¹ и по истории РПЦ¹² на Северном Кавказе. Комплекс архивных документов и материалов периодической печати, отражающих специфику взаимоотношений советской власти и Церкви в условиях российских трансформаций первой половины XX в. на примере Северной Осетии представлен в работе Б. А. Сиранова¹³.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты при написании обобщающих работ по истории церкви, антицерковной политике советского государства, также исследовательский материал может применяться в сравнительно-региональном измерении.

Еще в дореволюционное время статус РПЦ в системе российского управления определялся ее особой ролью, на имперской периферии. После завершения Кавказской войны для дальнейшего утверждения и укрепления своей власти в регионе российское правительство предпринимает комплекс мер по окончательному «усмирению» Дагестана, одной из которых являлась идеологическая. Значительным влиянием здесь пользовалась миссия Православной церкви. Итог подобной деятельности – значительное увеличение количества соборов и приходских церквей в Дагестанской области в период второй половины XIX – начале XX в., в том числе полковых церквей в селах края, например, в слободах Дешлагар (ныне Сергокала) и Чир-Юрт (ныне г. Кизилюрт), селах Ахты, Гуниб¹⁴.

К концу XIX в. наблюдался рост числа приверженцев православия, численность которого согласно переписи 1897 г. в Дагестанской области по округам и городам составляла 27 718 тыс. чел.¹⁵ К началу 1917 г. в соотношении с другими представителями поликонфессионального общества Дагестанской области православное население края занимало 2-е место. К началу XX в. на территории Дагестанской области насчитывалось 22 православных прихода, которые с 1895 г. входили в состав Владикавказской епархии.

Таким образом, накануне революционных событий 1917 г. в России перед РПЦ как опорой имперской власти были поставлены масштабные задачи: она являлась в регионе не только очагом идеологического воздействия, но и главной фигурой в реализации социальной политики, приоритетным направлением в которой был

культурно-просветительский аспект¹⁶. С другой стороны, внутри самой церкви и внутрицерковного сознания давно назрел мощнейший кризис, побуждающий к модернизации данного института. Историографический обзор свидетельствует о том, что неизбежность реформ была очевидна не только духовенству и религиозным мыслителям¹⁷, но и светской власти¹⁸. Поэтому поначалу революция была встречена церковью доброжелательно и с надеждой на сотрудничество. На деле все оказалось наоборот. Предтечей гонений на церковь послужили февральские события 1917 г. Несмотря на тесную близость Временного правительства «к делам и интересам православной церкви», церковь испытывала на себе все трудности рассматриваемого исторического периода. Анархия, охватившая страну к осени 1917 г., сопровождалась разбойными действиями в отношении не только церковного имущества, но и приходских священников¹⁹. Православные священнослужители призывали принять меры к ограждению православия от поругания, особенно в национальных регионах вследствие «кощунственного отношения к православным реликвиям»²⁰. Это осложнялось еще и непростой общественно-политической ситуацией²¹.

Вышеуказанные события стали преамбулой к будущим преследованиям в отношении церкви с приходом к власти большевиков в октябре 1917 г. Отличительная особенность новой власти состояла в пропаганде атеистической идеологии, широкомасштабной и бескомпромиссной борьбе с религией. Русская Православная Церковь как наиболее влиятельная и связанная с властью конфессиональная структура подверглась сильным испытаниям и ударам в условиях реализуемых советской властью антирелигиозных законодательных актов. В декабре 1917 г. – январе 1918 г. СНК РСФСР публикует ряд декретов, ущемлявших интересы церкви, среди которых – Декрет от 4 декабря 1917 г. «О национализации церковных и монастырских земель»²² и Декрет от 17 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»²³. По мнению некоторых историков-религиоведов, именно удар по сакральности брака был самым жестоким ударом, после которого начинается осмысление церковными деятелями всего происходящего²⁴, хотя подобная проблема была актуальной еще накануне свержения самодержавия²⁵.

Новое законодательство способствовало обществу негативному отношению к религии и церкви. «О злобном настрое прихожан против духовенства в станицах и в селах» упоминалось и в циркулярном указе Владикавказской Духовной Консистерии от 23 (10) апреля 1918 г.²⁶

Повсеместно имели место и ограбления монастырей. В 1918 г. в Кизлярском женском монастыре разместился военно-революционный

комитет. По воспоминаниям его бывшего председателя, первое заседание ревком был вынужден организовать в столовой из-за отсутствия помещения и только потом «...занята часть помещений женского монастыря»²⁷. Отсутствие средств вынудило представителей большевиков дважды прибегнуть к изъятию церковных ценностей, в результате чего были убиты несколько монахинь за оказание сопротивления²⁸.

В ходе Гражданской войны, сопровождавшейся возникшими противоречиями между большевиками и мусульманским духовенством в национальном регионе, ограблению и разрушению подвергались и православные храмы. Так, большой собор Преподобного мученика Андрея Критского г. Хасавюрта, выполненный в полумавританском стиле, был разрушен, оставив после себя лишь «красивый остов»²⁹. В результате диакон разграбленной слободы Хасав-Юрт Георгий Голубинский просил помощи во Владикавказском епархиальном совете, сетуя на то, что он подвергся ограблению и «остался положительно без всяких средств и без места» (работы. – О. Х.)³⁰.

Такой же участи подверглись урочище Дешлагар и населенные пункты в Кайтаго-Табасаранском и Даргинском округах.

Следует отметить, что на периферии утверждение советской власти было обусловлено особенностями национального региона, прежде всего с преимущественно мусульманским населением, куда входил и Дагестан. Создание независимого мусульманского государства на первых порах после свержения царизма со стороны мусульман края во главе с Н. Гоцинским поставило большевиков перед необходимостью проявлять гибкость и умение идти на компромисс³¹, чего нельзя сказать о белых при овладении ими позиций в Дагестане в мае 1919 г.³²

По этим причинам на первых порах проведение антицерковного законодательства в Дагестане тормозилось.

С другой стороны, весьма непростая ситуация складывалась с православной церковью в крае. Здесь, несмотря на призыв патриарха Тихона о невмешательстве церкви в дела политические, складывалась иная ситуация. Незащищенность вынуждала православное духовенство занимать порой «белую» сторону, которая, в свою очередь, служила гарантом сохранения тех привилегий, которыми пользовалась церковь до революции. Проблемы и вызовы, направленные против духовенства в период Гражданской войны, а также факты глумления над чувствами православного населения даже стали предметом для обсуждения на созванном Юго-Восточном Русском Церковном Соборе по инициативе правительства Деникина³³.

Выступление православного церковного руководства на стороне «белой» власти будет одной

из причин усилившейся борьбы с церковью после завершения Гражданской войны. Многие из служителей церкви, особенно те, которые находились на территориях, оккупированных белыми частями окажутся на скамье подсудимых «за совершение молебных пений о победе белого оружия»³⁴, среди которых был Епископ Владикавказский и Моздокский Макарий.

Окончание Гражданской войны, результатом которой стали разруха и разразившийся голод в стране, подвело новую власть к череде бесконечных конфискации. Для разрешения возникшего продовольственного кризиса и пополнения хлебных запасов страны требовались огромные капиталовложения. Церковь в лице патриарха Тихона, основав Всероссийский церковный комитет помощи голодающим в августе 1921 г. и организовав сбор денежных, вещественных и продуктовых пожертвований, выразила готовность добровольно помогать голодающим³⁵. Духовенство также приступило к созданию епархиальных комитетов помощи голодающим.

Однако против участия церкви в помощи голодающим резко выступили видные члены партии. Новой властью было принято решение, что для спасения голодающих нужно обменять на хлеб церковные ценности. С этой целью был принят Декрет ВЦИК от 27 декабря 1921 г. «О насильственном изъятии церковных ценностей, находящихся в церквях и монастырях»³⁶. Особенность данного акта состояла в том, что информация обо всех ценностях, поступивших из церковного имущества и их расходовании, публиковалась в периодической печати. В региональной прессе был опубликован перечень ценностей, изъятых из местных храмов, молелен, синагог и т. д., с указанием их названий³⁷. При изъятии обязательным было присутствие представителей групп верующих.

В Горской республике было проведено 34 кампании по изъятию, о спокойном ходе которых 29 мая 1922 г. сообщал Горский политотдел в г. Владикавказе³⁸. Это было не так много. Для сравнения: только по Москве количество их составило 1370³⁹. В общей сложности было изъято серебра 14 пудов 25 фунтов 32 золотника и 91 доля; золота 42 доли; серебряных монет на 15 руб. 40 коп.⁴⁰ Согласно информации, которую предоставил Гохран о поступивших церковных ценностях, самое маленькое количество числилось по Дагестанской республике, на территории которой прошла всего одна кампания. Здесь были приведены следующие количественные данные: серебра 5 пудов, 17 фунтов, 47 золотника, 42 доли⁴¹. Можно предположить, что подобные небольшие цифры объясняются, во-первых, итогами Гражданской войны, когда православные храмы подвергались ограблению. Во-вторых, на наш взгляд, православные приходы в Дагестане не отличались высоким уровнем материального благополучия и убрства. И в

третьих, возможно, что часть церковного имущества от изъятия спасли сами прихожане церквей.

Политика по экспроприации церковных ценностей была продолжена. Изъятию подвергались церковные колокола. Акция проходила в 1925–1928 гг. в рамках внедрения их в общее дело радификации республики. Запрет на звон церковных колоколов с оговоркой «как нарушающий отдых трудящегося населения»⁴², сопровождался просьбой ЦИК ДАССР о сдаче церковных колоколов в целях радификации республики⁴³.

Одновременно усиливается и антирелигиозная политическая пропаганда, девизом которой стало «объединения всех сознательных трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех видах и формах»⁴⁴. Одна из особенностей данной акции состояла в повсеместной муниципализации культовых сооружений с последующим использованием религиозных помещений для хозяйственных и культурно-просветительных нужд. Так, остатки разрушенного здания Полковой церкви Преподобного мученика Андрея Критского г. Хасавюрта в 1928 г. были разобраны на строительство консервного завода⁴⁵. При Соборной церкви в г. Махачкале была организована детская площадка с двумя группами детей⁴⁶.

Окончательный этап по закрытию религиозных культовых зданий пришелся на 1929 год с выходом Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях»⁴⁷. Многочисленные жалобы со стороны рабочих Петровско-Кавказской железной дороги послужили причиной закрытия в сентябре 1929 г. по решению властей республики Успенской церкви, расположенной в Первой Махачкале, и передачи помещения под клуб⁴⁸.

После закрытия церкви Успения Пресвятой Богородицы с куполов сорвали кресты, сбросили колокола и отправили их на переплавку, разрушили иконостас, вынесли и сожгли большую часть икон. Церковь Успения Богородицы была превращена в склад-магазин ОРСа Главнефесбыта. Потом в ней устроили общежитие, установив внутри дощатые перегородки, позже там размещался ресторан⁴⁹. Под клуб ДО ОГПУ и дивизиона ВООГПУ была передана бывшая Никольская церковь⁵⁰. Другие молитвенные учреждения в основном были оборудованы под общежития для семей, пострадавших от стихийного бедствия.

Таким образом, Декрет «Об отделении церкви от государства» явился правовой основой, на которой продолжала строиться антицерковная политика с ущемлением прав верующих, а также осуществлялась административные репрессии. Однако массовое сопротивление искоренения религии из жизни населения привело к осознанию сохранения в общественной практике церковно-религиозного института. С этой целью партийными работниками была сделана ставка на обновленцев. Широкое развитие их

движение получило на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане. Согласно материалам республиканского архива на территории республики в 1926–1928 гг. насчитывалось 39 православных приходов, 29 из которых имели обновленческую ориентацию. Также следует отметить, что источники того времени свидетельствуют о тотальной поддержке обновленцев в Дагестане на примере г. Махачкалы⁵¹.

В арсенале большевиков имелся широкий перечень способов для ослабления позиций церкви: путем агитации и пропаганды, обогащения государственного материального фонда секуляризацией ценностей православных храмов. Однако подобные процессы не так активно проходили в Дагестане в сравнении, например, с Северной Осетией, где позиции православной веры были значительно сильнее.

Антицерковная политика советской власти и в целом религии набирала обороты.

Примечания

- ¹ См.: Шихсаидов А. Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. 1957. Т. 3. С. 54–76.
- ² См., например: Шмерлинг Р. О. Церковь в с. Датуна в Дагестане // Мацне – Тбилиси. 1968. № 2. С. 211–218.
- ³ См.: Магомедов М. Г. Раннесредневековые церкви Верхнего Чирюрта // Советская археология. 1979. № 3. С. 186–203.
- ⁴ Данилюк М. Ю. Роль Русской Православной Церкви в политике России в Дагестане во второй половине XVIII – начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2008. 30 с.
- ⁵ См.: Сергеев А. Ю. Православная культовая архитектура Хасавюрта. Конец XIX – начало XX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 4. С. 115–127.
- ⁶ См.: Халидова О. Б., Гебеков Г. Ф. Православные религиозные организации в контексте трансформации государственно-конфессиональных отношений (1985–1997 гг.) : Проблемы и особенности взаимоотношений в национальном регионе (на примере Дагестана) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 148–158.
- ⁷ См., например: Одицов М. И. Государство и церковь : история взаимоотношений (1917–1938 гг.). М. : Знание, 1991. 63 с.
- ⁸ Curtiss J. S. Church and State in Russia. The Last Years of the Empire. 1900–1917. New York : Columbia University Press, 1940. 429 p
- ⁹ См., например: Беликова Н. Ю. Православная церковь и государство на Юге России : (конец XIX – первая треть XX вв.). Краснодар : Атриум, 2004. 162 с.
- ¹⁰ См.: Пантюхин А. М., диакон. Обновленческое движение Русской Православной Церкви в 20–40-е гг. XX в. (на материалах Ставрополя и Терека). Ставрополь : Издательско-полиграфический комплекс «АГРУС» Ставропольского государственного аграрного университета, 2014. 280 с.
- ¹¹ См.: Колосовская Т. А. Государственно-конфессиональные отношения на Ставрополье в конце XIX – первой трети XX в. : историко-правовой аспект : дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2002. 293 с.
- ¹² См.: Горобец А. А. История Русской Православной церкви в Северной Осетии : 1917–1924 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2004. 154 с.
- ¹³ См.: Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии (1917–1943 гг.) : сборник документов / сост., автор предисловий и коммент. Б. А. Синанов. Владикавказ : Издательско-полиграфический центр Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН и РСО-А, 2014. 166 с.
- ¹⁴ Подробнее см. : Сергеев А. Ю. История военных православных храмов в сельской местности Дагестана (вторая половина XIX – начало XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 133. С. 60–70.
- ¹⁵ См.: Республика Дагестан : Административное устройство, население, территория (60-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) (статистический справочник) / сост. Г. И. Какаганов, М. Д. Бутаев, Р. И. Джамбулатов, Д. Б. Ахмедова. Махачкала : Юпитер, 2001. С. 34–35, 66.
- ¹⁶ См. подробнее : Халидова О. Б. Культурно-просветительская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в контексте интегративных практик Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2018. № 5 (42). С. 65–69.
- ¹⁷ См.: Фирсов С. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М. : Духовная библиотека, 2002. 623 с.
- ¹⁸ См.: Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700–1917. М. : Русская панорама, 2003. 479 с.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. Р-3431 «Всероссийский Священный собор 1917–1918 гг.». Оп. 1. Д. 567. Л. 24–24 об.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 562. Л. 16.
- ²¹ См.: Салихова Л. Б., Аяган Б. Г. Дагестанская область между двумя революциями 1917 г. (расстановка общественно-политических сил) // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 4. С. 952–968.
- ²² См.: Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 18(31) декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 11. Ст. 160. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 161–163.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Васильева О. Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия и церковь. 2019. № 1/2 (37). С. 2–29.

- ²⁵ См.: Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России. Февраль 1917 – январь 1918 г. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 268.
- ²⁶ См.: Хубулова С. А., Царикаева З. Е. «Женская история» народов Северного Кавказа. Владикавказ : Северо-Осетинский госуниверситет, 2004. 100 с.
- ²⁷ Хорошев А. Ф. Так мы начинали // Это было в Кизляре. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1988. С. 6.
- ²⁸ См.: Урсова Н. В. Материнский плач Святой Руси. Воспоминания. М. : Русский паломник, 2009. 560 с.
- ²⁹ Хасавюрт. Выставка по животноводству // Красный Дагестан. 1923. 20 дек. С. 3.
- ³⁰ Речь епископа Владикавказского и Моздокского Макария во время празднования «Дня свободы» на Михайловской площади Владикавказа // Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии... С. 28.
- ³¹ См.: Сулаев И. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть : борьба и сотрудничество (1917?1921 гг.). Махачкала : Деловой мир, 2004. 184 с.
- ³² См.: Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны : религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах. СПб. : Владимир Даль, 2017. 483 с.
- ³³ См.: Горобец А. А. Указ соч. С. 54.
- ³⁴ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный период (1700–1917). Новейший период (1917–2000). М. : Издательство Средненского монастыря, 2004. С. 378.
- ³⁵ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 : сб. в 2 ч. / сост. М. Е. Губонин. М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. 1063 с.
- ³⁶ См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 : в 2 кн. / изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Кн. 1. М. : РОССПЭН ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. 597 с.
- ³⁷ См.: Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об изъятии церковных ценностей от 28 февраля // Взаимоотношения советской власти и православного духовенства Северной Осетии... С. 87.
- ³⁸ См.: Информационная сводка № 34 от Горского Политотдела от 27 мая 1922 года о ходе изъятия церковных ценностей // Там же. С. 100–101.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1065 «Центральной комиссии по борьбе с последствиями голода (ЦК Последгол) при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете. 1922–1923 гг.». Оп. 4. Д. 32. Л. 78.
- ⁴⁰ См.: Пантюхин А. М., диак. Указ. соч. С. 103.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 4. Д. 32. Л. 76.
- ⁴² Центральный Государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. Р-37 «ЦИК ДАССР, г. Махачкала». Оп. 20. Д. 126. Л. 35.
- ⁴³ Там же. Д. 127. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Р-238 «Дагестанский Совет Союза воинствующих безбожников, г. Махачкала». Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ⁴⁵ См.: Дорогобед Б. П. / Из истории города Хасавюрта / Кумыкский мир. URL: <http://kumukia.ru/article-9002> (дата обращения: 04.11.2021 г.).
- ⁴⁶ Культурное строительство в Дагестанской АССР (1918–1941 гг.) : сборник документов и материалов : в 2 т. / сост. Г. Д. Коган, С. И. Юсупова. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1980. Т. 1 С. 61.
- ⁴⁷ ЦГА РД. Ф. Р-190 «Исполнительный комитет Махачкалинского городского Совета депутатов трудящихся ДАССР, г. Махачкала». Оп. 16. Д. 10. Л. 57–73.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-37 «ЦИК ДАССР, г. Махачкала». Оп. 20. Д. 126. Л. 19.
- ⁴⁹ См.: Романов А. «Со Христом нам ничего не страшно!» // Русский дом. 2010. № 12. URL: <http://rusdom.ru/node/3489> (дата обращения: 04.11.2021 г.)
- ⁵⁰ ЦГА РД. Ф. Р-37 «ЦИК ДАССР, г. Махачкала». Оп. 20. Д. 126. Л. 5.
- ⁵¹ См.: ЦГА РД. Ф. Р-238 «Дагестанский Совет Союза воинствующих безбожников, г. Махачкала». Оп. 3. Д. 15. Л. 44–45; Ф. Р-37 «ЦИК ДАССР, г. Махачкала». Оп. 20. Д. 90. Л. 24.

Поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 29.08.2021; принята к публикации 10.11.2021

The article was submitted 01.08.2021; approved after reviewing 29.08.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 117–125
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 117–125
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-117-125>

Научная статья
УДК [002.2+655.4/5](470.44.470–25)|1922/1928|

Практика издания в Саратовской губернии в 1920-е гг. литературы для высшей школы

А. С. Касович

Самарский государственный институт культуры, Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167

Касович Андрей Стальевич, аспирант кафедры библиотечно-информационных ресурсов, ntgkasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8099-0176>

Аннотация. Дефицит учебной литературы для высшей школы стимулировал в 1920-х гг. развитие вузовского книгоиздания Саратовской губернии. Труды десятков ведущих педагогических работников СГУ и СИСХиМ восполнили эту нишу. За выход из печати учебников и пособий отвечало губернское отделение Госиздата, а подготовку рукописей к изданию осуществляли такие организации, как: подотдел социального обеспечения студенчества при Саратовском университете, общестуденческая касса взаимопомощи, губернские отделы здравоохранения и образования и т. д. Немало учебной литературы для студентов-гуманитариев напечатало и частное книгоиздательство В. З. Яксанова. В настоящей статье исследуется динамика развития учебного книгоиздания высшей школы на территории Саратовской губернии в 20-е г. XX в.

Ключевые слова: учебное книгоиздание, региональное книгоиздание, вузовское книгоиздание, Саратовская губерния, авторы учебников и пособий, издающие организации

Для цитирования: Касович А. С. Практика издания в Саратовской губернии в 1920-е гг. литературы для высшей школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 117–125. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-117-125>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The practice of publishing in the Saratov province in the 1920s literature for high school

A. S. Kasovich

Samara State Institute of Culture, 167 Frunze St., Samara 443010, Russia

Andrey S. Kasovich, ntgkasov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8099-0176>

Abstract. Against the background of an acute shortage of educational literature in support of higher education in the 1920s, dozens of famous teachers of Saratov universities acted as authors of textbooks and manuals. The provincial department of the state publishing house was responsible for their publication, and the preparation of the manuscript for publication was carried out by such organizations as: the subdivision of social security for students at Saratov State University, the general student fund for mutual assistance, the provincial departments of health and education, etc. A lot of educational literature for students of humanities were published by V. Z. Yaksanov's private publishing house. The article examines the dynamics of educational book publishing to meet the needs of higher education in the region, its characteristic features and characteristics.

Keywords: educational publishing, regional publishing, Saratov province, authors of textbooks and manuals, publishing organizations

For citation: Kasovich A. S. The practice of publishing in the Saratov province in the 1920s literature for high school. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 117–125 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-117-125>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Издание в Саратовской губернии в третьем десятилетии XX в. книг и брошюр для обеспечения образовательного процесса высшей школы до сего времени еще не становилось объектом отдельного исследования. Выпуск в обозначенный период учебников, пособий, вспомогательной литературы для спецкурсов под авторством ряда известных в губернии ученых и педагогов, а так-

же сведения об этих книгах и обстоятельствах их появления кратко упоминались лишь в контексте изучения биографий деятелей науки либо в материалах юбилейных очерков по истории того или иного вуза. Например, информацию о выходе важных для обучения студентов-филологов книг профессоров Б. М. Соколова, В. В. Буша и А. П. Скафтымова находим в сборнике «Сара-

товский университет»¹, вышедшем в 1959 г. к 50-летию СГУ (далее – СГУ). Заметим, что и подробных биографий с примерами издательской деятельности видных вузовских ученых появилось не так много. Назовем книги о химике В. В. Челинцева², селекционере Г. К. Мейстере³, геологе Б. А. Можаровском⁴.

К 50-летию университета был издан и библиографический указатель «Труды научных работников СГУ»⁵. В ряде вузов региона в разные годы также печатались ретроспективные библиографические указатели основных трудов выдающихся ученых⁶. Однако при несомненной информативности справочники в основном были обращены к массиву публикаций в периодических изданиях, почти не упоминали труды, отпечатанные отдельными оттисками, и в целом не давали исчерпывающей картины по выпущенной в регионе учебной литературе.

В основу настоящей работы было положено изучение книжных изданий 1922–1928 гг., хранящихся в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета, Саратовской областной универсальной научной библиотеки, материалов Государственного архива Саратовской области, электронных каталогов Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Государственной публичной исторической библиотеки, Научной педагогической библиотеки им. К. Д. Ушинского, а также обзор лотов книжных аукционов.

Известно, что после выхода Декрета Совнаркома от 12 декабря 1921 г. № 685 «О частных издательствах»⁷ получили право на жизнь и хозяйственную деятельность частные и кооперативные издательства. Вместе с тем, п. 13 постановления гласил, что выпуск «учебной литературы регулируется постановлением Совета Народных Комиссаров от 16 августа 1921 г.»⁸, т. е. издание и переиздание учебников, руководств и пособий для школ и вузов по-прежнему оставалось исключительной прерогативой Госиздата при Наркомпросе. Но при этом у Госиздата появилась возможность передавать право переиздания тех или иных книг в частные руки. Менялась структура и самого Госиздата РСФСР. Многие его региональные отделения оказались расформированными, редакционные функции постепенно сосредотачивались в российских столицах ради повышения качества обработки рукописей⁹. Однако Саратовское губернское отделение Госиздата решили не трогать. Видимо, качество работы при жестком дефиците бумаги и кадровом голоде у печатников вполне устраивало центр, тем более что обеспечить вузы губернии на должном уровне учебниками из Москвы и Петрограда Наркомпрос был не в состоянии. Региону приходилось решать проблему обеспечения учебного процесса своими силами.

Важно подчеркнуть, что в Саратове уже к 1917 г. сложился очень сильный кадровый состав вузовского преподавательского корпуса. Накоплен был и некоторый опыт издания учебной литературы. С началом активной фазы Гражданской войны в регион переехали из столиц многие известные профессора, которые также включились в издательскую деятельность. В основном будущие авторы учебных пособий группировались вокруг Саратовского университета как наиболее мощного научно-педагогического центра. Ряд авторов учебной литературы преподавали в стенах Саратовского сельскохозяйственного института.

Немало сложностей вносило перманентное реформирование учреждений высшей школы в губернии. Новые вузы и отдельные факультеты в их составе на протяжении 1920-х гг. то появлялись, то исчезали. Слияния и разъединения привели к тому, что к примеру, в СГУ в 1924 г. сохранилось только три факультета: медицинский, педагогический и общественных наук¹⁰. Многочисленные поглощения и слияния в изучаемый период не коснулись только медицинского факультета. И стабильность эта благотворно сказалась на издательской деятельности, в которой участвовали авторитетные преподаватели медицинских дисциплин.

В этом отношении интерес представляет такой факт. В 1922 г. тиражом в 4 тыс. экземпляров вышел из печати «Терапевтический справочник по внутренним болезням»¹¹, составленный заведующим кафедрой госпитальной терапии СГУ, профессором Э. А. Гранстремом и его коллегами, ассистентами госпитальной и диагностической клиник. На титульном листе этой книги можно видеть такой текст: «Серия изданий студента-медика И. С. Лобко». В том же году Саратовское отделение Госиздата выпускает еще один «Терапевтический справочник» из той же серии¹². И среди составителей справочника упоминается все тот же профессор Гранстрем. Поэтому было бы странно думать, что речь идет не о двух разных, а об одной и той же книге. По нашему предположению, путаница произошла не только из-за сходства в названиях изданий, но также из-за редкого упоминания первого справочника в научной литературе. Он отсутствует в каталогах главных библиотек страны и в фондах библиотек региона. Данные об этой книге приводятся только в одном из лотов электронного книжного аукциона. В предисловии от 2 сентября 1921 г. сам профессор подчеркивал, что выпускает не лишенный ошибок труд свой и своих ассистентов¹³, в то время, как И. С. Лобко в предисловии к первому изданию Терапевтического справочника, хранящегося во всех библиотеках, заявил о том, что «группа профессоров Медицинского факультета Саратовского университета после настоятельных просьб со стороны студентов-медиков 5 курса, за невозможностью по условиям времени

издать подробные руководства по разным специальностям, изъявила свое согласие на издание терапевтического справочника»¹⁴. К изданию Гранстрема Лобко предисловия не писал. Перечень несопадений дополняет и разный «метраж» справочников. У Гранстрема с ассистентами – 231 страница, у «группы профессоров» – два тома и обьем в два с лишним раза больше.

Обращения к профессорам с просьбой написать пособия для обучения были отнюдь не единичными. Еще в 1920 г. отдельная структура в университете – коллегия, а затем и подраздел социального обеспечения студенчества – выступили в качестве инициаторов издания учебной литературы силами профессуры Саратова¹⁵. Что же касается редакторской деятельности студента-медика, а затем и доктора И. С. Лобко, то он успешно вел ее вплоть до 1936 г. К примеру, он готовил 8-е издание Терапевтического справочника в качестве ответственного секретаря и даже оформителя¹⁶.

В январе 1922 г. в саратовской газете «Известия» было помещено объявление о новых книгах губернского отделения Госиздательства, которые должны в скором времени выйти из печати и поступить в продажу¹⁷. Дождались появления лишь одного – переизданного «Курса патологической анатомии» профессора Казанского университета Ф. Я. Чистовича¹⁸. Впрочем, вместо анонсированных пособий Госиздат выпустил в том году несколько других, не менее ценных, в частности «Курс фармакологии для студентов и врачей» профессора СГУ В. И. Скворцова¹⁹. Этот учебник, к слову, выдержал 8 изданий, а его автор, возглавлявший соответствующую кафедру, по сути заложил основы биохимической фармакологии в нашей стране. Еще один организатор медицины в губернии, профессор СГУ, заведующий кафедрой, отоларинголог М. Ф. Цытович стал автором другого знаменитого учебника – «Болезни уха, носа и горла»²⁰. Он также издавался 8 раз. Саратовское отделение Госиздата печатало и талантливых молодых авторов, если тема того или иного учебного материала оказывалась актуальной. Так, к примеру, вышла из печати брошюра 26-летнего доктора И. Л. Стычинского «План исследования круга представлений нормального и дефективного ребенка: пособие для педагогов и врачей»²¹.

В 1922 г. в роли издающих организаций продолжали выступать и отдельные подразделения губернской власти. Мордовский подраздел губернского отдела по делам национальностей при Саратовском губисполкоме поспособствовал выходу труда выдающегося литературоведа и фольклориста, профессора кафедры русской литературы СГУ Б. М. Соколова «Этнографическое изучение Саратовского края»²². В том же году в целях преодоления финансового и кадрового кризиса создается Саратовское объединение

предприятий полиграфической отрасли – «Сарполиграфпром». Сначала в него входила часть уездных типографий, но затем, в 1923–1924 гг. «они были переданы местным организациям и в ведении полиграфпрома остались лишь типографии г. Саратова»²³. В итоге «Сарполиграфпром» включил в свой состав 4 самых производительных типографии Саратова и фабрику тетрадей²⁴.

В 1923 г. Саратовское отделение Госиздательства напечатало 2 фундаментальных учебника. Уроженец Саратова, выдающийся ученый В. В. Челинцев в 1922 г. создал в СГУ кафедру органической химии, и уже в следующем году издал учебник под названием «Органическая химия: руководство для студентов Университета и специальных учебных заведений»²⁵. Вышло и второе, значительно дополненное издание двухтомника «Патологическая физиология» основателя этой научной дисциплины, профессора СГУ А. А. Богомольца²⁶. Заметим, что в целом губернское отделение Госиздата в 1923–1924 гг. перенаправило вектор своей деятельности на книжную торговлю и, осваивая разрешенную в рамках нэпа хозрасчетную деятельность, содействовало поступлению в книжные магазины Саратова учебной литературы, выпущенной в столицах.

Издательскую инициативу на местном уровне подхватило правление СГУ. По его решению важные работы ученых, напечатанные в возобновленном вузовском журнале «Ученые записки СГУ», выходили в 1923 г. отдельными оттисками. В этом ряду и публикация В. И. Скворцова «Экспериментальная токсикология в ряду биологических наук»²⁷, и работы историков, профессоров СГУ П. Г. Любомирова – «Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII–XI вв.: (преимущественно по данным окладах вост. монет)»²⁸, и С. В. Юшкова – «К вопросу о смердах»²⁹. Подобная практика была распространена и в других вузах Саратова. Профессор Саратовского сельскохозяйственного института (СХИ) Я. Я. Додонов опубликовал отдельным оттиском из журнала «Известия СХИ» актуальную для подготовки студентов-химиков брошюру «К вопросу о переработке кальций цианамида на соли синильной кислоты»³⁰.

Своеобразный «уход в тень» Госиздата будущие авторы учебников из местных ученых пережить не собирались. Самые авторитетные из них постарались заручиться поддержкой солидных отраслевых и образовательных структур, располагавших издательскими возможностями. Директор Саратовской селекционной станции (позже преобразованной в НИИ сельского хозяйства Юго-Востока) профессор СХИ Г. К. Мейстер издал пособие «Основы учения о наследственности школы Th. Morgan's»³¹ в Юго-Восточном областном издательстве Народного комиссариата земледелия. А известный ученый-экономист Л. Н. Юровский, успевший потрудиться на посту ректора Саратовского института народного

хозяйства (позднее влившегося в состав СГУ в качестве факультета права и хозяйства) напечатал свой труд «Саратовские вотчины»³² при содействии упомянутого института.

Целая серия книг в поддержку образования в 1923–1924 гг. была подготовлена частным книгоиздательством В. З. Яксанова. Этот видный деятель Древнеправославной Поморской Церкви обладал богатым опытом в деле выпуска религиозной литературы, в создании богословских и общественно-политических журналов и даже учебников по Закону Божию. До Октябрьской революции 1917 г. он печатал журналы «Щит веры» и «Голос старообрядческого Поволжья», статьи в которых неоднократно становились поводом для уголовного преследования со стороны властей. Ореол «пострадавшего от царского режима» вкупе с кипучей энергией принявшего советскую власть бывшего учителя старообрядческого училища на первых порах помогли Яксанову быстро находить интересных читающей публике авторов и добиваться качественного полиграфического оформления новых книг, отвечавшего моде и эстетике середины 1920-х гг.

В 1923 г. издательством Яксанова было выпущено знаковое для филологов пособие Б. М. Соколова «Очерки развития новейшей русской поэзии. 1. В преддверии символизма»³³ с запоминающейся шрифтовой обложкой. Еще одним событием в сообществе преподавателей и студентов-историков стал выход в свет книги недавнего декана историко-филологического факультета СГУ, профессора Ф. В. Баллода «Очерки истории древнеегипетского искусства»³⁴. Богатая черно-белыми фотографиями и рисунками книга, напечатанная в типографии № 2 Сарполиграфпрома, имела на титульном листе двойное место издания: Саратов–Москва. Книжки, выпущенные Яксановым, продавались в Саратове в центре города в книжных магазинах «Друкарь» и «Новь», и в Москве в книжном магазине «Центросоюз» на углу Петровки и Кузнецкого моста. Об этом свидетельствует прикнижная реклама. Она же предлагала читателю список новых книг в продаже с ценами и подробно анонсировала самые значимые новинки.

Прикнижная реклама, о которой шла речь, очень подробно описала и новый учебник доцента СГУ, уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской губернии А. А. Гераклитова «История Саратовского края в XVI–XVIII вв.»³⁵. Название издательства, обозначенное в книге, – «Друкарь» – имеет привязку к магазину, где торговал книгами сам В. З. Яксанов. В 1924 г. его книгоиздательство по инициативе общества ИстАрхЭт при СГУ издало книгу талантливой и рано ушедшей из жизни В. И. Оппоковой «Прошлое Саратовского края»³⁶.

Чрезвычайно ценные для историков общественных движений материалы содержала на-

печатанная в Балакове книга Льва Зотова «Саратовская охранка: опись и содержание дел и документов Саратовского губернского жандармского управления»³⁷.

Правовед и богослов, профессор СГУ Н. Н. Фиолетов в 1923–1924 гг. издал у Яксанова юридический труд в двух частях «Церковь и государство по советскому праву»³⁸. На титульном листе обозначено двойное место издания: «Москва–Саратов», но напечатаны обе части были в уездном Вольске.

Одной из жемчужин книгоиздательства В. З. Яксанова считается вышедшая в 1924 г. книга очерков выдающегося ученого, литературоведа, фольклориста и этнографа, профессора СГУ А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин»³⁹. Он обосновал и доказал самостоятельную научную ценность былин и на столетие определил вектор их исследования. Книга эта также была напечатана в Вольске тиражом в 1 000 экземпляров.

Как издающая организация заявила о себе в 1924–1925 гг. Общественная касса взаимопомощи. Она выступила с инициативой напечатать «Курс лекций по физиотерапии, читанных студентам IV курса Саратовского государственного университета в 1923/24 учебном году»⁴⁰ приват-доцента СГУ С. П. Зелькина. Затем был издан «Краткий учебник гистологии: конспект»⁴¹, написанный первым заведующим кафедрой гистологии, профессором СГУ В. А. Павловым, внесшим большой вклад в изучение морфологии центральной нервной системы человека⁴².

Созданное в мае 1924 г. Добровольное общество друзей химической обороны и химической промышленности, или сокращенно «Доброхим», которое считается предшественником ДОСААФа, сумело привлечь к пропаганде знаний по гражданской обороне специалистов из среды ученых. По инициативе губернского отделения «Доброхим» в том же году заведующий кафедрой неорганической химии СГУ, профессор Н. А. Шлезингер выпустил брошюру «Химическая война и организация химической обороны»⁴³.

1925 год в учебном книгоиздании проходил под знаком возрождения активности Госиздата, чему способствовало наметившееся повышение производительности бумажных фабрик. Вышел 8-й выпуск иллюстрированного учебника профессора СГУ, декана медицинского факультета И. А. Чуевского «Физиология человека и животных»⁴⁴. Эта книга из серии «Пособия для высшей школы» редактировалась, по всей видимости, в Москве и Ленинграде, но напечатана была в Саратове. Еще одним событием стала публикация Госиздатом РСФСР второго издания Терапевтического справочника в 2 томах под редакцией доктора И. С. Лобко⁴⁵. В предисловии, написанном в августе 1925 г., он констатировал:

«Первое издание “Терапевтического Справочника”, вышедшее в 1922 г., разошлось так быстро, что к концу 1923 г. явилась уже настоятельная необходимость выпустить его вторым изданием <...> Новое издание значительно пополнено, расширено и сравнительно с первым изданием увеличено более, чем в полтора раза»⁴⁶. В первый том справочника вошли публикации профессора И. Н. Быстренина «Спутник детского врача» и профессора Э. А. Гранстрема «Справочник по внутренним болезням». Во второй том, соответственно, – публикации профессора П. С. Григорьева «Vademecum по Дермато – Сифилидологии», профессора К. А. Юдина «Глазные болезни», профессора С. Р. Миротворцева и приват-доцента М. П. Комиссарова «Хирургия практического врача у постели больного», профессора Н. М. Какушкина «Краткий справочник по гинекологии и акушерству». Подспорьем для медицинского работника, студентов и врачей стала и прикижная реклама на оборотной стороне обложки справочника, представившая два десятка новых учебников и руководств, поступивших в магазин Саратовского отделения Госиздательства, как столичных, так и местных, напечатанных в Саратове. Это один из примеров того, что в Саратове книготорговая деятельность была в немалой степени сосредоточена в губернском отделении Госиздата⁴⁷.

В трех последующих изданиях «Терапевтического справочника» объем увеличился, но авторы по большей части остались прежние. В 1926 г. он вышел уже в трех томах⁴⁸. Свою публикацию «Краткий справочник по болезням уха, носа и горла» добавил профессор СГУ М. Ф. Цытович⁴⁹, а в следующем – 1927 г. – в четвертое издание свой вклад – статью «Психиатрия: краткий справочник»⁵⁰ внес профессор СГУ, руководитель кафедры психиатрии, основоположник русской школы гипноза М. П. Кутанин. В 1928 г. в типографии № 2 Сарполиграфпрома увидело свет уже пятое издание Терапевтического справочника⁵¹. На этот раз ряды участников проекта дополнили врач-невролог, профессор СГУ Н. Е. Осокин с публикацией «Нервные болезни»⁵² и приват-доцент С. П. Зелькин, разместивший работу «Лабораторный справочник и физиотерапия»⁵³. Тираж трехтомника достиг 6 000 экземпляров.

В 1925 г. важным для студентов-историков стал выход брошюры профессора СГУ П. С. Рыкова «Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г.»⁵⁴. Отдельными отрывками из журнала «Ученые записки СГУ» были изданы программная работа историка и правоведа, профессора СГУ С. В. Юшкова «Феодалные отношения и Киевская Русь»⁵⁵, статья историка, профессора СГУ С. Н. Чернова об эволюции движения декабристов «К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года»⁵⁶ и публикация заведующего

кафедрой геологии, профессора СГУ Б. А. Можаровского «О характере залегания меловых и третичных отложений и природе тектонических нарушений в приволжской полосе Камышинского и Сталинградского побережья Волги»⁵⁷.

При поддержке губернского отдела здравоохранения в 1925 г. напечатали «Лекции по малярии, читанные врачам и студентам Саратовского университета на 6 недельных курсах при Саратовской малярийной станции»⁵⁸ профессора СГУ Н. Е. Кушева, а книга профессора астрономии СГУ И. Ф. Полака «Происхождение мира»⁵⁹ вышла в свет при содействии издательства «Саратовских известий». Следует назвать также пособие «Очерки педологии» заведующего Центральной педологической и психологической лабораторией губоно И. Л. Стычинского⁶⁰. Автор сам готовил это издание к печати. В 1926 г. в Саратове опубликовали авторское издание основоположника отечественной тифлопсихологии, профессора СГУ А. А. Крогиуса «Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики»⁶¹. В роли издающих организаций выступали и структурные подразделения СГУ. К примеру, в 1927 и 1928 гг. по инициативе ботанической лаборатории и под наблюдением профессора А. А. Рихтера, основателя кафедры анатомии и физиологии растений СГУ, были напечатаны отчетные тетради по практическому курсу анатомии⁶² и физиологии⁶³ растений. В 1927–1928 гг. вышли в свет две части солидной монографии под названием «Климат Нижнего Поволжья»⁶⁴ под редакцией заведующего кафедрой сельскохозяйственной метеорологии Саратовского института сельского хозяйства и мелиорации (СИСХиМ), профессора Р. Э. Давида и его коллег Е. С. Кузнецова и С. В. Ананьевой. Заказчиком стал Наркомзем РСФСР. Издателем монографии с картами и иллюстрациями выступило Нижне-Волжское метеорологическое бюро.

Специфика высшего образования требовала не только учебников, руководств и пособий по широкому кругу общих дисциплин, но и наличия определенного объема вспомогательной литературы для спецкурсов. Так, в 1926 г. в «Ученых записках СГУ» отдельным оттиском была опубликована работа профессора математики СГУ В. В. Голубева «Исследования по теории особых точек однозначных функций»⁶⁵. В 1927 г. в виде оттиска из продолжающегося издания «Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при СГУ» была напечатана брошюра профессора С. Н. Чернова «Семья Чернышевских»⁶⁶. Другой историк, профессор СГУ П. С. Рыков выступил в качестве летописца советского периода развития музеев в губернии, издав брошюру «Музейная работа в Саратовской губернии за десять лет»⁶⁷ (оттиск из журнала «Нижнее Поволжье»), а в 1928 г. аналогичным способом были напечатаны статьи молодого математика Г. П. Боева «Минимальные

поверхности, проходящие через три пересекающиеся прямые»⁶⁸ и выпускника педагогического факультета СГУ А. Д. Фурсаева «Материалы к водной флоре Нижней Волги»⁶⁹.

В 1927–1928 гг. уездные типографии начали составлять серьезную конкуренцию Сар-полиграфпрому. Однако попытки губисполкома заставить полиграфистов из уездов отказаться от заказов из Саратова, в полной мере не удалась. В 1927 г. литературовед, фольклорист и библиограф, профессор СГУ В. В. Буш опубликовал книгу очерков «Литературная деятельность Глеба Успенского»⁷⁰. Примечательно, что свое исследование об известном российском писателе он напечатал под грифом «Труды Пушкинского дома при Академии наук СССР» в типографии Балаковского горсовета. В этой же типографии вышла книга историка и литератора, очеркиста Л. А. Словохотова «О классиках русской литературы»⁷¹. Ее Словохотов подготовил к печати самостоятельно. Сборник под редакцией ассистента кафедры нервных болезней СГУ И. Л. Стычинского «Изучение современного детства и юношества»⁷² на полторы сотни страниц, вышел в 1927 г. в уездном Новоузенске. Директор Саратовского института микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока РСФСР, профессор СГУ С. М. Никаноров, в свою очередь, выпустил подробное наставление для выпускников вуза – медиков и административных работников губернии «Чума и меры борьбы с ней...»⁷³. Этот труд напечатали в типографии Промкомбината Аткарского УИКа, выгодно отличавшейся от многих других высоким качеством работы, аккуратными и четкими шрифтами. Сделали выбор в пользу этой типографии и другие известные авторы и организации. В 1928 г. Саратовский губернский отдел здравоохранения выступил заказчиком книги профессора СГУ Н. Е. Кушева «Эндемия малярии в Поволжье»⁷⁴. Примечательно, что свою брошюру «Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925–1926 гг. в Нижнем Поволжье»⁷⁵ средняя дочь Н. Е. Кушева, талантливая молодой историк А. Н. Кушева-Грозевская тоже напечатала там. Издателем в данном случае стал Саратовский государственный областной музей. Но и это еще не все. Именно здесь Саратовский губернский отдел народного образования и подотдел профессионально-технического образования заказали тираж «Справочника для поступающих в профессионально-технические учебные заведения (вуз, рабфак, техникумы, профшколы, школы ФЗУ и курсы) в Саратовской губернии на 27/28 учебный год»⁷⁶. А в Новоузенске в 1928 г. Нижне-Волжское областное научное общество краеведения выпустило книгу «Народные песни о Степане Разине»⁷⁷ ученицы профессора Б. М. Соколова, ассистента кафедры русского языка и литературы СГУ А. Н. Лозановой.

Анализируя изучаемый период в истории вузовского книгоиздания в Саратовской губернии, представим несколько важных наблюдений.

Развитие в регионе высшей школы в условиях увеличения в 1922–1928 гг. количества изучаемых дисциплин и численности студенчества потребовало и умножения объема учебной литературы, издаваемой в губернии. Основную массу учебников, руководств и пособий фундаментального характера написали ведущие ученые саратовских вузов, признанные специалисты в своих отраслях знаний. Среди них основоположники научных школ, направлений, создатели и руководители кафедр, ведущие профессора факультетов. Учебные пособия готовили к печати как отдельные авторы, так и целые сообщества преподавателей. Львиную долю всего объема учебной литературы выпустили ученые СГУ, ряд изданий – профессора сельскохозяйственного института. Лишь небольшая часть издательской продукции данного профиля представляла собой переиздание учебников, вышедших ранее в других городах страны. Учебная литература, напечатанная в Саратове, – это главным образом оригинальные издания.

Выделим и тот факт, что свой след в местном книгоиздании 1920-х гг. оставили многие видные ученые из Петрограда и Москвы, как приглашенные руководством вузов преподавать на вновь открывшихся факультетах, так и те, кто в начале Гражданской войны переехал в Саратов, спасаясь от голода и репрессий⁷⁸. К примеру, учебные пособия выпустили филологи, литературоведы Б. М. Соколов и В. В. Буш, экономист Л. Н. Юровский, философ, психолог А. А. Крогигус, астроном И. Ф. Полак.

Следует подчеркнуть, что среди авторов учебных пособий в 1922–1928 гг. было немало и совсем молодых людей, недавних выпускников. Их печатные работы – готовые материалы для практик и спецкурсов. Важно отметить и подъем учебного книгоиздания в уездах, особенно в 1927–1928 гг.

Учебники нередко создавались по непосредственному запросу студентов вузов, испытывавших их острую нехватку. Редактированием и подготовкой учебников к изданию в этих случаях занимались специальные структуры внутри вуза. В Саратовском отделении Госиздата согласовывали и печатали рукописи, распределяли экземпляры, а затем торговали готовой продукцией. Целую серию знаковых учебных пособий в разгар нэпа, в 1923–1924 гг., выпустило частное книгоиздательство В. З. Яксанова. В роли издающих организаций выступали также отделы губисполкома, правления вузов и отдельные факультеты, студенческие организации, общества, кассы взаимопомощи, музеи, учреждения, научные институты и т. д. Все эти структуры не менее, чем губернское отделение Госиздата,

способствовали поддержке книгоиздания в сфере обеспечения высшего образования в регионе.

Примечания

- ¹ Саратовский университет. 1909–1959 / редколлегия : П. А. Бугаенко [и др.]. Саратов : Издательство Саратовского государственного университета, 1959. С. 118–121.
- ² См.: *Марьин В. И.* Владимир Васильевич Челинцев : [химик]. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1985. 158, [2] с. : ил.
- ³ См.: *Ильина Л. Г.* Основоположники саратовской селекции (А. И. Стебут, Г. К. Мейстер) : в 2 ч. Ч. 1 / сост. Ю. А. Курбатов, Т. В. Токарева. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1997. 32 с.
- ⁴ См.: Борис Александрович Можаровский : личность, научная школа, наследие / под ред. А. В. Иванова ; сост. А. В. Иванов, А. С. Надеждина. Саратов : Издательство Саратовского государственного технического университета, 2014. 556 с., [35] л. ил., портр., табл.
- ⁵ Саратовский университет им. Н. Г. Чернышевского. Труды научных работников Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского : библиографический указатель / составители : Ю. О. Бибило, Т. С. Пензина. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1960. 107 с.
- ⁶ См.: Библиографический указатель к 90-летию СГАУ им. Н. И. Вавилова. Саратов : СГАУ, 2003. 350 с.
- ⁷ № 685. Декрет Совета Народных Комиссаров «О частных издательствах» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 105–106.
- ⁸ № 430. Декрет Совета Народных Комиссаров «О порядке издания учебников» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 731–732.
- ⁹ См.: *Назаров А. И.* Очерки истории советского книгоиздательства. М. : Искусство, 1952. С. 117.
- ¹⁰ См.: Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941) : в 3 т. / под общ. ред. Ю. Г. Голуба. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2006. Т. 3, ч. 1. С. 344.
- ¹¹ *Гранстрем Э. А.* Терапевтический справочник по внутренним болезням / Кафедра госпитальной терапевтической клиники ; составлен при участии ассистентов терапевтических клиник, госпитальной и диагностической : А. А. Бестужева, Е. Е. Воскобойниковой-Гранстрем, А. С. Лебедева, И. А. Лебедева и М. А. Шмидт. Саратов : [б. и.], 1922. 231 с. (Серия изданий студента-медика И. С. Лобко).
- ¹² Терапевтический справочник : в 2 т. Саратов : Государственное издательство, 1922. Т. 1. [6], IV, 255, [1], II, 254, IX с. ; Т. 2. 158, IV, 88, II, [2], 72, [1] с. (Серия изданий студента-медика И. С. Лобко).
- ¹³ См.: *Гранстрем Э. А.* Указ. соч. С. 1.
- ¹⁴ Терапевтический справочник : в 2 т. / под технической редакцией и в издании доктора И. С. Лобко. 2-е изд., знач. доп. Саратов : [Государственное издательство РСФСР, Саратовское отделение], 1925. Т. 1. С. 1.
- ¹⁵ См.: *Касович А. С.* Саратовская периодическая печать 1918–1921 гг. как источник по истории регионального книгоиздания в сфере образования и науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2, № 2 (6). С. 73.
- ¹⁶ Терапевтический справочник : в 3 т. / редколлегия : профессор П. С. Григорьев, профессор С. Р. Миротворцев, доктор И. С. Лобко (ответственный секретарь). 8-е изд. Саратов : Саратовское государственное издательство, 1935–1936 (Тип. № 1 Саратовского крайместрпрома).
- ¹⁷ См.: Новые издания Госиздата // Известия Саратовского Совета рабочих и крестьянских депутатов, губисполкома и горкома РКП(б). 1922. 12 янв. (№ 9). С. 2.
- ¹⁸ См.: *Чистович Ф. Я.* Курс патологической анатомии : общая часть. 2-е изд. Саратов : [Государственное издательство], 1921. Вып. 1 / предисловие профессора П. Заболотнова. [2], 393, IX, IV с., 82 л. ил. (Серия изданий доктора И. С. Лобко).
- ¹⁹ См.: *Скворцов В. И.* Курс фармакологии : для студентов и врачей : в 2 ч. Саратов : Государственное издательство, 1922. Ч. 1 : Введение и производные жирного ряда. Алкалоиды. [4], 204, IV с. (Серия изданий доктора И. С. Лобко).
- ²⁰ *Цытович М. Ф.* Болезни уха, носа и горла. Саратов : Государственное издательство, 1922, [обл. 1924]. [2], II, VIII, 489, [11] с. : ил. (Серия изданий доктора И. С. Лобко ; Нормальные руководства для высшей школы).
- ²¹ *Стычинский И. Л.* План исследования круга представлений нормального и дефективного ребенка : пособие для педагогов и врачей. Саратов : Саргиз, 1922. 16 с.
- ²² *Соколов Б. М.* Этнографическое изучение Саратовского края : из «Саратовского этнографического сборника»/под редакцией профессора Б. М. Соколова. Саратов : Мордовский подотдел Губернского отдела по делам национальностей при Саратовском губисполкоме, 1922. Вып. 1. 49 с.
- ²³ Типо-литографии САРПОЛИГРАФПРОМА в Саратове. Саратов : Сарполиграфпром, 1927. С. 2–3.
- ²⁴ См.: Государственный архив Саратовской области (ГА-СО). Ф. 48. Советы народного хозяйства и подведомственные им организации и предприятия Саратовской губернии и Нижне-Волжского края. Оп. 46. Д. 325. Л. 3.
- ²⁵ *Челинцев В. В.* Органическая химия : руководство для студентов Университета и специальных учебных заведений / предисловие профессора Н. Зелинского. Саратов : Государственное издательство, 1923. XII, 468 с., 20 л. портр. : черт. (Нормальные руководства для высшей школы).
- ²⁶ См.: *Богомолец А. А.* Патологическая физиология : для медицинских факультетов : [в 2 т.]. 2-е, знач. доп. [Саратов] : Государственное издательство, [1924]. (Нормальные руководства для высшей школы).
- ²⁷ *Скворцов В. И.* Экспериментальная токсикология в ряду биологических наук. Оттиск из Ученых записок Государственного Саратовского университета. 1923. Т. 1. Саратов, 1923. 8 с.
- ²⁸ *Любомиров П. Г.* Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII–XI вв. : (преимущественно по данным о кладах вост. монет). Оттиск из издания : Ученые

- записки Саратовского государственного университета. 1923. Т. 1, вып. 3. Саратов : Сарполиграфпром (типо-литография № 9), 1923. 38 с.
- ²⁹ Юшков С. В. К вопросу о смердах. Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки Государственного Саратовского университета», 1923, т. 1, вып. 4. Саратов : [б. и.], 1923. 37 с.
- ³⁰ Додонов Я. Я. К вопросу о переработке кальций цианмида на соли синильной кислоты. Оттиск из «Известий Саратовского сельскохозяйственного института», 1923, т. 1. Саратов : [б. и., 1923]. 13 с.
- ³¹ Мейстер Г. К. Основы учения о наследственности школы Th. Morgan's. Саратов : Юго-Восточное областное издательство Народного комиссариата земледелия, 1923. III, 83 с.
- ³² Юровский Л. Н. Саратовские вотчины : статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия. Саратов : Саратовский институт народного хозяйства, 1923. [2], III, [3], 238 с. : табл.
- ³³ Соколов Б. М. Очерки развития новейшей русской поэзии. 1. В преддверии символизма. Саратов : Издательство В. З. Яксанова, 1923. [8], IV, 132 с.
- ³⁴ Баллод Ф. В. Очерки истории древнеегипетского искусства. Саратов : Книгоиздательство В. З. Яксанова, 1923. 186, [5] с. : ил.
- ³⁵ Герасимов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. / Саратовское общество истории, археологии и этнографии. Саратов : Друкарь В. З. Яксанова, 1923. 376, III с.
- ³⁶ Оттокова В. И. Прошлое Саратовского края / Общество истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Саратов ; [Москва : В. З. Яксанов], 1924. 124 с. : 1 л. портр.
- ³⁷ Зотов Л. Саратовская охранка : опись и содержание дел и документов Саратовского губернского жандармского управления. Москва ; Саратов : В. З. Яксанов (Балаково), 1924. 92 с.
- ³⁸ Фиолетов Н. Н. Церковь и государство по советскому праву : [в 2 ч.]. Москва ; Саратов : В. З. Яксанов (Вольск), 1923–1924. 1. [Декреты и разъяснения 1917–1923 г.]. 1923. 87 с. ; 2. (Обзор и комментарий законодательства по вопросам отношения церкви и государства за 1923 и начало 1924 г.). 1924. 54 с.
- ³⁹ Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин : очерки. Москва ; Саратов : В. З. Яксанов, 1924 (Вольск). IV. 226 с.
- ⁴⁰ Зелькин С. П. Курс лекций по физиотерапии, читанных студентам IV курса Саратовского государственного университета в 1923/24 учебном году. Саратов : Общестуденческая касса взаимопомощи, 1924. 82, [2] с. (Серия изданий доктора И. С. Лобко).
- ⁴¹ Павлов В. А. Краткий учебник гистологии : конспект / [под технической редакцией доктора И. С. Лобко]. Саратов : Общестуденческая касса взаимопомощи, 1925. 200, [3] с. : 51 ил. ([Пособия для высшей школы]. Серия изданий доктора И. С. Лобко).
- ⁴² См.: Бузаева И. О., Завьялов А. И. Первый заведующий кафедрой гистологии Саратовского государственного медицинского университета В. А. Павлов (к 150-летию со дня рождения) // Саратовский научно-медицинский журнал. 2013. Т. 9, № 4. С. 757–759.
- ⁴³ Шлезингер Н. А. Химическая война и организация химической обороны. Саратов : Саратовское губернское отделение общества «Доброхим», 1924. 24 с.
- ⁴⁴ Чуевский И. А. Физиология человека и животных. 8-е изд., испр. и доп. Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1925 (Саратов). [4], 388, VI с. : 106 ил. (Пособия для высшей школы).
- ⁴⁵ Терапевтический справочник : в 2 т. / под технической редакцией и в издании доктора И. С. Лобко. 2-е изд., знач. доп. Саратов : [Государственное издательство РСФСР, Саратовское отделение], 1925. (Для студентов и врачей).
- ⁴⁶ Там же. С. 1.
- ⁴⁷ См.: Волошин С. П. Поволжская книга : исторический очерк. Саратов : Приволжское книжное издательство (Ульяновское отделение), 1990. С. 59.
- ⁴⁸ Терапевтический справочник : [для студентов и врачей : в 3 т.] / под технической редакцией доктора И. С. Лобко. 3-е изд., знач. доп. Саратов : [б. и.], 1926 (Сарполиграфпром).
- ⁴⁹ Цытович М. Ф. Краткий справочник по болезням уха, носа и горла / под технической редакцией доктора И. С. Лобко // Терапевтический справочник : в 3 т. 3-е значит. доп. изд. Саратов, 1926. Т. 3. 159, II с.
- ⁵⁰ Кутанин М. П. Психиатрия : краткий справочник / под технической редакцией доктора И. С. Лобко // Терапевтический справочник : в 3 т. 4-е значит. доп. изд. Саратов, 1927. Т. 2. 172 с.
- ⁵¹ Терапевтический справочник, для врачей и студентов : в 3 т. / под ред. доктора И. С. Лобко. 5-е изд., доп. Саратов : [б. и.] (типография № 2 Сарполиграфпрома), 1928.
- ⁵² Осокин Н. Е. Нервные болезни // Терапевтический справочник для врачей и студентов : в 3-х т. 5-е доп. изд. Саратов, 1928. Т. 2. С. 5–132.
- ⁵³ Зелькин С. П. Лабораторный справочник и физиотерапия // Терапевтический справочник для врачей и студентов : в 3 т. 5-е доп. изд. Саратов, 1928. Т. 1. С. 3–132.
- ⁵⁴ Рыков П. С. Результаты археологических исследований в Нижнем Поволжье летом 1923 г. Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки» Саратовского государственного университета, 1924, вып. 1. Саратов : Сарполиграфпром, 1925 (типолитография № 9). 18 с.
- ⁵⁵ Юшков С. В. Феодалные отношения и Киевская Русь. Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки» Саратовского государственного университета, 1924, вып. 4. Саратов : [б. и.], 1925. [4], 108 с.
- ⁵⁶ Чернов С. Н. К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 года. Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки Саратовского государственного университета», 1925, т. 4, вып. 3. Саратов : Сарполиграфпром, 1925 (типолитография № 9). 37 с.
- ⁵⁷ Можаровский Б. А. О характере залегающих меловых и третичных отложений и природе тектонических нарушений в приволжской полосе Камышинского и Сталинградского побережья Волги. Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки Саратовского государственного университета», 1925, т. 4, вып. 2. Саратов :

- Сарполиграфпром, [1925] (типолитография № 9). 14, [2] с.
- ⁵⁸ Кушев Н. Е. Лекции по малярии, читанные врачам и студентам Саратовского университета на 6 недельных курсах при Саратовской малярийной станции. Саратов : [Саратовский губернский отдел здравоохранения], 1925. 110, II с. : ил., портр.
- ⁵⁹ Полак И. Ф. Происхождение мира. Саратов : Издательство Саратовских известий, 1925. 62, [1] с. (Библиотека «Саратовские известия» ; № 2).
- ⁶⁰ Стычинский И. Л. Очерки педологии. Саратов : [б. и.], 1926. 133, [3] с.
- ⁶¹ Крогиус А. А. Психология слепых и ее значение для общей психологии и педагогики. Саратов : [б. и.], 1926. 144 с.
- ⁶² Отчетная тетрадь по практическому курсу анатомии растений / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Ботаническая лаборатория профессора А. А. Рихтера. Саратов : [б. и.], 1927. 48 с.
- ⁶³ Отчетная тетрадь по практическому курсу физиологии растений / Саратовский государственный им. Н. Г. Чернышевского университет, Ботаническая лаборатория профессора А. А. Рихтера. Саратов : [б. и.], 1928. 55 с.
- ⁶⁴ Климат Нижнего Поволжья : в 2 ч. Саратов : Нижне-Волжское областное метбюро, 1927–1928. (Типоитография № 1). (Н.К.З. Р.С.Ф.С.Р. Труды Нижне-Волжского областного метеорологического бюро). Ч. 1. [1927]. 116 с. : граф., карты ; Ч. 2, вып. 1. [1928]. 136, [1] с.
- ⁶⁵ Голубев В. В. Исследования по теории особых точек однозначных функций : (продолжение). Отдельный оттиск из журнала «Ученые записки Саратовского государственного университета». 1925. Т. 4, вып. 2 ; 1926. Т. 5, вып. 2. Саратов : Сарполиграфпром, [1926] (типолитография № 9). 47 с.
- ⁶⁶ Чернов С. Н. Семья Чернышевских. Отдельный оттиск из журнала «Известия Краеведческого института», 1927, т. II. Саратов : Сарполиграфпром (типолитография № 1), [1927]. [2], 26 с.
- ⁶⁷ Рыков П. С. Музейная работа в Саратовской губернии за десять лет. Оттиск из журнала «Нижнее Поволжье», № 10. Саратов : [б. и.], 1927. 10 с. : ил.
- ⁶⁸ Боев Г. П. Минимальные поверхности, проходящие через три пересекающиеся прямые. Отдельный оттиск из «Ученых записок», т. III. Саратов : [б. и.], [1928]. 55–62 с. : черт. + VII черт. на отд. л.
- ⁶⁹ Фурсаев А. Д. Материалы к водной флоре Нижней Волги. Саратов : [б. и.], 1928. [12] с. (Работы Волжской биологической станции / издано под редакцией А. Л. Бенинга. № 2. С. 57–68).
- ⁷⁰ Буш В. В. Литературная деятельность Гл. Успенского : (очерки) // Труды Пушкинского дома при АН СССР. Балаково : Типография Горсовета, 1927. 263 с.
- ⁷¹ Словохотов Л. А. О классиках русской литературы. Авторское издание. Саратов : [б. и.], 1927 (Балаково : Типография Горсовета). 195 с.
- ⁷² Изучение современного детства и юношества : сборник / под ред. И. Л. Стычинского. Саратов : Типография № 1 Комбината, 1927 (Новоузенск). 155 с. : диагр. (Из педологической практики).
- ⁷³ Никаноров С. М. Чума и меры борьбы с ней : наставление для лиц медицинского и административного персонала, работающих по обнаружению и борьбе с чумой. Саратов : Государственный краеведческий институт микробиологии и эпидемиологии Юго-Востока РСФСР, 1928 (Аткарск, типография № 1 Промкомбината Аткарского УИКа). XI, 399 с., 1 вклад. л. ил. : ил., черт., схем., карт.
- ⁷⁴ Кушев Н. Е. Эндемия малярии в Поволжье / Издание Саратовского губернского отдела здравоохранения. Саратов : [б. и.], 1928 ([Аткарск], типография Промкомбината Аткарского УИКа). 56 с.
- ⁷⁵ Кушева-Грозевская А. Н. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925–1926 гг. в Нижнем Поволжье / Саратовский государственный областной музей. Саратов : Типография Промкомбината Аткарского УИКа, 1928. 36 с., [2] вклад. л. ил.
- ⁷⁶ Справочник для поступающих в профессионально-технические учебные заведения (вуз, рабфак, техникумы, профшколы, школы ФЗУ и курсы) в Саратовской губернии. 27/28 учебный год / Саратовский губернский отдел народного образования Губпрофобразования. Саратов : Губпросторг, 1927–1928 (Аткарск, типография Промкомбината Аткарского УИКа). 171 с. Прил. : Добавление к справочнику для поступающих в высшие учебные заведения РСФСР. 1928. 30 с.
- ⁷⁷ Лозанова А. Н. Народные песни о Степане Разине. Новоузенск : Нижне-Волжское областное научное Общество краеведения, 1928. 277 с.
- ⁷⁸ Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). 2006. Т. 3, ч. 1. С. 344.

Поступила в редакцию 29.08.2021; одобрена после рецензирования 04.09.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 29.08.2021; approved after reviewing 04.09.2021; accepted for publication 10.11.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 126–134

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 126–134

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-126-134>

Научная статья

УДК [332.85:352.075.2:614.4](470.317-25+470.316-25)|18/19|

Решение жилищного вопроса общественными управлениями Костромы и Ярославля в условиях борьбы с эпидемическими заболеваниями в конце XIX – начале XX века

О. Ю. Галинская

Костромской государственный университет, Россия, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

Галинская Оксана Юрьевна, аспирант кафедры отечественной истории, oknikitina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-0185>

Аннотация. Костромская и Ярославская губернии, входившие в Центральный промышленный район, отличались высокими темпами индустриального развития. Модернизационные процессы пореформенного периода сопровождались положительной динамикой численности городского населения. Рост губернских центров выявил ограниченность существовавшего в городе жилья и стал одним из факторов формирования жилищного рынка. Одним из последствий несоответствия количества жилых помещений выросшему спросу на жилье стало распространение эпидемических заболеваний ввиду перенаселенности городов. В статье рассматриваются основные направления деятельности городских общественных управлений по разрешению жилищного вопроса, возникновение которого относится к концу XIX – началу XX в.

Ключевые слова: губернский город, рынок жилья, жилищный вопрос, урбанизация, городские общественные управления, эпидемия, эпидемиологическая обстановка

Для цитирования: Галинская О. Ю. Решение жилищного вопроса общественными управлениями Костромы и Ярославля в условиях борьбы с эпидемическими заболеваниями в конце XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 126–134. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-126-134>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The solution of the housing issue by the public administrations of Kostroma and Yaroslavl in the fight against epidemic diseases in the late XIX – early XX centuries

O. Yu. Galinskaya

Kostroma State University, 17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russia

Oksana Yu. Galinskaya, oknikitina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4647-0185>

Abstract. The Kostroma and Yaroslavl provinces, which were part of the Central Industrial Region, were distinguished by high rates of industrial development. The modernization processes of the post-reform period were accompanied by positive dynamics of the urban population. The growth of provincial centers revealed the limitations of the housing that existed in the city, and became one of the factors in the formation of the housing market. One of the consequences of the discrepancy between the number of residential premises and the increased demand for housing was the spread of epidemic diseases due to overcrowding in cities. The article discusses the main activities of city public administrations to participate in solving the housing issue, the emergence of which refers the end of XIX – early XX centuries.

Keywords: provincial city, housing market, housing issue, urbanization, city public administration, epidemic, epidemiological situation

For citation: Galinskaya O. Yu. The solution of the housing issue by the public administrations of Kostroma and Yaroslavl in the fight against epidemic diseases in the late XIX – early XX centuries. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 126–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-126-134>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема распространения эпидемических заболеваний в конце XIX – начале XX в. в настоящее время вызывает у исследователей естественный интерес ввиду сложившейся ситуации с коронавирусной инфекцией COVID-19.

В конце XIX – начале XX в. показатели рождаемости в России были одними из самых высоких в Европе, но прирост населения был бы более значительным, если бы не высокие показатели смертности от многочисленных эпидемий. Для

выяснения факторов, способствующих высокой смертности от «заразительно-повальных» болезней в Российской империи, власти вынуждены были обращать серьезное внимание на изучение причин их возникновения и распространения. Смертность среди трудоспособного населения, проживающего в городах, была выше аналогичного показателя в сельской местности. Поэтому возрастает интерес именно к городской среде, неблагоприятно влияющей на население. Особое внимание обращалось на состояние жилищного вопроса в силу того, что скученность проживания в городах считалась одной из главных причин распространения заболеваний.

В 1891 г. при Министерстве внутренних дел учреждается комиссия, занимающаяся разработкой проекта рационального устройства жилищ для фабричных и заводских рабочих, неудовлетворительные состояния которых чаще всего служило причиной возникновения эпидемий в промышленных центрах¹. Видя остроту жилищного вопроса в городах, информацию о местах и условиях проживания работающего населения начинают собирать губернские статистические комитеты, в том числе для отчетов губернаторов. В 1885 г. костромской губернатор В. В. Калачов при сборе информации о фабриках и заводах, располагающихся на территории губернии, с численностью рабочих свыше 50 чел., включил в опросный бланк вопрос о месте проживания рабочих – «живут ли рабочие на стороне или при фабрике»². Жилищный вопрос и его решение находят отражение и в работах врачей. В частности, на взаимосвязь условий проживания и уровня заболеваемости обращает внимание костромской городской врач И. С. Иванов³. В рамках исследования, проводимого им с 1874 по 1880 г., он выявил корреляцию между местом проживания и уровнем заболеваемости среди городского населения.

В конце XIX в. в Ярославле оценочное отделение при Городской управе начинает издание сборников о городской недвижимости на основе опросов домовладельцев, где указывается количество и состояние недвижимых имений, в том числе помещений, сдаваемых в аренду, численность жильцов, проживающих в арендуемом жилье, размер арендных платежей и др.

В конце XIX в. жилищный вопрос в городах России становится темой многочисленных исследований историков и экономистов. Из исследований этого периода стоит отметить работы В. А. Лебедева⁴, И. Х. Озерова⁵, посвященные вопросам развития рынка жилья и городского хозяйства. В начале XX в. варианты решения квартирного вопроса рассматриваются в работах М. Г. Диканского⁶, В. В. Святловского⁷, В. Н. Семенова⁸. Центральный Статистический Комитет в 1904 г., а затем в 1910 г. издает сборник «Города России»⁹, содержащий информацию о городах с населением свыше 10 тыс. чел., на основе

материалов, предоставленных губернскими статистическими комитетами и рядом городских учреждений. В сборнике подробно рассматриваются аспекты городского благоустройства: наличие водопровода и канализации, процент замощения городского пространства и др. Несмотря на то, что в этот период термин «рынок жилья» не используется, в сборнике приводятся данные по структуре жилищного рынка (количество жилых зданий, гостиниц, постоянных дворов, а также стоимость размещения в них).

В советский период увеличивается количество исследований, посвященных формированию и развитию промышленного пролетариата. Учитывая, что это процесс проходил, как правило, в городах, в работах этого периода содержится большой фактический материал, в том числе и по условиям проживания в городах. Из многочисленных публикаций этого времени стоит выделить исследования Ю. И. Кирьянова¹⁰, посвященные комплексному анализу труда и быта рабочих России. Ввиду того, что обе исследуемые губернии входили в состав Центрального промышленного района, в работе содержится информация о рабочих ведущих костромских и ярославских предприятий. В работе К. Г. Васильева, А. Е. Сегал¹¹ дается описание наиболее значительных эпидемий, поразивших Россию в дореволюционный период. Особое внимание уделялось развитию жилищного вопроса как одного из факторов, влияющих на санитарно-эпидемиологическую обстановку в городах.

Современный период характеризуется многочисленными исследованиями как общегородского круга вопросов, так и региональных особенностей развития городского хозяйства и городского управления. В то же время исследованы по участию органов власти Костромы и Ярославля в регулировании и развитии рынка жилья как направления борьбы с эпидемическими заболеваниями в пореформенный период не проводилось. Поэтому в настоящей статье рассматривается деятельность городских общественных управлений Костромы и Ярославля по решению жилищного вопроса, который напрямую влиял на степень распространения в городах эпидемических заболеваний.

Рост городов Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX в. был вызван происходящей в стране модернизацией. Развитие промышленности требовало соответствующего количества трудовых ресурсов, поэтому экономические процессы сопровождалась трансформацией социальной сферы, выражавшейся в росте численности городского населения и изменении его сословного состава. Оба губернских центра, основанных в XI и XII в. (Ярославль – 1010 г., Кострома – 1152 г.), не были готовы к массовому притоку населения и объективно не могли «вместить» в существующие границы городов

прибывающее население, обеспечив благоприятные и безопасные условия проживания. По итогам Первой всеобщей переписи 1897 г. в составе городского населения доля пришлого (некоренного) населения составила в Ярославле 63%, а в Костроме – 59%. Большинство пришлового населения составляли крестьяне, пришедшие в города на заработки и пополнившие ряды рабочих. В 1870 г. в Костроме насчитывалось 4716 чел., работающих на фабрично-заводских предприятиях города¹², к 1913 г. их число выросло до 11559 чел.¹³, в Ярославле за период с 1861 по 1914 г. – почти в 10 раз – с 1621 чел.¹⁴ до 16153 чел.¹⁵

Бурный рост численности населения выявил ограниченность жилищного фонда в губернских центрах, что было вызвано рядом факторов, влияющих на развитие рынка жилья.

Строительство не являлось самостоятельной отраслью, а считалось вспомогательной деятельностью промышленных предприятий и с 60-х гг. XIX в. находилось в ведении Министерства внутренних дел. По Городовому положению 1870 г. надзор за строительной частью в городах был возложен на городское общественное управление. Обязанность рассмотрения проектов, поступающих на утверждение в городскую управу, была вменена городскому архитектору. Это же требование было закреплено в ст. 322 строительного устава, а именно частные постройки в городах осуществлялись «не иначе, как с дозволения местного начальства»¹⁶. В соответствии со ст. 351 согласованию подлежало не только строительство нового строения, но и перестройка существующего с обязательным предоставлением как фасада строения, так и подробного поэтажного плана в продольном и поперечном виде. Так, в Костроме число недвижимых имений, построенных и отремонтированных с разрешения городской управы за 1892–1893 гг., составило всего 60 ед.¹⁷ Из них надворные постройки (флигели, бани) составили 65% (39 ед.) и 35% (21 ед.) – жилые дома. В городах, где в 1870 г. было введено Городовое положение, наряду с действующим строительным уставом с 1871 г. существовали временные правила по предметам городского благоустройства, включавшие пункты, касающиеся строительной части в городах. Эти правила действовали до замены их постановлениями городских дум, которые были изданы в Ярославле в 1902 г.¹⁸, а в Костроме – в 1904 г.¹⁹

Еще одним фактором, сдерживающим развитие жилищного рынка в губернских центрах, была малочисленность профессиональных кадров. В ходе проведенной Первой Всеобщей переписи 1897 г. была определена численность строительных рабочих, из числа которых к квалифицированным строителям можно было отнести только 39%²⁰. По данным переписи 1897 г. в Ярославской губернии численность рабочих, по виду деятельности отнесших себя к статье

«Устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные работы», составила 12009 чел., из них в Ярославле – 967 чел.²¹ В Костромской губернии количество строительных рабочих доходило до 21687 чел., а в Костроме их насчитывалось только 26 чел.²² Обе губернии традиционно «поставляли» на российский рынок плотников, каменщиков, кирпичников. Костромская губерния была основным поставщиком маляров для всей России. Отход строительных рабочих из губерний имел негативные последствия для развития строительства в Костроме и Ярославле.

Сложную жилищную ситуацию в городах усугубляли пожары. Значительная часть городских зданий строилась из дерева, что было вызвано, с одной стороны, распространением дерева как основного строительного материала в обеих губерниях, а с другой стороны, общей неразвитостью производства иных строительных материалов. В соответствии с данными всеподданнейшего отчета ярославского губернатора за 1883 г., за отчетный период в Ярославле произошло 15 пожаров, а причиненный ими убыток составил 62763 руб.²³ В мае 1885 г. сгорело более 30 домов в Никольской и Спасской слободах Костромы, ущерб от пожара составил 84270 руб.²⁴ Пожаром 1887 г. в Костроме было уничтожено до 500 строений²⁵.

На количество свободного жилья в городе также влияла концентрация воинских подразделений и управлений, имевших постоянные квартиры в Ярославле и Костроме. Так, в 1884 г. в Костроме располагались 140-й пехотный Зарайский полк (16 рот), 81-й резервный батальон (1 рота), управления жандармское и «уездного военного начальника»²⁶. В связи с ростом населения губернских центров общественные управления столкнулись со сложностями исполнения квартирной повинности. Костромское общественное управление вынуждено было отказать начальнику жандармского управления на его запрос о предоставлении помещений для сотруddников, так как «свободных квартир для указанной надобности, которые бы удовлетворяли требованиям... в настоящее время в городе Костроме нет»²⁷. Требования, в частности относились к размерам квартир, определенных законодательно «каковых... в городе Костроме трудно найти»²⁸. В Ярославле дума приняла решение о приостановке размещения Моршанского полка в связи с тем, что «приискать... помещение для расквартирования значительными группами (казарменно) нижних чинов полка представляется безусловно невозможным»²⁹. Приходилось снимать помещения в частных домах, что требовало дополнительных расходов из бюджета, но и этих помещений не хватало.

Перечисленные факторы при отсутствии необходимого количества жилья способствовали повышению цен на него. Однако уровень доходов большинства населения, испытывающего

потребность в жилье, не соотносился с его стоимостью. Приобретение собственного дома было недоступно для значительной части горожан, поэтому в этот период получает распространение сдача жилья в аренду. Многие горожане, имевшие собственное жилье, существовали на средства от содержания квартирантов или «нахлебников» – мелких чиновников, гимназистов. В аренду предоставлялись дома, квартиры, комнаты, флигели, подвалы. Так называемое «квартирное сжатие» в пореформенный период было характерно не только для городов Верхнего Поволжья, но и для большинства российских городов. На основании данных исследования помещений Ярославля в конце XIX в. из 8525 жилых квартир города сдавалось 5255, или 62%³⁰.

При существующем спросе именно на небольшие и недорогие квартиры арендная плата за них была значительно выше, чем за квартиры большего размера. По данным исследователя М. Г. Диканского, в Ярославле в 1899 г. в малых квартирах площадью до 5 кв. саж. стоимость квартирной сажени доходила до 8 руб., в средних квартирах площадью до 20 кв. саж. стоимость сажени уже снижалась до 6 руб., а в квартирах площадью свыше 20 кв. саж. стоимость 1 кв. саж составляла 3 руб.³¹ Поэтому «нужда в небогатых квартирах чрезвычайно обострена и постройка даже не одного десятка домов... является необходимым в Костроме»³², – писал инженер В. В. Аристов, занимавшийся изучением жилищного вопроса.

При нехватке дешевого и благоустроенного жилья для прибывающего в города малообеспеченного населения вынужденной мерой становится проживание вблизи мест работы, как правило, на окраинах городов. Так, в Ярославле при Ярославской Большой мануфактуре к 1913 г. все рабочее население достигало 19–20 тыс. чел., из них рабочих было около 9,5 тыс. чел., а все остальные были члены семей³³. Таким образом, общее население фабрики составляло почти четвертую часть всего населения города. В Костроме в начале XX в. при численности населения города в 42 тыс. чел. на крупнейшем предприятии города Товариществе Новой Костромской льняной мануфактуре трудились 6 тыс. чел., а вокруг предприятия было сосредоточено до 14 тыс. чел.³⁴

Нерешенность для большинства рабочих жилищного вопроса в городах Верхнего Поволжья подтверждается его обозначением в ходе стачек 1905–1907 гг. В июле 1905 г. во время стачки на Ярославской Большой мануфактуре были увеличены «квартирные деньги» для всех групп рабочих: для мужчин – с 1,50 руб. до 2, 25 руб. в месяц, для женщин – с 1,00 руб. до 1, 50 руб., для подростков – с 0,75 руб. до 1.25 руб. В протоколе Правления мануфактуры отмечалось, что повышение размера «квартирных денег» принято «ввиду несоответствия расценки казарменной

жизни с квартирными платами, существующими в г. Ярославле»³⁵. Требование повышения квартирных денег выдвигалось и в 1907 г. бастующими рабочими ведущих костромских фабрик. В связи с тем, что выдача «квартирных денег» была сопряжена с ежегодным расходом владельцев фабрик от 70 до 100 тыс. руб., бастующим в удовлетворении этого требования было отказано³⁶.

По данным костромского инженера В. В. Аристова, потребность в жилище не удовлетворялась в самом скромном масштабе. «Приходится отметить жилищный голод», – писал он о ситуации в Костроме. В частности, Аристов отмечал, что есть дома, сделанные из досок, между которыми насыпана земля, а полы (доски) положены прямо на землю, поэтому пол холодный, «сырость и миазмы почвы проникают через его щели, освещение недостаточное, уличная органическая пыль с ея заразными началами, при открытом окне, наполняют комнату»³⁷. Но даже в таких недолговечных и непригодных к проживанию квартирах был недостаток.

Министерство торговли и промышленности в начале XX в. при анализе жилищ рабочих отмечало, что в России обстановка жилищ, принадлежащих промышленным заведениям, где проживает 20% от числа фабрично-заводских рабочих, не вполне удовлетворительна в санитарном отношении и требует улучшения. Но в гораздо большей степени требуют улучшения частные квартиры, где проживало 60% рабочих. Министерство отмечало, что эта ситуация была типичной «всяким занятиям, кои недостаточно высоко оплачиваются и требуют для своего производства значительного количества людей»³⁸. Так, на страницах местной периодической печати указывалось, что на окраине Ярославля разные предприниматели, зная нужду рабочих в жилье, «понастроили позади Нобелевского склада немудрящих избушек, разделили их на коморки в 2 арш. и пускают туда жильцов, которым некуда больше деваться»³⁹. А костромские домовладельцы в фабричном районе «в хозяйскую комнату пускают двоих или троих “одиноких”. В кухне живет маленькая семья..., а летом живут и на “подволоках”, и на сеновалах!»⁴⁰

Ввиду отсутствия в городах объектов коммунальной инфраструктуры (водопровода и канализации) население фабричных районов становится наиболее уязвимым для эпидемических заболеваний, а городские окраины превращаются в рассадники заболеваний. Несмотря на то, что в Костроме водопровод был создан в 1870 г., а в Ярославле – в 1883 г., он действовал только в центральной части городов. Смертность среди жителей городских окраин превышала смертность среди обитателей центральных районов. Костромской врач И. С. Иванов, исследуя санитарное состояние города, отмечал, что среди населения фабричного района постоянно существовали «заразительные болезни»: тифы, оспа,

скарлатина и др. Развиваясь временами в эпидемии, они распространялись по всему городу и были основной причиной убыли населения в 1880-е гг.⁴¹ В Ярославле смертность в 2 раза превышала среднюю смертность среди российских городов, а самый высокий показатель смертности отмечался в части города, где были сосредоточены промышленные предприятия⁴².

По выражению российского экономиста В. В. Святловского, «комфорт и изящество изолированных богатых домов не спасает их обитателей от тех эпидемий, которые распространяются из нездоровых логовищ бедноты»⁴³. Поэтому для снижения эпидемиологической напряженности в губернских центрах и профилактики «заразно-повальных» заболеваний требовалось расселять наиболее скученные районы и решать возникший в российских городах так называемый жилищный вопрос. Однако ввиду того, что Городовым положением строительство жилья городскими общественными управлениями не предусматривалось, они активно участвовали в создании условий, способствующих расселению, прежде всего рабочих, частному строительству горожан. Общественные управления также принимали участие в создании для неимущих ночлежных домов.

Одной из задач по снижению плотности проживания среди городского населения стала деятельность по расширению городской черты. В Ярославле острее, чем в Костроме, ощущался дефицит городской земли из-за расположения города. Находясь на реках Волге и Которосли, город разделялся ими на 3 части, из которых только одна часть находилась на высоком берегу при слиянии рек. Она же и составляла собственно город, остальные же две части – Заволжская и Закоторосльская – состояли из слобод, расположенных на берегах упомянутых рек, которые в период паводка затапливались водой.

Ситуация усугублялась тем, что не только жители слобод, но и прибывающее в Ярославль население, стремилось селиться не в слободах, а в черте города. Ярославское городское управление за период с 1876 по 1886 г. отклонило все предложения о продаже земли, за исключением продажи Ярославской Большой мануфактуре участка, не приносящего городу дохода⁴⁴. В 1871 г. правление Ярославской Большой мануфактуры обратилось в городскую думу с заявлением о приобретении у города земельного участка площадью 355 кв. саж. Учитывая, что на этот участок были и другие претенденты, гласные высказывались, что «гораздо лучше, полезнее и справедливее для города уступить ее Мануфактуре на основании следующих соображений: разница в цене...слишком не велика...между тем Мануфактура приносит огромную пользу городу, давая средства к существованию всему бедному люду Закоторосльской части города»⁴⁵.

Территориальный рост Костромы не сопровождался сложностями, имевшими место в Ярославле, и город имел возможность расширяться вдоль Волги по обоим берегам. В марте 1895 г. городская дума вышла с ходатайством об урегулировании высочайше утвержденного в 1851 г. плана г. Костромы ввиду роста городского населения и назревшей необходимости в расширении городской черты⁴⁶. Новый план упорядочивал неофициальную застройку городских участков, которые ранее уже были самовольно захвачены городскими обывателями. Утверждение нового плана города с включением в него фактически застроенных участков, не входящих в черту городской земли, но находящихся в составе земель, отведенных и принадлежащих городу, было вызвано в том числе материальной заинтересованностью городского общественного управления в дополнительном доходе. «Увеличивая площадь городской...земли...город не только ничего не теряет, но приобретает исправный доход с капитала за продажу городской земли, а жители – удобства житья в городе»⁴⁷. В сопроводительном письме к новому плану указывалось, что его утверждение будет способствовать появлению большего числа желающих приобрести городскую землю, «не опасаясь, что встретят затруднения в скорой и окончательной продаже городской земли. Тогда как...36 просителей...отказались от покупки городской земли и взяли обратно из Управы внесенные за оную задатки, не надеясь получить скорое разрешение на постройку»⁴⁸. В 1902 г. Костромская дума выделяет средства на проведение «точной съемки окраинных строительных кварталов и составление проекта разбивки земли на участки для продажи или арендования таковой»⁴⁹.

Существовавшие в городах высочайше утвержденные планы (в Ярославле – 1769, 1778, 1834, 1846 гг., в Костроме – 1781, 1851 гг.) в пореформенный период уже перестали соответствовать реалиям времени. Думами обоих городов из-за отступления расположения улиц от высочайше утвержденных планов, а также ввиду необходимости застройки некоторых районов в городской черте на протяжении всего периода исследования инициировалось внесение изменений в существующие планы городов, которые предусматривали: увеличить площадь существующих кварталов, сократить площади земель, занимаемых огородами, а часть из них отдать под застройку, законодательно утвердить не значившиеся на плане, но фактически существующие улицы и переулки, возникшие в пореформенный период.

В городах также происходило постепенное расширение пространства за счет включения в городскую черту пригородных поселков и слобод, и стихийно появлявшихся фабричных поселков, что было вызвано ростом городского населения. Подобные вопросы являлись актуальными для

многих российских городов в конце XIX в., поэтому в 1892 г. Министерство внутренних дел стало рассматривать «общий вопрос о порядке и условиях присоединения к городу смежных с ним сельских поселений» только при наличии добровольного согласия жителей присоединяемых к городу слобод⁵⁰.

Таким образом, за период с конца XIX – начала XX в. территория обоих центров Верхнего Поволжья растет, но площадь Ярославля при более высокой численности населения была почти в 2 раза меньше площади Костромы, поэтому процент заселенности в Ярославле был выше. В 1862 г. площадь Костромы составляла почти 3176 кв. дес.⁵¹, в 1910 г. она увеличилась до 3187 кв. дес. Площадь Ярославля выросла с 1521 кв. дес. в 1862 г.⁵² до 1551,2 кв. дес. в 1910 г. Но в Костроме ситуация осложнялась сосредоточением основных промышленных предприятий на левом берегу Волги, поэтому при отсутствии быстрой и постоянно действующей переправы проживание в правобережной части города вызывало серьезные неудобства. В конечном итоге это повышало скученность проживания населения в фабричном районе Костромы.

Важным направлением по снижению плотности населения в городах стало строительство фабричного жилья. Это было и первоочередным шагом для снижения напряженной эпидемиологической обстановки в городах по рекомендациям городских врачей. В связи с тем, что вопрос жилья был насущной потребностью, прежде всего для работающих на промышленных предприятиях, в его решении принимали участие владельцы крупных предприятий, но строительство жилья и обеспечение им рабочих законодательно в отношении владельцев фабрик и заводов не было закреплено. Регулирование вопросов выделения земельных участков, контроля строительства, врачебного надзора за построенными помещениями относилось к полномочиям общественных управлений.

Согласно обязательному постановлению Ярославской думы 1879 г. о санитарном состоянии домов и дворов владельцам фабричных и ремесленных предприятий вменялось в обязанность наблюдение за местами ночлега рабочих с соблюдением нормы воздуха на 1 чел. не менее 1 куб. саж. При этом женщины и дети должны были обеспечиваться отдельным помещением для ночлега⁵³. Содержателям ремесленных заведений запрещалось устраивать ночлег рабочих в полуподвальных помещениях.

Затратность строительства жилья и сложность разрешения жилищного вопроса приводили к мысли о необходимости новых подходов к решению этой проблемы, новых форм организации строительства. Требовалось обеспечить относительно благоустроенным жильем огромную массу работающих людей с более чем

скромным бюджетом и типичными бытовыми нуждами. В Ярославле одним из вариантов решения жилищного вопроса для рабочих стало создание специальных поселков и предоставление им кредитов на строительство жилья. С подобной инициативой выступило крупнейшее предприятие города – Ярославская Большая мануфактура. В конце XIX – начале XX в. квалифицированным рабочим предприятия, чаще всего семейным, выдавали для строительства ссуду на 3–4 года под 6% годовых. городская управа под строительство выделила принадлежащую городу пустошь Забелицы. Несмотря на то, что болотистую местность участка необходимо было осушить, очистить от леса и мелкого кустарника, в 1908 г. там было построено уже порядка 70 домов, а в городскую управу подано свыше 150 заявлений от лиц, желающих получить участки земли под постройку домов⁵⁴.

Ввиду того, что для решения в городах жилищного вопроса Министерство финансов предлагало использовать дешевый кредит из сумм сберегательных касс на создание общества дешевых квартир, Костромской думой обсуждалась возможность строительства для рабочих «более гигиеничных и порядочных домов». С этой целью думой был определен участок для застройки. Еще одной инициативой в Костроме стал проект по устройству в городе недорогих жилищ, разработанный инженером В. В. Аристовым. Согласно этому проекту необходимо было построить две колонии по десять домов с небольшими квартирами-кухнями. В каждой колонии предусматривались собственные баня, прачечная и дворничья. Автор проекта считал, что данную инициативу необходимо реализовывать с обязательным участием городского общественного управления. «Ему удобнее всего взяться за это дело и на его стороне как доверие со стороны жителей, так и правительства, и земства»⁵⁵, – писал В. В. Аристов.

С конца XIX в. общественные управления начинают выделять земельные участки под строительство частных домов. В Ярославле на одном из земельных участков после разрешения думой строительства менее чем за 2 года появился целый квартал жилых строений. Арендаторы взяли на себя и дополнительную нагрузку – выравнивание от ям земли не только для своих домов, но и для дороги с тротуарами. В Костроме из-за высокой стоимости жилья в центре города к концу XIX в. стала наращиваться застройка на концах главных улиц, а думой в 1899 г. была проведена работа по оценке стоимости городской земли с целью ее дальнейшей продажи.

Важным направлением решения жилищного вопроса стало строительство ночлежных домов для городского населения, не имеющего ни работы, ни жилья. В Ярославле первый ночлежный дом, устроенный общественным управлением,

был построен в 1884 г. в память о священном короновании Их Императорских Величеств Александра Александровича и Марии Федоровны. С инициативой его создания в 1883 г. выступил городской голова И. А. Вахрамеев. Предложив гласным думы оформить подписку на его строительство, он «самолично внес 1000 руб». ⁵⁶ В феврале 1884 г. городом под постройку ночлежного дома была отведена земля ⁵⁷. Уже в конце 1884 г. в сообщении ярославского губернатора министру внутренних дел указывалось, что «постройка здания с необходимыми приспособлениями его под ночлежный дом обошлась до 8500 рублей, из коих около 6 тыс. рублей пожертвованы частными лицами, а остальная сумма принята Думою на счет города» ⁵⁸. Мужское отделение ночлежного дома было рассчитано на 100 чел., женское – на 50 чел. Востребованность ночлежного дома для крупного индустриального центра, каким являлся Ярославль в пореформенный период, подтверждают данные ежегодных отчетов Ярославской городской управы. В 1892 г. количество воспользовавшихся ночлежным домом, составило 59140 чел., ⁵⁹ а в 1905 г. – 75982 ⁶⁰.

Понимая, что устройство одного ночлежного дома существенным образом не изменит ситуацию в городе, городское общественное управление ежегодно отчисляло по 1 тыс. руб. в запасной капитал на постройку еще одного ночлежного дома, который был построен в 1905 г. В Костроме «для пристанища лицам бесприютным, не имеющим ночлега в г. Костроме», существовал один ночлежный дом, строительство которого началось в 1888 г. на средства 2-й гильдии купца Ф. И. Чернова. Открытие ночлежного дома, рассчитанного на 336 человек, состоялось в 1890 г., а его содержание оплачивалось из городского бюджета.

Таким образом, для снижения эпидемиологической напряженности в городах и профилактики эпидемических заболеваний городские общественные управления участвуют в решении жилищного вопроса, так как именно скученность и антисанитарные условия совместного проживания являлись одними из основных причин вспышек эпидемий, захлестнувших Кострому и Ярославль в пореформенный период. Городские общественные управления занимались расширением городской черты, пересматривали подходы к выделению городской земли под частную застройку, принимали участие в устройстве ночлежных домов для бездомных и беднейших слоев населения, проводили оценку жилищной ситуации в губернских центрах.

На протяжении пореформенного периода жилищный вопрос для большинства жителей городов не был решен, хотя и были обозначены пути его решения. Сложной продолжала оставаться и эпидемиологическая обстановка в стране. Однако ожидать снижения негативных последствий, вызванных модернизационны-

ми процессами, только с помощью решения жилищного вопроса было бы неверно, несмотря на осуществляемую общественными управлениями деятельность. Продолжавшиеся в России эпидемии холеры и всех видов тифов в начале XX в. продемонстрировали очевидность и острую необходимость разработки и внедрения общего для всей страны санитарного законодательства, единых подходов к решению эпидемиологической проблемы на государственном уровне.

Примечания

- 1 См.: Технический сборник и вестник промышленности. 1891. № 2. С. 92.
- 2 Кострома. Костромские губернские ведомости. 1885. 30 янв.
- 3 См.: Иванов И. С. Опыт санитарного исследования гор. Костромы // Материалы для статистики Костромской губернии : в 8 вып. Кострома : Губернская типография, 1881. Вып. 4. С. 127–128.
- 4 См.: Лебедев В. А. Городские финансы и квартирный налог. СПб. : Типография Министерства финансов В. Киршбаума, 1898. 40 с.
- 5 См.: Озеров И. Х. Большие города, их задачи и средства управления. М. : Издание Тов-ва И. Д. Сытина, 1906. 135 с.
- 6 См.: Диканский М. Г. Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. М. : Типография А. П. Поплавского, 1912. 251 с.
- 7 См.: Святловский В. В. Жилищный вопрос с экономической точки зрения : в 5 вып. Вып. 4 : Жилищный вопрос в России (очерк жилищных условий). СПб. : Типография Министерства путей сообщения, 1902. 334 с.
- 8 См.: Семенов В. Н. Благоустройство городов. М. : Типография П. П. Рябушинского, 1912. 184 с.
- 9 См.: Города России : в 2 т. СПб. : Типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1906–1914. Т. 1 : Города России в 1904 г. СПб., 1906 ; Т. 2 : Города России в 1910 г. СПб., 1914.
- 10 См.: Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX – начало XX в. М. : Наука, 1979. 288 с.
- 11 См.: Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России (материалы и очерки) / под ред. А. И. Метелкина. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 254 с.
- 12 См.: Обзор Костромской губернии за 1870 год : приложение ко всеподданейшему отчету губернатора. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14646-za-1870-god-1871#mode/inspect/page/75/zoom/9> (дата обращения: 30.05.2021).
- 13 См.: Обзор Костромской губернии за 1913 год : приложение ко всеподданейшему отчету губернатора. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14687-za-1913-god-1914#mode/inspect/page/79/zoom/8> (дата обращения: 30.05.2021).
- 14 См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль : Губернская типография, 1863. С. 27.

- ¹⁵ См.: Справочная книга Ярославской губернии на 1915 год. Ярославль : Типография губернского правления, 1915. С. 25–28.
- ¹⁶ Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. СПб. : Типография К. К. Ретгера. 1881. С. 110.
- ¹⁷ См.: Ведомость недвижимых обывательских имений города Костромы, вновь возведенных и капитально отремонтированных с разрешения Городской Управы за 1892–93 гг., а также и переоцененных по просьбе владельцев // Костромской листок объявлений. 1895. 10 февр.
- ¹⁸ См.: Обязательное постановление по строительной части // Северный край. 1902. 28 янв., 29 янв.
- ¹⁹ См.: Проекты обязательных постановлений по строительной части и устройству ретирад и помойных ям. Кострома : Губернская типография, 1905. С. 2–4.
- ²⁰ См.: *Большаков В. В., Васильев И. Г., Власюк А. И. и др.* Очерки истории строительной техники России XIX – начала XX веков. М. : Стройиздат. 1964. С. 139.
- ²¹ См.: *Бесчаснов П. А., Тройницкий Н. А.* Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года : в 89 т., 119 кн. / ред. Н. А. Тройницкий. Т. 50 : Ярославская губерния. СПб. : Издание Центрального Статистического Комитета, 1904. С. 138–141.
- ²² См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 18 : Костромская губерния. СПб. : Типография СПб. Акц. Общ. бум и писчего дела в России, 1903. С. 156–159.
- ²³ Обзор Ярославской губернии за 1883 год : приложение ко всеподдаейшему отчету Ярославского губернатора. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/40973-za-1883-god-1884#mode/inspect/page/25/zoom/4> (дата обращения: 30.05.2021).
- ²⁴ См.: Костромские Губернские Ведомости. 1885. 15 мая, 12 июня.
- ²⁵ Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 1104. О соединении Костромской Губернской Почтовой Конторы с объединенной телеграфной станцией. Оп. 1. Д. 28. Л. 38–39.
- ²⁶ Отчет Костромской Городской управы за 1884 год. Кострома : Губернская типография, 1885. С. 184.
- ²⁷ Журналы Костромской городской думы за 1903 год. Кострома : Губернская типография, 1904. С. 86.
- ²⁸ Там же. С. 87.
- ²⁹ Журналы Ярославской Городской Думы за 1880 год. Ярославль : Издание Ярославской Городской управы, 1881. С. 91.
- ³⁰ См.: Г. Ярославль по сведениям 1898–1899 гг., собранным от домовладельцев для оценки недвижимых имуществ : в 2 вып. Вып. 2. Квартиры и другие помещения. Таблицы с диаграммами. Приложение к отчету Ярославской городской Управы за 1902 год. Ярославль : Типография губернской земской управы, 1903. 129 с.
- ³¹ См.: *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. М. : Типография А. П. Поплавского, 1912. С. 10.
- ³² *Аристов В. В.* Доклад об устройстве недорогих жилищ в г. Костроме инженера-технолога В. В. Аристова Костромскому отделу Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Кострома : Типография А. С. Азерского, 1913. С. 5.
- ³³ См.: Ярославль в его прошлом и настоящем. Исторический очерк-путеводитель. Ярославль : Яросл. экскурс. комиссия, 1913. С. 222–223.
- ³⁴ См.: Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преимники Т/Д «Бр. П. и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник Мануфактурной промышленности. 1911/1912. № 30/6. С. 1564.
- ³⁵ Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Ф. 674. Протоколы правления Торгово-Промышленного Товарищества Ярославской Большой Мануфактуры за 1905 год. Оп. 1. Д. 4911. Л. 12.
- ³⁶ См.: Кострома. Ход забастовки // Ярославские отголоски. 1907. 18 июля.
- ³⁷ *Аристов В. В.* Указ. соч. С. 1.
- ³⁸ *Погожева А. В.* Жилищная нужда в промышленных центрах России // Труды первого всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, изданные правлением Московского Общества фабричных врачей / ред. Д. И. Орлова. М., 1910. Т. 1. С. 115.
- ³⁹ С «Ветки». Квартирная нужда // Северная речь. 1907. 11 янв.
- ⁴⁰ Несколько слов о нашем фабричном районе // Поволжский вестник. 1906. 7 мая.
- ⁴¹ См.: *Иванов И. С.* Опыт санитарного исследования гор. Костромы // Материалы для статистики Костромской губернии. Кострома : Губернская типография, 1881. Вып. 4. С. 181.
- ⁴² Поволжский вестник. 1908. 21 окт.
- ⁴³ *Святловский В. В.* Указ. соч. С. V.
- ⁴⁴ См.: Журналы Ярославской Городской Думы за 1886 год. Ярославль : Издание Ярославской Городской Управы, 1887. С. 32.
- ⁴⁵ Журнал Ярославской Городской Думы за 1871 год. Ярославль : Издание Ярославской Городской Управы, 1877. С. 100–101.
- ⁴⁶ ГАКО. Ф. 207 Доклад Городской Управы об установлении границ участка городской земли. Оп. 1. Т. 1. Д. 391. Л. 12.
- ⁴⁷ Там же. Л. 8 об.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Отчет Костромской Городской Управы за 1903 год. Кострома : Губернская типография, 1904. С. 328.
- ⁵⁰ ГАКО. Ф. 207. Доклад Городской Управы об установлении границ участка городской земли. Оп. 1. Т. 1. Д. 391. Л. 10 об.
- ⁵¹ См.: Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. : в 2 ч. Ч. 1 : Костромская губерния, СПб. : Типография К. Вульфа, 1863. С. 6.
- ⁵² См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год, Ярославль : Губернская типография, 1863. С. 233–234.
- ⁵³ ГАЯО. Ф. 509. Обязательное постановление думы для жителей города Ярославля по санитарному состоянию домов и дворов. Оп. 1. Д. 144. Л. 2 об.

⁵⁴ См.: Новый поселок // Северный вестник. 1908. 1 янв.

⁵⁵ Аристов В. В. Указ. соч. С. 7–8.

⁵⁶ Ярославль 12 апреля 1883 года // Ярославские губернские ведомости. 1883. 12 апр.

⁵⁷ Ярославль 1 марта 1884 года // Ярославские губернские ведомости. 1884. 2 марта.

⁵⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1287 Об открытии Ярославской Городской Думой

ночлежного дома в г. Ярославле в память Священного Коронования Государя Императора. Оп. 15. Д. 492. Л. 1.

⁵⁹ См.: Отчет Ярославской Городской Управы за 1892 год. Ярославль : Типография губернского правления, 1893. С. VII.

⁶⁰ См.: Отчет Ярославской Городской Управы за 1905 год. Ярославль : Типография губернского правления, 1906. С. VIII.

Поступила в редакцию 21.06.2021; одобрена после рецензирования 25.06.2021; принята к публикации 10.11.2021

The article was submitted 21.06.2021; approved after reviewing 25.06.2021; accepted for publication 10.11.2021

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 135–139

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 135–139

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-135-139>

Рецензия

УДК [94+352.075](470.314)|17|(049.32)+929

Руководители местных органов власти в центральной России от областной реформы Петра I до административных преобразований Екатерины II: опыт local history

Рецензия на книгу: Могильная Л. А. Владимирские провинциальные правители. Владимир : Калейдоскоп, 2021. 164 с.

Л. М. Артамонова

Самарский государственный институт культуры, Россия, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, д. 167

Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Отечества, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Аннотация. Рецензия посвящена первому монографическому исследованию о руководителях Владимирской провинции – административной единицы на территории центральной России, образованной в ходе петровских реформ и упраздненной при Екатерине II. Установлено, что книга Л. А. Могильной соответствует критериям, присущим современным исследованиям по направлению и методологии local history. Она оценивается как серьезный вклад в традиционное для отечественной науки изучение истории местного управления и ее деятелей, как пример для выполнения аналогичных работ по другим регионам.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., историография, локальная история, Владимирская провинция, реформы местного управления, дворянство, государственная служба

Для цитирования: Артамонова Л. М. Руководители местных органов власти в центральной России от областной реформы Петра I до административных преобразований Екатерины II: опыт local history // Известия Саратовского университета. Новая серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 135–139. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-135-139>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Book review

Heads of local authorities in central Russia from the regional reform of Peter I to the administrative transformations of Catherine II: "Local history" opus

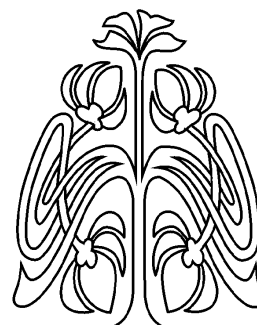
Review of Book: Mogilnaya L. A. *Rulers of Vladimir province*. Vladimir, Kaleidoscope Publ., 2021. 164 p.

L. M. Artamonova

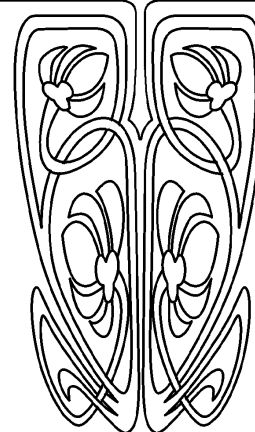
Samara State Institute of Culture, 167 Frunze St., Samara 443010, Russia

Ludmila M. Artamonova, artamonovoi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4584-6339>

Abstract. The review is devoted to the first monographic study about the leaders of the Vladimir province – an administrative unit in central Russia, formed during the Petrine reforms and abolished under Catherine II. It was found that the book by L. A. Mogilnaya meets the criteria inherent in

**КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

modern researching with the "local history" methodology. The book is also a serious contribution to the study of the history of local government and its leaders, traditional for Russian science, and an example for carrying out similar works in other regions.

Keywords: Russia in the 18th century, historiography, local history, Vladimir province, local government reforms, nobility, civil service

For citation: Artamonova L. M. Heads of local authorities in central Russia from the regional reform of Peter I to the administrative transformations of Catherine II: "Local history" opus. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 135–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-135-139>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В ряду многочисленных новых и полезных регионоведческих изданий книга Л. А. Могильной обращает на себя особое внимание профессиональных историков. Это не случайно. Автор закончила один из лучших исторических факультетов страны в Уральском университете (Екатеринбург), имеет продолжительный опыт архивной службы, в том числе на ответственных должностях, а сейчас является главным библиотекарем в отделе краеведения областной библиотеки Владимира – древнего города с богатейшим прошлым в историческом центре нашей страны. Сочетание глубоких компетенций и богатой многолетней практики работы с разнообразными историческими источниками и литературой принесло хорошие плоды. Интересные проекты были выполнены совместно с коллегами из библиотеки¹, а собственные публикации Л. А. Могильной посвящены ратной службе земляков-владимирцев² и воинскому некрополю XVIII–XX вв. в этом городе³. Успешным продолжением такой активности, отмеченной почетной грамотой Российской библиотечной ассоциации «За вклад в развитие библиотечного краеведения России», стало рецензируемое исследование «Владимирские провинциальные правители». Оно увидело свет в 2021 г. (далее в скобках страницы указаны по данному изданию)⁴.

Название книги требует пояснения. Слово «провинция» здесь употреблено не в широких смыслах местности вне столичного центра или части территории государства вообще. Имеется в виду реальная административная единица, существовавшая в России, начиная со времен Петра I до губернской реформы Екатерины II и являвшаяся промежуточным территориальным образованием между «губернией» и «уездом».

Конкретно речь идет о Владимирской провинции, которая была образована в 1711 г. Она являлась частью обширной Московской губернии и состояла в своей основе из городов Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского, Переяславля-Залесского с приписанными к ним уездами, отдельными волостями и слободами, а затем пополнена Муромом, Гороховцом и Вязниками с их уездами, но лишилась Переяславля-Залесского. Вообще ранняя история провинции, в том числе ее первоначального состава с последующими изменениями, плохо изучена, что потребовало от автора сопоставления сведений из различных источников (с. 16–17).

Правда, в книге наблюдаются заметные отходы от основной «провинциальной» тематики.

Так, в начальном разделе первой главы рассказывается об управителях, действовавших в городах и уездах Владимирской земли с 1708 г. до образования провинции, а потом в качестве властей последней, параллельно с ними или вместо них: комендантах, обер-комендантах, ландратах. А в заключительной третьей главе повествование о владимирских военных комендантах продолжено через все правление Екатерины II и даже царствование Павла I, когда провинций как территориальных единиц уже не существовало.

За вышеперечисленными исключениями основное содержание книги посвящено воеводам и иным чиновникам, игравшим главные роли в управлении собственно Владимирской провинцией, прекратившей существование в декабре 1778 г. в связи с образованием в январе 1779 г. Владимирского наместничества (позднее – губернии). Текст строится по хронологическому принципу и разделен на три главы: 1) «Областная реформа Петра I. 1708–1720 гг.»; 2) «Областная реформа 1727 г. Преобразования в структуре местного управления во второй половине 20-х – 50-е гг. XVIII в.»; 3) «Штаты 1763 г. Учреждение о губерниях 1775 г. Реформа местного управления». Ориентироваться в тексте помогают добротные составленные именной и географической указатели.

С одной стороны, это исследование однозначно входит в круг современной научной литературы в жанре *local history*, которая является все более востребованной в России, ближнем и дальнем зарубежье. Такая литература выступает одновременно способом понимания протекания общезначимых исторических процессов на конкретной территории и выявления их «региональной дифференциации» в пространстве обширной географической области, страны или мира⁵. При этом она удовлетворяет естественное желание человека – получить знания о месте, в котором тот живет, способствует конструированию местной исторической памяти⁶. В отзыве о книге о Владимирской земле с полным правом можно повторить слова из рецензии на классический труд в этом жанре о юго-западной Миннесоте, что многолетнее изучение уникального региона является «важным вкладом в растущую литературу по локальной истории»⁷.

Мы специально выше первым делом упомянули отзывы специалистов из Армении, России, США на капитальные работы в данном направлении новейшей историографии. Это сделано для

того, чтобы подчеркнуть, как активно воспринимает и быстро реагирует научное сообщество на разнообразные и очень не похожие друг на друга новые ценные исследования в жанре local history. От выхода книги Дж. Амато «Переосмысление дома. Повод для написания локальной истории» в Беркли⁸, курса лекций «Мордовская история» В. А. Юрчёнкова в Саранске⁹ или исторического очерка «Карах в XII – нач. XX вв.» Ш. М. Хапизова и М. Г. Шехмагомедова в Махачкале¹⁰ до появления рецензий на них в солидных журналах, упоминавшихся выше, прошло не более года. Список таких исследований теперь может быть пополнен книгой Л. А. Могильной, изданной во Владимире.

С другой стороны, ее исследование, проведенное в выбранных географических и хронологических рамках, продолжает давнюю традицию изучения становления и функционирования имперской политико-административной системы на местах с конца правления Петра I и до начала царствования Екатерины II. Сама Л. А. Могильная показала хорошее знание трудов предшественников и исследователей, работающих над этой тематикой в настоящее время. Внимательное отношение к этим работам является показателем высокого профессионализма. При этом совершенно справедливо автор придает особое значение справочно-энциклопедическому изданию «Областные правители России. 1719–1739»¹¹. С нашей точки зрения, оно действительно подвело определенный итог на начало XXI в. исследованиям интересующей автора темы. От этого издания можно начинать отсчет новой перспективной волны изучения функций и личностей руководителей местной администрации в России при Петре I и его преемниках. Правда, в книге Л. А. Могильной о самых последних работах не говорится потому, наверное, что те не затронули непосредственно владимирские реалии и персоналии. Новейшие изыскания об организации власти на местах до екатерининской губернской реформы, среди которых есть и основательные диссертации¹², посвящены преимущественно территориям Среднего Поволжья¹³, Юго-Востока Европейской России¹⁴, Урала¹⁵. Это еще раз говорит о том, что за последнее десятилетие Л. А. Могильная первой обратилась в монографическом жанре к истории управления административно-территориальными образованиями 1710–1770-х гг. в центральной России.

Успешной работе автора во многом способствовало создание широкой источниковой базы. Она включает наряду с многочисленными опубликованными самостоятельно выявленные автором материалы из трех архивохранилищ: Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Владимирской области, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Лишь только сохранностью дел

различных учреждений объясняется степень подробности и точности авторской реконструкции биографий, родственных и служебных связей управленцев, начиная с первых владимирских комендантов, которых стал назначать в качестве уездных начальников с 1711 г. только что образованный Правительствующий Сенат, но вскоре передавший это право губернаторам и генерал-губернаторам (с. 15–16, 21).

Автору несколько раз пришлось отвлекаться от рассказа о личностях и делах местных начальников, чтобы разъяснить на конкретных примерах довольно запутанную историю постоянных для петровского времени и не всегда доведенных до логического конца перемен в системе управления. К ним, например, относится ликвидация первых провинций и замена комендантов ландратами в 1715 г. (с. 33–34). Не прошло и 5 лет, как в 1719 г. произошло восстановление провинций как административных единиц, но в новых границах (Владимирская сократилась до трех уездов – Владимирского, Муромского, Гороховецкого) и были введены должности провинциальных воевод, что имело место не везде, поскольку некоторые провинции управлялись генерал-губернаторами, губернаторами, вице-губернаторами (с. 38–39, 42–43). В 1724 г. в городах были устроены полковые дворы, на которые от воевод передавалась важнейшая функция – сбор основного подушного налога, а также некоторые другие дела по управлению, что приводило к «дискредитации гражданской власти» (с. 61). Обстоятельства административных перемен, а также связанных с ними переводов должностных лиц, состояния имевшихся помещений, перестроек их под нужды канцелярий, различных служб, самих начальников Л. А. Могильная рассматривает не менее подробно (при наличии сохранившихся источников), чем биографии воевод.

Впрочем, все вышеперечисленные детали присущи всем главам книги и хронологическим отрезкам исследования. Ряд авторских находок могут заинтересовать любителей самых подробных сведений о владимирской старине – градостроительных, генеалогических, церковных и т. п. Для специалистов, занимающихся общероссийскими темами, полезными будут экскурсы автора, связанные с деятельностью местных властей (на примере Владимира и его округа) по отношению к школьному делу, постоянной повинности, содержанию военнопленных и другим вопросам провинциальной повседневности XVIII столетия.

Переходя к правлению ближайших преемников Петра Великого, автор констатирует проведение серьезных изменений в государственном управлении. Она указывает на наличие различных оценок таких перемен, не решаясь однозначно принять какую-либо из них, то ли

были осуществлены «контрреформы», то ли произошла просто корректировка наследия первого императора. В любом случае в этот ряд поставлена административная реформа 1727 г., упорядочившая иерархическую структуру территориального деления губерния – провинция – уезд и вернувшая воеводам полноту власти в провинции и ответственности за положение в ней дел (с. 74–76).

Такое упорядочение провинциальных границ и службы провинциальных воевод позволило автору более внимательно всмотреться в биографии и характеристики владимирских начальников середины XVIII в. Конечно, изменения в порядке ведения управленческих дел происходили. Ограниченные рамки рецензии не дают возможности пересказать прослеженные автором все перипетии разделения ответственности за назначение владимирских и других воевод между монархом, Сенатом и иными властями, а тем более – сведения о персоналиях. Все это рекомендуем проследить по тексту самой книги. Отметим лишь некоторые интересные, с нашей точки зрения, общие итоги, подведенные Л. А. Могильной. Так, ею показано, как первоначальная пришедшая из XVII столетия практика достаточно частой (как правило, двухлетней) смены воевод, введенная в качестве, прежде всего, «антикоррупционной» меры, сменяется при Елизавете Петровне их более продолжительным пребыванием в должности. Если с 1730 по 1749 г. владимирскими воеводами пребывали не менее 8 чел. (возможно, на 1 или 2 чел. больше из-за пробелов в сохранившихся источниках), то с 1749 по 1778 г. на этой должности было всего трое человек (с. 105–107).

С 1763 г. во Владимире наряду с воеводами вновь появились коменданты. Им перешли военные и силовые полицейские функции. По мнению автора, у них были возможности превышать свои и без того широкие полномочия, поскольку коменданты превосходили своими генеральскими званиями чины воевод, чьи должности по закону соответствовали полковничьему рангу. Так продолжалось до учреждения Владимирского наместничества (позднее – губернии) в 1778 г., когда комендантами стали назначаться обер-офицеры: майоры, подполковники, полковники. Под их управлением теперь находились только гарнизонные чины с семьями и детьми, а также взятые на военную службу рекруты (с. 125, 131–132, 135).

Реформа местного управления Екатерины II, начавшаяся в 1775 г., затронута в исследовании Л. А. Могильной незначительно, поскольку в основном выходит за его рамки и является отдельной темой для иных работ. Однако автору все же следовало бы высказаться о причинах административных преобразований. Тем самым можно было дать итоговую оценку предыдущих попыток наладить местное управление,

его эффективность, хотя бы на рассмотренном провинциальном уровне. Такую возможность, считаем, предоставил рассказ автора о событиях 1774 г., когда отряды повстанцев находились всего в сотне верст от границ Владимирской провинции (с. 121–122).

Сама Екатерина II и ее ближнее окружение старались возложить ответственность за кровавый мятеж 1773–1775 гг. на злоупотребления и нерадение чиновников на местах, к чему были «серьезные основания»¹⁶. Было бы интересно узнать, насколько это соотносилось с реалиями, сложившимися в городах и уездах Владимирской провинции. Там во главе гражданских и военных властей накануне и во время пугачевщины находились, как показано в книге, воевода А. П. Воронцов и комендант Я. Каульбарс. Во всяком случае комендант оставался на своей должности практически до самой кончины в 1780 г. или 1781 г., а последний владимирский воевода в 1779 г. был переведен в новое наместническое правление на ответственную должность председателя верхнего земского суда, а позже – гражданской палаты (с. 126, 128). К их службе у императрицы, судя по всему, никаких претензий не возникло.

При подаче материала, выходящего за основную тематику и географические рамки исследования, автор не избежал отдельных небольших ошибок. Так, записки И. И. Лепехина названы сводкой сведений, присланных из провинциальных канцелярий на вопросы Анкеты Академии наук 1760 года (с. 110–111). На самом деле «Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» в 1768–1772 гг. были отчетом руководителя отряда Академической экспедиции. Он являлся одним из первых русских ученых-географов, в какой-то мере предшественником современных регионоведов, включая Л. А. Могильную¹⁷. Некоторое удивление автора вызвало то, что название Корельского полка написано в источниках через букву «о» (с. 91). Видимо, она ассоциирует его с исторической областью Карелия, хотя на самом деле оно произошло от названия старинной крепости, которая на протяжении веков по-русски именовалась Корела, по-шведски Кексгольм, по-фински Кякисалми, а с 1948 г. является городом Приозерском Ленинградской области. Таких ошибок в книге немного, но следует уделять больше внимания литературе и источникам, особенно находящимся вне основной сферы знаний и компетенций автора.

В свою очередь, профессиональные историки и любители-краеведы из других регионов России смогут вполне принять книгу Л. А. Могильной как образец изучения властей на разных территориях Российской империи в один из важных, но недостаточно изученных периодов ее истории. На очевидном просветительском значении

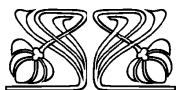
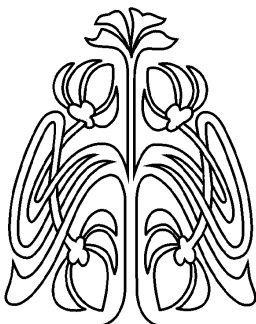

этого издания нет необходимости специально останавливаться, достаточно констатировать его несомненную познавательную пользу для всех, кому интересно прошлое родной страны и древней Владимирской земли.

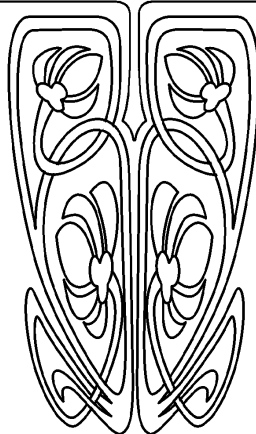
Примечания

- ¹ См.: *Благова М. Е., Могильная Л. А.* Выставочные долгосрочные проекты как инструмент продвижения краеведческих ресурсов библиотеки (на примере проекта «Жили-были. История одного дома на Никольской улице») // Проблемы краеведческой деятельности библиотек : материалы XIX Всероссийского научно-практического семинара / сост. и науч. ред. Н. М. Балацкая. СПб. : РНБ, 2019. С. 326–329.
- ² См.: *Могильная Л. А.* Владимирский край в военной истории России. Последняя четверть XVII – конец XIX века. Владимир : Калейдоскоп, 2017. 471 с.
- ³ См.: *Могильная Л. А.* Вы за Отечество сражались. Владимир : Транзит-ИКС, 2012. 530 с.
- ⁴ См.: *Могильная Л. А.* Владимирские провинциальные правители. Владимир : Калейдоскоп, 2021. 164 с.
- ⁵ См.: *Акопян А.* "Local history" как популярный жанр исторических исследований на Кавказе // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 811–816.
- ⁶ См.: *Смирнов Ю. Н.* «Мордовская история» профессора В. А. Юрченкова : local history как область историописания // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 121–125.
- ⁷ *Sutton R. P.* Rev. : Rethinking Home : A Case for Writing Local History, by Joseph A. Amato. Berkeley : University of California Press, 2002. XVI, 245 p. Graphs, maps, notes, index. \$48.00 cloth, \$18.95 paper // The Annals of Iowa. 2003. Vol. 62, № 4. P. 503–504.
- ⁸ *Amato J. A.* Rethinking Home : A Case for Writing Local History. Berkeley : University of California Press, 2002. XVI, 245 p.
- ⁹ *Юрченков В. А.* Мордовская история : курс лекций. Саранск : Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики, 2014. 276 с.
- ¹⁰ См.: *Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г.* Карах в XII – начале XX века (исторические и этнографические очерки). Махачкала : Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2019. 656 с.
- ¹¹ *Бабич М. В., Бабич И. В.* Областные правители России. 1719–1739. М. : РОССПЭН, 2008. 831 с.
- ¹² См.: *Басманцев Д. В.* Провинциальное и уездное воеводское управление на территории Чувашии в XVIII веке : дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2015. 288 с.
- ¹³ См.: *Кузьмин Е. П.* К вопросу о личном составе областных правителей Марийского края в 1727–1781 гг. (по материалам Царевококшайской воеводской канцелярии Казанской губернии) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 83–86.
- ¹⁴ См.: *Мезин С. А.* Саратовские воеводы и коменданты первой половины – середины XVIII века // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / ред. О. Глаголева, И. Ширле. М. : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2012. С. 116–147.
- ¹⁵ См.: *Редин Д. А.* Правоохранительная деятельность генерала В. И. Геннина как инструмент борьбы за формирование административной экстерриториальности горного ведомства в 1720-е – начале 1730-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской научной конференции / гл. ред. В. В. Запарий. Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2020. С. 122–130.
- ¹⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / гл. ред. П. С. Кабытов. 2-е изд., испр. и доп. Самара : ООО «Слово», 2020. Т. 1. С. 320.
- ¹⁷ См.: *Смирнов Ю. Н.* Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, № 3. С. 171, 174.

Поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021; принята к публикации 10.11.2021
The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for publication 10.11.2021

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Журнал выходит 4 раза в год
Подписной индекс издания 36018
Цена свободная

Оформить подписку на печатную версию можно
в Интернет-каталогах
«Пресса России» (www.pressa-rf.ru)
«Пресса по подписке» (www.akc.ru)
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7(845-2) 27-85-29
E-mail: izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83
СГУ имени Н. Г. Чернышевского
Институт истории и международных отношений
Тел.: +7(845-2) 21-06-32
Факс: +7(845-2) 21-06-51
E-mail: larisachernova@mail.ru
Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907

22001

9 771819 490702

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2022.
Том 22, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

